

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 15-059

АМЕРИКАНСКАЯ РАЗВЕДКА ПРОТИВ СТАЛИНА

CENTRAL INTELLIGENCE AGENCY

WASHINGTON, D.C.

OFFICE OF THE DIRECTOR

Н.Н. Платошкин

Margyle R. Mackey
Commissioner of Immigration
and Naturalization
Department of Justice
Washington 25, D.C.

SUBJECT: Nikola LEBED

Sir:

...valuable to this Agency...

...future Agency operations...
...necessary that...
...Before subject...
...must be in a...
...without inv...
...to his s...

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Annotation

Антисоветская, а позже и антироссийская деятельность американских спецслужб уже давно не является секретом. В книге Н.Н. Платошкина рассказывается, как Управление стратегических служб (УСС), а затем Центральное разведывательное управление (ЦРУ), действуя по заданию американского правительства, по окончании Второй мировой войны начали активную разработку СССР. Методы и тайны американской разведки раскрываются в этой книге.

- [Н.Н. Платошкин](#)
  - [Король умер, да здравствует король! Американская разведка на пути от УСС к ЦРУ 1945–1947 гг](#)
  - [Боевое крещение: греческий апокалипсис 1947–1949 гг. и фиаско в Румынии](#)
  - [Армия Фрэнка Визнера: «перемещенные лица» и немецкие ученые в планах американской разведки](#)
  - [Национальная безопасность и создание ЦРУ, лето – осень 1947 года](#)
  - [Итальянский дебют ЦРУ: тайные операции в действии](#)
  - [Чехословакия, год 1948: провал, которого не ждали](#)
  - [Визнер, Оффи, тайные операции и «мастерская психологической войны»](#)
  - [Цель – Украина](#)
  - [Русские партнеры ЦРУ: от белогвардейцев к власовцам и НТС](#)
  - [Прорвать «железный занавес», или Албания I: Визнер проигрывает, Даллес выжидает](#)
  - [Стоит ли Берлин войны, или Мифическая блокада 1948 года: Даллес критикует](#)
  - [Сага о бомбе](#)
  - [Планы ядерного удара по СССР: кошмары с берегов Потомака](#)
  - [«Венона» и Гузенко против Москвы](#)
  - [Мертвый сезон: Рудольф Абель против США](#)
  - [Отбросить коммунизм в Азии: «Дес» за работой](#)
  - [Опять Европа: «частные комитеты», воздушные шары и радиостанции](#)
  - [Ким Филби, друг Даллеса, или Албания II](#)

- [«Организация Гелена», или Воскрешение абвера и СД](#)
- [«Операция Джунгли», или Фиаско в Прибалтике](#)
- [«Клопы и газы» – операции американской разведки в области химической, бактериологической войны и «контроля над разумом»](#)
- [1952–1953 годы: новый век начинается?](#)
- [Список источников и литературы](#)
- [Иллюстрации](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)

- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)

- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)

- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)

- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)

- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)

- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)

- [343](#)
  - [344](#)
  - [345](#)
  - [346](#)
  - [347](#)
  - [348](#)
  - [349](#)
  - [350](#)
  - [351](#)
  - [352](#)
  - [353](#)
  - [354](#)
  - [355](#)
  - [356](#)
  - [357](#)
  - [358](#)
  - [359](#)
  - [360](#)
-

Н.Н. Платошкин

Американская разведка против Сталина

Король умер, да здравствует король!

Американская разведка на пути от УСС к ЦРУ 1945–1947 гг

После роспуска УСС начался непростой процесс нового структурирования американской разведки.

Отдел анализа и прогнозирования УСС (получивший высокие отзывы в меморандуме Парка) был передан в государственный департамент. В этом подразделении было много профессоров из лучших университетов «Лиги плюща», и настроены эти люди были в основном либерально и даже прогрессивно. Лишь меньшинство аналитиков УСС считало своего недавнего союзника – СССР – глобальным противником США. Это задуманное тогда как «временное» подразделение существует в госдепартаменте до сих пор и называется Бюро разведки и исследований (Bureau of Intelligence and Research).

Подразделения УСС по террористическим операциям и саботажу («Секретная разведка», Secret Intelligence; «Контрразведка», X-2) передали в военное министерство США. Эти остатки УСС были сведены там в Подразделение стратегических служб (Strategic Services Unit, SSU).

После указа Трумэна из примерно 11 тысяч сотрудников УСС на государственной службе к концу 1945 года осталось 1967 человек^[1]. Были закрыты 15 из 23 резидентур УСС в Азии. Однако в Европе остались (хотя и в усеченном варианте) резидентуры в Мадриде, Лондоне, Париже, Риме, Вене, Лиссабоне и Стокгольме.

Однако ни Донован, ни Аллен Даллес^[2], ни их креатуры из бывшего УСС не оставили планов по созданию мощной и независимой разведслужбы, существование которой можно было оправдать лишь «советской угрозой».

В сентябре 1945 года подал в отставку соратник Рузвельта, военный министр и ярый противник «американского гестапо» Генри Стимсон (тот самый, который в 20-е годы был против чтения писем других джентльменов). Заместитель Донована по УСС бригадный генерал Джон Макгрудер стал убеждать новое руководство Пентагона продолжить «незавершенные операции» УСС. Макгрудера поддержал заместитель военного министра Джон Макклой.

Макклой (родился в 1895 году) был из очень богатой семьи и в 1916 году окончил Гарвард. Как и Донован, он представлял в 30-е годы юридические интересы крупнейших компаний, в том числе и немецкого химического гиганта «МГ Фарбен». Именно эта компания поставляла смертельный газ «циклон Б» для массового уничтожения узников нацистских концлагерей. Будучи во время войны заместителем военного министра, Макклой не допускал бомбежек тех немецких предприятий, в которых у него или его друзей были коммерческие интересы. Не случайно, что именно этого человека, пользовавшегося большим доверием связанного с нацистами немецкого бизнеса, в 1949 году назначили первым Верховным комиссаром США в Германии (т. е. в ФРГ)^[3].

Макклой и Макгрудер фактически сохранили самую мощную резидентуру почившего в бозе УСС – берлинскую, находившуюся в самом сердце советской оккупационной зоны в Германии. Ее возглавил оперативник УСС, любимчик Даллеса и будущий директор ЦРУ США (в 1966–1973 гг.) Ричард Хелмс.

Хелмс родился в 1913 году в семье крупного бизнесмена, одного из руководителей алюминиевого гиганта «Алкоа». Дед по материнской линии был крупным банкиром с международными связями. Средства родителей позволили Хелмсу учиться в лучших школах Швейцарии (Лозанна) и Германии (Фрайбург). Излишне говорить, что Хелмс хорошо владел немецким и французским языками.

Закончив с отличием университет в Массачусетсе в 1935 году, Хелмс получил место корреспондента в офисе американской службы новостей «Юнайтед Пресс» в Лондоне. Затем он перевелся в аналогичный офис в Берлин. Заменяя коллегу, Хелмс участвовал в съезде НСДАП 1936 года в Нюрнберге и даже говорил с Гитлером в составе группы журналистов. В середине 1937 года Хелмс вернулся в США.

Хелмс хотел создать собственную газету и для накопления соответствующего опыта устроился в рекламный отдел газеты «Индианополис Таймс». В 1939 году он женился на разведенной женщине Джулии Бренцман Шилдс, у которой было двое детей.

В декабре 1941 года, после атаки японцев на Перл-Харбор, Хелмс поступил добровольцем в ВМС США (он изучал возможные места дислокации германских подлодок в Западном полушарии), а в 1943 году был переведен в УСС. В разведку его взяли благодаря знанию иностранных языков, журналистским навыкам и опыту жизни в Европе до войны. Хелмса обучили «курсу молодого бойца» и направили в группу Фердинанда Майерса, собиравшую все доступную информацию

о Германии. Там, в частности, Хелмс анализировал поступавшие от Даллеса материалы Фритца Кольбе.

В группе Даллеса Хелмс благодаря своим знаниям немецкого языка отвечал за сбор информации в самой Германии (с января 1945 года он возглавлял немецкий отдел УСС, расположенный в Лондоне) и особо не преуспел. Единственным ценным источником Даллеса и Хелмса был уже упоминавшийся выше немецкий дипломат Фриц Кольбе (оперативный псевдоним «Джон Вуд»)^[4], передавший УСС в том числе информацию о немецком секретном оружии – ракетах Фау-2 и реактивном истребителе Me-262.

В январе 1945 года Хелмса отправили в распоряжение Германского отдела УСС в Лондон. Там он жил в одной квартире с будущим директором ЦРУ Уильямом Кейси. Кейси напоминал Хелмсу «Дикого Билла», и не только потому, что оба были католиками и республиканцами. И Донован и Кейси тяготели не к обычной разведке, а к эффективным «специальным операциям». Пытаясь любыми путями и с непонятной целью «проникнуть в Германию», и Кейси и Донован полностью «проспали» немецкое наступление в Арденнах в декабре 1944 года, едва не закончившееся полным разгромом англо-американских войск.

В День Победы Хелмс написал своему сыну на бланке Адольфа Гитлера, украшенном свастикой: «Дорогой Деннис, человек, который мог бы писать на этом бланке, когда-то контролировал всю Европу – три коротких года, когда ты родился. Теперь он мертв, его память проклинаят, а его страна лежит в руинах»^[5].

В октябре 1945 года Хелмс возглавил резидентуру УСС в Берлине, хотя самого УСС формально уже не существовало. Вскоре вернулся в Штаты и сам Хелмс.

Аллен Даллес после провала «Восхода солнца» и капитуляции Германии явно страдал без «настоящего» дела. Он съездил в Берлин и лично обследовал пятна крови на диване в бункере рейхсканцелярии, где Гитлер 30 апреля застрелил свою жену Еву Браун, с которой сочетался законным браком в тот же день.

Среди сотрудников своей резидентуры в Германии Даллес помимо Хелмса выделял еще бывшего юриста с Уолл-стрит Фрэнка Визнера (о нем речь впереди).

Когда УСС распустили, Хелмс и Визнер попытались «осесть» в военной разведке, но места там им Даллес не нашел. 7 декабря 1945 года во второй раз в жизни сам Даллес покинул государственную службу. Он

опять стал партнером своего старшего брата в юридической фирме «Салливан энд Кромвелл». Там хорошо платили (Джон Фостер Даллес получал в год до 300 тысяч долларов, его брат Аллен – примерно в два раза меньше), но бывший «супершпион» откровенно скучал. Он так и не смог приноровиться к мирной жизни. Аллен Даллес любил поужинать с бывшими коллегами по УСС, и ностальгировавшие «бойцы вспоминали минувшие дни».

В конце 1945 года Даллеса избрали президентом только что основанного Совета по внешним сношениям – мозгового и дискуссионного центра, где обсуждалась новая роль Америки в мире. Свою общественную деятельность Аллен Даллес посвятил очень странной тогда в США (да и во всем мире) теме «хороших немцев». На лекциях и в публичных выступлениях будущий директор ЦРУ со ссылкой на личный опыт времен войны доказывал, что не все немцы были нацистами, некоторые мужественно боролись против гитлеровского режима.

Если считать всех немцев преступниками и эсэсовцами, доказывал Даллес, Германия никогда не выберется из послевоенного хаоса и не станет союзником США. Бесспорно, знавший Европу гораздо лучше, чем любой министр администрации Трумэна, Даллес призывал не бояться немецких «этаблированных» левых, особенно социал-демократов. Несмотря на свои марксистские лозунги, доказывал бывший резидент УСС в Германии, они ничем, по сути, не отличаются от Демократической партии США.

Идеи Даллеса находили своих слушателей. В сентябре 1946 года госсекретарь США Бирнс произнес речь в Штутгарте, которая ознаменовала переход американских правящих кругов к «сотрудничеству» с «хорошими немцами». Критерием «хорошести» были антикоммунистические и антисоветские взгляды.

Стремясь закрепить в американском общественном мнении этот поворот, Даллес издал в марте 1947 года первую из своих шести книг – «Германское пополье». В ней он рассказывал о правоконсервативном Сопротивлении «хороших немцев» в годы войны. Даллес вроде бы верно подгадал время выхода книги в свет – в марте 1947 года президент США Трумэн выступил в конгрессе и фактически объявил войну мировому коммунизму. Даллес доказывал, что такая война невозможна без привлечения Германии, только что реально воевавшей с коммунистами. А для этого средний американец должен был забыть о нацистских преступлениях и убедиться в том, что многие немцы были «хорошими».

Однако в то время средние американцы еще не готовы были воспринимать гитлеровцев как своих новых друзей – книга Даллеса

потерпела сокрушительное фиаско. Книжные магазины отказывались ее брать^[6].

Свою книгу Даллес посвятил жене Кловер, с которой он уже не жил вместе с начала 1947 года. Беззаветно преданная ему женщина окончательно поняла, что не нужна своему мужу, и вернулась в Швейцарию, где еще раньше с легкой руки бывшей любовницы Даллеса Мэри Банкрофт увлеклась психологией. Даллес недолго скучал и выхлопотал визу «участнице итальянского Сопротивления» своей любовнице графине Кастельбарко. В Нью-Йорке она полгода скрашивала его одиночество.

Скучая на Уолл-стрит и борясь за репутацию «хороших немцев», Даллес никогда не упускал из виду главную цель – воссоздание полноценной разведки с ним, Даллесом, во главе.

В январе 1946 года лоббистам самостоятельной и мощной разведслужбы удалось убедить Трумэна создать на базе переданных военному ведомству разведывательных отделов УСС новый орган – Центральную разведывательную группу (ЦРГ, Central Intelligence Group). 2 апреля того же года в ЦРГ передали из Пентагона Подразделение стратегических служб, получившее название Офис специальных операций (OSO, Office of Special Operations). Как ясно уже из названия, OSO занимался не столько разведкой, сколько подрывной деятельностью на территории СССР и его союзников. Это было грубейшим нарушением норм международного права (что тайно тогда признавали и в госдепартаменте США), так как агенты OSO убивали людей в странах, не находившихся в состоянии войны с США.

ЦРГ впервые подчинялась непосредственно президенту США, хотя формально она докладывала некоему Национальному органу по разведке (National Intelligence Authority). Этот орган состоял из военного министра, министра ВМС, госсекретаря и представителя президента, но на самом деле на заседания почти не собирался. За первые три месяца существования ЦРГ Национальный орган по разведке заседал всего три раза^[7].

В ЦРГ числилось примерно 2 тысячи сотрудников, и ее руководителем стал заместитель главы разведслужбы ВМС США контр-адмирал Сидни Сойерс^[8].

Заслуги Сойерса состояли в том, что он занимался страховым бизнесом для сети магазинов самообслуживания в родном штате Трумэна Миссури и был «яркой посредственностью». Именно поэтому Сойерс и

получил звонкий, но абсолютно не подкрепленный финансами и кадрами пост директора центральной разведки. Трумэн все еще боялся всесильного «американского гестапо» «а-ля Даллес» и был намерен держать ЦРГ в «черном теле».

Сама процедура «инаугурации» Сойерса напоминала сатирический водевиль. Трумэн подарил ему черную шляпу, черный плащ и деревянный кинжал (намек на «рыцарей плаща и кинжала», как во всем мире насмешливо прозвали шпионов). Затем президент картинно посвятил Сойерса в вожди «Группы снайперов плаща и кинжала»^[9]. Когда первого в истории США директора центральной разведки спросили о его самом сокровенном желании, тот ответил: «Побыстрее уехать домой».

Формально Трумэн запретил ЦРГ заниматься чем-либо, кроме обобщения поступавшей от различных ведомственных разведслужб информации. Люди Сойерса должны были каждый день готовить для президента обзор о событиях в мире на двух страницах (не слишком образованный Трумэн не любил длинные документы). Основу для обзора должны были давать разведподразделения военного ведомства и госдепартамента. Отсюда и пышный титул Сойерса «директор центральной разведки» – подразумевалось, что все остальные разведслужбы ему как будто бы подчинены. На практике Сойерса игнорировали и в Пентагоне, и в госдепартаменте, и в ФБР, а сам Сойерс считал дни до своего возвращения в любимый страховой бизнес.

Даллес внимательно следил за работой ЦРГ. В начале 1946 года он продвинул в эту структуру Хелмса, который стал отвечать за разведку и контрразведку в Центральной Европе (Польша, Австрия, Германия, Швейцария, Чехословакия, Венгрия). Даллес явно готовил почву для своего возвращения в «большую игру».

Но и у Даллеса были в Америке свои противники, не желавшие видеть его на каком-либо ответственном посту, а тем более в разведке. В январе 1947 года малоизвестная организация «Общество по предотвращению третьей мировой войны» издала буклет о связях братьев Даллесов (через «Сэлливен энд Кромвелл») с банкирским домом Курта фон Шредера в 30-е годы. Фон Шредер же был активным спонсором НСДАП. Послевоенная компания Даллеса в пользу «хороших немцев», справедливо утверждало общество, есть не что иное, как попытка спасти немецкий крупный капитал, запятнавший себя сотрудничеством с нацистами.

В материале были правдивые, но малоизвестные сведения, поэтому Даллес даже нанял частного детектива, чтобы выяснить, кто реально стоит за неожиданным вбросом столь вредной для него информации. Взломав

сейф организации, «детектив» доложил, что она связана с «европейскими беженцами» левых взглядов.

Даллесу пришлось публично оправдываться, но его репутации был нанесен сильный ущерб. С мыслью вернуться на ответственный пост в правительстве пока пришлось распрощаться. Но именно пока.

Между тем настроения в Белом доме в отношении СССР радикально изменились в начале 1946 года, хотя Трумэн и до этого был ярким антикоммунистом. Именно он, будучи сенатором, заявил по радио 22 июня 1941 года примерно следующее: если США увидят, что выигрывает Германия, то надо помогать России, и наоборот, и пусть русские и немцы убивают друг друга как можно больше. В мае 1945 года, едва став президентом, Трумэн резко и без объяснения причин прекратил все поставки СССР по ленд-лизу, а осенью 1945 года отказал в Москве в кредите на восстановление разрушенной немцами советской экономики.

Но все же Трумэн побаивался «дядюшку Джо» (так американцы называли Сталина), поэтому формально «холодную войну» против Москвы объявил Черчилль, не занимавший с лета 1945 года никаких официальных должностей.

Черчилль произнес свою речь о советском «железном занавесе» в колледже города Фултона, в родном штате Трумэна – Миссури – 5 марта 1946 года. При этом текст речи «частного лица» предварительно просмотрел и подправил сам Трумэн.

Черчилль фактически призвал весь «свободный мир», и особенно «англосаксонские нации», сплотиться против СССР и его союзников.

В ответ Сталин 14 марта 1946 года не без оснований сравнил Черчилля с Гитлером: «Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира...»

Лавры Черчилля как отца «холодной войны» активно оспаривал

временный поверенный в делах США в СССР Джордж Кеннан. 22 февраля 1946 года он отправил из Москвы в Вашингтон необычайно длинную шифровку номер 511, которая и вошла в историю как «длинная телеграмма» или «телеграмма 8 тысяч слов»^[10]. Научнообразно, путано и без всяких доказательств Кеннан рассуждал о том, что русские понимают только силу и с ними надо так и разговаривать. Никакие реформы в коммунистической системе, по мнению Кеннана, невозможны, и ее следует уничтожить.

Вес телеграмме обычного чиновника госдепартамента придал бывший юрист на службе крупных корпораций Джеймс Форрестол. В 1940 году, несмотря на проблемы с алкоголем и психикой жены Форрестола Жозефины, Рузвельт назначил Форрестола заместителем министра ВМС, а после кончины министра ВМС в 1944 году Форрестол занял это кресло.

Форрестол, как и все люди его круга, был ярким антикоммунистом и распорядился разослать телеграмму Кеннана во все федеральные ведомства США. После возвращения Кеннана из Москвы Форрестол устроил его в Национальный военный колледж, где готовили высших офицеров вооруженных сил США.

Именно Форрестол составил протекцию на пост директора ЦРГ Сойерсу, которого тоже ценил за антикоммунистические взгляды.

Позднее Форрестол стал жертвой собственной антисоветской истерии. В марте 1949 года из-за «нервного и психического истощения» его сняли с должности министра. Во время лечения в психиатрической больнице Форрестол неоднократно повторял: «Русские идут! Они везде. Я вижу русских солдат!» 2 мая 1949 года он выбросился из окна больничной палаты, разбившись насмерть.

Между тем Сойерс все-таки исполнил свое желание и вернулся в Миссури «делать деньги». 10 июня 1946 года вторым директором центральной разведки стал генерал Хойт Ванденберг.

Ванденберг родился в 1899 году в семье бизнесмена и вопреки желанию отца решил стать военным. После окончания элитного американского военного училища Вест-Пойнт в 1923 году его из-за плохих оценок не приняли в престижную кавалерию, и Ванденбергу пришлось стать летчиком. Правда, служил Ванденберг в основном на штабных и преподавательских должностях, так как его дядя был влиятельным сенатором в Вашингтоне.

Именно из-за этого дяди Сойерс и предложил Ванденберга в свои преемники – считалось, что благодаря связям в конгрессе Ванденбергу будет легче выбить деньги на все еще эмбриональную разведку. Ведь

формально такого ведомства, как ЦРГ, вообще не существовало, так как учреждение любых федеральных агентств и министерств должен был утверждать конгресс.

Ванденберг в отличие от Сойерса подошел к делу серьезно и поручил Хелмсу наладить поток достоверной информации из СССР и Европы. Он и правда удвоил бюджет ЦРГ за счет перераспределения средств из других ведомств. По личной просьбе Ванденберга военный министр Паттерсон и госсекретарь США Бирнс тайно выделили ЦРГ из своих бюджетов 10 миллионов долларов.

Через свои связи Ванденберг смог убедить главных редакторов ведущих американских газет (например, «Нью-Йорк таймс») предоставить ЦРГ свои досье на тысячи персон, в том числе и граждан США.

Вообще из Ванденберга просто били ключом идеи, в основном фантастические или незаконные. Сотрудники ЦРГ иронически называли босса за глаза «свечой зажигания».

По собственным воспоминаниям Хелмса, как минимум половина всех сведений, которые собирали 228 сотрудников ЦРГ в резидентурах Европы, была чистой воды ложью или дезинформацией^[11]. Но Хелмс пытался через фабрикуемые его людьми небылицы о стремлении СССР к мировой войне все же заставить Трумэна учредить «американское гестапо» с полномочиями по проведению подрывных операций против Советского Союза.

17 июля 1946 года Ванденберг направил двух своих помощников к советнику Трумэна по юридическим вопросам Кларку Клиффорду^[12], чтобы получить санкцию президента не только на сбор информации, но и на подрывные тайные операции против СССР и его союзников. Такая санкция была получена в обход американского законодательства – конгресс просто решили не информировать.

Все подрывные операции в рамках ЦРГ возглавил 37-летний Фрэнк Визнер, ставший шефом OSO.

Как и все «звезды» первых лет ЦРУ, Визнер родился не просто в богатой, а в очень богатой семье. Строительному клану Визнеров – Гардинеров принадлежал практически весь родной город будущего «супершпиона» – Лоурел, штат Миссисипи. Родители воспитывали Фрэнка в духе элитизма – ребенка раздевала и одевала служанка, а играть он мог лишь с родственниками^[13]. Мать говорила Фрэнку, что он всегда и во всем должен быть лучшим и первым. Поэтому сверстники не помнили, чтобы Визнер ходил, – он всегда куда-то бежал.

В расистском и престижном (то есть дорогом) Университете Вирджинии, где почитали всех лидеров рабовладельческой Конфедерации времен 1861–1865 гг., Визнер, естественно, был членом тайного студенческого «Братства Семи». Настолько тайного, что имен его членов никто не знал. В США члены студенческих братств элитных университетов обычно помогают друг другу по жизни деньгами и связями. Они считали и считают себя людьми, избранными провидением для руководства Америкой.

Как и положено американскому образцовому студенту, Визнер активно занимался спортом (бег с препятствиями), и его кандидатуру даже рассматривали в олимпийскую сборную США на играх 1936 года в нацистском Берлине. Однако отец предписал поработать летом в компании «Кока-Кола» – Визнера-младшего уже традиционно готовили на роль юриста для «большого бизнеса».

Однако на Уолл-стрит Визнер скучал и в 1941 году (за полгода до нападения японцев на Перл-Харбор) записался добровольцем в ВМС США. Но там ему дали скучную «бумажную» работу военного цензора, а Фрэнк мечтал о блистательных подвигах на далеких морях. В июле 1943 года через одного из своих бывших университетских профессоров Роберта Гуча Визнер устроился в УСС.

Будучи активным и довольно безрассудным дилетантом, Визнер рьяно взялся за дело. Его под дипломатическим прикрытием отправили помощником к резиденту УСС в нейтральном Стамбуле Лэннингу Макфарлэнду. Тот был так «законспирирован», что в ресторанах при его появлении оркестр играл мелодию «Буп, буп, бэби, я – шпион». Как и Даллес, Макфарлэнд был большим любителем прекрасного пола: одна из его любовниц работала на СССР, другая – на Германию^[14].

Из Турции в августе 1944 года Визнера перебросили в только что освобожденный советскими войсками Бухарест на должность резидента УСС в Юго-Восточной Европе. Тут мечты Фрэнка о приключениях стали наконец сбываться. Он «реквизировал» себе 30-комнатный дворец крупнейшего румынского пивовара, вместе с его «кадиллаком» и 24-летней женой. Последняя привлекла Визнера тем, что убедила его в том, что она – принцесса королевских кровей, а ее предком был сам Дракула. Познакомился Визнер и с молодым румынским королем Михаем, который тоже любил покутить в дамском обществе. В подпитии резидент УСС перед зеркалом показывал королю, как надо стрелять из пистолета, не обращившись (правда, не стрелял).

Визнер активно расхаживал по приемам, много пил и быстро выстроил

в Бухаресте целую разведывательную сеть, состоявшую из заботливо подставленных ему советской разведкой «ценных» агентов.

Визнер (выбравший себе характерный для его темперамента псевдоним «Тифоид») заботливо искал себе шанс на чем-нибудь выдвинуться в провинциальном Бухаресте и поэтому еще во время войны бомбардировал штаб-квартиру УСС сообщениями о коварных замыслах русских (с которыми Визнер охотно пил водку) после войны. Особенно сильно возмутило Визнера выселение из Румынии немцев (хотя то же самое происходило в Польше и Чехословакии с санкции всех союзников по Антигитлеровской коалиции), которое он приписал давлению русских. Ведь среди высланных было много знакомых Визнера по светским раутам.

Визнер явно лгал в своих депешах в УСС – он например, сообщил в декабре 1944 года, что русские специально «выпустили» из Румынии две немецкие дивизии, чтобы те обрушились на американцев в Арденнах.

Видимо, Визнеру надоела его «принцесса» или русская водка, и весной 1945 года его по собственному желанию перевели в Висбаден. Но и в Западной Германии ему не понравилось. Он писал своей брошенной любовнице в Румынию: «Здесь не то, что в Бухаресте. Нет приятных людей – ну никаких возможностей для удовольствия и расслабления после нудных и длинных часов работы за письменным столом. Я часто вспоминаю Румынию...»^[15]

Из Висбадена Визнер тоже слал лишь антисоветские депеши. Например, он писал об антиамериканской компании слухов, которую русские-де организовали в Берлине: мол, американские солдаты грабят всех хорошо одетых немцев, особенно женщин. Знавший в то время Визнера будущий советник и биограф Джона Кеннеди Артур Шлесинджер вспоминал, что Визнер был «помешан на русских»: «Я и сам не был большим поклонником Советского Союза и уж точно не ожидал гармоничных отношений (с русскими) после войны. Но Фрэнк даже на мой вкус явно перебирал в этом вопросе»^[16].

В сентябре 1945 года Визнер с возмущением подал в отставку из УСС, когда ему отказали в приобретении 200 велосипедов для немецких агентов, которые должны были на них ездить по всей советской оккупационной зоне в Германии и наблюдать за передвижениями советских войск.

Визнер поначалу опять стал обслуживать крупные корпорации в юридической фирме «Картер Ледьярд», но бывший шеф Визнера в УСС Даллес (тоже, как мы помним, вернувшийся к юридической практике на Уолл-стрит) за ужином убедил Фрэнка все же не рвать с

разведкой.

В марте 1947 года Визнер пришел на работу в госдепартамент как раз в то время, когда Холодную войну Москве объявил уже лично Трумэн.

В качестве предлога для разрыва с советскими союзниками по Антигитлеровской коалиции американцы избрали события в Греции.

Боевое крещение: греческий апокалипсис 1947–1949 гг. и фиаско в Румынии

Начиная с декабря 1944 года в Греции шла гражданская война между бывшими партизанами, боровшимися под руководством компартии против немцев в годы Второй мировой войны, и королевским правительством, которое из Каира привезли англичане. Фронт национального освобождения Греции (ЭАМ), созданный компартией, в апреле 1944 года освободил от немцев половину территории Греции и сковывал больше немецких дивизий, чем англо-американские войска в Италии. В вооруженных силах ЭАМ (ЭЛАС) на сентябрь 1944 года насчитывалось 120 тысяч бойцов, и около миллиона греков активно помогали партизанам. В боях и в ходе карательных акций погибло 80 тысяч греков, немцы уничтожили 1700 греческих деревень.

В октябре 1944 года британская армия высадилась в двух крупнейших городах Греции – Афинах и Салониках. Практически вся остальная территория материковой Греции находилась под контролем ЭЛАС. Англичане создали правительство Георгиоса Папандреу с участием коммунистов. Было согласовано разоружение всех вооруженных формирований и создание национальной армии. Отказ Папандреу разоружить прибывшие из Ближнего Востока и Италии правые формирования привел к политическому кризису.

1 декабря 1944 года шесть левых министров в правительстве Папандреу подали в отставку, на следующий день была объявлена забастовка протеста. 3 декабря полиция открыла огонь по участникам запрещенной демонстрации, а на следующий день коммунисты захватили в Афинах все полицейские участки. Черчилль отдал приказ английским войскам подавить выступление коммунистов, и в Афинах начались крупномасштабные бои. К 8 декабря коммунисты установили контроль над большей частью Афин. Англичанам пришлось срочно перебрасывать войска из Италии, и в январе 1945 года повстанцы были вытеснены из греческой столицы.

12 февраля 1945 года было подписано Варкизское соглашение о прекращении огня. Коммунисты согласились сложить оружие в обмен на амнистию, всеобщие выборы и референдум о возвращении короля Георга II на греческий престол (компартия стояла за республику). Однако это не

остановило насилие в Греции.

В результате непрекращающегося террора против левых сил и участников Соппротивления, первоначально в качестве актов самообороны, а с 1946 года уже в более открытой форме, гражданская война стала охватывать всю материковую Грецию и частично острова Самос и Крит. Повстанцы и партизаны периодически отступали к приграничным социалистически ориентированным странам (Югославия, Албания, Болгария), получая оттуда моральную и материальную поддержку.

В марте 1946 года состоялись всеобщие выборы, но коммунисты отказались принять в них участие.

В сентябре 1946 года под давлением британских оккупационных войск прошел референдум, и король Георг II вернулся на трон.

Компартию поддерживало большинство населения, в то время как в рядах королевской греческой армии подвизались в основном бывшие коллаборационисты. Гражданская война в Греции продолжалась лишь потому, что на стороне короля воевали английские войска. Сталин по неформальному соглашению с Черчиллем в октябре 1944 года признал Грецию английской сферой влияния, и СССР поначалу не оказывал греческим коммунистам никакой помощи, кроме моральной.

26 октября 1946 года левые силы объявили о создании Демократической армии Греции (ДАГ). В мае 1947 года генеральный секретарь КПГ Захариадис на советском самолете прилетел в Москву и передал две записки о потребностях ДАГ. Он заверял, что в случае адекватной помощи со стороны СССР Демократическая армия уже в 1947 году добьется серьезных успехов, которые позволят взять под контроль повстанцев северную часть страны. Сталин пообещал материальную и дипломатическую помощь греческим коммунистам. СССР и Югославия начали поставлять ДАГ оружие, включая малокалиберные артиллерийские орудия.

Тем не менее небольшая советская помощь не могла изменить крайне неблагоприятное для коммунистов соотношение сил на поле боя. 120 тысяч хорошо вооруженных солдат правительственной армии боролись против 18–20 тысяч повстанцев, у которых не было ни авиации, ни тяжелого оружия. Однако ДАГ имела решающее преимущество в том виде «оружия», которым в конечном итоге и выигрываются гражданские войны: у партизан были высокий боевой дух и поддержка населения. Причем последний фактор во многом обеспечивала разнузданным белым террором сама правительственная армия. Это признавал и американский посол в Афинах.

Предлог для своего вмешательства во внутренние дела в Греции

американцы стали искать еще до начала гражданской войны в этой стране. Советскому Союзу «инкриминировались» (в зависимости от обстановки) два варианта покорения Греции:

– с помощью Югославии и Болгарии СССР отторгнет от Греции ее северные районы, провозгласит там славянское государство Македонию и присоединит эту новую страну в качестве союзной республики к Югославии (Тито в то время в Вашингтоне ненавидели не меньше Сталина). Такой вариант позволял американцам играть на греческом национализме и разжигать в этой стране и так существовавшие там антиславянские настроения^[17].

– СССР с помощью греческих коммунистов (еще совсем недавно успешно воевавших против немцев) устраивает в Греции военный переворот. Греция «падает», и за ней «падают» или «попадают в советскую орбиту» множество государств – от Франции и Италии до Ирана и Саудовской Аравии. Таким образом, именно на Греции была впервые отработана американцами пресловутая «теория домино», которую они использовали для своих агрессий (прямых и косвенных) все годы Холодной войны.

Следует отметить, что летом 1946 года ЦРГ оценивала численность югославской армии в 300 тысяч человек, болгарской – в 65 тысяч, а албанской – в 100 тысяч^[18].

Еще в 1946 году ЦРГ США отмечала в своем аналитическом докладе, что «падение» Греции повлечет за собой «самые неблагоприятные последствия» в тех странах, где «политические симпатии населения были до этого в пользу Запада и против советского коммунизма»^[19]. Особенно в ЦРГ боялись за Италию и Францию.

В документе ЦРГ (лето 1946 года) советские цели в отношении Греции определялись следующим образом: «Как минимум вывод британских войск из Греции и как максимум включение этой страны в советскую сферу влияния путем установления (в Греции) “дружественного” правительства»^[20].

Оценки ЦРГ разделяла и армейская разведка США. В декабре 1946 года ее глава генерал Стивен Чемберлен отмечал, что мирное «завоевание» Греции Советским Союзом станет лишь первым шагом Москвы на пути установления контроля над всем Ближним и Средним Востоком. В прямую агрессию ослабленного войной СССР не верил даже Чемберлен. Однако он писал о «закамуфлированной» интервенции с помощью антиимпериалистической пропаганды^[21].

Таким образом, на судьбы Греции как таковой американцам было наплевать. Эта страна имела значение лишь как одна из фигур на мировой шахматной доске. В праве грекам играть собственную шахматную партию Вашингтон явно отказывал.

Монархофашистское правительство Греции использовало все эти американские страхи в своих корыстных целях. Уже в начале января 1946 года (когда гражданской войны в стране еще не было) премьер Греции Цалдарис попросил Вашингтон о помощи в размере не менее 100 миллионов долларов. Заметим, что лидер «народной» партии Цалдарис после оккупации Греции немцами принял 6 мая 1941 года участие в организованном оккупантами совещании и поддержал идею формирования марионеточного «правительства необходимости». Никакого участия в борьбе против немцев Цалдарис в отличие от коммунистов не принимал.

Современный греческий историк Герозисис считает Цалдариса в «лучшем случае политической посредственностью» и «естественно, отсутствующим в оккупацию». Однако в личном плане, «имевшие выход на Цалдариса, спасли головы своих близких в годы гражданской войны». Герозисис пишет, что Цалдарис приспособился к обстановке. Связанный политически с большой буржуазной прослойкой, с группами компрадоров, с частью капиталистов греческой диаспоры по Средиземному морю, с группами спекулянтов, нажившихся в оккупацию, с банкирами, он был человеком, который был нужен англичанам и королю.

Впрочем, с подобными людьми типа Аденауэра или южнокорейского диктатора Ли Сын Мана американцы сотрудничали по всему миру.

Американцы и так помогали Греции по линии ЮНРРА, предоставив этой стране на 31 июля 1946 года 293 миллиона долларов. В госдепартаменте сочли, что этой действительно солидной суммы пока вполне достаточно. Поэтому в сентябре 1946 года США предоставили Цалдарису кредит всего лишь на 10 миллионов долларов. Но уже через неделю Афины получили еще 25 миллионов долларов. Особенно лоббировал помощь диктаторскому режиму в Греции^[22] министр ВМС Форрестол.

В январе 1947 года в Грецию прибыла экономическая миссия из США во главе с Полом Портером, который во время войны работал в Управлении по регулированию цен (Office of Price Administration). Миссия должна была определить потребности Греции в американской экономической помощи. Портер был вынужден признать, что главные проблемы в стране создало само же правительство Цалдариса. В Греции процветали коррупция, черный рынок и инфляция. Греческий народ, по оценке Портера, находился

в «нездоровом психологическом состоянии» – люди утратили всяческое доверие к властям^[23]. Еще бы – еще в начале 1946 года британская парламентская комиссия сообщала, что в Греции без всяких оснований было арестовано более 50 тысяч человек^[24].

В феврале 1947 года англичане сообщили американцам, что не в состоянии дальше финансировать гражданскую войну в Греции, на которую, по их мнению, требовалось примерно 1 миллиард долларов в течение ближайших четырех лет. Пребывание английских войск в Греции было крайне непопулярно в самой Великобритании, и лейбористское правительство Эттли было вынуждено принять решение о выводе почти всего контингента^[25] к 31 марта 1947 года.

Посол США в Москве Беделл Смит сообщил свою оценку положения в Греции: без английских войск коммунисты быстро одержат победу^[26].

В своем анализе от 28 февраля 1947 года ЦРГ отмечала: «Судьба Греции может быть решена в течение ближайших недель или месяцев. В военном отношении деморализованная и плохо оснащенная греческая армия теряет позиции против партизанских сил, которые поддерживает Советский Союз и его сателлиты. В политическом отношении... правое правительство из-за своей неэффективности и узости горизонта теряет даже то небольшое доверие народа, которое у него было. В экономическом отношении так и не восстановившаяся после разрушений войны страна проигрывает борьбу против голода, инфляции, внутреннего и внешнего долга.

С момента освобождения два фактора спасли Грецию от неустанных попыток СССР добиться доминирования через своих сателлитов и местных коммунистических элементов: (1) присутствие британских войск; (2) кредиты, в том числе и по линии ЮНРРА, от США и Великобритании. Сейчас на фоне мощных советских усилий извлечь выгоду из нынешнего кризиса британские войска (за исключением символического контингента) выводятся, и США и Великобритания сталкиваются с трудностями по изысканию средств для поддержки греческой экономики...

В одиночку Греция себя не спасет. В военном отношении стране нужна помощь в виде снаряжения и обучения. В политическом отношении бескомпромиссных греческих политиков следует убедить в необходимости очистить свои ряды... В экономическом отношении Греции нужны гранты и кредиты в виде сырья, продовольствия, иностранной валюты и золота для обуздания инфляции...»^[27]

На фоне таких алармистских оценок американской разведки

в Вашингтоне было принято решение заменить англичан на Балканах, но для этого был нужен предлог. Трумэн встретился с влиятельным сенатором Артуром Ванденбергом (дядей директора ЦРГ) и убедил его ради «спасения мира от Советов» побудить конгресс выделить необходимую для помощи Греции сумму.

12 марта 1947 года Трумэн выступил на совместной сессии обеих палат конгресса и объявил о начале борьбы «свободного мира» за сохранение независимости Греции и Турции (которым никто не угрожал) от Москвы. Президент, в частности, заявил: «На настоящий момент мировой истории почти каждая нация должна выбрать между двумя альтернативными образами жизни. Однако слишком часто этот выбор не является свободным. Один образ жизни основывается на воле большинства и характеризуется свободными государственными институтами, представительными формами правительства, свободными выборами, гарантиями личной свободы, свободой слова и вероисповедания и отсутствием политического угнетения. Другой образ жизни основан на воле меньшинства, который оно силой навязывает большинству. Этот образ жизни основан на терроре и угнетении, на цензуре прессы и радио, на манипулировании выборами и на ликвидации личных прав и свобод. Я думаю, что политика Соединенных Штатов должна состоять в содействии свободным народам, которые сопротивляются завоеванию со стороны вооруженных меньшинств или внешнему давлению».

Что касается Греции, то президент США лицемерно пытался взвалить ответственность за дикий правый террор в этой стране на СССР и коммунистов: «Самому существованию греческого государства сегодня угрожают террористические действия нескольких тысяч вооруженных партизан, возглавляемых коммунистами, которые бросают вызов власти правительства во многих районах страны, особенно на северной границе. Тем временем греческое правительство не способно справиться с ситуацией. Греческая армия мала и плохо экипирована. Она нуждается в снабжении и в вооружении для того, чтобы восстановить власть правительства над всей территорией Греции. Соединенные Штаты обязаны предоставить Греции эту помощь. Нет никакой другой страны, к которой еще может обратиться демократическая Греция. Никакая другая нация не желает и не способна обеспечить необходимую поддержку демократическому греческому правительству»^[28].

Это выступление хозяина Белого дома сразу окрестили «доктриной Трумэна». В 1947–1948 гг. в рамках этой «доктрины» США предоставили Греции и Турции 400 миллионов долларов помощи, главным образом

военной (на Грецию пришлось примерно 350 миллионов).

Характерно, что против политики Трумэна в Греции выступил бывший вице-президент США при Рузвельте Уоллес. Многие в Америке (например, влиятельный политический обозреватель Уолтер Липпман) считали, что помогать надо, но только по линии ООН. Однако в Вашингтоне понимали, что в ООН вряд ли удастся собрать большинство голосов в поддержку столь одиозного режима, как диктатура Цалдариса. Ведь против греческого премьера активно выступала даже буржуазная либеральная оппозиция.

Между тем во исполнение «доктрины Трумэна» в США был создан межминистерский комитет для организации помощи Греции и Турции (Inter-departmental Committee for Aid to Greece and Turkey).

Военная помощь должна была идти через группу американских военных советников и инструкторов в Греции – созданную в апреле 1947 года Армейскую группу США в Греции (United States Army Group Greece, USAGG). Опасаясь негативной реакции в мировом общественном мнении (в том числе и в Западной Европе), американским военным запретили находиться непосредственно в зоне боевых действий. Официально группа в составе 54 человек приступила к работе в Афинах 22 мая 1947 года.

Помимо американцев в Греции продолжало оставаться примерно 5 тысяч англичан, в том числе 3500 – в боевых частях (бригада в Салониках).

Хотя Цалдарис загнал в армию более 150 тысяч человек, греческие военные не горели желанием наступать против партизан, предпочитая в лучшем случае отсиживаться в укреплениях. Поэтому уже летом 1947 года Цалдарис попросил США прислать американские войска для участия в боевых действиях. Министерство обороны США в принципе не возражало и дало указание рассчитать потребность в самолетах для переброски в Грецию 10 тысяч человек с боевым тяжелым вооружением. Однако против выступил госдепартамент – там понимали, что мировое общественное мнение повернется не в пользу Америки, и этим воспользуются коварные русские.

В августе 1947 года в Грецию стала поступать американская военная помощь, и к концу года ее поставили на 40 миллионов долларов. Речь шла в основном об автомашинах, лошадях (очень важных в горной местности, где в основном шли бои). Однако американская интервенция привела на первых порах лишь к увеличению численности ДАГ до 25 тысяч человек. В этих условиях глава американской военной миссии и посол США в Афинах убедили греческое правительство провозгласить амнистию. Но тех

партизан, кто поверил Цалдарису и спустился с гор, убивали, пытали или заключали в концлагеря.

Американская разведка отмечала, что «доктрина Трумэна» загнала «Советы» в оборону и Москва не пойдет на прямое военное вмешательство в Греции, даже если туда придут американские войска^[29]. Однако армейская разведка не считала посылку войск необходимой. Ведь русские ведут свою «агрессию» не военными средствами, а через образование в других странах дружественных правительств. В этих условиях прибытие американских войск в Грецию только сыграет на руку коммунистической пропаганде.

Если первоначально военная миссия США в Греции должна была всего лишь обучать греков работе с американским военным снаряжением, то уже осенью 1947 года поражения правительственных войск заставили Вашингтон расширить мандат USAGG.

В сентябре 1947 года в Афины прибыл уже упоминавшийся генерал Стивен Чемберлен, чтобы дать греческому командованию конкретные рекомендации по смене стратегии и тактики боевых действий. По итогам его визита было принято решение выделить Греции из экonomicкой части помощи 9 миллионов долларов для сохранения на службе в течение 3 месяцев недавно призванных в армию 20 тысяч человек и для дополнительного призыва еще десяти тысяч^[30].

Кроме того американцы предложили немедленно создать Национальный оборонительный корпус – 20 батальонов по 500 человек (к концу 1947 года речь шла уже о 100 батальонах). Эти батальоны, набранные из местных жителей, должны были обеспечивать статическую оборону своих населенных пунктов и тем самым высвободить армию для мобильного преследования партизан.

Не переставали в Вашингтоне строить планы и по переброске американских войск в Грецию, якобы для противодействия возможной агрессии Югославии, Албании и Болгарии. Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) в октябре 1947 года предлагал направить в Грецию ВВС США, признавая одновременно, что судьба войны решается в наземных операциях.

В начале осени 1947 года американская разведка и греческие монархофашисты распространили «сведения» о готовящемся широкомасштабном наступлении партизан (в срок до 16 сентября) с помощью армий Югославии, Албании и Греции. Пошли разговоры о какой-то сформированной в Югославии «интернациональной бригаде»,

обученной и вооруженной до зубов русскими. Если же западные державы попытаются «защитить» Грецию, то в бой вступят советские войска^[31]. Но сама же ЦРГ во внутреннем аналитическом докладе была вынуждена признать, что никаких признаков «готовящейся атаки с севера» не наблюдается, а слухи о нападении «подброшены», как часть «войны нервов». Участие в войне советских войск – «несерьезно».

Тем не менее американская военная миссия в Греции получила право оказывать содействие в разработке конкретных боевых операций против партизан. В ноябре 1947 года по указанию Трумэна была образована Объединенная военная группа содействия и планирования США (Joint United States Military Advisor and Planning Group, JUSMAPG). Советники из этой группы были откомандированы в греческий Генштаб, командование 1-й армии, штабы трех корпусов и семи дивизий.

Партизаны ответили образованием в декабре 1947 года Временного демократического правительства Свободной Греции во главе с командующим партизанскими силами, членом политбюро ЦК КПГ Маркосом Вафьядисом («генерал Маркос»). ДАГ уже довольно прочно контролировала горные районы на северо-западе Греции.

В декабре 1947 года американский посол в Болгарии сообщил (со ссылкой на окружение Георгия Димитрова), что агрессия с севера против Греции начнется еще до нового года. Якобы Димитров написал (кому? – *Примечание автора*), что внутреннее положение в СССР настолько плохо и советский народ в таком «мятежном» настроении, что для отвлечения его Сталину нужна война. ЦРУ отвергло эту информацию по следующим причинам:

- вряд ли Димитров будет писать о таких вещах;
- «приведенная источником причина такой советской акции несерьезна»;
- СССР обязался до 15 декабря 1947 года вывести свои войска из Болгарии и вряд ли поставит этот срок под сомнение;
- «мы по-прежнему исходим из того, что СССР не готов рискнуть начать войну против Запада»^[32].

Американцы между тем пришли к выводу, что конфликт в Греции можно решить только военным путем, и заменили командующего своей военной миссией в Греции. В январе 1948 года на этот пост был назначен генерал-майор Джеймс ван Флит^[33]. Глава ОКНШ Эйзенхауэр отметил, что ван Флит «конечно же не интеллекттуал, но он прямой и напористый...»^[34] В феврале 1948 года повышенный до генерал-лейтенанта ван Флит

прилетел в Афины. Британцам поручили заниматься обучением греческой армии обращению с западным оружием, а американцы взяли на себя вопросы стратегического характера. Тем не менее примерно 50 британских офицеров работали вместе с американцами непосредственно в частях греческой армии.

В феврале 1948 года на заседании СНБ Трумэн поручил продолжить разработку планов посылки американских войск (примерно 25 тысяч человек) в Грецию. Между тем ЦРУ подтвердило 2 апреля 1948 года, что не ожидает начала военных действий со стороны СССР против Запада в 1948 году^[35]. Согласно опросам 60 % американцев в начале 1948 года подерживали оказание Греции помощи, но только 25 % были согласны на отправку туда войск даже в случае «коммунистического захвата власти» в Афинах.

В январе 1948 года американский флот провел маневры недалеко от берегов Греции. С тех пор США содержат в Средиземном море постоянную военно-морскую группировку.

Ван Флит разработал оперативный план для греческой армии на 1948 год, предусматривавший к июню очистку от партизан северного приграничного региона Греции. После этого предполагалось перенести центр тяжести на Пелопоннес.

Операция «Рассвет» была намечена на 15 апреля 1948 года, но партизаны упредили врага, сами перешли в наступление и прорвали кольцо окружения. Однако последующее отступление партизан несколько подняло боевой дух греческой армии, хотя, по оценкам ван Флита, действовала она очень медленно и излишне осторожно.

20 июня 1948 года греческая армия начала проведение разработанной американцами операции «Корона» с целью полного уничтожения основных сил ДАГ в горном массиве Граммос. На следующий день ЦРУ сообщило о первых серьезных разногласиях между СССР и Югославией, хотя и не предвидело полного разрыва между Белградом и Москвой^[36]. Но уже 30 июня военный атташе США в Белграде рекомендовал «смело» пойти навстречу Тито, если он попросит у Вашингтона военной помощи против СССР.

До конца июля американская разведка не верила, что Тито всерьез поссорился с Москвой. Но уже 23 июля был сделан вывод, что советско-югославский конфликт серьезен и может вызвать благоприятный для американцев поворот в гражданской войне в Греции. Так и произошло.

23 июля 1948 года ЦРУ отметило, что болгарские газеты прекратили

писать о военных успехах ДАГ. Появились данные, что София приостановила поставку оружия греческим партизанам.

Между тем партизаны Маркоса активно оборонялись в Граммосе (они явно знали заранее о начале наступления правительственных войск), и ван Флит решил сменить командующего 3-м корпусом, причем греческий премьер отдал новое назначение на откуп американскому генералу. Через 29 дней ожесточенных боев Марокс отдал приказ отступать. Против примерно 8 тысяч партизан было задействовано 60 тысяч солдат и офицеров, танки и 87 самолетов.

21 августа 1948 года операция «Корона» завершилась. Граммос был очищен от сил ДАГ, которые, однако, сохраняли боеспособность. ван Флит приказал наступать дальше на север к албанской границе. Но в начале сентября 1948 года ДАГ провела мощное контрнаступление, и греческая армия откатилась в полнейшем беспорядке. ван Флиту пришлось сменить им же самим назначенного генерала Китрилакиса. Однако новое наступление греческой армии в октябре 1948 года позорно провалилось. Партизаны усилили активность в Фессалии и на Пелопоннесе, чтобы отвлечь силы врага от главного, эпирского фронта.

Несмотря на большие потери в 1948 году (примерно 24 тысячи убитыми и ранеными), силы ДАГ к концу года были восполнены. Только с декабря 1948 по февраль 1949 года в ряды ДАГ влились как минимум 5 тысяч новых бойцов. Две дивизии ДАГ зимой опять просочились в «очищенный» Граммос.

Ван Флит рекомендовал направить в Грецию американские войска, чтобы отрезать партизан от Югославии и Албании, но администрация Трумэна была поглощена берлинским кризисом и не хотела открывать новый, очень опасный с точки зрения потерь фронт. Посол США в Афинах Грейди был возмущен тем, что греческое правительство считало свою гражданскую войну проблемой США и ничего не делало, чтобы достичь национального примирения в стране.

Между тем ЦРУ 18 декабря 1948 года констатировало «первый серьезный разлом в советской империи», имея в виду советско-югославские отношения^[37]. Свержение Тито силой со стороны Москвы в ЦРУ допускали лишь в случае начала третьей мировой войны.

Двухлетнюю помощь США Греции ЦРУ 19 января 1949 года оценило не слишком высоко: «Хотя Греция по-прежнему свободна от советско-коммунистического доминирования, она находится в опасном состоянии войны и экономической нестабильности, несмотря на два года масштабной американской военной и экономической помощи, которая достигла

примерно 750 миллионов долларов»^[38]. Греческих «лидеров» в ЦРУ оценили как «посредственностей», а правительство – как некомпетентное, не способное вызвать доверие людей. Лишь под давлением США правые «для вида» включили в кабинет несколько либералов и центристов.

В греческой армии, отмечало ЦРУ, не хватает нормальных офицеров, а боевой дух низок. И это несмотря на то, что британская и американская военная помощь превосходили содействие ДАГ со стороны социалистических стран. Только эта помощь, отмечала американская разведка, и поддерживает на плаву греческую армию, хотя народ очень устал от войны.

21 января 1949 года по совету американцев главнокомандующим греческой армией был назначен герой греко-итальянской войны 1940–1941 гг. генерал Папагос, достаточно популярный среди населения. У «генерала Маркоса», таким образом, появился достойный противник. По совету Грейди Папагоса наделили диктаторскими полномочиями^[39]. Папагос немедленно пригрозил всем нерешительным командирам расстрелом. 5 февраля 1949 года, к ужасу Грейди, Папагос потребовал у американцев профинансировать увеличение греческой армии со 150 до 250 тысяч человек. Мол, Греция ведет за весь свободный мир войну против советского блока, и мелочиться не следует.

Еще 19 декабря 1948 года греческая армия начала зачистку Пелопоннеса (операция «Голубь»), где находилось примерно 4 тысячи партизан ДАГ. Основные силы коммунистов, измотанные боями, не смогли перебросить подкрепления своим товарищам с севера Греции. Армия проводила массовые аресты мирного населения, лишая партизан логистической поддержки. ВМС Греции блокировали полуостров с моря. Силы были слишком неравны, и к концу марта 1949 года на Пелопоннесе осталось всего лишь около 250 партизан.

В это же время (март 1949 года) ЦРУ констатировало изменение тактики Москвы в греческом конфликте, вызванное ссорой между Тито и Сталиным. Отныне СССР якобы отказывался от мысли «доминировать» во всей Греции, а всего лишь добивался провозглашения на севере страны независимого македонского государства для изоляции Югославии с юга и установления наземной связи между Албанией и Болгарией, минуя Югославию.

27 января 1949 года ДАГ (проведя успешную контратаку на севере Греции) предложила заключить перемирие, объявить всеобщую амнистию и провести в Греции свободные выборы. Но уже через неделю «генерала

Маркоса» сняли с должности главкома из-за «плохого состояния здоровья». На самом деле «Маркос» разругался с лидером греческой компартии Захариадисом. Последний требовал отойти от тактики партизанских действий и начать регулярную войну. «Маркос» считал это губительным для ДАГ в условиях громадного численного и технического превосходства врага.

«Маркос» также выступал против автономии или независимости для Македонии, понимая, что в греческом народе эта идея поддержки не найдет.

Правда, поначалу требование компартии о независимой или автономной Македонии привело в ряды ДАГ более 10 тысяч добровольцев из этого региона, в основном славян. Теперь «македонцы» составляли две трети ДАГ. Однако поддержка партизан в других регионах Греции сошла на нет – правительство на американские деньги успешно обвиняло коммунистов в попытке расколоть Грецию. Наконец Тито прекратил поддержку партизан: 10 июля 1949 года лидер Югославии заявил о полном закрытии границы с Грецией.

В марте – апреле 1949 года в Кремле было принято решение, что гражданскую войну в Греции следует закончить мирным соглашением. Помощь ДАГ со стороны социалистических стран сократилась (особенно с мая 1949 года). Американцы решили, что русские запуганы созданием НАТО, а значит, стремление говорить с Москвой исключительно с позиции силы было правильным.

В этих условиях, планируя военные операции на 1949 год, ван Флит предложил отказаться от тактики зачистки отдельных регионов и перейти к тотальному уничтожению живой силы ДАГ. Партизан следовало атаковать сразу во всех районах Греции, чтобы не дать им возможности маневрировать.

25 апреля 1949 года греческая армия начала наступление в центральных районах страны. Военные копировали тактику партизан и старались быстро продвигаться на север мобильными мелкими группами, не давая ДАГ организовать прочные линии обороны. На смену большим битвам пришли мелкие бои. К концу июля Фессалия была зачищена.

Между тем 3 мая 1949 года ЦРУ в ответ на запрос администрации Трумэна высказало мнение, что СССР не предпримет «военной агрессии» в 1949 году. В Вашингтоне поняли, что в Греции можно не церемониться.

2 августа 1949 года ван Флит объявил о решающей битве – операции «Факел». Американский генерал лично присутствовал при ее начале. К тому времени лидер КПГ Захариадис приказал закрыть все тренировочные

лагеря партизан в Албании и Болгарии и перебросить людей оттуда в Грецию. Партизаны хотели продержаться в Эпире до зимы, когда погодные условия приведут к приостановке боевых действий.

22 августа 1949 года ЦРУ отметило, что нет никакой вероятности применения Советским Союзом силы против Тито. То есть советские войска на греческой границе не появятся.

25 августа при поддержке 50 только что полученных из США штурмовиков «хеллдайвер» греческая армия перешла в решительное наступление. Остатки разбитых сил ДАГ отступили в Албанию. Американцы могли праздновать победу.

Таким образом, в 1947–1949 годах Запад пытался навязать большинству населения Греции свой образ жизни с помощью немецких пособников, американского оружия и английских войск. Во имя свободы было убито около 200 тысяч греков, 1 миллион жителей (включая маленьких детей) был переселен в концлагеря и другие районы страны, чтобы лишить партизан поддержки. Заключенных коммунистов жестоко пытали и калечили в тюрьмах. Партизаны, ушедшие в 1941–1944 годах от немецких пуль, гибли от английских и американских. Были созданы даже тюрьмы для детей партизан, многие из которых затем нашли убежище в СССР и других социалистических странах.

Примечательно, что в Греции не жалели и американские жизни. 8 мая 1948 года в Греции исчез американский журналист Джордж Полк. Он выехал из Салоник на встречу с «генералом Маркосом». Найденное тело Полка хранило на себе следы пыток. Его смерть официально не раскрыта и по сей день, но нет особых сомнений, что его убили люди греческого правительства, чтобы не допустить благоприятного освещения в американских СМИ лидеров ДАГ. Ведь еще в то время правые греческие круги публично обвиняли Полка в симпатиях к коммунистам.

На самом деле Трумэн не верил в стремление СССР покорить Грецию, да для этого и не было никаких фактов. Дело было в том, что на промежуточных выборах в конгресс 1946 года большинство в обеих палатах получили республиканцы. Конгрессмен от Калифорнии Ричард Никсон в нижней палате и сенатор от Висконсина Джо Маккарти – в верхней стали обвинять администрацию Трумэна в «мягкости» по отношению к «красным» на родине и в мире. Никсон и Маккарти принялись искать предателей и советских агентов в американском правительстве, в основном в госдепартаменте.

Трумэну в 1948 году предстояло избираться на новый срок, и он решил обойти своих правых оппонентов справа, показав решимость бороться с

мировым коммунизмом. Таким образом, Греция и Турция просто подвернулись под руку и стали разменной монетой американской внутренней политики.

Именно в такой обстановке массовой антикоммунистической истерии Фрэнк Визнер вернулся на государственную службу, перейдя на работу в госдепартамент, в Офис по оккупированным территориям (отвечал за Германию, Австрию, Японию и Южную Корею). Характерно, что его начальником был бывший глава нью-йоркской фондовой биржи и клиент юридической фирмы «Картер Ледьярд» (где работал Визнер) Чарльз Зальцман.

К этому моменту ЦРГ триумфально провалило свою первую подрывную операцию против «несвободного мира». Под аккомпанемент рассуждений о свободе и демократии американская разведка попыталась создать в Румынии вооруженное антикоммунистическое подполье и развязать там гражданскую войну.

Первоначально ЦРГ пичкала Вашингтон ложными данными о том, что именно Румыния избрана плацдармом для броска Советской армии против Греции и Турции. О характере такой «информации» говорит то, что источником одной шифровки был некий «пьяный советский офицер», который пил за скорое взятие Стамбула^[40]. Подготовив таким образом почву, ЦРГ в июле 1946 года начала румынскую операцию и в октябре того же года усыпила и вывезла из Румынии в Австрию в мешках с дипломатической почтой лидеров правой Национал-царанистской (т. е. крестьянской) партии Румынии. Эти политики, запятнанные, кстати, сотрудничеством с немцами в годы войны, должны были стать руководством «армии освобождения Румынии». Однако из-за бездарной работы резидентуры ЦРГ в Бухаресте (там никто не говорил по-румынски) советская и румынская разведка быстро «вычислили» заговор. В ноябре 1946 года в Румынии прошли аресты, и на судебных процессах были даны подробные показания о вмешательстве США во внутренние дела Румынии.

Визнер, считавший себя главным специалистом по румынским делам, был возмущен бестолковостью сотрудников ЦРГ, тем более, что на скамье подсудимых оказалась вся его былая агентура.

Армия Фрэнка Визнера: «перемещенные лица» и немецкие ученые в планах американской разведки

В госдепартаменте Визнер отвечал за тайный проект создания «антикоммунистической армии» на территории Западной Германии из так называемых «перемещенных лиц» (displaced persons). Это были граждане стран Восточной Европы и СССР, отказавшиеся после войны возвращаться на родину (их было более 700 тысяч) и жившие в лагерях, финансируемых США. Естественно, что среди них было много тех, кто сотрудничал с немцами и опасался заслуженного возмездия на родине.

Всего с территории СССР нацисты угнали на насильственную работу 4 794 087 советских граждан, в том числе 2 102 234 из Украины, 1 906 661 – из РСФСР, 399 374 – из Белоруссии. Кроме того, на момент капитуляции рейха советскими органами репатриации было учтено 2 016 480 военнопленных из рядов Красной армии. Непосредственно на территории Германии на май 1945 года находилось 3 338 583 советских граждан^[41]. По оценочным данным, 75 % «восточных рабочих» твердо желали вернуться в СССР, 5 % были «невозвращенцами», а еще 25 % – колебались^[42].

На стороне немцев воевали в различных формированиях (вспомогательные части вермахта, РОА, полиция, охрана концлагерей и т. д.) около одного миллиона советских граждан. Эти люди свидания с родиной опасались, и именно на них и решили сделать ставку американцы.

Агитация среди освобожденных западными союзниками советских граждан во Франции началась еще в 1944 году. Их пугали немедленной отправкой в Сибирь в случае возвращения в «сталинскую Россию». В сентябре и октябре 1944 года НКВД СССР выразил официальный протест правительствам Англии и Франции и потребовал прекратить препятствовать советским гражданам в их желании вернуться домой. 16 октября 1944 года Молотов в беседе с британским министром иностранных дел Англии Иденом подчеркнул, что советские граждане должны быть возвращены на родину вне зависимости от их желания. 11 ноября 1944 года уполномоченный СНК СССР по репатриации генерал-полковник Ф.И. Голиков заявил в интервью ТАСС, что «Советская страна

помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину...»^[43]

11 февраля 1945 года во время Ялтинской конференции СССР заключил соглашения о репатриации с США и Великобританией. По этим соглашениям западные союзники были обязаны отделить советских «перемещенных лиц» от вражеских военнопленных, создать для «перемещенных» специальные лагеря и «немедленно» допускать в эти лагеря представителей советской стороны. Любая враждебная пропаганда против СССР в таких лагерях запрещалась.

Содержание в американских лагерях для перемещенных лиц подчас было даже хуже, чем при немцах. В одном из писем из такого лагеря говорилось: «Живем очень плохо, питание ужасное, дают хлеб триста граммов в день, натуральное тесто; горячая пища три раза в день – полтора литра наполовину с червями, с сушеной брюквой и красной капустой. Сказать по правде, при немцах мы получали гораздо лучше и сытнее. Очень многие девушки лежат в больнице, при смерти от голода. Все девочки грязные ходят, скоро заедят вши. Очень многие покончили жизнь самоубийством...»^[44]

Американцы и англичане сразу уцепились за то, что репатриации подлежат только граждане СССР по состоянию на 3 сентября 1939 года (начало Второй мировой войны после вступления в германо-польский конфликт Англии и Франции). Таким образом, исключались белоэмигранты, жители Прибалтики и Западной Украины. Несмотря на антисоветскую пропаганду среди перемещенных лиц, уже летом 1945 года в Советский Союз вернулось более 5 миллионов человек, в том числе было принято от западных союзников 2,2 миллиона. Однако после фултонской речи Черчилля (март 1946 года) западные страны фактически прекратили репатриацию. За март – сентябрь 1946 года в СССР выехало всего 250 тысяч человек.

К концу 1946 года в лагерях для перемещенных лиц осталось 61 тысяча литовцев, 47 тысяч латышей, 21 тысяча эстонцев и более 100 тысяч украинцев (в основном западных), а также 22 тысячи лиц без гражданства (среди них было много белоэмигрантов).

Спустя два года после окончания войны в лагерях для перемещенных

лиц в Западной Европе все еще находилось более 850 тысяч человек из СССР и стран Восточной Европы. К тому времени домой уже вернулись все, кто хотел. По оценкам советской стороны, в 1947 году в лагерях в Западной Германии находилось 270 тысяч советских граждан.

СССР внес вопрос о перемещенных лицах отдельным пунктом повестки дня заседания Генеральной ассамблеи ООН (осень 1947 года). Представитель СССР в ООН Зорин подчеркнул: «Вместо содействия возвращению на Родину этих граждан американские, британские и в ряде случаев французские власти за последнее время все шире содействуют вербовке этих граждан в далекие страны и попустительствуют враждебной Советскому Союзу и ряду других стран пропаганде среди этих граждан...»^[45] Советский проект резолюции, направленный на скорейшее возвращение всех перемещенных лиц на родину, был поддержан 33 странами (1 – против, 12 воздержались).

Первоначально лагерями управляли военные власти союзников. С 1 октября 1945 года лагерями для перемещенных лиц формально управляла Администрация помощи и восстановления ООН (United Nations Relief and Rehabilitation Administration UNRRA, ЮНРРА). При содействии ЮНРРА около 7 миллионов перемещенных лиц вернулось в страны, где они проживали до войны. Были созданы лагеря для перемещенных лиц, где размещалось около 1 миллиона беженцев, не пожелавших вернуться на свою родину. Более половины всех средств поступило от США, все три генеральных директора ЮНРРА были американцами. ЮНРРА помогала пострадавшим от войны странам поставками продовольствия, медикаментов и одежды. Характерно, что Китай получил помощи на 518 млн долларов, Польша – на 478, Италия – 418, Чехословакия – 261, а больше всего пострадавший от войны Советский Союз – на 188 млн долларов.

ЮНРРА прекратила свою деятельность в Европе 30 июня 1947 года. Примерно в это же время американцы прекратили прием в лагеря новых лиц. В 1947 году Бельгия разрешила въезд на свою территорию 20 тысячам перемещенных лиц для тяжелых работ на угольных шахтах. Более 80 тысяч лиц приняла Британская империя, также для выполнения грязной или дешевой работы. К 1951 году более 150 тысяч перемещенных лиц приняла Канада (в том числе большое количество украинских коллаборационистов). 189 тысяч человек уехало в Австралию (много власовцев, выходцев из Прибалтики и Польши). 33 тысячи перемещенных лиц уехали в Аргентину, 29 тысяч – в Бразилию, 17 тысяч – в Венесуэлу. 38 тысяч человек приняла Франция.

В США конгресс долго сопротивлялся иммиграции евреев и

интеллигенции из стран Восточной Европы (эти две категории лиц считались прокоммунистически настроенными). Но 22 июня 1948 года Трумэн подписал первый закон о перемещенных лицах, разрешавший въезд в США для 200 тысяч человек. Законом от 16 июня 1950 года был разрешен въезд еще для 200 тысяч перемещенных лиц. Из въехавших в США иммигрантов 137 тысяч были евреями.

Коллаборационистов с Кавказа (чеченцы, кабардинцы и т. д.) отправили в Египет, позднее они перебрались в Дамаск.

В 1951 году лагеря на территории Западной Германии были переданы под формальное управление властей ФРГ (их назвали «Правительственные лагеря для иностранцев-апатридов»). По оценкам советской стороны, на 1 декабря 1952 года за границей все еще находился 451 561 советский гражданин (советская статистика, естественно, включала в это число и жителей Прибалтики и Западной Украины), в том числе 103 тысячи в ФРГ и Австрии. Среди перемещенных было 109 тысяч выходцев из Прибалтики и 114 тысяч западных украинцев.

К 1953 году в лагерях для перемещенных лиц в Европе все еще оставались 250 тысяч человек. Последний лагерь для перемещенных лиц в ФРГ был закрыт в 1959 году.

Следует отметить, что советское правительство отнеслось к репатриированным коллаборационистам очень гуманно. Несмотря на то, что по закону им грозила смертная казнь, участники коллаборационистских воинских частей вермахта и СС обычно наказывались спецпоселением на срок в 6 лет (это не считалось судимостью). По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года были амнистированы все, кто был осужден за сотрудничество с врагом в годы войны.

Визнер создал исследовательскую группу «Использование беженцев из СССР в национальных интересах США», куда помимо чиновников госдепартамента входили и представители военного ведомства. По замыслу Визнера из «беженцев» следовало создать боевые группы, которые затем будут переброшены на территорию социалистических стран и станут там ядром вооруженного «народного сопротивления». Давить на «перемещенных лиц» было несложно – они получали в лагерях американский паек.

Американцы вербовали агентуру не только среди перемещенных лиц, но и среди немцев с явным коричневым прошлым.

Еще с лета 1946 года военное ведомство США в рамках операции «Paperclip» («Скрепка») нелегально перевозило в США из Германии «полезных» немцев, главным образом ученых и технических специалистов.

То, что многие «специалисты» были военными преступниками или членами СС, американцев уже тогда ничуть не смущало.

Операция проводилась Объединенным агентством по целям разведки (Joint Intelligence Objectives Agency, ЛЮА) и в условиях разгоравшейся Холодной войны одной из целей операции было воспрепятствование передаче германскими учеными знания и опыта Советскому Союзу и Великобритании.

Хотя вербовка германских ученых американцами началась сразу после окончания войны в Европе, президент Трумэн не отдавал формального приказа о начале операции «Скрепка» до августа 1945 года. В приказе Трумэна особо подчеркивалось, что исключена вербовка тех, кто «был членом нацистской партии и был более чем формальным участником ее деятельности или активно поддерживал нацистский милитаризм». Согласно указанным ограничениям, большинство намеченных ЛЮА ученых должны были быть признаны негодными для вербовки, среди них ракетостроители Вернер фон Браун, Артур Рудольф и физик Губертус Штругхольд, каждый из которых был ранее классифицирован как «угроза безопасности силам союзников».

Чтобы обойти приказ президента Трумэна, а также Потсдамское и Ялтинское соглашения с Советским Союзом, ЛЮА разрабатывало фальшивые профессиональные и политические биографии для ученых. ЛЮА также изъяло из личных дел ученых членство в нацистской партии и причастность к неблагоприятным действиям гитлеровского режима. «Отбелить» «хороших немцев» от нацизма, правительство США признало немецких ученых благонадежными для работы в США. Кодовое название проекта «Скрепка» появилось от скрепок, использованных для того, чтобы прикрепить новые политические личности «американских правительственных ученых» к их личным документам в ЛЮА.

В 1943 году правительство рейха начало отзыв из вооруженных сил ведущих ученых, прежде всего ракетчиков. Они были должны ускорить работы над «оружием возмездия» (в основном ракетами ФАУ—1 и ФАУ-2), которые разрабатывались на острове Пенемюнде в Балтийском море. Вернер Озенберг, инженер-ученый, возглавлявший «Ассоциацию оборонительных исследований» (Wehrforschungsgemeinschaft), записал имена политически благонадежных в так называемый «список Озенберга», что стало основанием для восстановления их на научной работе. В марте 1945 года в университете Бонна лаборант-поляк нашел затолканные в унитаз страницы списка Озенберга. Этот список попал в руки британской MI-6, которая передала его американской разведке.

Майор Роберт Стейвер, шеф секции реактивного оружия отдела исследований и разведки Артиллерийского корпуса армии США, использовал «список Озенберга» для составления своего списка германских ученых, которые должны были быть задержаны и допрошены. Вернер фон Браун, главный ракетчик нацистов, возглавлял список майора Стейвера.

Начальным намерением майора Стейвера был только допрос ученых, однако то, что он узнал, изменило цели операции. 22 мая 1945 года он отправил телеграмму в Пентагон полковнику Джоэлу Холмсу с предложением эвакуировать германских ученых и их семьи, как крайне «важные для успеха в Тихоокеанской войне» (т. е. в войне США против Японии).

Большинство инженеров из списка Озенберга работали на балтийском побережье в исследовательском центре германской армии Пенемюнде, разрабатывая ракеты Фау-2. После пленения союзники сначала поселили их вместе с семьями в Ландсхуте, в южной Баварии.

Большая часть усилий американцев по поиску «немецких мозгов» была сосредоточена на Саксонии и Тюрингии, которые были освобождены американцами, но должны были с 1 июля 1945 года войти в советскую зону оккупации. Многие из германских исследовательских центров вместе с персоналом были эвакуированы из-за бомбежек именно в этот горный регион, в частности из района Берлина.

Опасаясь, что передача под советский контроль может ограничить для американцев возможность использования германского научного и технического опыта, и не желая, чтобы Советский Союз получил выгоду от этого опыта, США предприняли «операцию по эвакуации» научного персонала из Саксонии и Тюрингии посредством таких приказов: «По приказу военного правительства вы обязаны вместе с семьей и багажом, настолько большим, сколько вы в состоянии нести, явиться завтра в 13:00 (пятница, 22 июня 1945) на городскую площадь в Биттерфельд. Вам не нужно нести зимнюю одежду. Нужно взять легкие вещи, такие как документы, драгоценности и тому подобное. Вас отвезут на автомобиле на ближайшую железнодорожную станцию. Оттуда вы отправитесь в путешествие на Запад. Пожалуйста, сообщите лицу, доставившему это письмо, насколько велика ваша семья».

Вместе с учеными из отделения концлагеря Бухенвальд («Дора») в США были переброшены готовые ракеты ФАУ-2 и ракетные двигатели. Объект «Дора», где в скальных туннелях силами узников велись работы над «оружием возмездия», находился в советской зоне оккупации Германии.

Американцы покинули этот район в начале июля 1945 года.

6 июля 1945 года американское военное командование издало секретный приказ о «присвоении» немецких технологий (вместе с их разработчиками), прежде всего, чтобы не допустить «ухода» немецких ученых к русским.

Сначала операция «Скрепка» была ограничена 350 учеными, которых без семей на полгода намеревались перебросить в США, чтобы выяснить, чем они могут быть полезны. Но в начале 1946 года стало понятно, что немцам придется задержаться в Америке, и им разрешили пригласить семьи. В это же время были существенно ослаблены политические критерии отбора, главным образом чтобы «протащить» в США Вернера фон Брауна, члена СС и НСДАП^[46].

Начиная с 19 июля 1945 года, американский Объединенный комитет начальников штабов управлял захваченными ракетчиками в рамках программы под названием операция «Overcast» («Беспросветность»). Однако, когда название «лагерь Оверкаст» и сведения о квартирах ученых стали известны в округе, в марте 1946 года программа была переименована в операцию «Скрепка». Вопреки попыткам засекречивания, спустя год пресса взяла интервью у некоторых из ученых.

В сентябре 1945 года первая группа из семи немецких ученых ракетчиков прибыла в Форт-Стронг (Бостонская бухта): Вернер фон Браун, Эрих Нойберт, Теодор Поппель, Аугуст Шульце, Эберхард Реес, Вильгельм Юнгерт и Вальтер Швидецки. В конце 1945 года три группы ракетчиков прибыли в США для работы в Форт Блисс (Техас) и в Уайт Сэндс Проувинг Граундз (Нью-Мексико), как «специальные сотрудники военного департамента». В 1946 году Бюро шахт Соединенных Штатов трудоустроило семерых германских ученых в области разработки синтетического топлива на химическом заводе «Фишер Тропш» в городе Луизиана в штате Миссури.

86 авиаинженеров были переправлены в Райт Филд, где США держали самолеты и оборудование люфтваффе, захваченные в ходе операции «Lusty» (Luftwaffe Secret Technology – Секретная технология люфтваффе). Корпус связи Армии США получил 24 специалиста – среди них физики Георг Гоубау, Гюнтер Гуттвейн, Георг Хасс, Хорст Кедесди и Курт Леговец; физические химики Рудольф Бриль, Эрнст Баарс и Эберхард Бот; геофизик доктор Хельмут Вейкманн; оптик Герхард Швезингер; инженеры Эдуард Гребер, Рихард Гюнтер и Ганс Циглер.

Технический директор ракетного центра германской армии, Вернер фон Браун, содержался в секретной тюрьме Р.О. Вох 1142 в Форт-Ханте

(штат Вирджиния). Так как о существовании тюрьмы не было известно Международному Красному Кресту, ее функционирование было нарушением со стороны США Женевских конвенций. Хотя американцы, допрашивавшие фон Брауна, давили на него, его не пытали.

Вскоре фон Браун приступил к работе, и в 1946–1951 гг. с полигонов Форт-Блисс (Техас) и Форт-Сэндс (Нью-Мексико) стартовали 66 ракет Фау-2. В некоторые из них были подопытные растения и животные, которые все погибли. С конца 1951 года стартовая площадка находилась на мысе Канаверал (Флорида).

13 сентября 1946 года Трумэн подписал соответствующий документ «Принципиальное заявление», и СМИ были переданы данные о нахождении в США немецких ученых. Это вызвало недоумение и возмущение американской общественности.

К 1947 году операция по захвату и эвакуации «немецких мозгов» охватила около 1800 техников и ученых, а также 3700 членов их семей. Эти люди, имеющие специальные знания или умения, были заключены в центры допросов, такие как носивший кодовое название «Пепельница» (Dustbin), где их держали в заключении и допрашивали, в некоторых случаях месяцами.

5 ноября 1947 года Военное правительство Соединенных Штатов в Германии (OMGUS) провело конференцию о статусе эвакуированных немцев, их денежных требованиях и сопутствовавших вопросах. Было констатировано, что «эвакуированные» зарегистрированы против законов США. Директор разведки OMGUS Уэлш инициировал программу по переселению эвакуированных в страны Третьего мира, названную немцами «программой джунглей» («Urwald-Programm»), однако эта программа никогда не осуществлялась всерьез. В 1948 году эвакуированные получили подъемные для переселения в США на сумму 69,5 миллионов рейхсмарок, которые вскоре существенно подешевели вследствие валютной реформы лета 1948 года, в ходе которой в обращение была введена немецкая марка как официальная валюта Западной Германии.

В начале 1950 года право на легальное проживание в США для некоторых специалистов из проекта «Скрепка» было получено через американское консульство в Сьюдад-Хуарес (штат Чиуауа) в Мексике. Таким образом, нацистские ученые якобы законно въезжали в США из Латинской Америки.

В 1959 году в США прибыли 94 человека в рамках операции «Скрепка», среди них Фридвардт Винтерберг и Фридрих Виганд. Всего в ходе операции «Скрепка» до 1990 года в США было «импортировано»

1600 человек, как часть интеллектуальных репараций Германии в пользу США и Великобритании (около 10 миллиардов долларов США в патентах и промышленных технологиях).

Так как нацистских ученых удалось использовать скрытно и успешно, духовный отец Холодной войны Кеннан подхватил идею Визнера и предложил начать политическую и психологическую подготовку эмигрантов из СССР и стран Восточной Европы. Визнер (который, как и Кеннан, тогда трудился в госдепартаменте) в свою очередь расширил эту мысль за счет саботажа и диверсий.

Два ветерана УСС (тоже временно оказавшиеся в госдепартаменте) – Фрэнк Линдси и Чарльз Тайер – тоже выступили с идеей «использования в интересах США недовольных иностранцев из стран, находящихся под советским господством»^[47].

Начиная работу с эмигрантами, Визнер и его люди прекрасно понимали, что многие «беженцы» и «перемещенные лица» ранее активно сотрудничали с нацистами. Эксперт по СССР в ЦРУ Гарри Розикке заметил на сей счет: «Это был порочный бизнес по использованию любого мерзавца, если только он был антикоммунистом»^[48]. Для сокрытия нацистских военных преступников от заслуженного возмездия конгресс по просьбе ЦРУ в 1949 году принял закон, по которому разрешалось выдвигать иммиграционные визы в США без всякой проверки сотне иностранцев, рекомендованных ЦРУ.

Несколько позднее Визнер назвал своей проект по созданию диверсионной армии из «перемещенных лиц» операцией «Кровавый камень» (Bloodstone). Тысячи «беженцев» должны были быть заброшены за «железный занавес», чтобы подорвать социалистические страны изнутри. Все это Визнер брался осуществить всего-навсего за 5 миллионов долларов. Пока же под эгидой армии США 35 тысяч эмигрантов из числа перемещенных лиц были сведены в рабочие отряды. Формально они должны были разбирать руины в Германии, но помимо этого проходили и военную подготовку.

В мае 1948 года межведомственная группа Визнера выступила с рекомендациями по использованию эмигрантов, причем не только для диверсий, но и для «установления контроля над общественными движениями» в восточноевропейских странах. Визнер считал, что надо перенять успешную коммунистическую тактику в Западной Европе, где компартии фактически вели за собой профсоюзы и многочисленные молодежные и женские организации.

Однако одно дело разведка или саботаж – здесь все окутано тайной. Но в том, что касается психологической войны и контроля над общественными движениями, пришлось бы работать открыто, и надо было позаботиться о том, чтобы «гражданские лидеры» не выглядели американскими агентами.

Решение предложил в мае 1948 года все тот же Кеннан – следовало создать частную «независимую» американскую организацию по поддержке беженцев из Восточной Европы. Через эту структуру и можно было бы направлять эмигрантам государственные средства США. В своем меморандуме на сей счет Кеннан писал, что «независимая» организация будет «секретно направляться» американским правительством.

10 июня 1948 года операция «Кровавый камень» была формально одобрена координационным комитетом, в составе представителей госдепартамента, морского, военного и военно-воздушного ведомств. В июле 1948 года к целям операции была добавлена «такая деятельность против врага, которую обычно проводят союзные или дружественные силы за линией вражеского фронта... это включает психологическую войну, подрывные операции, саботаж и смешанные операции, такие как покушения, захват объектов и спасение пилотов союзных ВВС»^[49].

Таким образом, против СССР и его союзников разрешили делать все, что еще пару лет тому назад предпринимали против нацистов.

В апреле 1949 года тогдашний госсекретарь США Дин Ачесон одобрил идею Кеннана относительно «независимой» и «гражданской» организации по содействию «бедным» беженцам из Восточной Европы. Нашелся и «независимый» лидер – Аллен Даллес. 1 июня 1949 года на пресс-конференции было объявлено о создании Национального комитета за свободную Европу (National Committee for Free Europe)^[50]. Список руководящих органов и спонсоров этой «частной организации» походил на справочник «кто есть кто в Америке» – Дуайт Эйзенхауэр, Артур Шлезингер и т. д. Президентом комитета стал эксперт госдепартамента по психологической войне Девиэт Пул (во время войны от лица УСС поддерживал контакты с антисоветской эмиграцией), но всю главную работу выполнял исполнительный секретарь комитета Аллен Даллес.

В мае 1947 года в ЦРГ опять сменился руководитель – на сей раз им стал контр-адмирал Хилленкоттер. Всю жизнь (родился в 1897 году) он прослужил в военно-морской разведке, отвечая за эту сферу в Тихоокеанском флоте адмирала Нимитца в годы войны. Как и Сойерс, Хилленкоттер не горел желанием возглавлять аморфную и не имевшую

постоянного финансирования ЦРГ, и Трумэну пришлось его уговаривать.

Между тем на волне истерии вокруг «доктрины Трумэна» в США летом 1947 года была предпринята самая масштабная в истории страны реформа государственных органов, отвечавших за национальную безопасность.

В июне 1947 года конгресс провел секретные слушания по организации мощной американской внешней разведки. Характерно, что докладывал депутатам не Хилленкоттер, а Аллен Даллес – формально частный юрист с Уолл-стрит. Даллес говорил, что США нужна элитная «самая лучшая в мире» разведслужба, куда будут набраны самые одаренные люди страны.

На этот раз Трумэн уже не возражал против «американского гестапо» – он боялся, что Никсон и Маккарти опять обвинят его в мягкости по отношению к «красным».

Национальная безопасность и создание ЦРУ, лето – осень 1947 года

26 июля 1947 года президент США подписал закон, известный как Акт о национальной безопасности, который касался отнюдь не только разведки.

Согласно закону ВВС приобретали статус особого вида вооруженных сил, так как именно на них возлагалась задача нанесения по СССР ядерного удара. ВВС возглавил бывший шеф ЦРГ Ванденберг.

С целью унификации военного руководства военное министерство (отвечало ранее за сухопутные силы) было слито с министерством ВМС в министерство обороны. Первым министром обороны США стал Форрестол.

Вместо ЦРГ и на ее базе в качестве внешней разведки США образовывалось Центральное разведывательное управление (ЦРУ, Central Intelligence Agency, CIA). Слово «агентство» подчеркивало самостоятельный ведомственный статус ЦРУ. Только «агентства» и «департаменты» (министерства) в США могут иметь самостоятельное бюджетное финансирование, а значит, их создание подлежит предварительному утверждению конгрессом посредством закона. Хилленкоттер стал первым директором ЦРУ, сохранив титул директора национальной разведки. То есть по-прежнему подразумевалось, что он должен был координировать работу всех ведомственных разведорганов США. Однако сам процесс координации в законе ясно прописан не был, поэтому и госдепартамент и ФБР, и военная разведка зачастую игнорировали своего нового конкурента.

Вместо аморфного Национального органа по разведке согласно закону создавался Совет национальной безопасности (СНБ, National Security Council) при президенте. В СНБ входили министр обороны, госсекретарь, иные министры в зависимости от рассматриваемых вопросов, а также директор ЦРУ. Работу СНБ, который в отличие от своего предшественника стал постоянно действующим органом, организовывал помощник президента по национальной безопасности. СНБ собирался часто, под председательством президента, и формулировал директивы в сфере внешней политики, обязательные к исполнению всеми ведомствами США.

ЦРУ начало свою работу 18 сентября 1947 года. Формально закон не давал ЦРУ никаких полномочий для подрывных операций за границей.

Разведка должна была лишь собирать, оценивать, анализировать и распространять в американских ведомствах разведывательную информацию о зарубежных странах. Однако ЦРУ с самого начала, без ведома конгресса, но с санкции президента или СНБ, занималась подрывными операциями, используя следующий нарочито туманно сформулированный пассаж Акта о национальной безопасности о своих полномочиях: «...и осуществлять иные функции и обязанности, связанные с разведкой и затрагивающие национальную безопасность»^[51].

27 сентября 1947 года Кеннан направил Форрестолу (теперь влиятельному члену СНБ) докладную записку с планом Визнера по организации «партизанского корпуса» из перемещенных лиц для заброски в социалистические страны. При этом сам Кеннан признавал, что американское общественное мнение не одобрит такой меры, но утверждал, что «с огнем надо бороться огнем»^[52].

В декабре 1947 года Совет национальной безопасности (СНБ) США принял специальную директиву NSC 4-A, согласно которой только что созданной внешней разведке – ЦРУ – поручалось вести «психологическую войну» против враждебных США стран. Смысл директивы был еще и в том, что все подрывные операции носили тайный характер и не подлежали согласованию с конгрессом^[53].

Итальянский дебют ЦРУ: тайные операции в действии

ЦРУ немедленно предложило в качестве первого театра психологической войны Италию. В этой стране была сильнейшая и популярная коммунистическая партия во главе с Пальмиро Тольятти. Авторитет итальянских коммунистов, как и в Греции, базировался на их решающей роли в борьбе против фашистского режима Муссолини и немецкой оккупации. В Италии предстояли парламентские выборы, и ЦРУ сообщило, что если не предпринять срочных мер, то победа коммунистов более чем вероятна. А при победе Тольятти Сталин якобы сможет сделать Италию коммунистической, «сняв трубку телефона», пугала Вашингтон американская разведка.

С помощью выделенных втайне от конгресса США средств (включая и деньги крупных американских корпораций, полученные через старые связи на Уолл-стрите) ЦРУ стало подкупать итальянских политиков, деятелей католической церкви и профсоюзных функционеров. 300 тысяч долларов среди своих друзей и партнеров предложил собрать Даллес. В марте 1948 года в римском отеле «Хасслер» чемоданы с миллионами лир были переданы итальянским христианским демократам – главным оппонентам коммунистов на выборах.

Всю подрывную работу ЦРУ в Италии координировал человек, которого многие считают отцом-основателем американской контрразведки.

Джеймс Энглтон родился в штате Айдахо в 1917 году. Его родители – Кармен Мерседес Морено (мексиканка) и Джеймс Хью Энглтон – познакомились в Мексике, где отец служил кавалерийским офицером под командованием генерала Першинга в 1916 году. Американцы безуспешно пытались поймать там неуловимого мексиканского «робин гуда» – легендарного Панчо Вилью. Перед Первой мировой войной отец Энглтона стал владельцем отделения американской корпорации NCR в Италии, и детство будущего шефа контрразведки ЦРУ прошло в Милане. Школьное образование Энглтон получил в английском интернате Мэлверн-колледж и затем поступил в Йельский университет.

В марте 1943 года он поступил на службу в армию, а в июле женился на Сиселии д'Отремо, выпускнице престижного Вессер-колледжа. Во время войны Энглтон служил в лондонском отделе контрразведки (X-2)

УСС (в разведке Donovan служил и отец Энглтона), в феврале 1944 года стал главой итальянской секции в Лондоне, а в ноябре был переведен в Италию в качестве шефа отдела Z (тайной контрразведки), занимавшегося расшифровкой немецких радиogramм (проект «Ultra»). К концу войны Энглтон возглавил итальянский отдел X-2.

После окончания войны Энглтон остался на работе в УСС и его организациях-преемниках, и стал одним из ключевых сотрудников, основавших ЦРУ. С 1949 года отвечал за связи с союзными разведывательными службами, а с 1951 года курировал отношения с Моссад и Шин Бет (израильская контрразведка). В числе его близких контактов был работавший в Вашингтоне представитель британской разведки в США Ким Филби, которому предрекали пост руководителя британской Секретной разведывательной службы (MI-6). «Проницательный» Энглтон раскусить Филби так и не смог.

Действительно, к 1948 году Джеймс Хесус Энглтон был самым толковым специалистом по Италии в рядах американской разведки. Энглтону очень высоко ценил Даллес, который, как и Энглтон, любил все итальянское, особенно вино и женщин.

В борьбе против коммунистов Энглтон решил сделать ставку на католическую церковь, традиционно влиятельную в селах и среди неграмотного населения юга Италии.

На деньги ЦРУ в итальянских храмах с амвонов верующих (особенно женщин) начали призывать голосовать против «безбожных коммунистов», «разрушителей семьи». Священники говорили избирателям, что в кабинках для голосования Бог наблюдает за ними, а Сталин – нет.

ЦРУ наняло даже самолеты, с которых на головы итальянцев сыпались антикоммунистические листовки – это был первый случай использования авиации для политической пропаганды в Европе. Члены созданных на деньги ЦРУ боевых групп срывали митинги коммунистов и социалистов. Финансируемая ЦРУ Христианско-демократическая партия (ХДП) уверяла, что в «коммунистических странах родители вынуждены отдавать детей в тюрьмы, именуемые детскими садами». Пропагандисты ХДП пошли и еще дальше – мол, в СССР родители от голода вообще едят своих детей^[54]. От имени итальянской компартии оперативниками ЦРУ публиковались фальшивые листовки с бредовыми требованиями. Избирателям было отослано более 10 миллионов писем, предупреждавшим об опасности коммунизма в Италии.

Особый упор в пропаганде делался на женщин, которым по инициативе коммунистов впервые в 1946 году предоставили избирательное

право. В 1948 году итальянские сеньоры и сеньориты должны были впервые появиться на избирательных участках. Хотя католическая церковь всегда была противницей женского участия в политике, папа неожиданно заявил, что если итальянские женщины не примут участия в выборах, это будет для них смертным грехом.

Много денег ЦРУ выделило итальянским антикоммунистам через американские профсоюзы. По правительственным каналам доллары передавать было опасно – это могло стать достоянием общественности. Поэтому в Нью-Йорке был открыт «благотворительный» счет «христианской помощи», с которого деньги в Италию уходили через американский профсоюз работников-производителей женской одежды. Каждой антикоммунистической партии в Италии^[55] первоначально предназначалось по 500 тысяч долларов^[56].

Оперативник ЦРУ Фелтон Марк Уатт вспоминал: «У нас были чемоданы денег, которые мы передавали отобранными нами политикам, чтобы компенсировать их расходы на компанию, на постеры, на памфлеты». Правда, он же голословно утверждал, что «Советы» передавали коммунистам 8—10 миллионов в месяц.

Позднее ЦРУ признало, что передало ХДП и другими антикоммунистическим партиям Италии как минимум 1 миллион долларов^[57]. Несмотря на то, что альянс коммунистов и социалистов уступал ХДП в опросах общественного мнения, посол США в Риме Данн утверждал, что победа левых неминуема якобы благодаря огромным финансовым вливаниям Москвы^[58]. Самых итальянцев Данн считал неблагодарными оппортунистами, которые-де готовы примкнуть к любому победителю на выборах.

Лидер ХДП де Гаспери под диктовку ЦРУ построил всю компанию вокруг защиты итальянской независимости, которая будет под угрозой в случае победы «промосковских» коммунистов. ХДП назвала голосование великим выбором между христианскими ценностями и безбожным атеизмом, между свободой и угнетением. США изображались как бескорыстный союзник, готовый помочь Италии всем необходимым. В случае успеха левых Вашингтон угрожал приостановить выделение кредитов по линии «плана Маршалла».

Премьер-министр Италии де Гаспери взывал к соотечественникам: «Я не хотел бы дожить до того дня, когда в состав правительства вошли бы те, кто скромпрометировал себя, выступая против Америки; я не хотел бы дожить до того дня, ибо боюсь, что итальянский народ, ожидая на берегу

корабли, груженные углем и пшеницей, мог бы увидеть, как они изменяют курс и уплывают к другим берегам»^[59].

Помимо невиданной в истории Италии пропагандистской войны против левых ЦРУ не гнушалось и организацией терактов, в том числе и с помощью мафии и итальянских фашистов. У итальянского избирателя должно было сложиться впечатление, что приход к власти коммунистов и социалистов будет означать гражданскую войну.

23 июня 1947 года группа мафиози обстреляла и забросала ручными гранатами несколько местных организаций компартии. 26 июня была разгромлена секция ИКП в Реджо-Калабрия. 28 октября, в годовщину марша Муссолини на Рим (1922 год), во многих итальянских городах прошли фашистские демонстрации. В Риме были вывешены черные фашистские флаги.

Правительство для вида приняло в декабре 1947 года закон о подавлении неофашистской деятельности. Одновременно под руководством заместителя председателя совета министров Италии Паччарди был создан «Комитет защиты республиканских институтов». В январе 1948 года комитет «нашел» многочисленных говоривших по-итальянски советских агентов, высадившихся на побережье между Римини и Пезаро с целью организации восстания. Самих агентов при этом, правда, никто так и не увидел.

Газеты запестрили сообщениями об изъятии у бывших партизан фантастических объемов оружия и боеприпасов. 2 февраля 1948 года премьер де Гаспери обратился к народу: «Будьте осторожны! Так называемый фронт (т. е. блок левых сил. – *Примечание автора*) прибегает к использованию газа. Его дымовая завеса – это те малочисленные представители буржуазии, которых гонят впереди, чтобы замаскировать идущие за ними штурмовые отряды под командование маршала Лонго^[60], ударные отряды, сражающиеся за балканскую диктатуру... Нужно бороться с паникой и террором! Схватка предстоит острая, и исход ее будет иметь решающее значение! На этот раз нет третьего пути...»^[61]

9 ноября 1947 года при загадочных обстоятельствах был убит вице-секретарь Федерации трудящихся сельского хозяйства провинции Марсала-Пипитоне. 12 ноября был совершен налет на помещение миланского комитета ИКП, 25 ноября были брошены бомбы в помещения редакций газет коммунистов и социалистов «Унита» и «Аванти!». 26 января 1948 года бомба угодила в здание местной организации компартии в городке Майорна (Сицилия). 11 апреля бомбами закидали митинг левого фронта

в Лидзанелло – два человека было убито, 19 ранено.

Компартия Италии оказалась не готова к столь яростной и наполненной грязью кампании, и ХДП получила на выборах 18 апреля 1948 года 48 % голосов. Возглавляемый коммунистами блок левых сил набрал всего 31 %.

Английская газета «Дейли телеграф» так прокомментировала итальянские выборы: «Вся сила и мощь католической церкви были брошены против Фронта (левых сил), и христианско-демократическая партия использовала все пропагандистские трюки, какие только возможно... Вмешательство из-за границы сыграло решающую роль»^[62].

Таким образом, ЦРУ успешно выполнило свою первую задачу.

Чехословакия, год 1948: провал, которого не ждали

В это время в США набирал силу очередной антикоммунистический психоз, связанный с «потерей Западом Чехословакии». В 1946 году компартия Чехословакии (КПЧ) выиграла свободные парламентские выборы и могла вместе с социал-демократами образовать левое рабочее правительство. Однако Сталин побудил лидера КПЧ Готвальда разделить власть с буржуазными партиями, членами Национального фронта чехов и словаков^[63].

Весной 1948 года в Чехословакии предстояли новые выборы, и, по оценкам ЦРУ и посольства США, в Праге коммунисты могли набрать на них единолично более 50 % голосов. В этих условиях по согласованию с США представители буржуазных партий с целью срыва выборов в феврале 1948 года вышли из правительства, надеясь, что симпатизировавший им президент Бенеш приведет к присяге новый кабинет без коммунистов. Но согласно конституции страны в случае, если из кабинета уходило меньше его половины (а так и было), президент должен был поручить прежнему главе правительства (т. е. лидеру сильнейшей парламентской фракции Готвальду) сформировать новый кабинет. Президент колебался, и коммунисты и профсоюзы вывели на улицы сотни тысяч людей. Бенешу пришлось соблюсти основной закон, и новое правительство Национального фронта Готвальда стало гораздо более левым, чем раньше.

В США почему-то окрестили эти события «коммунистическим путчем в Праге», хотя путч (пусть и неудачный) на самом деле предприняли противники коммунистов.

Между тем события в Праге стали еще одним ярким свидетельством тупости и непрофессионализма американской разведки, хотя условия для шпионажа в Чехословакии в 1945–1948 гг. были просто идеальными.

Президент ЧСР Бенеш, большая часть кабинета и депутаты от буржуазных партий были искренними друзьями Запада и преклонялись перед Америкой. Так что проблем с источниками самой доверительной информации у американцев в Праге не было. Проблемы были в самих американских разведчиках.

Сразу после освобождения Чехословакии от нацистов (западную часть

Чехии освободили американские войска) в Праге появился глава военной миссии США майор Чарльз Катек, которого все называли Чарли.

Катек родился в 1910 году в семье чешских эмигрантов в Чикаго. Его отец возглавлял семейную фирму по доставке тяжелых пианино на верхние этажи. Участь грузчика ожидала и широкоплечего Чарльза, но тот еще в юности понял, что улыбкой и хорошими манерами может влиять на людей. Тягать по этажам пианино Чарли никак не хотел, поэтому упробил отца и брата Отто, и те оплатили ему обучение в университете штата Иллинойс. Там Катек поначалу был средним студентом, но к концу обучения получал в основном отличные оценки^[64].

В 1934 году Катек окончил университет и позднее женился на Анне Штих, католичке из семьи немецкого происхождения (сам Катек считался агностиком). В Северо-Западном университете Чарли защитил в 1942 году диссертацию по истории на тему «Развитие чешских демократических традиций в 1840–1867 гг.». Но когда подающего надежды ученого спросили о его дальнейших планах, он всех удивил, сообщив, что хочет стать сотрудником УСС. Вскоре Катек призвали в армию, и его языковые знания, и правда, привели его в ряды бойцов «Дикого Билла».

Катек направил в Лондон, и он стал офицером связи с эмигрантским чехословацким правительством президента Бенеша. Едва не ставший грузчиком Катек был без ума от возможности вращаться в кругах президентов, министров и аристократов. Никаким шпионажем ему заниматься не приходилось – чехи сами все рассказывали своему соотечественнику и союзнику. В январе 1945 года Катек как глава чехословацкой секции УСС получил из рук Бенеша высокую чехословацкую награду.

В мае 1945 года Катек в форме майора американской армии на шикарном зеленом кабриолете прибыл в Прагу. Он фактически и не скрывал, что является главным американским разведчиком в стране. Ему такой статус явно льстил. Помощником его как главы Военной миссии США был сержант Курт Тауб.

Военная разведка и контрразведка ЧСР (ОВЗ)^[65], так же как и МВД и госбезопасность, сразу же оказалась в руках компартии. Истинный статус Катек у контрразведчиков (как и во всей светской Праге) никакого сомнения не вызывал, и за «Чарли» установили плотное наблюдение.

Катек между тем разыгрывал в Праге роль великосветского и великодушного вице-короля «дяди Сэма». В ноябре 1945 года он снял для военной миссии великолепный особняк прямо в Пражском граде на

Лоретанской площади. МИД был по соседству, и министр иностранных дел ЧСР Ян Масарик (сын первого президента Чехословакии) захаживал к Катеку в домашнем халате. Чарли устраивал бесконечные великосветские рауты (при этом он хвалился высоченными потолками и позолоченными дверными ручками своего особняка) и щедро потчевал гостей дефицитными тогда в Праге виски, джином, настоящими кофе и шоколадом. Красивым женщинам он дарил чулки. У Катека постоянно толклись представители чешской аристократии (бывшему грузчику это льстило), министры и депутаты от буржуазных партий, а также высшие офицеры армии с антикоммунистическими настроениями. Под модные пластинки с джазом они охотно делились с Катеком любой информацией.

В январе 1946 года душа пражского светского общества Чарльз Катек получил от Бенеша чехословацкий Военный крест. В марте всех сотрудников миссии перевели «под крышу» американского посольства и предоставили им, таким образом, дипломатический иммунитет. Катек стал военным атташе.

Ни Катеку, ни кому бы то ни было другому из американских разведчиков так и не удалось занять информаторов в стане главного противника американцев – компартии и в органах госбезопасности, плотно контролировавшихся коммунистами. Видимо, Катек считал, что пока Бенеш находится на посту президента, Чехословакия и так никуда не уйдет из-под опеки Запада.

Интересно, что чехословацкая госбезопасность считала Катека «первоклассным разведчиком», главным образом потому, что на вчерашних рабочих из контрразведки производили неизгладимое впечатление великосветские манеры и разгульное транжирство Чарли.

На самом деле сотрудники контрразведки ЧСР и их советские коллеги знали все, что происходило в ведомстве неугомонного Чарли. Ведь заместитель Катека сержант Курт Тауб еще с 1941 года был агентом советской разведки с позывным «Дабл». В отличие от Катека Тауб был скромным и тихим человеком, но за этими неприметными чертами характера скрывалась умная личность железной воли.

Тауб (немец по национальности) родился в 1911 году в Брно. Его отец, поначалу скромный страховой служащий, ушел в полтику и в 30-е годы стал заместителем председателя чехословацкого парламента от немецких социал-демократов. Естественно, что оккупация нацистами Чехии семье Тауба ничего хорошего не сулила, и они бежали в Швецию. Там при попытке получить советскую транзитную визу в США их завербовали сотрудники НКВД. Так Курт Тауб стал «Даблом», а его брат Вальтер –

«Терентием». Советская разведка хотела иметь агентов в США, но никаких специальных заданий ни «Даблу», ни «Терентию» не дали. Они должны были просто устроиться в Америке и ждать указаний.

«Дабл» обосновался в Бостоне (хотя в НКВД очень хотели видеть агента в Нью-Йорке), и в 1943 году его призвали в армию. Знание чешского и немецкого языков привело Тауба в УСС, а именно в резидентуру американской разведки в Лондоне. Там он подружился с Катеком и сделался для того незаменимым человеком. Чарли ценил в помощнике то, что тот не лез на рожон и боготворил своего начальника. Тем более, что бывшему грузчику было приятно командовать сыном бывшего известного парламентария. Так путем грубой лести «Дабл» и оказался в Военной миссии США в Праге.

Глава чехословацкой разведки Зденек Томан установил контакт с «Даблом» через его брата «Терентия», активно работавшего на советскую разведку. Контакт Курта Тауба от разведки ЧСР стал Алоис Шушанка, который помог семье Таубов в 1939 году бежать из Чехословакии. Сам Шушанка, как и его отец, был убежденным коммунистом. Алоис после войны работал на СМЕРШ (псевдоним «Твист»). «Твист» получал от «Дабла» любые сведения о службе Катека. Он ссужал семью Тауба деньгами, и когда те уехали из ЧСР в 1948 году, жена Тауба Бета переписала на Шушанку свой дом.

Тауб сообщил, что главным информатором Катека является не кто иной, как заместитель премьера Петр Зенкл^[66], председатель главной некоммунистической партии Чехословакии – Чешской национально-социалистической партии. Зенкл был доверенным лицом Бенеша и постоянно носился с мыслью об отстранении коммунистов от власти любой ценой. «Дабл» передал и имена 10 агентов, которые были арестованы после прихода коммунистов к власти в феврале 1948 года.

Тауб характеризовал Катека, посла США в Праге Стейнгардта и прочих американских дипломатов как тупых реакционеров, настроенных весело прожигать жизнь в красивой Праге.

Но, честно говоря, чехословацкая контрразведка могла все знать о Катеке и без «Дабла». «Чарли» подвело его безудержное пижонство. Он очень хотел жить в особняке на Лоретанской площади, и его не смущало, что на первом и втором этажах этого здания был полицейский пост. В 10 часов вечера управляющий зданием запирает входную дверь на замок и шел спать. Другого ключа не было. Припозднившиеся американцы и их гости вынуждены были либо будить смотрителя и просить ключ, либо проходить через полицейское управление. Поэтому все посетители Катека

были как на ладони.

В ответ на любезность полицейских их часто пускали вечером в миссию, где они подбирали на столах оставшиеся после светских раутов закуски и алкоголь. Пошарить в самих столах тоже не составляло никакого труда. Наконец завербовали и уборщицу, которая приносила контрразведчикам содержимое мусорных корзин из кабинетов.

Часто ночью контрразведчики проникали в миссию и не торопясь копировали со стола Катека все документы. Например, они скопировали весь ежедневник Чарли за 1947 год, выяснив, кто чаще всего бывал у американского супермена^[67].

В начале 1947 года Катека вызвали на ковер во Франкфурт-на Майне и раскритиковали за то, что он присылает из Праги только салонные сплетни. Чарли приказали сосредоточиться на получении сведений о чехословацкой армии и органах безопасности и создать в ЧСР нелегальную сеть информаторов, способную действовать без контакта с посольством США.

Катек был крайне недоволен этим заданием – зачем вербовать тайных осведомителей, если все на блюдечке приносит вице-премьер правительства? О своем недовольстве Чарли, вернувшись в Прагу, сообщил одному знакомому, являвшемуся осведомителем чехословацкой госбезопасности. Катек даже показал «другу» напечатанный на машинке перечень вопросов, которыми ему предстояло заняться.

В конце концов в Вашингтоне осознали, что Чарльз Катек только бестолково тратит в Праге средства на светские рауты. Свежеиспеченное ЦРУ решило направить в чехословацкую столицу нового резидента.

Спенсер Лэрд Таггарт родился в 1911 году в семье мормонов в штате Айдахо. Он видел свое призвание в изучении истории и классической музыки, но братья-мормоны направили его миссионером в Прагу в октябре 1931 года. В миссионерской деятельности «брат Таггарт» не преуспел, но научился говорить по-чешски и искренне любил Чехословакию с ее богатой историей и культурными традициями.

Вернувшись в США в 1934 году, Таггарт окончил университет в Юте. Докторскую работу он писал в Калифорнии (университет Беркли), где познакомился с Катekom, также собиравшим материалы для своей диссертации. Когда США вступили в войну, Таггарт пришел на работу в военный отдел министерства юстиции, а уже оттуда в конце 1942 года попал в УСС. Он специализировался на сборе информации о Чехословакии, Венгрии и Финляндии.

В ЧСР Таггарт появился в феврале 1946 года. Чехословацкую контрразведку сразу насторожило, что всего лишь вице-консул посольства

США прилетел на самолете, в то время как более высокопоставленные дипломаты ездили поездом. После того, как скромный с виду вице-консул нанял для своей семьи шикарный дом, сомнений у чехословацкой госбезопасности не осталось – в Прагу пожаловал резидент американской разведки.

Проблема Таггарта была в том, что он не считал разведку своим призванием – его по-прежнему тянуло в тихий мир изучения истории и искусства. Но свое задание разведчик понимал абсолютно четко: «Меня прислали в Прагу с долгосрочным заданием – помогать чехам охранять свою независимость и поддерживать демократию западного образца»^[68].

Среди информаторов Таггарта были все те же прозападно настроенные завсегдатаи салона Катека, а ему были нужны источники из рядов коммунистической партии. С этим никак не получалось, в то время как чехословацкая контрразведка быстро выяснила, что характер расположения кабинета Таггарта в посольстве (в этот отсек здания пускали не всех дипломатов) и наличие у него собственной шифровальной машины допускает лишь один вывод: «Таггарт – начальник американской разведки...»^[69]

Таггарт должен был также охранять здание посольства от незаконного проникновения чехословацких органов безопасности, но не очень в этом преуспел. На основе добытых в посольстве материалов контрразведка составила подробные справки на 193 американцев. Чехи проникли даже в кабинет самого Таггарта, открыли его стол, просмотрели все документы и скопировали полусожженные листки с адресами и именами.

У Таггарта был всего один помощник – Самюэль Мерин (настоящая фамилия Полаков), выходец из еврейской семьи, работавший до войны в чехословацком Ремесленном банке. Эмигрировав в США, Полаков вступил в американскую армию, участвовал в боях против немцев в Тунисе, Италии и Австрии и закончил войну в звании сержанта. Мерин вернулся в Прагу, чтобы возратить себе имущество своей семьи. В 1947 году его приняли как гражданского служащего на работу в офис американского военного атташе. Таким образом, Мерин был гражданином ЧСР без дипломатического прикрытия.

Пока Таггарт и Катека собирали в Праге светские сплетни, разведка госдепартамента (Office of Intelligence Research, OIR) в Вашингтоне уже в начале 1947 года пришла к выводу, что зависимость Чехословакии от СССР быстро растет. Посол США в Праге Стейнгардт был с такой оценкой категорически не согласен – он почему-то полагал, что «Советский Союз

находится в процессе грандиозного политического отступления»^[70]. Информаторы госбезопасности сообщали из окружения посла, что тот считает чехословацких коммунистов растерянными и не способными на решительные действия. А лидер КПЧ Клемент Готвальд, по мнению посла, вообще был алкоголиком. Ему, мол, давно наплевать на классовую борьбу, и он вполне удовлетворен маленькими радостями премьерского бытия.

В мае 1947 года во Франкфурте-на-Майне состоялось совещание военных атташе США из европейских стран. Задача этого обмена информацией была правильной – выяснить, насколько СССР и коммунисты контролируют органы безопасности восточноевропейских стран, в том числе Чехословакии. Из Праги на совещание приехали полковник Кениг и капитан Новак. Новак летел туда и обратно на двухмоторном самолете С-45 и активно фотографировал объекты на земле, особенно урановые шахты в Яхимове. По возвращении в Прагу он оставил багаж в самолете и, пока проходил паспортный контроль, портфель с его совершенно секретными бумагами исчез. Чехословацкая контрразведка не дремала, хотя портфеля не крали. Просто Новак забыл его на аэродроме и один из сотрудников наземной службы передал его госбезопасности. Там посмеялись, прочитав в одном из документов утверждение Новака, что чехи и понятия не имеют о его воздушном шпионаже. В портфеле находился и полный список участников франкфуртского совещания, а также письменный приказ с задачами по дальнейшей работе американской разведки в Чехословакии.

Пока техники Генштаба чехословацкой армии копировали содержимое портфеля, в дело включился сам начальник военной контрразведки Бедржих Рейцин^[71]. По его приказу на аэродроме на одной из дверей повесили ложную табличку «Бюро находок», и уже 12 мая 1947 года в эту дверь постучал капитан Новак. Американец удивился, увидев за дверью Рейцина с потерянным портфелем. Шеф чехословацкой контрразведки предложил Новаку стать агентом, угрожая в противном случае довести историю с утратой портфеля до его начальников. Новак спокойно отказался, соврав, что уже сообщил о пропаже послу и получил мягкое наказание. Рейцину пришлось вернуть портфель и отпустить Новака, который лишь на следующий день сообщил об инциденте полковнику Кенигу.

Сам Кениг составил донесение об истории с портфелем лишь 23 июля 1947 года, попытавшись минимизировать значение всего этого инцидента. Правда, после этого его сменил в Праге полковник Джозеф Энтони Мичела,

выпускник Вест-Пойнта и близкий друг Стейнгардта. Однако работа американской военной разведки от этой рокировки лучше не стала. Новака оставили на своем месте, и чехословацкая контрразведка взяла его с поличным при попытке изъять содержимое «мертвого почтового ящика» в ноябре 1949 года.

9 июля 1947 года Чехословакия по просьбе Сталина отказалась от участия в плане Маршалла. Для американского посольства ничего страшного не произошло – Стейнгардт и его заместитель Бруинс были в это время на охоте. Они продолжали сообщать в Вашингтон, что Чехословакия никогда не порвет с Западом ввиду якобы давних демократических традиций чешского населения. При этом американцы игнорировали данные социологических опросов (они были в свободном доступе), согласно которым 81 % чехов и словаков боялись новой агрессии Германии и поэтому были настроены на прочный союз с СССР.

Осенью 1947 года КПЧ вошла в Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ), что означало стремление Москвы теснее координировать политику правящих партий восточноевропейских стран. Но американская разведка в Праге в унисон со Стейнгардтом сообщала, что популярность коммунистов в Чехословакии падает и на предстоящих весной 1948 года выборах они потеряют 8—10 % голосов. Такой прогноз высказал Стейнгардту сам Бенеш.

23 ноября 1947 года Стейнгардт уехал в США, где, не заходя в госдепартамент, стал заниматься делами своей юридической фирмы в Нью-Йорке. Ровно через месяц только что основанное ЦРУ в одном из своих прогнозов совершенно правильно предсказало, что коммунисты уже в январе 1948 года могут попытаться взять власть, хотя и не насильственными, а законными методами. Так и произошло с поправкой всего на месяц^[72].

Когда некоммунистические партии с ведома Бенеша спровоцировали в Чехословакии правительственный кризис в феврале 1948 года, Стейнгардт, возвращаясь из Америки, как раз вылетал из Парижа в Прагу. В пражском аэропорту он самоуверенно заявил, что «демократические силы» побеждают в Чехословакии, и она вот-вот присоединится к плану Маршалла. Однако мощные демонстрации КПЧ в Праге показали и Бенешу и всему миру, что народ на стороне компартии. Уже 24 февраля госсекретарь Маршалл заявил, что взятие власти коммунистами в Праге ничего не изменит в международной ситуации, так как уже после 1945 года ЧСР была в орбите советского влияния. Таким образом, американцы пытались сделать хорошую мину при плохой игре.

25 февраля 1945 года Бенеш принял состав нового правительства Готвальда, состоявший уже из членов КПЧ и сторонников компартии. Радио Москвы 26 февраля с удовлетворением констатировало провал попыток «реакционных заговорщиков установить в Праге правую диктатуру».

Стейнгардт постфактум слал в Вашингтон телеграммы с выпадами против Готвальда, о котором он всего пару недель тому назад в Америке отзывался очень уважительно.

Военная разведка Катэка вообще никак не участвовала в февральских событиях, и контрразведка ЧСР даже ничего не могла сообщить об активности «Чарли». Таггарта «коммунистический путч» вообще застал в отпуске в Италии. Лишь возвращаясь в Прагу, на чехословацкой границе, он понял, что в стране произошло что-то важное.

Чехословацкая разведка в своем анализе сообщила Готвальду, что американцы «проглотят» смену власти в Праге и никаких серьезных шагов против этого не предпримут.

Тем не менее «пражский путч» 1948 года стал предлогом для дальнейшего расширения полномочий ЦРУ в обход Акта о национальной безопасности 1947 года.

Визнер, Оффи, тайные операции и «мастерская психологической войны»

17 марта 1948 года (в первую годовщину провозглашения своей «доктрины») Трумэн опять выступил перед обеими палатами конгресса с антисоветской речью, в которой, в частности, нарисовал следующую откровенно лживую апокалиптическую картину: «... Трагическая смерть Чехословацкой республики вызвала шок во всем цивилизованном мире... Греция подвергается прямому военному нападению... В Италии коммунистическое меньшинство предпринимает агрессивные и решительные усилия, чтобы взять эту страну под контроль»^[73].

Под аккомпанемент этой новой волны антикоммунистической истерии ЦРУ получило новые незаконные полномочия.

18 июня 1948 года новая директива СНБ NSC 10/2 уже точнее определила, что понималось под тайными операциями (covert actions). Это операции, «которые осуществляются или поддерживаются нашим правительством против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп, но которые планируются и осуществляются так, что любая ответственность правительства США за них не очевидна непосвященным лицам, и если эти операции становятся достоянием гласности, правительство США смогло бы достоверно отречься от любой ответственности за них»^[74]. Организовывать подрывные операции поручалось ЦРУ либо единолично, либо в контакте с госдепартаментом и министерством обороны. Перечень подрывных акций СНБ определял следующим образом: «пропаганда; экономическая война; превентивные прямые акции, включая саботаж, контрсаботаж, разрушение (объектов) и эвакуация (людей); подрывная деятельность против враждебных государств, включая поддержку движений сопротивления, партизан и эмигрантских освободительных групп, а также поддержку местных антикоммунистических элементов в находящихся в опасности странах свободного мира»^[75].

Только в 1948–1952 годах ЦРУ смогло осуществить как минимум 81 подрывную акцию против социалистических стран и мирового коммунистического движения^[76].

Между тем в 1947 году Визнер представил программу «Операция “Пересмешник”», нацеленную на манипулирование американскими и

зарубежными СМИ. Он требовал создания в США единого ведомства внешней пропаганды. Но пока к проектам Визнера не хотели прислушиваться (особенно в Пентагоне), считая их слишком оторванными от реальной жизни, какими они, собственно, и являлись.

Свои идеи Визнер активно пропагандировал на вечеринках, которые он с женой устраивал по выходным для своих единомышленников в своем доме в Вашингтоне. Там много пили и рассуждали о спасении мира от Советов. Завсегдатаями на этих вечеринках (Sunday Night Suppers) были единомышленники Визнера Кеннан и Форрестол. Подвыпивший Визнер в перерывах между обсуждением «крестового похода против коммунизма» поражал гостей экстравагантным танцем crab walk и хвастался, что на его вечеринках собрана «коллекция самых привлекательных женщин Америки»^[77].

Скоро для неумного Визнера нашлось-таки дело его жизни. Поручив ЦРУ незаконные «тайные операции», никто из членов СНБ не хотел брать на себя полномочия по их санкционированию в письменной форме. Трумэн, будучи уже в отставке, утверждал в начале 60-х годов, что, находясь в Белом доме, вообще ничего не знал ни о каких тайных операциях ЦРУ. Ложь Трумэна тогда разоблачил Аллен Даллес, которого президент Джон Кеннеди уволил с поста директора ЦРУ за позорный провал агрессии против Кубы в заливе Свиней в апреле 1961 года.

Из-за боязни «бумажного следа» для «грязных дел» решили в 1948 году создать отдельную структуру, лишь номинально входившую в ЦРУ. Название было выбрано самое невинное – Офис по координации политики (Office of Policy Coordination). Кадровой основой офиса стали переданные в 1946 году военным бывшие остатки террористических структур УСС (Подразделение стратегических служб). В 1946 году подразделение переименовали в Офис специальных операций (Office of Special Operations, OSO). Именно эта структура, влитая в ЦРУ, и осуществила подрывные операции против коммунистов в Италии весной 1948 года.

Визнер с помощью Кеннана и Форрестола активно лоббировал создание специального «агентства» по подрывным операциям и психологической войне – ведь формально по закону 1947 года ЦРУ не могло всем этим заниматься.

Наконец по упоминавшейся выше резолюции СНБ NSC 10/2 от 18 июня 1948 года (ее текст составил Кеннан) для проведения втайне от конгресса США тайных операций был создан Офис специальных проектов (Office of Special Projects), быстро переименованный в еще более

«невинный» (упомянутый выше) Офис по координации политики (Office of Policy Coordination). Кеннан, Форрестол и Даллес провели на пост главы новой структуры Визнера.

От ЦРУ офис Визнера получил лишь здание для работы и финансирование. Первоначально в офисе числилось всего 10 человек. Формально организация Визнера подчинялась Штабу политического планирования госдепартамента США, который специально создали «под Кеннана». Но к тому времени (лето 1948 года) Кеннан сам пришел в ужас от задуманной им же самим «холодной войны» и предпочитал не участвовать в зачастую опасных и сумасбродных прожектах своего партнера по вечеринкам Визнера. Последнему это было только на руку – «штаб» Кеннана «не глядя» визировал все его начинания.

Визнер ненавидел бюрократов и военных и поэтому искал для работы в своем офисе авантюристов из хороших (т. е. богатых) семей – то есть себе подобных. Военных Визнер презрительно именовал «виски-полковниками» – мол, они просиживают без толку штаны в штабах, мечтая вечером надраться до одурения в офицерском казино.

Больше всего энтузиастов рекрутировали на последних курсах престижных американских университетов. Доверчивых студентов, уставших от сытой и богатой жизни, соблазняли зарубежными приключениями в духе Лоуренса Аравийского. Набор кадров из университетов называли на жаргоне американской разведки «источник П» (от слова «профессор»). В 50-е годы в Принстоне персонал для разведки отбирал, например, декан по работе со студентами Уильям Липпинкотт. Обычно он спрашивал молодых людей, не хотели бы они послужить стране «особым способом».

Визнер решил наконец на практике осуществить давно задуманные им проекты психологической войны против СССР и его союзников. Своим помощником в этом новом деле Визнер избрал Джо Брайана, тоже южанина из Вирджинии по кличке «Герцог Ричмондский»^[78]. В офисе тот возглавил «мастерскую психологической войны» (Psychological Warfare Workshop). Команду себе Брайан набрал из своих бывших коллег-студентов по изданию сатирического журнала Принстонского университета «Тигр».

Визнер призвал работников «мастерской» выдвигать самые смелые идеи, что те и не преминули сделать. Первый проект «психологической войны» состоял в том, чтобы изготовить и сбросить над советскими городами с самолетов большие партии огромных презервативов с надписью по-английски на каждом «medium» (т. е. среднего размера). Эта акция должна была убедить советских женщин в экстраординарных сексуальных

способностях американских мужчин^[79]. Правда, проект остался на стадии «концепции», так как был оригинальным даже для Визнера.

Более серьезным делом людей Визнера стало предоставление финансирования для экранизации в Голливуде антикоммунистического памфлета Оруэлла «Скотный двор». Для жены Оруэлла даже организовали по ее просьбе встречу с ее любимым актером Кларком Гейблом.

Еще одной «звездой Визнера стал бывший сотрудник посольства США в Москве Кармел Оффи, который с гордостью называл себя гомосексуалистом – невероятная вещь для Америки того времени. Один раз этого человека арестовали за то, что он отирался около общественных туалетов в Нью-Йорке и делал там мужчинам непристойные предложения.

Оффи выгнали с дипломатической службы за то, что он использовал дипломатическую почту для контрабанды валюты, рублей, алмазов и даже финских лобстеров. Но Кеннан убедил Визнера взять на работу этого «специалиста по России».

Оффи устраивал для Визнера и Кеннана разные «приятные вещи». Например, он нашел для жены Визнера хорошего повара, а для детей своего босса устраивал просмотры кинофильмов.

Директор ФБР Гувер не без оснований называл Офис по координации политики «бандой чудаков Визнера».

Именно Оффи, как человеку без всяких моральных принципов, Визнер поручил разработку своей давнишней идеи о создании «освободительной армии» из «перемещенных лиц». Кадры этой армии составили бывшие нацисты, например Густав Хильгер. В 1923–1941 гг. Хильгер работал в германском посольстве в Москве и считался специалистом по России. В столице СССР он подружился с молодым американским дипломатом и будущим «отцом холодной войны» Джорджем Кеннаном.

После 22 июня 1941 года Хильгер был уполномоченным рейхсминистра иностранных дел Риббентропа по «восточным вопросам» (т. е. по СССР) и в этом качестве отвечал за связи МИД Германии с СС. Именно Хильгер координировал работу с СС по массовому истреблению коммунистов и евреев на территории Советского Союза «айнзацгруппами» СС и СД. В 1943 году Хильгер участвовал в операции по депортации итальянских евреев в нацистские лагеря смерти. В 1944 году он содействовал образованию так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР) во главе с Власовым в Праге и формированию частей власовской «армии» (РОА).

После войны Хильгер находился в розыском списке союзников как опасный нацистский преступник. Однако еще в 1945 году американцы

тайно перевезли его в США, где Хильгер стал советником госдепартамента по «русским вопросам» по протекции Кеннана. Во время суда над нацистами в Нюрнберге представитель Великобритании требовал ареста Хильгера, но американцы «не знали», где он находится. В то же время спецслужбы США даже выкрали из советской зоны оккупации жену и дочь Хильгера^[80].

Контакты ЦРУ и офиса Визнера с бывшими нацистами в то время держались в тайне, так как вызвали бы глубокое возмущение американского общественного мнения.

В 1949 году конгресс США принял специальный закон (CIA Act или Public Law 110), разрешавший ЦРУ конфиденциально вывозить в США и оформлять вне рамок обычного иммиграционного законодательства американские документы «полезным» иностранцам. Так в США оказалось много нацистских преступников.

По этому же закону ЦРУ фактически освобождалось от всякого контроля за конкретным расходованием выделявшихся разведке бюджетных средств.

В 1972 году конституционность закона была оспорена в Верховном суде США, но суд в 1974 году отказал истцу (налогоплательщику Уильяму Ричардсону) в необходимой «квалификации» для рассмотрения данного дела.

Визнер настолько доверял Оффи, что подписывал все представленные последним документы не глядя.

Оффи набрал из «перемещенных лиц» 5 тысяч «добровольцев-партизан», которых начали тренировать на американских военных базах в Германии для заброски на так называемые «территории вне доступа» (denied areas). Так на жаргоне людей Визнера именовались социалистические страны. Заброшенные «добровольцы» должны были составить «ядро постядерных партизанских сил»^[81]. То есть после нанесения американского ядерного удара по СССР (у Советского Союза на тот момент еще не было собственной атомной бомбы) кадры Визнера должны были начать массовое антикоммунистическое партизанское движение.

Заметим, что согласно разработанному министерством обороны США в 1949 году «плану Дропшот» предусматривалось сбросить на советские города (200 целей в 100 городах) 300 атомных и 29 тысяч «обычных» мощных бомб, чтобы одним ударом лишить и так разрушенный нацистами Советский Союз 85 % промышленного потенциала.

В сентябре 1949 года началась выброска с американских самолетов «добровольцев» с территории ФРГ на Западную Украину (операция ZRELOPE)^[82], где они должны были усилить еще сопротивлявшиеся остатки бандеровцев из Украинской повстанческой армии (УПА). Операция завершилась полным фиаско – все группы Визнера были быстро обезврежены советскими органами госбезопасности.

Цель – Украина

Что касается украинцев, то у западных разведок был неплохой и, главное, хорошо подготовленный кадровый резервуар «борцов за свободу».

Еще в 1926 году под эгидой польской и английской разведок в Париже была основана организация «Прометей» («Prometeusz»), в состав которой вошли представители Азербайджана, белых донских казаков, Грузии, «Идель-Урала», Ингрии, Карелии, Коми, Крыма, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана и Украины. На это движение работали Восточный институт в Варшаве (Instytut Wschodni w Warszawie) и Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно (Вильнюс с 1920 до сентября 1939 года входил в состав Польши). Отделения «Прометей» были в Харбине, Хельсинки, Берлине и Тегеране.

Целью организации «Прометей» было не только свержение советской власти, но и разделение СССР на национальные государства русофобской направленности. Польский диктатор Пилсудский финансировал «Прометей», чтобы с его помощью захватить Украину и воплотить в жизнь свою программу «Польша от моря до моря». Еще в 1904 году тогда еще польский социалист Пилсудский в меморандуме к японскому правительству указывал на необходимость использовать в борьбе с Россией многочисленные нерусские народы на берегах Балтийского, Черного и Каспийского морей и обращал внимание на польскую нацию, которая благодаря своей истории, «любви к свободе» и бескомпромиссному отношению к трем разделившим Польшу империям без сомнения займет лидирующее положение и поможет освобождению других угнетенных Россией народов.

После разгрома Польши в 1939 году кадры «Прометей» перешли на службу к нацистам. Одним из них был Павел Шандрук, бывший штабс-капитан царской армии. В годы Гражданской войны Шандрук был одним из видных петлюровских «полководцев» (генерал-хорунжий), а с 1920 года находился в эмиграции. В 1938 году он поступил на службу в польскую армию и в чине майора воевал против немцев в сентябре 1939 года. 23 сентября 1939 года захвачен немцами в плен, но освобожден уже в январе 1940 года.

17 марта 1945 года Шандрук возглавил в Веймаре Украинский национальный комитет (созданное нацистами правительство Украины в изгнании), а с 24 апреля 1945 года он стал командующим Украинской

национальной армией (Українська Національна Армія, УНА), сформированной Верховным командованием вермахта на основе 14-й дивизии СС «Галичина» (в УНА – 1-я Украинская дивизия) и противотанковой бригады «Свободная Украина» (Протипанцерна бригада «Вільна Україна») (в УНА – ядро 2-й Украинской дивизии). Немцы планировали передать в украинскую национальную армию до 50 тысяч украинцев из различных подразделений вермахта и СС. Свастику на знаменах сменил украинский трезубец. Формально Шандрук подчинялся главе Комитета освобождения народов России (КОНР) Власову.

Генерал Шандрук вывел 1-ю украинскую дивизию с восточного фронта (Чехия) и сдался в Австрии (район Клагенfurта) англичанам 8 мая 1945 года.

Формально в мае 1945 года бывшая дивизия СС «Галичина» числилась в составе власовской армии и в СС не входила. Но все «кадры» дивизии состояли из бывших эсэсовцев и военных преступников, участвовавших в зверских расправах над мирным населением на Украине и в Белоруссии.

Понимая, что пощада им не светит, украинские нацисты обратились за помощью в Ватикан. Ведь большинство «бойцов» украинской дивизии были униатами или быстренько стали таковыми.

Англичане помнили заслуги Шандрука по «Прометею» и не только не отобрали у украинцев оружие, но даже снабдили их дополнительным. Таким образом, украинская дивизия Шандрука оказалась единственным воинским подразделением фашистского блока, сохранившим оружие и собственное командование после 9 мая 1945 года.

Англичане перевели украинцев в специальный лагерь в Италии (Римини), где у них был довольно вольготный режим. Но в США в то время (лето 1945 года) общественное мнение все еще было настроено против эсэсовцев, какой бы национальности они ни были. Поэтому американцы склонялись к выдаче украинцев советской стороне, которая этого постоянно требовала.

Но тут на помощь нацистам пришел папа римский. 5 июля 1945 года специальный уполномоченный президента США при папском престоле получил дипломатическую ноту госсекретаря (министра иностранных дел) Ватикана: «Несколько тысяч украинцев находятся в Германии и боятся быть высланными в Галицию. К Святому престолу обратились с просьбой, чтобы он использовал свои возможности и содействовал тому, чтобы эти бедные беженцы получили разрешение быстро уехать из Германии и укрыться во Франции, Бельгии, Голландии или в любой другой стране и не нашли свой конец на территориях под господством русских»^[83].

Американцы, однако, проверили несколько «бедных беженцев» и обнаружили у них под мышкой татуировки СС. В целом доказательства членства в СС нашлись как минимум у двух тысяч из 9 тысяч украинцев Шандрука. Военное командование США склонялось к выдаче этих людей как военных преступников Советскому Союзу.

Однако Ватикан не унимался, и 11 августа 1945 года Вашингтон получил от папы очередную ноту. В ней Ватикан ссылаясь на свою обязанность «духовного покровительства» над украинскими униатами (в ноте их именовали не украинцами, а русинами, видимо, рассчитывая на неграмотность американцев в этнических делах Восточной Европы). Своим священником в лагерях украинских эсэсовцев папа просил назначить ярого антикоммуниста епископа Ивана Бучко, который в 1940–1945 гг. опекал униатов в США^[84]. То, что среди униатских капелланов украинской дивизии были бывшие эсэсовцы (например, Иван Гриньох), папу не смущало. В 1945 году Бучко учредил при Ватикане Комитет помощи украинцам (то есть дивизии Шандрука).

Ватикан подбросил американцам и юридическую уловку, чтобы они могли не выдавать украинцев советским властям. Мол, в дивизии Шандрука исключительно бывшие граждане Польши, никогда не получавшие советские паспорта. Да и вообще это не украинцы, а русины.

МИД Великобритании (по просьбе английской разведки) немедленно принял юридический пас Ватикана и выступил против выдачи украинских эсэсовцев СССР. Но тогда, по логике, их надо было выдавать Польше, где украинских националистов ненавидели еще сильнее, чем в «Московии». Ватикан поэтому настаивал на немедленном освобождении украинцев из лагерей под покровительство Бучко. 25 августа 1945 года давний друг Бучко униатский епископ Богачевский из Питтсбурга направил послание начальнику Генерального штаба американских вооруженных сил (и будущему госсекретарю) Маршаллу. Он требовал предоставления статуса политических беженцев всем украинцам в американских зонах оккупации Германии и Австрии: «Эти украинцы, которых квалифицируют как русских или поляков, живут в смертельном ужасе и боятся самой мысли о том, что их могут послать в советскую Россию или Польшу...»^[85]

Надо сказать, что американские офицеры в Германии прекрасно понимали, что среди людей Шандрука полно военных преступников, но англичане настаивали на том, что этот факт должна сначала установить комиссия союзников. Американцы, однако, до осени 1945 года в основном выдавали украинцев из своей зоны оккупации советской стороне.

30 ноября 1945 года Вашингтон получил еще одну ноту Ватикана «от имени 2000 украинских беженцев в Штутгарте». «... Эти беженцы убеждены, что их репатриация означала бы для них опасность депортации, физических и духовных мук и даже расстрела...»^[86] Однако американцы вежливо, но твердо отклонили ноту со ссылкой на то, что упомянутые Ватиканом «беженцы» подозреваются в военных преступлениях.

Но через две недели в госдепартамент пришла еще одна ватиканская нота, на сей раз с грифом «срочно». Со ссылкой на Бучко папа требовал немедленно приостановить репатриацию украинцев в СССР.

Первые залпы Холодной войны привели наконец в начале 1946 года к смене американской «украинской политики». 23 января 1946 года госдепартамент издал новые инструкции по данному вопросу. Отныне следовало выдавать СССР лишь тех украинцев, которые после 1939 года получили советское гражданство и постоянно проживали в Советском Союзе.

Немного позднее американцы решили распространить «украинский подход» и на власовскую армию. Отныне выдаче СССР подлежали лишь те власовцы, в отношении которых были серьезные доказательства их участия в военных преступлениях. Сам факт членства в РОА основанием для выдачи отныне не являлся.

Против лоббирования украинских эсэсовцев активно выступила прогрессивная украинская диаспора в США. 25 июня 1946 года госдепартамент получил послание от украинско-американской лиги, в котором выражался «однозначный протест против планов разрешить прибытие в нашу страну людям, сотрудничавшим с немецкими фашистами и терроризировавшим украинцев, поляков и евреев... или тем, кто был бойцами дивизии СС “Галичина”, которая сражалась против американской и британской армии в Италии... Эти люди помогли немцам в лагерях смерти убивать не только украинцев, поляков и евреев, но и граждан Великобритании, Франции и Соединенных Штатов»^[87].

Правительство США ответило, что очень заинтересовано в поиске военных преступников в лагерях для перемещенных лиц.

Тем не менее украинские эсэсовцы после войны спокойно обитали в британском лагере в Римини, который в сентябре 1947 года, однако, надо было передавать итальянским властям. В Италии в то время были очень сильны позиции компартии, и англичане опасались, что их украинских друзей наконец-то может настигнуть возмездие.

Поэтому для вида в лагерь Римини в январе 1947 года прибыла

британская комиссия с целью поиска военных преступников во главе с бригадным генералом Маклином. Из 8272 человек англичане допросили не более двухсот. Естественно, что все допрошенные отрицали свои связи с СС или участие в военных преступлениях. Комиссия Маклина и не трудилась проверять эти показания. Генерал рекомендовал переправить украинцев в Великобританию, чтобы итальянцы не передали их «Советам».

В борьбу за права «украинских беженцев» в мае 1947 года включился и влиятельный американский католический кардинал Спеллман. Он потребовал от госдепартамента не выдавать СССР украинцев, находившихся в американской зоне оккупации Германии и Австрии.

Летом 1947 года бывшая дивизия СС «Галичина» была перевезена из Римини в Британию, и английский парламент задним числом в 1988 году признал, что никакой серьезной проверки в отношении украинцев никто не проводил. Хотя посол СССР в Великобритании передал список 124 лиц из дивизии «Галичина» с доказательствами их военных преступлений, англичане все это попросту проигнорировали. И это при том, что даже МВД Великобритании выступило за депортацию этих 124 человек в Германию с целью их тщательной проверки.

Однако против любой депортации возражала английская разведка SIS, на которую Шандрук работал еще до войны. К тому времени (начало 1948 года) английские спецслужбы при поддержке их американских коллег уже решили возродить довоенный «Прометей», только под новым названием.

Еще на тайной Первой конференции поработанных народов Востока Европы и Азии, проведенной по инициативе руководства ООН 21–22 ноября 1943 на Ровенщине, члены УПА, представлявшие якобы 13 народов СССР, договорились о совместной борьбе против «общего врага» – «русского коммунизма». Был учрежден Антибольшевистский блок народов (АБН), с целью расчленения СССР на отдельные национальные государства.

Само название – «Антибольшевистский блок» в свое время придумал духовный наставник и «предтеча» Гитлера – Эдуард Штадлер^[88]. На связи с ЦРУ от АБН был ближайший соратник Бандеры Ярослав Стецько.

16 апреля 1946 года в Мюнхене (американская зона оккупации Германии) состоялось организационное оформление блока, который впоследствии расширился. В эту структуру помимо украинцев (ОУН(Б)) вошли представители армянской, белорусской, болгарской, хорватской, эстонской, латышской, литовской, «казацкой», «туркестанской» и чешской эмиграции. Стецько был президентом блока в 1946–1986 гг. и в этом своем

качестве встречался с президентом США Рейганом в 80-е годы.

Стецько стал заместителем Бандеры сразу же после раскола ОУН на «мельниковцев» и «бандеровцев» в апреле 1940 года.

После нападения нацистской Германии на СССР он был направлен Бандерой на Украину, чтобы по согласованию с немцами провозгласить там создание «независимого государства».

25 июня 1941 года Стецько в своем письме-отчете С. Бандере писал: «Создаем милицию, которая поможет убирать евреев». В тылах передовых частей немецких войск Бандера и Стецько с группой сторонников 29 июня прибыли во Львов, где Бандера был задержан немцами и возвращен в Краков, а Стецько на следующий день созвал «Украинское национальное собрание», провозгласившее 30 июня 1941 года «украинское государство», которое будет вместе с «Великой Германией» устанавливать новый порядок по всему миру во главе с «вождем украинского народа Степаном Бандерой».

Сам Стецько временно взял на себя обязанности главы «государства» и сделал программное заявление следующего характера: «Москва и жидовство – это самые большие враги Украины. Считаю главным и решающим врагом Москву, которая властно держала Украину в неволе. И, тем не менее, оцениваю так же враждебную и вредительскую волю жидов, которые помогали Москве закрепощать Украину. Поэтому стою на позициях истребления жидов и целесообразности перенести на Украину немецкие методы экстерминации жидовства, исключая их ассимиляцию».

Немцы «украинское государство» быстро разогнали, и Стецько вместе с Бандерой на правах привилегированного узника находился в концлагере Заксенхаузен до сентября 1944 года. В апреле 1944 года Бандера и Стецько обсуждали с главным гитлеровским террористом Отто Скорцени возможности активизации саботажа и подрывной деятельности на территории СССР. После освобождения из лагеря Стецько, вместе с рядом других деятелей ОУН, согласившись на сотрудничество с немцами, участвовал в организации баз «вервольфа» в баварских лесах, затем бежал в американскую зону оккупации, был по дороге тяжело ранен.

На проходившей в начале 1945 года на Западной Украине встрече руководства ОУН и УПА было признано нецелесообразным с политической и точки зрения безопасности возвращение Бандеры и Стецько на территорию Украины. В марте 1945 года в Вене прошла встреча уполномоченных руководством ОУН в Западной Украине (В. Охримовича, М. Прокопа, Дарьи Ребет и М. Лебеда) с Бандерой, по результатам которой был создан заграничный центр ОУН(б) – ЗЦ ОУН. С

этого момента ОУН(б) фактически возглавляла «тройка» – Бандера, Шухевич (командующий УПА) и Стецько^[89].

Стецько проходил по документам американской разведки как SAVATINA-2.

Американская разведка (SSU) установила первые контакты с ОУН(б) в апреле 1946 года (проект «Белладонна»)^[90]. Представитель контрразведки (X-2) в Мюнхене Болеслав Хольтсман^[91] стал офицером связи между ОУН(б) и SSU. Как минимум в сентябре 1946 года бандеровцы передали Хольтсману некие сведения о советской разведке в Западной Европе. При этом, судя по докладным Хольтсмана руководству, он прекрасно понимал, что среди бандеровцев много военных преступников, запятнавших себя связями с нацистами. К тому же американская разведка сомневалась в надежности оуновцев. Поэтому контакты с ОУН(б) поддерживались втайне и на достаточно низком уровне. Глава SSU полковник Квинн считал бандеровцев интриганам, стремящимися использовать США в своих (не всегда понятных для американцев) политических целях. К тому же американцы были отнюдь не убеждены (как ранее и нацисты), что именно группа Бандеры представляет весь спектр украинского национализма.

Главным консультантом SSU по «украинскому вопросу» был венгр Золтан Аради, составивший в октябре 1946 года докладную записку «Украинское националистическое движение». Через Ватикан Аради встретился с лидерами ОУН(б). Первоначально он работал с Иваном Гриньохом и Юрием Лопатинским (кличка в американской разведке «Акробат»), членами Украинского высшего совета освобождения (Українська Головна Визвольна Рада, УГВР). Этот совет был сформирован ОУН(б) в 1944 году как правительство Украины вместо разогнанного немцами «правительства Стецько» образца 1941 года. Гриньох был униатским священником и служил главным капелланом карательного нацистского батальона «Нахтигаль» (его офицером был будущий «главнокомандующий» УПА Роман Шухевич). Именно Гриньох благословлял националистов из этого батальона на варварские погромы во Львове летом 1941 года. За свою «пастырскую» деятельность Гриньох получил от немцев Железный крест второго класса.

С 1944 года Гриньох был вице-президентом УГВР. Он вел успешные переговоры с немцами о передаче УПА оружия и боеприпасов отступавшими немецкими войсками. В конце войны Гриньох через Прагу бежал в Мюнхен.

Лопатинский в УГВР отвечал за связи с УПА.

Именно сообщения Гриньоха и Лопатинского об «успехах» УПА в борьбе против «Советов» и привлекли внимание американской разведки к бандеровцам. Американцы попросили ОУН(б) о предоставлении разведывательной информации по Советской армии, и соответствующая директива ЗЦ ОУН немедленно была передана УПА.

Уже в конце 1946 года при ликвидации Дрогобычского и Луцкого надрайонного провода ОУН ГУББ (Главное управление по борьбе с бандитизмом) МВД были захвачены сентябрьские директивы ОУН, в которых ставилась задача приступить к сбору данных о ходе демобилизации Советской армии, количественном составе вооруженных сил, насыщенности войсковыми частями территории Западной Украины, политико-моральном состоянии войск, работе военных заводов, дислокации складов стратегического сырья и т. п.

Американская разведка также использовала бандеровцев для выявления возможных «советских агентов» среди содержащихся в лагерях перемещенных лиц. В октябре 1947 года Лопатинский совершил с этой целью поездку в лагерь перемещенных лиц Деггендорф.

В конце 1947 года в СССР был направлен эмиссар ОУН(б) с инструкциями от американской разведки по реорганизации действий УПА. Кроме инструкций он должен был передать информативное письмо Шухевичу, в котором обещалась столь ожидаемая бандеровским подпольем ОУН/УПА скорая война западных стран против СССР.

Аради встретился также с ближайшим соратником Бандеры, членом руководства ОУН(б) Николаем (Миколой) Лебедем – «министром иностранных дел» УГВР. Но даже для американской разведки Лебедь (один из псевдонимов в ОУН – «Черт»)^[92] был «неудобным» человеком, так как еще в 1934 году вместе с Бандерой был приговорен польскими властями к смертной казни за теракт против министра внутренних дел Польши.

В 1940 году Лебедь окончил спецшколу гестапо в Закопане. К тому же он был идейным вдохновителем «волынкой резни», когда в апреле 1943 года выступил с предложением «очистить всю революционную территорию от польского населения». После войны Лебедь обосновался в Риме (при поддержке Ватикана). Однако в результате личного обращения Бандеры, направленного через Гриньоха в ноябре 1947 года, американская разведка переместила Лебеда с семьей из Рима в «более безопасный» (с точки зрения экстрадиции в СССР) Мюнхен. При этом было отмечено, что потеря Лебеда «нанесла бы прямой ущерб США», поскольку он важный источник информации «о сопротивлении на Украине».

При этом сама же американская разведка в своих внутренних документах характеризовала Лебеда как «украинского фашистского лидера, подозреваемого в сотрудничестве с нацистами», и «хорошо известного садиста и немецкого коллаборациониста»^[93]. Но только в 1985 году власти США впервые публично признали Лебеда военным преступником и начали в отношении него расследование. Но и тогда ЦРУ опекало его и в 1991 году убедило прокуратуру США прекратить следствие в отношении бандеровца.

В конце 1946 года при поддержке Ватикана, британской и американской разведок в Мюнхене вышла 126-страничная брошюра Микола Лебеда «УПА (Українська Повстанська Армія)», в которой данное формирование подавалось как «героическое украинское национально-освободительное движение, сражавшееся с нацистами и коммунистами». УПА, в соответствии с этим буклетом, никогда не сотрудничала с нацистами и, конечно же, не уничтожала поляков и евреев Галиции. Данный опус был нужен американской разведке, чтобы подготовить общественное мнение США к сотрудничеству с бывшими нацистскими коллаборационистами. СИС отметила полезность этой публикации как «исчерпывающей информации по предмету».

Аради назвал бандеровцев «рефератом-33» (R-33) и 27 декабря 1946 года характеризовал их следующим образом: «Гриньох, Лебедь и Лопатинский – решительные и способные люди, но с психологией гонимых. Они готовы пожертвовать своей жизнью или покончить жизнь самоубийством в любое время ради продвижения своего дела или по соображениям безопасности, и они равным образом готовы убивать, если надо... Надо всегда помнить, что они почти религиозно поклоняются своей нации и не доверяют всем чужакам, прежде всего, полякам, потом русским, потом немцам». В целом Аради делал вывод, что бандеровцы при правильном обращении могут быть полезны для США^[94].

Аради не включил самого Бандеру в группу R-33, так как репутация этого человека в то время была невыносимой даже для американской разведки. Еще в сентябре 1945 года в докладе УСС говорилось о «царстве террора», которое бандеровцы устроили на Украине во время войны. Тем не менее Аради сделал вывод, что «после тщательного изучения украинской проблемы и сравнения информации от различных источников в Германии, Австрии и Риме (т. е. Ватикане. – *Примечание автора*)... УГВР, УПА и ОУН-Бандера являются единственными крупными и эффективными организациями среди украинцев».

После доклада Аради (одобренного в Вашингтоне) он и Хольтсман в

середине 1946 года приступили к формальному сотрудничеству с бандеровцами в Западной Германии. Проект «Белладонна» означал сбор Аради через Гриньоха разведывательной информации об СССР. В рамках операции LYNX Хольтсман с помощью бандеровцев пытался обнаружить советских агентов в Западной Германии. В январе 1947 года LYNX дополнили операцией с характерным названием «Trident» («Трезубец»).

Если в рамках «Lynx» американцы поддерживали контакты с УГВР, то «Трезубец» обозначал работу с ОУН(б). К тому времени ненавидевший любых конкурентов Бандера рассорился с УГВР в пух и прах, поэтому американцам приходилось «разводить» бандеровцев и УГВР по разным операциям.

Американская контрразведка нежно опекала лидера УГВР Стецько (кличка «Нестор»), которому за каждым углом мерещились агенты советского МГБ. Чтобы не злить Москву, американцы даже порекомендовали «Нестору» снизить накал антисоветской пропаганды в Западной Германии^[95]. В то же время было решено, что армейская разведка США (G-2) не будет поддерживать тесные контакты с Антибольшевистским блоком народов Стецько «из-за опасений компрометации G-2 как официального американского ведомства в случае сотрудничества с явно выраженной антисоветской группой»^[96].

В рамках операции «Трезубец» главным партнером Хольтсмана и Аради (позывной «Сарацин») был глава бандеровской службы безопасности (СБ) Мирон Матвиейко (один из псевдонимов «Рамзес»). Уже в 1941 году по заданию руководства ОУН(б) Матвиейко сотрудничал с абвером (отдел контрразведки Абвер-3) в борьбе против советского подполья на оккупированной немцами Украине. Матвиейко был одним из самых близких Бандере людей. Его жена Евгения Кошулинская (техническая сотрудница руководства СБ в Мюнхене) была крестной матерью сына Бандеры Андрея. Последний «главком» УПА Василь Кук писал, что Матвиейко «любит провокации и может добиться признания от безвинного человека».

Главной задачей Матвиейко была борьба против конкурентов Бандеры среди украинской эмиграции, прежде всего, «мельниковцев» (сторонников смещенного Бандерой с поста главы ОУН в 1940 году Андрея Мельника). Шеф бандеровской «безпеки» все время убеждал своих американских хозяев, что вся небандеровская украинская эмиграция «наводнена большевистскими агентами».

В рамках операции «Трезубец» Матвиейко получил кличку

«Дедал»^[97]. Он согласился в обмен на гарантии безопасности для бандеровцев в американской зоне оккупации Германии поставлять агенту американской разведки А-43 информацию об «антисоветских операциях» ОУН(б). «Дедал» стремился любыми путями завоевать доверие (и деньги) и поэтому «сливал» американцам такую «дезу», что даже у них она стала вызывать подозрение. Например, он сообщил данные («интересные, но не поддававшиеся оценке» – мнение агента А-43) об активности русской разведслужбы в районе Мюнхена. Вокруг баварской столицы, по данным «Дедала», русские устроили сеть бункеров (!). Трудно отделаться от впечатления, что Матвиейко просто глумился над своими американскими хозяевами, перенося на русских собственные методы «работы» бандеровцев на Западной Украине.

Между тем попытки американцев несколько снизить накал антисоветской пропаганды УГВР и АБН (чтобы не привлекать к этим организациям излишнего внимания общественности) провалились. Американская разведка жаловалась на то, что и бандеровцы и УГВР имеют тенденцию «делать прежде всего собственные дела в ущерб нашим». 18 ноября 1946 года было принято решение прекратить прямые контакты с УГВР, АБН и связанными с ними организациями.

Но это не означало прекращения «сотрудничества» с бандеровцами. Для поддержания контактов с американской разведкой было решено создать специальную группу СБ. Эта группа (Zabordona Seciya Vyzvolnoi Boroty, ZSVB, она же группа «Белладонна»)^[98] должна была работать только с американцами, получать от них деньги и не поддерживать никаких контактов с любыми другими украинскими организациями. Американской разведке просто надоела постоянная грызня украинских националистов между собой, и они решили с нуля создать «свою, только свою» украинскую структуру.

«Нестор» получил эксклюзивные права на поддержание контактов «Белладонны» с АБН, УГВР, «ОУН-Бандера»^[99], УПА и СБ. При «Несторе» был штат из шести помощников, которых американцы считали более или менее «чистыми» с точки зрения возможных обвинений в коллаборационизме с нацистами. Причем разведку США беспокоил не сам факт коллаборационизма своих новых друзей, а возможное разоблачение этого факта «русскими» и, как следствие, удар по престижу США. «Нестору» американцы положили зарплату в 700 рейхсмарок, его «заместителям» – от 300 до 400 рейхсмарок в месяц^[100]. Кроме того, украинцам предоставили питание и сигареты, а также офис, пишущие

машинки, бумагу и т. д.

На встречах с украинцами 14 и 17 декабря 1946 года им дали задание подобрать надежного резидента для разведки США на Украине (предпочтительно внешне аполитичного учителя или священника в крупном городе), а также курьера для связи резидента с Мюнхеном.

30 декабря 1946 года главный связной американской разведки с «Нестором» «Сарпедон» получил первое развернутое задание:

– проинструктировать курьера УГВР, который должен был отправиться на Украину в самом начале 1947 года, найти там 1–3 резидентов для разведки США. Резиденты через контакты УГВР и УПА должны были собирать данные о советских спецслужбах, подразделениях МВД и «официальных лицах любого толка», которых можно было бы склонить к сотрудничеству по идеологическим или «монетарным» мотивам;

– определить, в каких городах Польши есть представители УГВР или УПА, установить их связь с надежными лицами в Чехословакии и советской зоне оккупации Германии с целью обеспечить надежную курьерскую связь через Прагу и Берлин с Мюнхеном^[101];

– исследовать возможные пути налаживания курьерской связи с Киевом через Львов, Краков и Катовице. Использовать для этих же целей поезда, которые доставляют нефть и нефтепродукты из Дрогобыча в Берлин;

– собирать на Украине любую информацию контрразведывательного характера^[102].

Было также решено отправить курьеров в Прагу и Берлин для налаживания там контактов с «украинскими элементами». «Сарпедону» приказали также подобрать толкового контрразведчика для допросов всех лиц, прибывающих с Украины.

Офис операции «Трезубец» разместился в здании американской военной оккупационной администрации по Верхней Баварии (Мюнхен, Софиенштрассе), специально, чтобы оградить украинцев от ненужного внимания немецкой и американской военной полиции.

В декабре 1946 года прибыл курьер с Украины, допрошенный «Дедалом». Все сведения были переданы через «Сарпедона» американцам.

Речь шла о друге детства «Дедала» «Славко». Недалеко от Дрогобыча боец УПА «Славко» был ранен в бою с частями МВД УССР и доставлен в Киев, где его вылечили. Бандеровец дал согласие работать на советскую разведку и был нелегально через Чехословакию отправлен в Мюнхен. Там он должен был выяснить все связи бандеровцев с американцами и 9 марта

1947 года встретиться в Праге с подполковником МГБ УССР Левинцом^[103].

По крайней мере, так «Славко» сказал «Дедалу» в Мюнхене. Из соображений безопасности «Дедал» не раскрыл американцам ни имени, ни места пребывания «Славко».

Советские органы госбезопасности умело использовали в своих целях фактический раскол между Бандерой и «главкомом» УПА Шухевичем. Тот в 1946 году отказался признать Бандеру вождем ОУН, оставив эту роль себе. Поэтому в Мюнхене Бандера не доверял даже проверенным курьерам УПА.

В качестве представителя-курьера бандеровцев в Берлин был намечен некто Виктор Голот (Victor Holot), коммерсант, родившийся в 1914 году во Львове. По оценке разведки США, он «хорошо знает Берлин и говорит по-украински, русски, немецки и польски; рост 176 см, вес 78 кг, русые волосы, овальное лицо, карие глаза».

Американская разведка формулировала задачи операции «Трезубец» следующим образом: «Операция “Трезубец” была запланирована как чисто контрразведывательное мероприятие с упором на проникновение в советские органы безопасности антисоветских украинских групп... Но так как она возникла в связи с операцией “Белладонна”, где предполагалось использовать украинские группы для разведки, было необходимо на ранней стадии комбинировать цели этих двух операций с целью максимального использования возможностей украинцев. Вся проделанная до сих пор работа должна рассматриваться не как разведывательная, а как проникновение в УГВР с целью создания солидной основы для будущих контрразведывательных операций совместно с украинскими группами в Германии и на Украине...

Целями операции “Трезубец” являются следующие:

1) Проникновение в УГВР – как диссидентская группа в СССР эта организация дает возможность для контактов с Украиной и советскими разведывательными органами там.

2) Контроль контрпроникновения – как диссидентская группа УГВР всегда представляла интерес для советской разведки и, несомненно, были предприняты попытки проникновения в нее; посредством глубоких знаний персонала и деятельности УГВР мы можем получить представление о методах советского проникновения и по возможности получить двойных агентов для нашего собственного применения.

3) Прямая контрразведывательная информация из СССР – через УГВР/УПА и через опрошенных нами курьеров “Трезубца” мы можем

контактировать с советской разведкой на ее собственной территории»^[104].

Здесь следует отметить, что разведка США на всякий случай пыталась на бумаге оправдать начало никем не санкционированной на политическом уровне работы с украинскими националистами, многие из которых были явными нацистскими приспешниками. В случае разоблачения «Трезубца» его можно было предъявить американской общественности как чисто «контрразведывательную операцию».

Поэтому в секретном документе американской разведки подчеркивалось: «Наши обязательства по отношению к украинцам из УГВР/УПА строго ограничены и были предприняты все усилия, чтобы избежать нашего прямого вовлечения в любом виде. Для того, чтобы наладить работу, нам пришлось оказать определенное содействие лицам из УГВР и “Трезубца”, но даже это осуществлялось на минимальном уровне...

Не было и не будет дано никаких формальных обещаний, которые могли бы касаться американской заинтересованности в антисоветских организациях. Запрос СБ о предоставлении бланков документов для них и их курьеров не будет выполнен, так как мы не контролируем всех тех, кто может использовать такие документы. Только курьерам “Трезубца” будут предоставлены все необходимые бумаги, включая чешские и польские документы...

С самого начала операции были предприняты особые усилия по поддержанию тщательной безопасности. Первоначальные контакты были ограничены с нашей стороны А-43 и “Килкенни” (KILKENNY), а со стороны УГВР – “Кадмусом” (CADMUS), “Нестором” (NESTOR) и “Дедалом” (DAEDALUS). С точки зрения безопасности все контакты в настоящее время ограничены “Сарпедоном” (SARPEDON) как связным между УГВР и А-43...

Украинским группам было твердо и неоднократно заявлено, что вся работа должна базироваться на четком понимании того, что американские интересы в украинских делах заключаются лишь в обеспечении (наших) дел в Германии и не должны рассматриваться как спонсорство или даже попустительство антисоветской деятельности любого толка»^[105].

В феврале 1947 года А-43 подтвердил на встрече с «Сарпедоном», что США не хотят вместе с украинцами бороться против СССР как «общего врага»^[106]. Вопрос об американских агентах-резидентах на Украине был временно снят.

Таким образом, украинские националисты после войны наступили на

те же самые грабли, что и в 1941 году. Ни Германия Гитлера, ни США Трумэна отнюдь не желали бороться за украинскую «самостийность», решая с помощью бандеровцев свои собственные задачи.

Если американцы старались лишь использовать бандеровцев в своих целях, то и те платили взаимностью и часто пичкали «партнеров» всякого рода слухами, а то и откровенной «дезой». В целом развединформация СБ ОУН в Вашингтоне высокой оценки не получила. Весной 1947 года из Вашингтона сообщили в Мюнхен, что там «не считают, что полученная от украинских групп информация оправдывает время и усилия, которые затрачены и должны еще быть затрачены на этот проект. Опыт показал, что получаемая от подобных групп информация низкого качества и идеологически предвзятая»^[107].

Кроме того, в Вашингтоне признавали, что цели США и бандеровцев расходятся: «...эти белые русские^[108] и украинцы имеют только одну цель, а именно провоцирование раскола между нами и русскими (т. е. СССР. – *Примечание автора*), так как они достаточно умны, чтобы понимать, что достижение их главной цели – независимость Украины или создание Белой России – практически невозможно»^[109].

Сознавали американцы и темное прошлое своих новых «партнеров»: «Белые русские... имеют большой опыт в антисоветской игре. В этой связи сотрудничество с германской разведкой многих из них представляется плюсом, хотя оно и отвратительно»^[110]. Глава SSU полковник Квинн отмечал, в том что касалось украинцев: «Элементы украинского националистического движения... в настоящее время пытаются найти союзников в своей борьбе против СССР, или, как минимум, получить достаточную моральную и материальную поддержку для поддержания своего существования в эмиграции. Поэтому их лидеры создают впечатление, что их дело правое, их прошлое – чистое, что существует сильное движение сопротивления на Советской Украине, что у них прекрасная разведка с контактами непосредственно в СССР и что они имеют отличную организацию». Квинн всему этому явно не доверял, характеризуя украинцев различных окраски как «неустанных политических интриганов и мастеров по части пропаганды. Попытки старого руководства ОУН, сейчас представляющего УГВР – УПА, придать движению “демократический” аспект (кавычки Квинна. – *Примечание автора*) ложны и, по крайней мере, ничем не подтверждены»^[111].

Таким образом, оба партнера (американцы и бандеровцы) пытались использовать друг друга «втемную». Разведка США стремилась выкачивать

из украинцев информацию об СССР, а бандеровцы пытались спровоцировать конфликт между Москвой и Вашингтоном.

Тем не менее Хольтсман, несколько ограничив контакты с Гриньохом, все равно продолжал работать с Матвиейко (в рамках «Трезубца» кличка шефа СБ была «Саранеус»). В августе 1948 года Гриньох и Лебедь порвали с Бандерой, который как «вождь» не терпел никаких равноправных соратников.

Постепенно американцы убедились в отвратном моральном облике и бесполезности Матвиейко, который в Германии 40-х годов активно занимался контрабандой и заказными убийствами, но никак не разведкой против СССР. Поэтому его не без облегчения «спихнули» англичанам.

Матвиейко прошел спецподготовку в школе английской разведки (кличка «Модди») и должен был быть заброшен на Украину с целью усиления влияния ЗЦ ОУН на подразделения УПА. Об этом Москва получила своевременную информацию от Кима Филби.

Уже в мае 1947 года у убитого референта СБ Закарпатского краевого провода ОУН «Армянина» сотрудники советской госбезопасности обнаружили инструкцию относительно сбора разведданных о вооруженных силах, мобилизационных ресурсах и военно-промышленном потенциале СССР. Информационной службе СБ в Украине ставилась задача собирать сведения о промышленно-транспортном комплексе и войсках в регионе. Вместе с тем предписывалось скрывать от рядовых подпольщиков, что разведка ведется в интересах США.

У ликвидированного МГБ УССР рогатинского надрайонного проводника «Шувара» нашли вопросник по изучению восточных регионов СССР (промышленность, дороги, аэродромы, порты, система ПВО). В бункере группы (боевки) «Дубка» (Львовщина) хранились сведения даже о Забайкальском военном округе.

Летом 1947 года, после сокрушительных поражений УПА на территории Западной Украины и в Польше, бандеровцы через Чехословакию стали просачиваться в Баварию. Бандера отдал приказ установить с помощью прибывших боевиков полный контроль ОУН(б) над всеми украинскими «перемещенными лицами» в американской зоне оккупации Германии (таковых насчитывалось как минимум 250 тысяч).

Таким образом, об активизации действий ОУН(б) в оккупационной зоне США в Германии и нахождении там Бандеры стало известно советской контрразведке. Советская сторона обратилась к оккупационным властям США с требованием о выдаче персонала ОУН(б), как сотрудничавших с нацистами преступников, причастных к массовому

уничтожению граждан СССР. Представитель американской разведки рекомендовал военной администрации США не выдавать бандеровцев, исходя из того, что «подобные действия разрушат уверенность всех антибольшевистских сил, имеющихся у США». В итоге американской стороне «не удалось обнаружить местонахождение указанных лиц».

После «путча» в Праге и начала военной истерии в США американская разведка (прежде всего, Визнер) решила, что пора использовать бандеровцев не только для сбора информации, но и для диверсий и терактов на территории Советского Союза.

В рамках операции «Icon» ЦРУ изучило более 30 различных эмигрантских групп и рекомендовало использовать против СССР «группу Гриньоха-Лебедея... как наиболее подходящую для тайных операций». В начатой в 1948 году операции под кодовым названием «Cartel» основным партнером была выбрана ОУН(б). ЦРУ обеспечивало финансовую, материальную поддержку и тренировочные базы, а также осуществляло подготовку агентов и их дальнейшую заброску по воздуху на территорию СССР. Вскоре операция получила кодовое название «Aerodynamic»^[112].

К операции подключилась также британская MI-6, работавшая напрямую с Бандерой, имевшим к тому времени с «группой Лебедея» довольно напряженные отношения из-за присвоения им денежных активов ОУН(б).

В связи с угрозой жизни Лебедю (исходившей к тому моменту не столько от советских спецслужб, сколько от сторонников Бандеры) ЦРУ приняло решение перебросить его в США, в то время как Гриньох был оставлен для координации деятельности в Мюнхене. 4 октября 1949 года Лебедь вместе с семьей (дочь и жена) с оформленными ЦРУ эмиграционными документами прибыл в США, чтобы стать основным контактным лицом в операции «Aerodynamic». Он поселился в Нью-Йорке, ему был предоставлен постоянный вид на жительство, а затем американское гражданство. Это обеспечило Лебедю относительную безопасность от покушений и возможность возвращаться в США после служебных поездок в Европу, а также позволило вести переговоры с украинскими эмигрантскими кругами. То, что среди украинцев в Нью-Йорке он считался ответственным за «массовые убийства украинцев, поляков и евреев», при этом не обсуждалось.

Первый этап операции «Aerodynamic» включал в себя проникновение на Украину и выход обратно обученных ЦРУ украинских агентов. К январю 1950 года в операции принимал участие в основном «офис Визнера» (Office of Policy Coordination, OPC). Позднее (в июле 1954 года) в меморандуме

относительно своих украинских проектов ЦРУ признавало, что «Aerodynamic» исходила из неминувости войны против СССР в ближайшее время^[113]. Требовалась не кропотливая работа по внедрению в СССР классических шпионов, а срочная и массовая заброска агентуры для организации восстания в тылу Советской армии.

Визнер любил принимать желаемое за действительное и «купился» на рассказы бандеровцев об их мнимых военных успехах на Украине. В 1949 году американцами «было установлено», что на Украине существует «организованное и хорошо законспирированное подпольное движение», которое даже «крупнее и лучше развито, чем предполагалось в более ранних докладах». Особую радость вызвал высокий уровень выучки в УПА, ее способность к дальнейшим акциям и «экстраординарные новости о том, что... активное сопротивление советскому режиму неуклонно распространяется на восток, за пределы бывшей польской греко-католической провинции».

Кстати, в 1954 году ЦРУ постфактум признавало, что стало в конце 40-х годов «заложником» украинской эмиграции. В 1948 году, после событий в Чехословакии, когда американцам война против СССР казалась неминуемой, они хватались за любую соломинку.

ЦРУ решило расширить свои операции для поддержки, развития и использования украинского подпольного движения в целях сопротивления и разведки. «Ввиду распространения и активности движения сопротивления на Украине, – вспоминал Визнер, – мы считали этот проект высокоприоритетным». По данным ОРС (совершенно не отвечавшим реальному положению дел), УПА якобы действовала во многих районах Украины, пользовалась популярностью среди украинцев и была способна выставить до 100 тысяч бойцов в случае войны Запада против СССР.

На самом деле к тому времени все крупные подразделения УПА (курени и сотни) были разгромлены, и бандеровцы отсиживались в сгонах, заботясь в основном о собственном выживании.

С получением оперативной информации о сотрудничестве ОУН(б) с западными спецслужбами МГБ СССР организовало эффективную радиоигру с западными центрами ОУН. Одна из операций МГБ УССР по ОУН(б) получила кодовое название «Звено». В результате агенты западных спецслужб, направленные на установление связей с «революционно-освободительными силами» в СССР (в существовании которых был твердо убежден Визнер), гарантированно встречались с «представителями» этих сил – и бесследно пропадали для тех, кто их послал. Но Визнер был полон оптимизма, и к концу 1950 года в отчетах ЦРУ указывалось

о «подтвержденном существовании хорошо развитого и надежного подпольного движения» на Украине.

В Вашингтоне были особенно удовлетворены «высокой степенью подготовки» структур УПА (фактически ликвидированной в 1949 году) и их готовности к ведению ширококомасштабных партизанских действий против «советского режима». По данным Визнера, с конца Второй мировой войны до 1951 года УПА «удалось устранить около 35 тысяч советских военнослужащих и членов компартии».

Однако в действительности к 1951 году в СССР действовали как легендированные «окружные и районные руководства ОУН», так и отдельные «подпольные группы» МГБ, которые встречали посланцев американской разведки с той стороны «железного занавеса». Именно от них Визнер и получал «ценную информацию». В обмен на Украину переправлялись солидные денежные средства и спецвооружение, за что в МГБ Визнеру были очень благодарны. Таким образом, значительные средства американского бюджета выделялись на операции по поддержке созданных МГБ СССР «структур» УПА.

Отношения английской разведки и ЦРУ вокруг контроля зарубежных центров ОУН характеризовались в конце 40-х – начале 50-х годов ощутимой «ревностью». Однако постепенно партнеры в Лондоне и Вашингтоне пришли к выводу о необходимости согласия, что отразилось в созванном в Лондоне (апрель 1951 года) совещании представителей обеих спецслужб по вопросу активизации совместного использования ОУН в разведывательно-подрывной деятельности против СССР. Отныне бандеровцев в основном «вели» англичане. Об этом «компромиссе» Филби сообщил в Москву. По совместному заданию англичан и американцев в ночь с 14 на 15 мая 1951 года глава СБ ОУН(б) Матвиейко и еще пять разведчиков-эмигрантов приземлились неподалеку от села Бышки в Тернопольской области. Их сбросил английский военный самолет, стартовавший с острова Мальта в Средиземном море. Уже на Мальте воспитанникам английской разведшколы выдали автоматы «Стэн» (командирам групп – с устройством для бесшумного огня), по два пистолета «испано-лама», гранаты, ампулы с ядом, фиктивные документы, деньги, рации и почту для руководителей подполья. В это же время (20 мая) на Украину прилетела делегация УГВР во главе с Василием Охримовичем. К тому времени УГВР открыто конкурировал с Бандерой, и последний неоднократно приказывал Матвиейко (тогдашняя кличка – «Усмешка») ликвидировать бывших соратников.

«Гостей» ждали. Свежую информацию советские органы

госбезопасности получали не только от Филби, но и от агента польской разведки «Владека» – курьера между ЗЦ (Заграничным Центром) ОУН и Украиной. «Владек» был среди группы «Усмешки» и 22 мая на конспиративной квартире во Львове подробно рассказал обо всей операции заместителю министра госбезопасности УССР генерал-лейтенанту Вадису. Заметим, что в группе Матвиейко был и агент МГБ УССР «Кара». Однако точного времени и места приземления «гостей» с Мальты в Москве не знали.

Система ПВО, заблаговременно предупрежденная МГБ, пропустила английский самолет. Были созданы десятки постов слежения (по сообщению «Владека», «гостей» ждали 10–15 мая), тем не менее точно определить место «десантирования» групп не удалось. К масштабным поисковым мероприятиям привлекли почти 11 тысяч участников оперативно-военных групп, истребительных батальонов, 14 самолетов ПО-2.

На Матвиейко вышли люди из местного «легендированного провода» ОУН. Поведение агентов МГБ было таким естественным, что шеф «безпеки» согласился пойти с радистом на их лесную базу поблизости от Кального в Зборивском районе Тернопольщины. Растроганный «Усмешка», рассказывая о своих мытарствах, искренне радовался встрече с «боевыми товарищами». Агенты МГБ угостили эмиссаров вином, медом и водой со спецпрепаратом «Нептун». Через несколько минут прозвучала условная фраза («Давайте закурим»), и оба «гостя» без сопротивления оказались в наручниках на траве. Это произошло 5 июня 1951 года.

Группу «Кары», из которой умело вывели этого агента, ликвидировали. «Грузина» (Охримовича) поначалу не обнаружили, но потом все-таки задержали (6 октября 1952 года).

Чтобы спасти свою жизнь, Матвиейко быстро согласился работать на советскую сторону и из «заключенного номер 50» превратился в агента «Четвертого».

«Усмешку» поселили на конспиративной квартире во Львове, и в конце июня 1951 года при участии Матвиейко началась радиоигра с английской разведкой и Заграничным Центром ОУН (операция «Метеор»). Эта масштабная радиоигра до сих пор считается классической в истории оперативного искусства органов госбезопасности. Ее основные задачи были масштабны: подчинить «Четвертому» оуновское подполье в регионе, дезинформировать зарубежные структуры ОУН, вывести на территорию УССР лидеров и эмиссаров зарубежных центров ОУН, укоренить собственную агентуру в английской разведке, скомпрометировать перед

иностранными разведками и зарубежным руководством ОУН главарей националистического подполья на Украине.

В сентябре 1951 года разворачивается еще одна радиоигра («Вызов») с английской разведкой от лица «Дрогобычского краевого провода ОУН». В марте 1953 года на базе спецотдела управления 2-Н для ведения радиоигр создается 3-й отдел 4-го управления МВД УССР в составе «английского» и «американского» отделений (19 оперативных работников, которые имели на связи семь спецагентов и 14 агентов).

Только со 2 июля 1951 по 18 мая 1952 года в рамках игры «Метеор» от лондонского разведцентра поступили 29 радиogramм, взамен радиocентр в Кельне принял 32 дезинформационные передачи от «Усмешки». И что характерно: обусловленного слова «борщ» («работаю под контролем МГБ») в текстах не было.

Англичан интересовала прежде всего обстановка в подполье, его готовность сотрудничать с СИС и ЦРУ, условия заброски новых курьерских групп, сведения о Прикарпатском военном округе, предприятия региона, возможности приобретения источников информации в центрах оборонительной промышленности СССР (например, в городе Горьком), тактико-технические характеристики советской военной техники, транспортная инфраструктура и т. д.

Для укрепления доверия Лондона к Матвиейко организаторы радиоигры с санкции Москвы вместе с «дезой» передавали второстепенную и внешне правдоподобную информацию военно-экономического содержания. Формировалась также мнение о трудностях подпольной борьбы на Украине. Одновременно сообщались «пункты приема» новых групп эмиссаров. Лидеров заграничного центра ОУН призывали прибыть и лично возглавить «освободительную борьбу». Для коллег из СБ «Четвертый» присылал данные об уже известных подполью формах и методах работы советских органов и «контрмерах СБ» и об острой потребности переброски на Украину опытных работников «безпеки».

Матвиейко искренне пытались убедить в преимуществах советской власти для Украины. Ему организовали обучение по программе вечернего отделения теплотехнического факультета Киевского политехнического института, посещение лекций общества «Знание», изучение трудов классиков марксизма-ленинизма и «Истории Украинской ССР». Дважды в месяц для бывшего шефа СБ проводились экскурсии на предприятия и в передовые колхозы, культпоходы в кино, театр. Отдельно рекомендовалось посмотреть определенные киноленты, оперы «Богдан Хмельницкий»,

«Запорожец за Дунаем», «Борис Годунов».

Все же 16 июня 1952 года Матвиейко неожиданно сбежал, однако, поняв бесполезность дальнейшей борьбы, опять сдался МГБ. Его отправили в Москву, но после смерти Сталина в апреле 1953 года вернули на Украину. С 1960 года агент «Весенний» (бывший «Четвертый») стал активно участвовать в пропагандистских мероприятиях против украинских националистов.

В 1962 году Матвиейко так характеризовал своего бывшего шефа Бандеру: «Моральный облик Бандеры очень низкий. Он широко известен как бабник. Дело доходило даже до скандалов, которые известны в широких кругах. Много имеется женщин, оскорбленных им... Атмосфера в его квартире невыносима из-за того, что между ним и женой бывают частые ссоры... Бандера закрывает свет своей жене мелочностью и упрямством. Он вмешивается во все домашние дела, заглядывая в каждый горшок... Вторая довольно характерная черта нрава Бандеры – это известное всем свинство по отношению к людям, которые его охраняют и обслуживают... Когда Бандера бывал в Мюнхене, он обычно обедал в ресторанах, а люди из его обслуги и охраны оставались голодными...

Бандера как проводник (т. е. руководитель. – *Примечание автора*). Кратко. Даже по трупам своих наиболее близких друзей и работников старается удержаться во главе провода ОУН. Бандера очень упорный и бесшабашный в проведении в жизнь своих планов и намерений. Этим самым иногда доводит организацию до катастрофы. За допущенные ошибки людей наказывает. Однако сам он и его приближенные, особенно Стецько, Климишин и Горобач... допускают серьезные ошибки. На работу в провод он подбирает таких людей, которые до конца ему преданы и автоматически голосуют за него во время выборов...

Бандера ненавидит людей с другими взглядами, скоро освобождает их от занимаемых важных должностей. Когда речь идет о нем, то его противники или люди, в чем-то заподозренные, к нему доступа не имеют...

Бандера как проводник использует организацию исключительно для своих целей. Он завел организацию при немцах до гестапо и Абвера, а сейчас отдал для услуг английской разведке и торгуется за нее с американской разведкой... Бандера также связан со «вторым братом» Гитлера – испанским Франко. В этом его помощником является униатский епископ Иван Бучко...

Закордонный провод ОУН и оппозиция не только сотрудничают с английской и американской разведками, они стремятся уже давно к сотрудничеству с любой разведкой капиталистических стран, лишь бы

только получить как можно больше денег для своего материального существования и активизации антисоветской работы как за границей, так и в СССР»^[114].

Всего в ходе оперативных мероприятий советской контрразведки с 1951 по 1959 год в рамках операции «Звено» МГБ УССР удалось обезвредить 33 агентов ЦРУ и английской разведки (18 из них были убиты или покончили с собой при задержании). Некоторых из них удалось перевербовать и задействовать в радиоиграх.

Что касается самого Бандеры, то американская разведка (еще УСС) характеризовала его в сентябре 1945 года следующим образом: «Бандера – молодой и склонный к насилию студент, который примерно пять лет тому назад перешел в оппозицию к более пожилому Мельнику, лидеру ОУН. В 1941 году он направился во Львов и провозгласил себя главой украинского государства, якобы с одобрения германского генерального штаба. Это вызвало у немцев большое недовольство и ему приказали воздержаться от дальнейшей политической деятельности без официальной санкции. Однако он и его последователи развязали кампанию террора, направленную, главным образом, против последователей Мельника, что привело к аресту Бандеры и его заключению в (лагерь) Кляйн-Заксенхаузен. Мельника также арестовали. Однако позднее обоих отпустили, когда вермахт и министерство по восточным вопросам попытались построить сильную Украину. Бандеру можно рассматривать как антисоветчика и антинемца. Как представляется, он продолжает свою кампанию насилия после ухода немцев с Украины»^[115].

Тем не менее, несмотря на столь явную характеристику Бандеры как террориста, упоминавшийся специалист американской разведки по Украине Аради был против выдачи Бандеры советским властям. Арест Бандеры, отмечал Аради в одной из докладных записок, «покажет украинцам, что мы как организация не способны защитить их, то есть, что у нас нет достаточных полномочий. В этом случае у них нет никакого смысла сотрудничать с нами. Одной из причин того, что полного сотрудничества между УГВР и нашей организацией пока не получилось, являются подозрения их лидеров, что в конечном итоге мы “предадим” их. С самого начала они жаловались, что американцы не испытывают к ним реального интереса и что находящиеся под влиянием коммунизма офицеры и официальные лица США сдадут их России. Эту точку зрения разделяют как люди Бандеры, так и консервативные украинцы»^[116].

Аради все же пришел к выводу, что от бандеровцев будет больше

проблем, чем пользы, и предложил арестовать не только самого Бандеру, но и всех его сподвижников, место пребывания которых известно американским властям. Но в Вашингтоне не согласились – выдача Бандеры СССР нанесла бы большой вред подпольному антисоветскому движению на Украине. При этом в штаб-квартире американской разведки признавали, что группа Бандеры – «в первую очередь террористическая организация»^[117].

Гарри Розитцке, отвечавший у Визнера за операции против СССР, отмечал 7 января 1947 года: «Дело Бандеры и наша роль в нем высвечивает всю украинскую проблему. Если цель сотрудничества с украинцами политическая, то мы должны немедленно прервать прямой контакт (с Бандерой)». Сам Розитцке считал, что ЦРГ должна отказаться от контактов с балтийскими, украинскими и грузинскими эмигрантами, так как толку от них мало, а политический риск в случае разоблачения этих связей высокий.

Весной 1947 года (как уже упоминалось) резидентура ЦРГ в Мюнхене получила указание свернуть контакты с бандеровцами и передать их на связь армейской разведке США.

Однако ситуация изменилась в декабре 1947 года, когда (как упоминалось выше) СНБ США разрешил ЦРУ заниматься не только разведкой, но и подрывными операциями. А это как раз было «по части» Бандеры. Именно после этого решения СНБ эмигрантами заинтересовался Визнер.

В марте 1948 года по инициативе Визнера для работы с антисоветской эмиграцией на правительственном уровне был создан Координационный комитет госдепартамента и министерств трех родов войск (State-Army-Navy-Air Force Coordinating Committee, SANACC). 17 марта 1948 года Комитет издал квазидирективу (SANACC 395) «Использование беженцев из Советского Союза в национальных интересах США». Визнер считал, что только в лагерях для «перемещенных лиц» скопилось 700 тысяч «русских» и их надо направить на борьбу против СССР.

В резидентуру ЦРУ в Мюнхене пошла директива снова оценить перспективы контактов с бандеровцами и другими украинскими эмигрантскими группами (проект «Icon»). В мюнхенской резидентуре ЦРУ предпочли людей из УГВР (группа Лебеда), которые якобы не заинтересованы в личной выгоде. За последние три года (т. е. после 1945 года) «лебедевцы» вроде бы ничем себя не скомпрометировали.

3 декабря 1948 года Ричард Хелмс приказал мюнхенской резидентуре наладить контакт с Лебедем и предложить его людям поработать курьерами на Украину под американским контролем. При этом Хелмс решил попросту

обмануть «лебедевцев» – им надлежало сказать, что их используют не в «чисто разведывательных целях», а якобы поддерживают как важных диссидентов.

В январе 1949 года Гриньоха и Лебеда уговорили предоставить курьеров (операция «Апостолы»). В феврале было решено забрасывать снабженных радиопередатчиками «апостолов» на Украину с воздуха. В марте 1949 года мюнхенская резидентура запустила операцию «Androgen». Цель – оценка потенциала украинского «повстанческого движения» на случай войны между СССР и США. При этом мюнхенская резидентура ЦРУ прекрасно сознавала, что такая деятельность (заброска агентуры на Украину) не только противоречит законам США, но даже и нормативным актам американской зоны оккупации в Германии. В случае провала операции придется срочно «эвакуировать» агентов «Cararison» («Попона», Гриньох), «Antler» («Олений рог», Лебедь) и «Acrobat» (Лопатинский) из Германии.

ЦРУ взяло на себя размещение и обучение «апостолов», а также компенсировало УГВР денежные средства, конфискованные немецкой полицией у курьеров организации при переходе границы. Но Лебедь требовал публичного признания сотрудничества США с УГВР и хотел получить разрешение выступить перед украинской диаспорой в США и Канаде. Однако американцам «лебедевцы» были нужны исключительно как террористы и диверсанты.

26 июля 1949 года по докладной Хелмса и Розитцке заместитель директора ЦРУ по специальным операциям Роберт Шоу одобрил сотрудничество с УГВР. В этот же день проект «Androgen» был переименован в «Cartel». Отныне ЦРУ «официально» предоставляло своим украинским партнерам деньги, радиопередатчики, американские коды и самолеты без опознавательных знаков для заброски «апостолов» в СССР.

В сентябре 1949 года два первых «апостола» были сброшены с американского самолета в районе Львова. Целью было установление контактов с УПА, однако органы госбезопасности СССР быстро обезвредили агентов. Тем не менее в штаб-квартире ЦРУ начало операции сочли многообещающим и решили ее расширить.

С 1950 года ЦРУ обсуждало совместную работу на Украине с британской разведкой, но англичане ставили как раз на Бандеру и не хотели иметь дела с УГВР.

ЦРУ пыталось забрасывать агентуру на Украину из Мюнхена и наземным путем (операция «Redsox»; ее проводило подразделение ЦРУ Foreign Division S, занимавшееся подрывной деятельностью за

«железным занавесом»). Однако пересечение многих границ приводило к частым провалам, и от этой операции отказались в 1953 году.

В 1949 году, как уже упоминалось, Лебедя переправили в США, где на деньги ЦРУ он создал «исследовательский институт» в Нью-Йорке и продолжал снабжать своих хозяев информацией по Украине. Опять-таки на деньги ЦРУ Лебедь издавал ряд антисоветских публикаций на украинском языке.

5 мая 1952 года только что назначенный заместителем директора ЦРУ Аллен Даллес написал письмо главе Иммиграционной службы США. В нем говорилось, что Лебедь представлял собой «огромную ценность для управления в его операциях. В связи с будущими первоочередными операциями управления крайне необходимо, чтобы субъект (то есть Лебедь. – *Примечание автора*) имел возможность ездить в Западную Европу. Однако перед тем как субъект сможет осуществлять такие поездки, управление должно быть уверено, что ему разрешат вернуться в Соединенные Штаты без расследований или инцидентов, которые могут привлечь ненужное внимание к его деятельности. Ваша служба дала понять, что не может предоставить такие гарантии из-за того, что субъект был осужден в 1936 году за участие в убийстве в 1934 году польского министра внутренних дел, был приговорен к смертной казни, позднее замененной на пожизненное заключение... Ваша служба дала понять, что если субъект вернется в Соединенные Штаты, против него должно быть начато расследование... Для того, чтобы устранить препятствия для осуществления будущих операций управления и во исполнение полномочий, предоставленных разделом 8 Закона о ЦРУ 1949 года, я одобряю и представляю на Ваше одобрение предоставление субъекту постоянного вида на жительство согласно вышеупомянутому закону, так как это важно для осуществления национальных разведывательных операций и отвечает интересам национальной безопасности»^[118].

Сам Бандера до 1954 года работал на английскую разведку, потом англичане передали его «организации Гелена» – будущей разведке ФРГ БНД. Гелен и его люди до 1956 года работали под полным американским контролем. На связи с Бандерой был заместитель Гелена Хайнц Данко Херре. Во время войны Херре был фактическим начальником штаба власовской РОА, так что опыт работы с коллаборационистами у него был неплохой. Американцы и англичане в то время уже рекомендовали БНД не иметь с Бандерой дел, так как считали его «бумажным тигром». Однако Херре своего партнера не бросил.

В 1956 году Бандеру короткое время спонсировала итальянская

разведка (Servizio Informazione Forze Armate, SIFAR)^[119]. Итальянцы и не подозревали, что на тот момент все связи Бандеры с Украиной были под полным контролем КГБ.

В апреле 1959 года Бандера, к которому американцы утратили интерес ввиду полной бесперспективности «вождя» ОУН, обратился за помощью к БНД. Херре эту помощь предоставил, причем аргументировал ее для Гелена следующим образом: «Бандера известен нам уже около двадцати лет (то есть Херре, употребляя слово «мы», не делал никакой разницы между абвером и БНД. – *Примечание автора*)... Внутри и вне Германии у него около полумиллиона последователей» (откровенная ложь, о которой Херре не мог не знать. – *Примечание автора*)^[120].

Американцы еще начиная с 1950 года стали протестовать против работы британской разведки с Бандерой, так как считали последнего абсолютно бесполезным.

Филби так вспоминал об этом: «Нападки американцев на сотрудничество между Бандерой и СИС стали особенно резкими в 1950 году, и, работая в США, я потратил много времени на передачу язвительных посланий из Вашингтона в Лондон и обратно относительно сравнительных достоинств различных малоизвестных эмигрантских групп. ЦРУ выдвинуло три серьезных возражения против Бандеры как союзника. Его крайний национализм с фашистским оттенком являлся препятствием, мешавшим Западу вести подрывную работу в Советском Союзе с использованием лиц других национальностей, например русских. Утверждали также, что Бандера уходит корнями в старую эмиграцию и не имеет связей с новой, “более реалистичной” эмиграцией, с которой американцы усиленно заигрывали. Наконец, его прямо обвиняли в антиамериканских настроениях. Заявление англичан, что Бандера используется только в целях сбора разведывательной информации и что такое его использование не имеет какого-либо политического значения, было отвергнуто американцами. Последние возражали, что, каков бы ни был характер связи СИС с Бандерой, сам факт этой связи может поднять его престиж на Украине. Американцы высказали опасение, что любое усиление последователей Бандеры чревато опасностью раскола “движения сопротивления” на Украине, с которым вели работу они сами... Чтобы преодолеть англо-американские разногласия по поводу Украины, ЦРУ настаивало на проведении широкой конференции с СИС. Эта конференция состоялась в Лондоне в апреле 1951 года. К моему удивлению, английская сторона заняла твердую позицию и наотрез отказалась выбросить Бандеру

за борт»[\[121\]](#).

Между тем в Европе после смерти Сталина намечалась осторожная оттепель и, опасаясь за свою жизнь Бандера (он боялся, что его все-таки выдадут СССР) с 1955 года пытался получить въездную визу в США. В октябре 1959 года ЦРУ рекомендовало удовлетворить ходатайство «вождя» ОУН, но через 10 дней после этого Бандера был убит в Мюнхене сотрудником КГБ СССР Сташинским. Возмездие восторжествовало.

Не обходило ЦРУ своим вниманием и русскую эмиграцию.

Русские партнеры ЦРУ: от белогвардейцев к власовцам и НТС

В начале 1949 года Визнер дал указание объединить группы «старой» (белогвардейцы) и «новой» (власовцы и прочие нацистские коллаборационисты) русской эмиграции в единый центр, который должен был помогать отбирать агентуру для заброски в Советский Союз^[122]. 13 апреля 1949 года была дана санкция на образование Русского благотворительного комитета, якобы для помощи «беженцам» из СССР.

В 1949 году в ведомстве Визнера появилась на свет секретная бумага «Использование русских политических беженцев в Германии и Австрии». В том же году идею «благотворительного» комитета поддержали в госдепартаменте.

В специальном секретном докладе офиса Визнера «Обзор русской эмиграции» (Survey of Russian Emigration, составлен в 1950 году) анализировались основные группы эмиграции из СССР с точки зрения их «полезности» для США. Помимо собственно «русских» в обзоре исследовались также «казаки», белорусы и украинцы^[123].

Основная роль в обзоре уделялась власовцам из РОА и фигуре самого Власова. Американцы выразили восхищение тем, как Власов в «кратчайшие сроки в очень неблагоприятных условиях превратил преданных советских работников в твердых антикоммунистов, что является феноменом выдающегося значения»^[124]. Визнер предлагал использовать этот «полезный» опыт. В обзоре подчеркивалось, что власовское движение якобы никогда не разделяло цели нацистов: «...власовцы взяли за оружие как политические беженцы^[125] с целью борьбы за русские национальные интересы...» Отсюда люди Визнера делали «логический» вывод – власовцы не являются коллаборационистами и с ними можно сотрудничать.

После одобренного Визнером доклада для скрытой финансовой поддержки бывших пособников нацистов из числа советских граждан в 1951 году был учрежден «частный» Американский комитет за освобождение народов России. Учредителей комитета отбирал лично Визнер.

На самом деле комитет служил прикрытием для формирования из бывших советских граждан разведывательно-диверсионных групп в рамках операции Офиса по координации политики «Qkactive» (т. е. операция

«Активный»). Цель операции была определена в сентябре 1950 года как «политическая организация и активация русской эмиграции с перспективой обеспечения сотрудничества народов России в борьбе западных демократий против нынешних правителей России»^[126]. В рамках операции предполагалось создать «объединенный фронт» эмиграции, финансировать газеты и радиостанции на русском языке антисоветской направленности. Планировалось даже учредить Институт русских исследований в ФРГ.

После долгой грызни среди антисоветских эмигрантских организаций, выведившей Визнера из себя, удалось наконец собрать в октябре 1952 года в Мюнхене десяток мелких антисоветских групп, образовавших Координационный центр антибольшевистской борьбы (КЦАБ). Среди руководства центра были много власовцев и нацистских пособников из грузин и представителей народностей Северного Кавказа. За образец был взят учрежденный нацистами в ноябре 1944 года (Визнеру помог советами Хильгер) власовский КОНР. Причем американцы столкнулись с той же проблемой, что и немцы в 1944 году, – националисты типа бандеровцев или грузин не хотели подчиняться «русским» эмигрантам. С другой стороны против националистов как «раскольников единой и неделимой России» выступал Национально-трудовой союз (НТС) – главная политическая группировка «русской» антисоветской эмиграции, также активно сотрудничавшая с немцами на временно оккупированной территории СССР.

Возник союз в Белграде в 1929–1935 гг., и первоначально объединял молодое поколение русской белой эмиграции (он даже назывался сначала Союзом русской национальной молодежи, а затем – НТС нового поколения), стремившееся немедленно свергнуть советскую власть любым путем. «Нацмальчики», как презрительно называли НТС белоэмигранты старшего поколения, не принимали в свою партию всех тех, кто родился ранее 1895 года. НТС в свою очередь упрекал «отцов» белой эмиграции в интеллигентской расхлябанности и пустой болтовне.

НТС готовил в СССР «национальную революцию», для чего на территорию Советского Союза забрасывались боевые группы партии. Для подготовки людей и переброски их в СССР были созданы особые школы НТС. Это стало возможным в 1937 году – после того, как председателем польского отдела НТС Вюрглером была налажена связь с польским Генштабом (в его состав входила польская армейская разведка, так называемая «двуйка»). Обе стороны были заинтересованы друг в друге. Члены НТС получали возможность, пройдя курс обучения на разведкурсах, «уйти по зеленой дорожке» в СССР для выполнения своей работы.

Польские же власти при минимальных затратах получали источник сведений об обстановке в СССР.

В годы войны НТС на первых порах активно сотрудничал с гитлеровцами и в своей программе провозглашал построение «корпоративного государства» по образцу фашистской Италии и нацистской Германии.

Основные кадры организации к лету 1941 года находились в занятой немцами Европе. Оттуда после начала Великой Отечественной войны более 200 человек были направлены на оккупированную советскую территорию, чтобы создавать «русскую силу на русской земле», – кто переходя польскую границу по «зеленой дорожке», кто с «липовыми» документами, кто с настоящими «аусвайсами» от немецких частных фирм или государственных учреждений. На оккупированных нацистами территориях СССР члены НТС работали инженерами и агрономами, участвовали в созданном немцами городском управлении, занимаясь церковной и «общественной» работой, выступали в эстрадных ансамблях. Например, при Псковской миссии православной церкви член НТС вел работу с юношеством, в Одессе была создана студенческая организация, в Симферополе член НТС – мусульманин – читал проповеди в татарской мечети. Всего, по различным источникам, в СССР находилось от 50 до 80 членов НТС, и более 100 человек работало в Германии.

Именно под руководством нацистов НТС и приобрел опыт пропаганды, который затем переняли в ЦРУ. В марте 1942 года немцами были созданы учебные лагеря в Циттенхорсте, а затем в Вустрау под Берлином, куда отбирались квалифицированные лица из военнопленных для подготовки к административной работе «на Востоке». Преподавание в них взяли в свои руки руководители НТС. Из более 500 русских курсантов в НТС было принято около 30 человек, в том числе будущие видные его деятели. Там издавались необходимые союзу печатные материалы – как подпольно, так и открыто, под видом учебных пособий.

В марте 1943 года была создана школа пропагандистов власовской РОА в Дабендорфе под Берлином. Власов пригласил руководить Дабендорфом генерала Ф.И. Трухина, бывшего преподавателя Военной академии имени Фрунзе и Военной академии Генерального штаба РККА ^[127], к тому времени члена Совета НТС, и 10 человек по его выбору. Среди них были А.Н. Зайцев (Артемов), А.А. Кандауров, Н.Г. Штифанов, Меандров. Через курсы в Дабендорфе прошли в общей сложности 4500 курсантов. От 40 до 50 из них были приняты в НТС.

После краха Гитлера НТС, как и власовцев (многие члены НТС

служили в РОА), подобрала американская разведка, хотя она и считала НТС сильно скомпрометированной сотрудничеством с нацистами организацией. НТС по «совету» ЦРУ быстро заменил в своей программе «корпоративное государство» на более уважаемый «солидаризм».

С лета 1943 года на членов НТС обрушились немецкие репрессии. В результате были расстреляны или погибли в тюрьмах и лагерях более 30 человек. Это было связано с указанием Гитлера, который был возмущен слишком «самонадеянным» выступлением Власова перед офицерами группы армий «Север». Власов говорил о необходимости скорейшего создания «русской национальной» армии для помощи вермахту. Гитлер, находившийся в плену своей расовой теорией о «славянах-недочеловеках», приказал немедленно поставить на место всю излишне самостоятельную русскую эмиграцию. Однако когда осенью 1944 года руководство рейха разрешило Власову создание РОА, все арестованные члены НТС были по просьбе Власова освобождены и активно включились в работу власовского КОНР.

В проекте новой программы НТС (1944 год) было положение о том, что евреи, оставаясь на территории российского государства, должны проживать в специально предоставленной им области, они могут покинуть страну, но без вывоза капитала. Позднее НТС оправдывался, что это антисемитское положение появилось в результате «нацистского давления».

После войны центр НТС обосновался в лагере перемещенных лиц Мёнхегоф под Касселем в Западной Германии. После 1945 года НТС с помощью американцев снабжал власовцев новыми документами, чтобы спасти их от выдачи Советскому Союзу как военных преступников. В послевоенной Западной Германии НТС наряду со своими главными печатными органами – «Посевом» и «Гранями» – издавал газеты «Эхо» (Регенсбург, 1946–1949 гг.) и «Новости» (Мюнхен, 1947–1948 гг.) общим тиражом около 10 тыс. экземпляров.

НТС вел пропаганду среди эмигрантов «второй волны» и пытался вести антисоветскую агитацию среди советских оккупационных войск в Германии и Австрии. В начале 1949 года на Совете НТС в качестве «отправной методической идеи» организации была принята «молекулярная теория», разработанная В.Д. Поремским. Согласно этой теории, в тоталитарном государстве возможно создание мощной оппозиционной организации, отдельные ячейки которой («молекула»), руководствуясь общими целями, действовали бы в одном направлении. При этом горизонтальные связи между «молекулами» не предполагались. Руководящую и координирующую роль, объединяющую ячейки и

организации, должен был взять на себя зарубежный центр.

10 августа 1951 года ЦРУ одобрило план сотрудничества с НТС – операцию AESAURUS – со следующими целями:

- проникновение в СССР для того, чтобы:
- создать там точки, находящиеся на прямой связи с ЦРУ (то есть, говоря проще – резидентуры американской разведки. – *Примечание автора*);
- получать от этих источников разведывательную информацию;
- организовать группы саботажников, борцов «сопротивления», а также надежные каналы проникновения и ухода с территории СССР (Entry and Escape Routes) на случай войны;
- осуществлять в будущем «ограниченные партизанские операции» под руководством ЦРУ^[128].

Подбор агентуры поручили НТС. Причем «рекрутинговые» инструкторы НТС (три человека, псевдонимы «Aetna 24», «Aetna 42» и «Aenoble 31») проходили обучение на территории США. В 1951 году на всю операцию поначалу выделили 230 тысяч долларов, из них 60 тысяч – на работу агентов НТС на территории СССР. В январе 1952 года к подготовке приступили 4 агента. В апреле 1952 года на операцию добавили еще почти 55 тысяч долларов – для заброски агентуры на советский Дальний Восток. На 1953-й финансовый год директор ЦРУ одобрил выделение 181 174 долларов.

Следует подчеркнуть, что летом 1953 года оперативники ЦРУ, задействованные в проекте, попросили разрешения начальства следить за самими НТС вне рамок операции «Aesaurus». Американцы явно не доверяли своим новым союзникам, причем НТС платил им той же монетой.

В ЦРУ отмечали диссонанс целей НТС и американской разведки в отношении СССР. НТС хотел, по оценке ЦРУ, «прежде всего, разрушить советский режим»^[129] с помощью «активной пропаганды». Американцы заставили НТС перенести основной упор на «тихую» разведку, а пропаганду свести к минимуму (ведь пропаганда могла «засветить» агента-нелегала). Правда, в ЦРУ сомневались, что энтэсовцы соблюдают это соглашение. Поэтому американцы решили выделить пропагандистскую составляющую своего взаимодействия с НТС в специальный проект «Activists», чтобы отделить его от разведки (проект «Caccola»). К тому же НТС заверили, что заброшенные в СССР агенты смогут заниматься и пропагандой (причем под контролем самого НТС), как только выполнят разведывательные задания ЦРУ.

По просьбе лидеров НТС Георгия Околовича (фактический глава разведки НТС – т. н. «Закрытого сектора», на внутреннем жаргоне НТС – «кусты»), Бориса Мартино и Романова-Островского, в рамках программы «Activists» предполагалось готовить не только пропагандистов, но и «партизанских лидеров», «политических организаторов» и «саботажников»^[130].

Георгий Сергеевич Околович родился в 1901 году в Риге, подростком вступил в белую армию и стал пулеметчиком на бронепоезде. Эмигрировал из России в 1920 году. В 30-е годы вступил в НТС. В августе 1938 года в составе группы террористов-разведчиков НТС (Околович и Колков) перешел польско-советскую границу. Группа провела в Советском Союзе четыре месяца и, изучив обстановку, вернулась. Именно благодаря этому успеху (в основном группы НТС задерживали прямо на границе, хотя за ее благополучное пересечение отвечала польская разведка) Околович вскоре возглавил «закрытый сектор» в НТС. В годы Великой Отечественной войны Околович выезжал в СССР, где якобы вел «подпольную» работу на оккупированной немцами территории.

На самом деле в Смоленске Околович (официально он работал там в немецкой администрации города) трудился в разведотделе абвера «Sonderstab R», а позднее в Минске, еще в одном подразделении абвера «Sonderstab Ingvar».

«Sonderstab R» возглавлял белоэмигрант Борис Хольстон-Смысловский. Этот бывший деникинский офицер в межвоенный период жил в Польше и работал на абвер, видимо, еще с 20-х годов. В любом случае в 1928–1932 гг. он учился на курсах штаба рейхсвера. В мае 1941 года вместе с главой РОВС фон Лампе подготовил письмо фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу с предложением об участии белоэмигрантов в войне против СССР. Смысловский (в чине зондерфюрера при штабе группы армий «Север») стал первым русским, которому немцы в сентябре 1941 года разрешили сформировать самостоятельную воинскую часть из эмигрантов – «Особый штаб Р» («Р» от слова «Россия», «Sonderstab R»). Первоначально этот штаб назывался «Учебным батальоном по борьбе с врагом и разведке» (Lehrbatallion für Feind-Abwehr und Nachtichtendienst). К моменту прибытия в «Особый штаб» Околовича Смысловский в сотрудничестве со штабом абвера «Валли» подготовил уже более 5 тысяч агентов для заброски в тыл Красной армии.

Смысловский и Околович гордились тем, что еще задолго до Власова с его РОА немцы разрешили сотрудникам «особого штаба» носить на рукавах шевроны с русским дореволюционным бело-сине-красным флагом.

Сам «патриот» Смысловский в 1942 году был уже майором абвера. Контрразведку в особом штабе (замаскированном под строительную роту) возглавлял эмигрант Владимир Бондаревский – в 30-е годы глава Всероссийской фашистской партии в Польше.

Пропагандой в «хозяйстве» Смысловского ведал глава отделения НТС в Польше, уже упоминавшийся выше Александр Вюрглер, имевший очень большое влияние на «шефа». Именно через этот «штаб» Вюрглер и Околович забрасывали агентуру НТС как в тыл Красной армии, так и внедряли ее в органы немецкой оккупационной администрации на временно оккупированной территории СССР. В 1943 году, после разгрома немцев под Сталинградом, Вюрглер через польское подполье попытался наладить связь с разведкой западных союзников, но был убит на улице Варшавы.

Даром люди Смысловского немецкий хлеб не ели. В 1943 году численность зафронтовой агентуры «особого штаба» возросла более чем в 40 раз. Только на южном крыле советско-германского фронта территориальные контрразведывательные органы СССР выявили свыше 700 шпионов-зондерштабистов.

С 1942 года Смысловский готовил также кадры для борьбы против партизанского движения в Белоруссии. В 1943 году немцы расформировали «особый штаб Р» (из-за контактов Смысловского с Армией Крайовой и украинскими националистами), но уже в начале 1944 года создали на его базе «особый штаб Ингвар» во главе с бывшим сотрудником Смысловского русским эмигрантом Игорем Юнгом. Юнг (из русских немцев, родился в Ташкенте в 1914 году) вступил в НТС в конце 30-х годов. В 1942 году участвовал в формировании коллаборационистской Русской национальной народной армии (РННА)^[131]. С 1943 года был агентом СД, с конца 1944 года в чине майора руководил школой диверсантов в Австрии. Затем настойчиво предлагал себя Власову в качестве главы разведки КОНР. В конце 40-х годов уехал в Чили, откуда в 1966 году переехал в США.

Штаб «Ингвар» располагался в Минске (под «крышей строительной фирмы “Erbauer”»), а его резидентуры – в Барановичах и Борисове. Задачи этого подразделения ничем не отличались от «особого штаба Р».

13 сентября 1944 Околович был арестован гестапо (немцам тогда не понравился лозунг НТС – «ни немцев, ни большевиков»), но был отпущен в апреле 1945 года по ходатайству Власова. Неоднократно советская разведка пыталась совершить покушение на Околовича и членов его семьи. В 1962–1970 гг. возглавлял издательство НТС «Посев» (находилось во Франкфурте-на-Майне). Умер в 1980 году в ФРГ.

В любом случае Околович приобрел у Смысловского прекрасный опыт по заброске агентуры в Советский Союз. Правда, его хозяевами тогда были не американцы, а нацисты. Но в ЦРУ это никого не смущало.

Мартино в ЦРУ характеризовали как «блестящего инструктора, пользующегося полным уважением офицеров ЦРУ и агентов из рядов НТС». Борис Борисович Мартино родился в Кронштадте 5 июня 1917 года в семье морского офицера и оказался с родителями после конца Гражданской войны в Югославии. Член НТС с 1937 года, лидер белоэмигрантского скаутского движения. В 1942 году через Берлин перебрался в Польшу, но дальше в СССР, как планировалось, не попал, так как «заболел». Окончание войны застало его в Западной Германии. С 1952 года Мартино – в «закрытом секторе» НТС.

За радиоподготовку агентов от НТС отвечал Александр Васильев, за идеологическую обработку агентов – Виктор Копылов.

В 1954 году в рамках сотрудничества ЦРУ с НТС планировалось подготовить 10 разведчиков и 4–6 «пропагандистов».

Всего в 1952 году на территорию СССР было заброшено три члена НТС, а весной 1953 года – 8. В ЦРУ (по состоянию на весну 1954 года) наивно полагали, что 6 агентов успешно легализовались и поставляют по радио информацию. На самом деле эту (дез)информацию сочиняли в КГБ.

Визнеру нравился радикализм НТС, хотя многие «успешные операции» этой группы в СССР существовали только на бумаге с целью выбить из ЦРУ дополнительное финансирование.

Несмотря на фиаско с бандеровцами, Визнер не прекращал заброску агентуры в СССР, хотя и прекрасно понимал, что отправляет эмигрантов фактически на верную гибель. Визнера полностью поддерживал Даллес, который, несмотря на свой добрый профессорский вид (трубка, твидовый пиджак, мягкие туфли и столь же мягкая улыбка), был крайне холодным и безразличным к судьбам других людей человеком. Когда ему сообщили о провалах засланной в Восточную Европу агентуры, Даллес и ухом не провел: «Зато мы приобретаем полезный опыт на случай будущей войны»^[132].

Первая заброска агентуры в СССР после прихода Даллеса в ЦРУ состоялась в августе 1951 года. Первыми даллесовскими нелегалами стали бывшие члены власовской армии Яценко и Воронеж. Они были выброшены под Минском. Однако информацию о своих агентах американцы получили лишь спустя три месяца, причем из советской печати: сообщалось, что шпионы расстреляны.

С августа 1951 года по май 1954 года самолеты ВВС США не менее

7 раз нарушали воздушное пространство СССР, сбросив около 30 своих агентов над Молдавией, Украиной, Белоруссией, Прибалтикой, Северным Кавказом. В период с 1951 по 1954 год советской контрразведкой было поймано более тридцати парашютистов, большая часть которых была расстреляна. Остальные использовались в радиоиграх.

В 1953 году детище Визнера – КЦАБ – развалилось: украинские и прочие националисты создали в Париже свой «блок» – Международный антибольшевистский координационный центр, а визнеровский КЦАБ был переименован для пущей важности в Координационный центр освобождения народов России. Напомним, что созданная нацистами в 1944 году власовская политическая организация носила название – Комитет освобождения народов России. Преемственность явно налицо.

В результате в «сухом остатке» «операции Активный» оказалось финансируемое ЦРУ «Радио Свобода», начавшее в 1953 году вещание на языках народов СССР.

Тем не менее на протяжении 1951 и 1952 годов ЦРУ осуществляло в ФРГ подготовку агентуры из состава членов НТС для заброски в СССР в рамках операций «Саскола А» и «Саскола В». Агенты проходили обычно по псевдонимам «Сарable» («способный») или «Саскола» с порядковыми номерами (например, «Сарable 42» и т. д.). Агентов учили использовать шифры, применять фотодело, изготавливать и распространять в СССР антисоветские пропагандистские материалы^[133]. Каждый агент должен был совершить как минимум три прыжка с парашютом. К пребыванию в СССР людей готовили с помощью метода практических ситуаций («кейсов»), которые им надлежало решить в определенное время.

Физическая подготовка развивала у агентов, прежде всего, выносливость. По окончании курса человек должен был пробежать 5 миль или пронести на плечах 45 килограмм, пройдя 9 миль. «Значительное время» было отведено борьбе без оружия. Из игр агентам больше всего нравился волейбол. В ЦРУ отмечали, что «даже глубокий снег и мороз не могли помешать мощной конкуренции во время игр между великорусскими и украинскими командами»^[134].

Идеологическая подготовка была направлена на сохранение и развитие мотивации курсантов для борьбы против советского строя. Агентам читали лекции (в том числе и сами агенты), например, о влиянии христианства на русскую историю. При этом, естественно, подчеркивался «безбожный», а значит нерусский, характер советской власти. Американские офицеры рассказывали об истории США. Кроме того,

каждую неделю агенты «оживленно» обсуждали текущие события в мире. Ежедневно курсанты слушали европейские передачи «Голоса Америки». Все русские, отмечали инструкторы ЦРУ, особенно из эмигрантских организаций, очень интересовались вопросами идеологии.

В аналитической записке ЦРУ отмечалось, что такой предмет, как «Советская жизнь», преподавался в «общем и целом», вместо того, чтобы сделать упор на бытовые ситуации, с которыми может столкнуться агент-нелегал. Поправить положение, по мнению американцев, мог только «свежий» перебежчик из СССР. Все классы были украшены советскими плакатами и лозунгами, а агентов заставляли каждый день употреблять советские слова-неологизмы, слушать радио Москвы и читать советские газеты.

Не очень довольны в ЦРУ были некоторыми вопросами конспиративной работы. Например, агентам пока плохо удавалось извлекать полезную информацию при беседе с ничего не подозревающим человеком. Лучше обстояло дело с подделкой документов.

Восьмичасовой спецкурс был посвящен советским аэродромам и радиолокационному оборудованию. В лесах в районе немецкого города Графенвер (недалеко от Нюрнберга) агенты под руководством американских рейнджеров проходили тренировку по выживанию в экстремальных условиях. Затем была устроена проверка на приземление и первоначальную ориентировку в СССР. Для этого агентов парами сбрасывали с парашютами в полночь в полном снаряжении. После приземления они должны были закопать снаряжение, переодеться, дойти до ближайшего города и сесть на поезд (имея при себе передатчики в чемоданах).

В одном из документов ЦРУ курсантов описали как «в целом интеллигентных, дисциплинированных и ответственных... глубоко преданных делу освобождения России... Мы можем считать себя по-настоящему счастливыми, если и в будущем нам удастся поддерживать такой же стандарт отбора»^[135].

Заброска в СССР была намечена силами ВВС США на апрель – май 1953 года. Одна группа должна была высадиться в Белоруссии (вылет из Висбадена), другая – на Украине и третья – на Кавказе (оба вылета из Афин). 19 апреля для агентуры устроили прощальный банкет. У американцев были устаревшие и ненадежные карты СССР, поэтому район выброски намечался довольно широко. Точное место должен был определить пилот самолета.

23 апреля 1953 года были выброшены первые два агента («Caccola 24»

и «Cassola 26»). Из-за дождя агентам пришлось прыгать вслепую и с большим интервалом (3 секунды). Во время второй выброски из Афин в СССР было высажено 4 агента («Cassola 10», 20, 21 и 28). Ночью 29 апреля из Висбадена вылетел самолет с агентами «Cassola 22» и «Cassola 27», причем они знали, откуда стартуют. Хотя в ЦРУ эту высадку назвали самой успешной из трех, одному агенту пришлось вытолкнуть из самолета замешкавшегося напарника.

Агент «Cassola 10» (вместе с напарником «Cassola 28», соответственно – Маков Александр Николаевич и Ляхов Александр Васильевич) был 25 апреля выброшен в районе Винницы в 3 км южнее Широкой Гребли. Его обучили работе с портативными фотоаппаратами марки «Минокс» и «Лейка». Особенностью миссии этого агента было то, что ему надлежало вернуться через 12–28 месяцев. После приземления он должен был попасть в Одессу (где ему и предстояло постоянно работать), а затем вернуться в район Винницы за радиопередатчиком. В течение месяца 10-й должен был легализоваться в Одессе и ровно через 30 дней после расставания с 28-м встретиться с ним в 18.00 на верхних ступенях знаменитой одесской лестницы у порта. Если по какой-либо причине встреча не состоялась, ее следовало повторить ровно через неделю в это же самое время, но уже на самой нижней ступеньке лестницы. Если опять происходила осечка, то место и время следующей встречи надо было согласовать по радиации со штаб-квартирой ЦРУ.

«Cassola 10» хорошо знал Одессу и должен был оставаться в городе до весны 1954 года. Помимо сбора политической, военной и экономической информации он должен был сфотографировать как можно больше образцов советских документов и передать негативы по каналу REDSKIN^[136] или привезти с собой. Помимо одесских образцов документов (например, печатей и штампов о прописке) «Cassola 10» должен был сфотографировать образцы в Николаеве, Крыму, Херсоне, Виннице и Каменце-Подольском. Такое задание агенту дали потому, что в ЦРУ его оценивали как «талантливого» фальсификатора документации. Кроме того, агент был неплохим радистом – он передавал по 14 групп знаков в минуту, а принимал 16.

Хотя в Одессе у агента жил дядя, тот не планировал его посещать, так как не доверял ему. Очень много людей знали «Cassola 10» в Херсоне, поэтому агент должен был держаться подальше от этого города.

Легенда «десятого» в общих чертах была следующей. Родился 28 февраля 1924 года в Одессе. Окончил семилетку в Херсоне

в 1938 году^[137]. Затем переехал в Калугу, где 15 февраля 1942 года был мобилизован в РККА. Демобилизовался в 1947 году и переехал в Ужгород (по первоначальному варианту легенды, после войны «десятый» жил в Крыму), где были лучше условия жизни. С ноября 1947 года по апрель 1953 года работал шофером на спиртзаводе под Ужгородом. Паспорт был выдан в ноябре 1952 года в Ужгороде.

Вывод агента с территории СССР планировался через три района на границах с Норвегией, Ираном (из Ашхабада) и Турцией. Точный район и время перехода границы ему должны были позднее передать по радио. Если же радиосвязь со штаб-квартирой ЦРУ не налаживалась, то сам «Саскола 10» должен был переехать в Мурманск, устроиться там на корабль и самостоятельно перейти норвежскую границу. В случае чего ЦРУ было готово забрать агента и с воды с помощью самолета-амфибии.

Агент «Саскола 20» (напарник – «Саскола 21»^[138], соответственно – Ремига Дмитрий Николаевич и Горбунов Сергей Изосимович) должен был действовать в Киеве. Его (уроженца Донбасса) выбросили с парашютом 25 апреля 1953 года в 15 км северо-западнее Новограда-Волынского. Встречу 20-й и 21-й должны были согласовать самостоятельно примерно через 4–6 недель после приземления в одном из городских парков Киева.

Легенда 20-го выглядела следующим образом. Родился в 1927 году в Буденновке (на самом деле агент родился в 1928 году^[139]). Окончил пять классов в Еленовке в 1940 году. Мобилизован в Красную армию в Сталино (Донецк) в сентябре 1943 года после совобождения города советскими войсками. Демобилизовался в марте 1951 года и уехал в Ровно. Там работал бухгалтером в автотранспортной конторе с марта 1951 по апрель 1953 года. Паспорт выдан в Ровно в марте 1951 года.

20-й и 21-й должны были сообщать любую информацию о военных аэродромах в Киеве (Бровары), Белой Церкви, Бердичеве, Коростене, Умани, Василькове. Если легализоваться в Кикве было невозможно, агентам следовало попробовать «зацепиться» в Харькове и следить за тремя военными аэродромами в окрестностях этого города. Оба агента были этническими украинцами, хотя, по оценкам ЦРУ, были настроены против украинского национализма и сепаратизма.

Была предусмотрена заброска двух агентов в район Москвы («Саскола 24» и «Саскола 26») – соответственно Якута Михаил Иванович и Кудрявцев Михаил Петрович. Оба агента во время подготовки были оценены как «первоклассные». Выброска с парашютом планировалась в окрестностях Тулы или Рязани. Агенты должны были следить за аэродромами в Монино,

Химках, Раменском и Внуково. 24-й должен был жить в Подольске. 26-й – в Волоколамске.

Обоих агентов сбросили в Краснодарском крае, отсюда они должны были проследовать по железной дороге в Ростов-на-Дону.

В целом задачей агентов было легализоваться в СССР и поддерживать радиоконтакт с ЦРУ (с помощью радиопередатчиков RS-6). Причем легализоваться можно было в любом районе Советского Союза, необязательно в том месте, откуда впоследствии агент должен был поставлять сведения (target area). Все агенты, как предполагалось, закопают свои передатчики в лесу недалеко от места выброски. Забрать рации надо было примерно через неделю, когда появится надежное место для их хранения. Первые радиопередачи из-за «железного занавеса» в ЦРУ ожидали через 2–6 недель после приземления. Чтобы затруднить работу советских служб радиопеленгации, агенты должны были выходить на связь не чаще раза в 2 недели и каждый сеанс не должен был быть длиннее 120 групп знаков.

В ЦРУ настоятельно рекомендовали агентам не посещать родственников, хотя в отдельных случаях были готовы сделать исключение (например, в том, что касалось агента «Cassola 28»).

Через 3–4 дня после приземления агенты из парных групп должны были расстаться, причем запрещалось информировать друг друга о дальнейших планах. Американские инструкторы дали агентам на первые месяцы пребывания в СССР полную свободу действий, в том числе и потому, что заранее разработанные маршруты движения могли стать достоянием советской контрразведки в случае предательства одного из агентов.

И все же слабым местом всей операции было то, что каждый из агентов знал примерное место, где его напарник закопал рацию и примерный район, откуда тот впоследствии должен был наладить радиоконтакт. К тому же через 4–8 недель после приземления и расставания агенты должны были выйти на личный контакт друг с другом. Здесь был риск, что на встречу может прийти уже перевербованный советской контрразведкой «двойник». Поэтому в ЦРУ настоятельно рекомендовали как можно быстрее вынести рацию из района выброски и без промедления выйти на радиосвязь (еще до встречи с напарником).

Прежде всего, агентам надо было собирать информацию о советских аэродромах и системах ПВО. Кроме того, интерес для ЦРУ представляли любые сведения о недовольстве населения, причем агенты должны были это недовольство аккуратно разжигать. Для этих целей каждый агент имел

оборудование для изготовления листовок.

В ЦРУ понимали, что радиосвязь – дело рискованное. Поэтому каждого агента инструктировали использовать обычные письма, написанные кровью. В качестве адресов отправителя предлагалось указывать реальные адреса из почтовых и телефонных справочников. Письма надлежало обязательно бросать в почтовые ящики, а не отправлять с почтовых отделений.

У всех агентов были поддельные советские паспорта с пропиской, свидетельства о рождении, трудвые книжки и военные билеты. На «пожарный» случай у агентов были и бланки документов МГБ и МВД.

В ЦРУ сильно сомневались насчет правдоподобности легенд заброшенной агентуры, прежде всего в том, что касалось военной службы. Не хватало точных данных о номерах воинских частей, фамилиях и званиях командиров. Гражданские легенды (основывались в том числе и на данных перебежчиков) были более удовлетворительного качества.

Все агенты (за исключением «десятки») должны были остаться в СССР на неопределенное время. В экстренном случае они должны были попытаться уйти через польскую границу.

В случае начала войны Запада против СССР агенты должны были избежать мобилизации, уйти в леса и там поддерживать радиосвязь с ЦРУ и контактировать с местными антисоветскими «партизанами»^[140]. На случай введения в военное время карточной системы и девальвации бумажных денег каждому агенту дали 250 долларов в золотых монетах, чтобы они могли менять их на продукты. Причем если раньше ЦРУ почему-то снабжало забрасываемую в СССР агентуру британскими золотыми «соверенами», то в 1953 году выдали монеты царской чеканки.

Вся столь тщательно подготовленная ЦРУ операция «Cassola» закончилась полным провалом. Уже в мае 1953 года в советских СМИ появились сообщения о задержании и расстреле Ремиги, Ляхова (Лахно), Горбунова и Макова. Лахно (с документами на имя В. Васильченко) и Макова (с документами на имя В.Л. Матковского) поймали 27 апреля 1953 года в районе приземления (Белая Церковь). По их показаниям были задержаны еще двое членов НТС из группы «Cassola» – «Джон» (Горбунов) и «Дик» (Ремига). При них обнаружили оружие, яды, рации, листовки, фальшивые деньги. Сотрудничавшие с немцами во время оккупации, эти агенты также были завербованы в Германии в лагерях для перемещенных лиц. По совокупности совершенных преступлений их приговорили к расстрелу.

15 июня 1954 года последовало сообщение ТАСС о захвате Кудрявцева

и Якуты, а 25 ноября 1955 года – об аресте Новикова.

Кудрявцев, Якута, Хмельницкий («Саскола 22», район предполагавшегося внедрения – Брянск) и Новиков («Саскола 27», район предполагавшегося внедрения – Минск, Брест) появились на пресс-конференции в Москве в феврале 1957 года.

ЦРУ до лета 1954 года считало, что Кудрявцев и Якута работают на «свободный мир», хотя они были перевербованы КГБ. Новикова задержали при приземлении, но он смог сообщить, что работает под контролем. Что касается Хмельницкого, то ЦРУ с самого начала радиоконтакта с ним подозревало (и правильно), что он перевербован, но продолжало слать ему сообщения до декабря 1956 года. На самом деле Хмельницкий, Якута и Новиков явились с повинной и были амнистированы.

Кудрявцев был задержан в Краснодарском крае и за помощь следствию – амнистирован.

В ЦРУ считали, что всю агентуру НТС выдал Филби. Американцы предполагали, что и сам НТС «инфильтрован» советской агентурой. В НТС, всю очередь, озлобились на ЦРУ, что американская разведка так подставила их «идейную» организацию.

Один из бывших сотрудников «закрытого сектора» (разведки и контрразведки НТС) писал: «После войны НТС был в подвешенном состоянии... Но в 1946 году началась Холодная война. Вскоре после ее начала финансирование НТС взяли на себя американцы. Сотрудничество это было многолетним и трудным. В начале пятидесятых годов члены НТС забрасывались в СССР с американских самолетов... Все они были захвачены на советской территории... Тогда НТС прекратил заброску своих агентов с помощью американцев»^[141].

В 1992 году НТС попытался добиться реабилитации расстрелянных в 1953 году агентов ЦРУ, но в этом было справедливо отказано, что вызвало бурю возмущения в рядах антисоветской эмиграции.

В 1952 году ЦРУ начало операцию «Srpointer» («SR/Pointer»), которая позднее была переименована в операцию «Htlingual». За этими аббревиатурами скрывалась банальная перлюстрация всех писем, которые шли из СССР в США и обратно^[142]. Сначала оперативники ЦРУ копировали все адреса на конвертах, а потом письма вскрывались в специальных центрах в Лос-Анжелесе и Нью-Йорке. При этом слежка осуществлялась, прежде всего, за американскими гражданами и организациями, которые переписывались с Советским Союзом. Например, вскрывалась корреспонденция таких известных в США людей, как Мартин

Лютер Кинг, Джон Стейнбек и Хуберт Хэмфри (вице-президент США при Линдоне Джонсоне).

ЦРУ занималось перлюстрацией как минимум до 1973 года.

При этом перлюстрация почты была в США уголовно наказуемым деянием. Тем не менее, когда в июле 1952 года ЦРУ предложило почтовой службе США совместно заняться этим делом, там особо не возражали. Поставили лишь одно условие – вскрытие корреспонденции должно осуществляться «по минимальной необходимости». Естественно, что юридически эту самую необходимость точно никто не определил. С февраля 1953 года операция «Srpointer» перешла из пробной фазы в полномасштабную. На всякий случай в самом ЦРУ этот «проект» формально не утвердили на уровне руководства – в случае разоблачения можно было откrestиться от этой сомнительной затеи. Ничего не знал о перлюстрации и президент Эйзенхауэр.

Прорвать «железный занавес», или Албания I: Визнер проигрывает, Даллес выжидает

С СССР явно ничего не получалось, и Визнер решил свергнуть власть коммунистов в самой, с его точки зрения, уязвимой стране социалистического лагеря – Албании. Албания была отрезана от других социалистических стран полуфашистским режимом в Греции и титовской Югославией, которая с лета 1948 года проводила в отношении Москвы конфронтационный курс. Заметим, что одной из причин кризиса в советско-югославских отношениях было то, что Сталин фактически не дал Тито аннексировать Албанию. К тому же Албания была очень бедной страной с сильными феодальными пережитками в экономике.

Албанию (как и Грецию) традиционно считали сферой своего влияния англичане и британская разведка (Secret Intelligence Service, SIS) после войны всячески пыталась дестабилизировать власть лидера албанской компартии Энвера Ходжи. Но, как и в случае с Грецией, у англичан не хватало денег, и Визнер предложил своим британским коллегам сделку – англичане предоставляют инструкторов и базу на Мальте с целью подготовки агентов-«партизан» для заброски в Албанию (тогда Мальта была британской колонией), а офис Визнера – деньги.

Визнер еще с войны очень ценил опыт британской разведки по проведению специальных операций, считая англичан своими учителями. К тому же ему очень нравился представитель SIS в Вашингтоне – потомственный британский аристократ Ким Филби. Филби был остроумным, светским человеком и, так же как и Визнер, любил вечеринки и красивых женщин. Визнер гордился тем, что такой «гламурный» светский лев и аристократ, как Филби, входит в его круг знакомств. Вот чего Визнер никак не мог предположить, так это того, что выпускник Кембриджа и сын лорда с 1934 года добровольно и сознательно стал сотрудником советской разведки.

Филби был представителем SIS в США в 1949–1951 гг.

14 апреля 1949 года Визнер заключил с англичанами в Лондоне джентльменское соглашение по свержению власти коммунистов в Албании, и почти сразу же об этом стало известно в Москве.

Албанскую операцию окрестили «BGfiend» (т. е. «операция Злодей»),

и в октябре 1949 года с моря и из Греции в Албании было высажено 20 набранных среди «перемещенных лиц» боевиков, которые должны были начать в стране «народное» партизанское движение. Ведь согласно анализу англичан албанцы только и ждали сигнала, чтобы подняться против «ненавистного коммунистического режима». Визнер создал даже албанское правительство в изгнании – Албанский национальный комитет.

Через несколько недель остатки боевых групп смогли пробиться в Грецию и сообщили, что во время высадки на берегу их уже ждали, а албанцы не проявили никакого желания бороться против коммунистов – бывших партизан, воевавших против немецких и итальянских оккупантов в годы войны. Тем не менее англичане и американцы продолжали засылать агентуру в Албанию до 1952 года – с тем же «успехом». Последних американских агентов-«злодеев» выловили в Албании в 1954 году.

Очередной провал Визнера не смутил. Жизни своих агентов финансовый аристократ Визнер никогда не ценил и считал потери в 20 % абсолютно нормальными. К тому же он работал по принятому среди американских юристов принципу – чем больше проектов, тем больше финансирования. А уже чем эти проекты завершатся – дело десятое.

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что с деньгами, хотя и незаконными с точки зрения американского законодательства, у офиса Визнера проблем не было.

В апреле 1948 года США стали осуществлять так называемый «план Маршалла»^[143] – выделение кредитов странам Западной Европы в обмен на удаление коммунистов из правительств (как это имело место во Франции и в Бельгии) и присоединение этих стран к системе военно-политических союзов под эгидой США. В 1948–1951 гг. в общей сложности было выделено 13 миллиардов долларов, в том числе 2,8 – Великобритании, 2,5 – Франции, по 1,3 – Италии и ФРГ (западные немцы выплачивали США обратно их «помощь» до 1983 года). По этому плану разоренные войной западноевропейские страны были вынуждены открыть свой рынок для не находивших сбыта в США американских товаров, за которые европейцы платили к тому же по искусственно завышенным ценам.

Но чего не знали ни американские, ни западноевропейские налогоплательщики, так это того, что по «плану Маршалла» финансировались подрывные операции Визнера, причем зачастую против тех же стран, которые получали американские кредиты. Согласно условиям «плана Маршалла» страны-получатели американских кредитов должны были в виде залога ежегодно откладывать на специальных счетах 5 % от

предоставляемых США средств (примерно 200 миллионов долларов) в своих валютах. Именно этими деньгами бесконтрольно и пользовалось ведомство Визнера^[144].

В 1953 году ЦРУ выделило на дестабилизацию СССР и европейских социалистических стран 100 миллионов долларов, причем половину из них – на военную и специальную подготовку и заброску «партизан» и прочих агентов^[145].

Позднее Визнер и другие ветераны ЦРУ утверждали, что американская разведка никогда не планировала убийства иностранных граждан. Это была очередная ложь. Бывший помощник Визнера Джим Маккаргар признал: «Мы говорили о покушениях»^[146]. Причем речь шла далеко не о рядовых иностранцах. В 1952 году Визнер рассматривал план организации покушения на Сталина, если тот приедет в Париж на саммит «большой четверки» лидеров стран бывшей Антигитлеровской коалиции, который инициировали французы^[147]. Конкретно предполагалось подложить бомбу в машину советского лидера. Но встреча в верхах в Париже так и не состоялась.

Заметим, что до этого Сталина пытались убить только одно иностранное государство – нацистская Германия, но она хотя бы находилась на тот момент в состоянии войны с СССР.

В заключение стоит отметить, что после неудачной и кровавой операции ЦРУ по организации контрреволюционного восстания в Венгрии в 1956 году Визнер устроил дебош в венском ресторане и был отправлен на психиатрическое лечение с диагнозом «маниакальная депрессия». Его лечили электрошоком, и после 6-месячного пребывания в больнице директор ЦРУ Аллен Даллес^[148] отправил Визнера на «спокойное место» – резидентом американской разведки в Лондоне. В 1962 году (уже при Джоне Кеннеди) его отозвали в Вашингтон и заставили написать прошение об отставке. 29 октября 1965 года Визнер застрелился – он так и не смог пережить свое личное поражение в «холодной войне».

За всеми успехами, а точнее провалами, своего протеже Визнера внимательно следил Аллен Даллес. В феврале 1948 года он обедал с только что назначенным министром обороны Форрестолом. Выяснилось, что и Даллес и Форрестол вместе учились в Принстоне, хотя тогда не знали друг друга. Форрестол, как и многие в Америке, считал Даллеса асом разведки, хотя подобное мнение виртуозно было создано самим же Даллесом с помощью книг и газетных статей, в которых было много намеков и мало конкретики.

Будучи, как и Визнер, авантюристом, помешанным на антикоммунизме, Форрестол придерживался мнения, что только что созданное ЦРУ в кадровом отношении было забито балластом, и предложил учредить независимую комиссию для анализа работы разведки. Приближались президентские выборы, и провинциальный Трумэн очень боялся, что его соперник от республиканцев опытный политик Дьюи будет критиковать его за провалы во внешней политике (особенно за Прагу). Поэтому президент согласился с предложением Форрестола об учреждении комиссии, чтобы «выпустить пар»^[149].

Комиссия должна была представить доклад с анализом и предложениями по улучшению работы ЦРУ в январе 1949 года. И Форрестол и Даллес рассчитывали на победу Дьюи, который уже намекнул Форрестолу, что сделает Аллена Даллеса директором ЦРУ. Доклад комиссии должен был выйти как раз ко времени инаугурации нового (как надеялись братья Даллеса) президента США.

Формально помимо Даллеса в комиссию вошли еще два друга Форрестола – Уильям Джексон (сотрудничал с Даллесом в годы войны в разведывательной работе во Франции) и демократ Матиас Корреа, боровшийся против «черного рынка» в Италии и поэтому считавшийся специалистом по контрразведке. Но Форрестол заверил Даллеса, что реально комиссией будет управлять именно он.

Настроения в американском истеблишменте были для Даллеса как нельзя более подходящими. Командующий американскими войсками в Германии, известный «ястреб» генерал Клей сообщил в Вашингтон, что считает войну против русских неизбежной и начаться она может в любой момент.

Стоит ли Берлин войны, или Мифическая блокада 1948 года: Даллес критикует

Но войну едва не спровоцировали сами же американцы. В июне 1948 года западные державы без согласования с СССР ввели в Западной Германии и Западном Берлине новую валюту. В Москве были потрясены этим вероломством – ведь все это время СССР, США, Великобритания и Франция вели переговоры о синхронном введении для всей Германии новой валюты. А США тайно уже отпечатали банкноты и не собирались реально консультироваться с русскими.

Чтобы предотвратить наплыв обесценившихся старых рейхсмарок в Берлин (никакой внутренней границы в городе тогда не было), СССР был вынужден 18 июня 1948 года ввести временные ограничения на передвижения лиц и грузов в Берлине, которые на Западе сразу же окрестили «блокадой».

При этом западные державы понимали вынужденность советских мер. Британский представитель в директорате по финансам (орган при Союзном Контрольном Совете, СКС, который функционировал еще некоторое время после развала самого Совета) признавал на заседании 22 июня 1948 года, что «в настоящее время русская зона и Берлин затопляются старыми деньгами». Лишь по неполным данным, валютными спекулянтами только до 23 июня 1948 года было переправлено в советскую зону 90 млн «рейхсмарок».

Особый ущерб Восточному Берлину и советской оккупационной зоне наносило то обстоятельство, что западные державы разрешили оплачивать дефицитные товары, газ, электричество, почтовые расходы и билеты в общественном транспорте, а также налоги «советскими» марками. В них же жителям Западного Берлина выдавалось 3/4 зарплаты. Тем самым из советской зоны «вымывались» дефицитные товары, прежде всего продукты питания, что приводило к падению курса «восточной» марки относительно «западной».

Несмотря на надуманность «блокады», американцами и англичанами был организован картинный воздушный мост из Западной Германии в Западный Берлин для спасения «голодающих» западных берлинцев. За время действия «воздушного моста» (несмотря на снятие ограничительных мер СВАГ 12 мая 1949 года, он действовал до 30 сентября 1949 года)

ВВС США и Великобритании совершили 277 728 полетов в Берлин (78 % из них приходилось на долю американцев) и перебросили в город 2,3 млн тонн груза. Рекорд был поставлен 16 апреля 1949 года, когда «мост» работал 24 часа – 12 849 тонн (в этот день в Западном Берлине каждые 63 секунды приземлялся самолет союзников). Нарушение американцами и англичанами элементарных норм воздушной безопасности привело к катастрофе 25 транспортных самолетов. При этом погибли 41 англичанин, 31 американец и 6 немцев. Советские ВВС никакого противодействия «воздушному мосту» не оказывали.

Несмотря на заявления о том, что «воздушный мост» спас население Берлина от голода, на самом деле 67 % перебросенных воздухом грузов составлял уголь, 9 % – сырье и только 24 % – продовольствие. Для полного снабжения западных секторов с воздуха требовалось доставлять 8000 тонн в день, однако «воздушный мост» давал максимально 6000 тонн. Население западных секторов города по-прежнему свободно покупало свежие овощи, мясо, молоко и хлеб в Восточном Берлине и его окрестностях. Во время так называемой «блокады» резко выросло потребление калорий на душу населения, и Западный Берлин превосходил по этому показателю Париж.

При этом никаких ограничений на движение самих берлинцев в Берлине не было. Любой западный берлинец мог в любой момент купить продукты в восточной части города. Причем советская военная администрация специально для удовлетворения такого спроса сконцентрировала в Восточном Берлине запасы продовольствия. Начиная с 1 августа 1948 года все жители западных секторов Берлина имели возможность получать по своим продуктовым карточкам товары в магазинах восточной части города. Кроме того, западноберлинцы могли приобретать нужные им товары на марки советской зоны. Для этих целей недалеко от границ западных секторов было открыто дополнительно 2800 продовольственных магазинов. Предприятия советского сектора получили указание снабжать заводы Западного Берлина топливом и электричеством.

Но в Америке «блокада» вызвала настоящий военный психоз, умело поддерживавшийся людьми типа Даллеса и Форрестолла. Клей предложил проверить русских на прочность и послать из Западной Германии в Западный Берлин конвой с танками. То, что это означало бы мировую войну, Клея не смущало. Клей, правда, предполагал, что СССР не хочет войны и побоится вступить в открытую конфронтацию. В противном случае, в США спешно разрабатывался план применения против главных советских городов ядерного оружия, для чего в Великобританию было

переброшено несколько эскадрилий бомбардировщиков B-29.

Устроенный американцами военный психоз угрожал выйти из-под контроля. Госсекретарь США Маршалл заявил: «Все, что я хочу от ЦРУ, так это предупреждения о советском нападении за 24 часа».

Между тем Сталин никакой войны не хотел.

2 августа 1948 года советский лидер в присутствии министра иностранных дел В.М. Молотова принял послов США, Англии и Франции по их просьбе. Во время двухчасовой беседы Сталин заявил, что пока Германия была единой, а Берлин был ее столицей, присутствие в городе западных войск было полезно. Но сейчас, когда США, Англия и Франция активно строят сепаратное немецкое государство, положение коренным образом изменилось. Тем не менее Сталин несколько раз повторил, что СССР не хочет «выдавливать» войска союзников из Берлина. В качестве развязки затянувшегося узла противоречий советский руководитель предложил ввести в западных секторах Берлина марку советской оккупационной зоны и одновременно снять все ограничения на транспортное сообщение с Берлином. Американский посол Б. Смит по итогам беседы выразил мнение, что предложения Сталина «могут привести к немедленному урегулированию Берлинского кризиса».

В ходе нескольких раундов переговоров в Москве 30 августа 1948 года были согласованы «Директивы правительств СССР, США, Великобритании и Франции четырем главнокомандующим оккупационных войск в Германии». Последним поручалось провести переговоры и до 7 сентября 1948 года достигнуть соглашения на следующей основе:

- отмена ограничений на транспортное сообщение и торговлю между Берлином и западными зонами;
- одновременное введение «немецкой марки советской зоны» в качестве единственной денежной единицы в Берлине (при этом западная «немецкая марка» подлежала изъятию из оборота).

Однако переговоры четырех главнокомандующих были фактически торпедированы западными представителями, которые продолжали настаивать на своем контроле за эмиссией «восточной марки».

Еще до событий в Праге и Берлине Аллен Даллес активно включился в работу по воссозданию американской разведки, причем с гораздо более широкими полномочиями, чем у УСС. После учреждения ЦРУ целью Даллеса стал пост директора этой организации. Для этого надо было либо, чтобы Дьюи победил Трумэна на президентских выборах 1948 года, либо «разоблачить» неэффективность и непрофессионализм тогдашнего руководства ЦРУ. Второй вариант должен был убедить американский

истеблишмент, что только выдающийся разведчик времен Второй мировой войны Аллен Даллес сможет навести в ЦРУ полный порядок.

Повод для дискредитации ЦРУ представился довольно быстро. В конце марта 1948 года госсекретарь США Маршалл отправился в колумбийскую столицу Боготу на встречу стран Западного полушария.

Ничего не предвещало грозы, но 9 апреля в Боготе в результате покушения был убит лидер либеральной партии Хорхе Гайтан. Разъяренная толпа погналась за убийцей и линчевала его. По радио прозвучало воззвание граждан страны к восстанию против правящей Консервативной партии. Толпа осадила президентский дворец, на улицах Боготы жгли машины, автобусы и дома, отмечались массовые случаи мародерства. Лидеры Либеральной партии пытались утихомирить восставших, но это было бесполезно. Восставшими были открыты тюрьмы, а заключенных выпустили на свободу. Правительство для подавления восстания прибегло к силе. В результате беспорядков погибло около 3000 человек, 20 000 ранено, общий ущерб по тогдашним ценам составил 600 000 000 долларов.

Среди едва не арестованных полицией зачинщиков беспорядков был молодой студент с Кубы Фидель Кастро, из-за которого Даллесу придется уйти в отставку с поста директора ЦРУ в 1961 году.

Хотя события в Боготе имели чисто внутриколумбийское происхождение, республиканская партия и ее кандидат в президенты Дьюи заговорили о попытке коммунистического переворота с целью чуть ли не захватить в плен госсекретаря США. С подачи братьев Даллесов Дьюи обвинял ЦРУ в тотальной некомпетентности – мол, американская разведка не предвидела событий прямо под боком США, в Колумбии. Американская разведка, возмущенно вещал Дьюи, не имеет ни малейшего понятия о том, что происходит в стране, с территории которой можно спокойно разбомбить жизненно важный для США Панамский канал^[150].

Трумэну пришлось оправдываться, а директора ЦРУ Хилленкоттера вызвали на ковер в конгресс. Хилленкоттер, правда, предъявил сообщения резидентуры ЦРУ из Боготы о том, что местные коммунисты могут воспользоваться беспорядками, чтобы прийти к власти, но был вынужден сознаться, что руководство ЦРУ не уделяло этим предупреждениям должного внимания. Еще бы – ведь с момента своего основания американская разведка была нацелена только против СССР, тут было не до мифических колумбийских коммунистов. В целом директору ЦРУ удалось все свалить на госдепартамент – мол, нерешительные дипломаты в Боготе во главе с послом отговорили резидента ЦРУ от более алармистских

радиограмм в центр. Кстати, и в последующей истории ЦРУ госдепартаменту не раз пришлось играть роль «козла отпущения» с легкой руки коллег из Лэнгли.

Даллес в рамках своей комиссии по изучению работы разведки немедленно стал продвигать мысль о том, что «фиаско в Боготе» можно было бы избежать, если бы ЦРУ возглавляли более достойные люди. Намекал при этом он, конечно, прежде всего на самого себя. Кроме того, рекомендация Даллеса состояла в том, что американская разведка должна стать по-настоящему мировой и наблюдать за всем, что происходит в любой стране. В качестве обоснования этого тезиса Даллес приводил аргумент о том, что повсюду проникло влияние Москвы и ему необходимо противодействовать. Против такого довода в охваченном военным психозом Вашингтоне возражать никто бы не посмел.

Пока Визнер быстрыми темпами продвигался от одного провала к другому в работе с антисоветской эмиграцией, а Даллес плел свои карьеристские интриги против ЦРУ, контрразведка США потерпела сокрушительное поражение в самом главном вопросе послевоенного мироустройства.

Сага о бомбе

Испытав в июле 1945 года атомную бомбу, в Америке были полностью уверены в том, что разоренный войной СССР не сможет создать ядерного оружия в обозримой перспективе. Ядерная монополия США, считали в Вашингтоне, делала США единственной сверхдержавой и позволяла при необходимости шантажировать Москву, выбивая из Сталина («дядюшки Джо») внешнеполитические уступки. Когда США в августе 1945 года сбросили атомные бомбы на мирные японские города Хиросима и Нагасаки, довольный Трумэн заявил, что у него наконец-то появилась дубинка против этих «русских парней». Десятки тысяч погибших японцев были нужны просто для демонстрации этой самой дубинки^[151].

Но если американцы думали, что в Москве ничего не знали о «проекте Манхэттен», то они сильно заблуждались. Прямо в строго засекреченной лаборатории в Лос-Аламосе работал советский агент.

Клаус Фукс родился в 1911 году в Рюссельсхайме в семье теолога-гуманиста. Как и отец, Клаус стал социал-демократом и даже вступил в военизированную организацию СДПГ «Райхсбаннер». По окончании гимназии Клаус Фукс изучал математику в университетах Лейпцига, Киля и Берлина. После прихода Гитлера к власти Фукс критиковал примиренческую позицию СДПГ, был исключен из партии и примкнул к коммунистам, так как только они требовали решительной борьбы против гитлеровской диктатуры. После поджога нацистами рейхстага и запрета КПГ был выписан ордер на арест Фукса, и в августе 1933 года ему пришлось бежать в Париж. Один из родственников помог ему перебраться в Великобританию, где Фукс стал изучать физику в Эдинбурге и Бристоле.

С 1937 года Фукс стал вплотную заниматься в Эдинбурге ядерной физикой как стипендиат известного в мировом масштабе профессора Макса Борна. После начала войны Великобритании с Германией он был интернирован как гражданин враждебной державы и провел полгода в лагере, где, чтобы скоротать время, прочитал курс лекций по физике для остальных интернированных. В 1941 году Фукс подключился к группе Рудольфа Пайерлса, которая в то время работала над уточнением критической массы урана и проблемой разделения изотопов. В том же году, несколько месяцев спустя после начала войны Германии против СССР, Фукс сам вышел на представителей советской разведки и начал передавать сведения о британских разработках в области ядерного оружия.

С мая 1941 года Фукс работал в рамках английского проекта по созданию атомного оружия («Tube alloys»).

В 1942 году он познакомился со своей соотечественницей Рут Вернер (настоящее имя Урсула Мария Кучински). Она родилась в Берлине в 1907 году в еврейской семье видного экономиста Роберта Рене Кучински и после окончания школы училась на специалиста по книжной торговле. В 1926 году вступила в Коммунистический союз молодежи Германии, а позднее в том же году – в Коммунистическую партию Германии. Работала в книжном магазине Прагера в Берлине, в известном немецком издательстве «Ульштайн».

В 1929 году Рут вышла замуж за архитектора Рудольфа Гамбургера и вместе с мужем в 1930 году переехала в Шанхай, где ее супруг получил должность архитектора в Шанхайском муниципальном совете. В Шанхае Рут сотрудничала с советским разведчиком и немецким коммунистом Рихардом Зорге. Так она стала кадровой разведчицей Разведывательного управления (Разведупра) Красной армии. Рут поддерживала связи с находящимися на нелегальном положении китайскими коммунистами, хранила оружие. Когда муж узнал об этом, их брак распался.

В 1933–1934 годах Рут прошла курс разведподготовки (радистка) в Москве. Затем с мая 1934 до осени 1935 года работала на Разведупр в Маньчжурии и Северном Китае (Мукдене и Пекине). Связь с Москвой осуществляла по радио. В 1935–1938 годах работала в Польше. В 1937 году за успешную работу в Китае была награждена орденом Боевого Красного Знамени. В конце 1938 года под именем Урсулы Шульц Рут Вернер вместе с радиопередатчиком перебралась в Швейцарию. Там она была радисткой в группе советского разведчика Шандора Радо («Дора»), а в 1940 году ГРУ направило ее в Великобританию с заданием создать там разведывательную сеть.

Рут вместе со своим вторым мужем Леоном Бертоном (также советским разведчиком, псевдоним «Джек») обосновалась в районе Оксфорда. Там ее дом примыкал к зданию, где англичане поначалу самостоятельно пытались создать атомную бомбу.

Тем временем участник британского ядерного проекта Клаус Фукс установил контакт со своим знакомым Юргеном Кучински, который преподавал в то время в Лондонской школе экономики. Кучински свел его с работником военного атташата посольства СССР, сотрудником ГРУ Семеном Кремером («Александр»). Фукс, исходя из своих убеждений, был готов передавать СССР информацию о британском ядерном проекте. Интересно, что в Англии Фукс и не думал скрывать свои прогрессивные и

просоветские взгляды. Он бывал на митингах в поддержку СССР, был членом правления общества культурных связей с Советским Союзом, помогал борющейся республиканской Испании. Английской контрразведке MI-6 это хорошо было известно, и Фукс постоянно находился в поле ее зрения.

Заметим, что в посольство СССР в Лондоне Фукс пришел совершенно открыто, не маскируясь, и там сообщил, что у него имеется важная информация о новом сверхмощном оружии.

Через три месяца «Александр» познакомил Фукса со связником – сестрой Юргена Кучински Рут («Соня»). Поездки в Лондон к этой симпатичной женщине должны были служить для Фукса прикрытием. Как правило, Фукс и Рут приезжали на велосипедах каждый своим путем в лес и там встречались в определенном месте. Фукс передавал «Соне» из рук в руки письменную информацию. Это были или копии его собственных работ, или запечатленные его прекрасной фотографической памятью сведения об атомном проекте. «Соня», по ее воспоминаниям, встречалась с Фуксом шесть раз в течение нескольких месяцев, до 1943 года. К тому времени от Клауса поступило документов «на книгу листов в триста».

«Однажды из любопытства, – вспоминала «Соня», – я взглянула на формулы, но, будучи профаном, ничего не поняла в “иероглифах Фукса”, написанных чрезвычайно мелким почерком. Я не догадывалась о том, что документы представляют собой проект атомной бомбы, но понимала, что это очень важная информация»^[152].

В 1943 году по рекомендации Пайерлса Клаус Фукс (агент ГРУ «Рест», позднее «Чарльз») стал участником «Манхэттенского проекта». Когда он прибыл в Нью-Йорк, то был передан от ГРУ в НКГБ.

«Манхэттенский проект» родился еще в августе 1939 года, когда физики Лео Силард (венгерский еврей)^[153] и Юджин Вигнер составили так называемое «письмо Эйнштейна» президенту США Рузвельту. В нем содержалось предупреждение о возможной разработке нацистской Германией чрезвычайно мощной бомбы нового типа. В связи с этим авторы письма призывали США обеспечить накопление запасов урановой руды и финансирование исследований Энрико Ферми и других ученых в области цепных ядерных реакций. Письмо было подписано Альбертом Эйнштейном и доставлено президенту Франклину Рузвельту. Рузвельт назначил Лаймана Бриггса из Национального бюро стандартов главой Уранового комитета для исследования проблем, поднятых в письме.

В ноябре 1939 года комитет доложил Рузвельту, что использование

урана позволит создать оружие, обладающее разрушительной силой, значительно превосходящей что-либо известное. 28 июня 1941 года Рузвельт подписал исполнительный приказ 8807 о создании Бюро научных исследований и разработке (Office of Scientific Research and Development) с Вэниваром Бушем в должности директора.

К секретному проекту, стартовавшему в 1939 году, были подключены многие крупные ученые, эмигрировавшие в 1933 году из Германии (Фриш, Бете, Силард, Фукс, Теллер, Блох и другие), а также Нильс Бор, вывезенный из оккупированной Германией Дании.

В июне 1944 года в «Манхэттенском проекте» было задействовано около 129 000 служащих, из которых 84 500 были привлечены к строительным работам, 40 500 являлись операторами, и 1800 военных. Позже число военнослужащих увеличилось до 5600. «Манхэттенский проект» объединил ученых из Великобритании, Европы, Канады, США в единый международный коллектив, решивший задачу создания бомбы в кратчайшие сроки. Тем не менее «Манхэттенский проект» сопровождался напряженностью в отношениях США и Великобритании.

В августе 1943 года, встретившись в Квебеке (Канада), Рузвельт и Черчилль подписали секретное соглашение о совместных работах по созданию атомного оружия. Клаус Фукс, известный своими теоретическими трудами в области атомной энергетики, был включен в группу британских ученых, которым предстояло вылететь в Лос-Аламос для совместной работы с американскими коллегами.

И тем не менее Великобритания считала себя обиженной стороной, так как США воспользовались знаниями ученых из Великобритании, но отказались делиться с Великобританией получаемыми результатами.

Именно в силу этого национального эгоизма США многие ученые – участники проекта (особенно европейцы) полагали, что бомба должна принадлежать всему прогрессивному человечеству (на тот момент – ведущим державам Антигитлеровской коалиции). И особое право на нее имеет СССР, понесший страшные жертвы в борьбе против нацизма. Ведь до открытия второго фронта в Нормандии в июне 1944 года Советскому Союзу приходилось сражаться с Германией (а фактически со всей оккупированной немцами Европой) в одиночку.

В СССР, несмотря на тяжелейшее положение на фронтах, тоже не упускали из виду «урановые дела».

В мае 1942 года руководство ГРУ информировало Академию наук СССР о наличии сообщений о работах за рубежом по проблеме использования атомной энергии в военных целях и просило сообщить,

имеет ли в настоящее время эта проблема реальную практическую основу. Ответ на указанный запрос в июне 1942 года дал известный советский ученый В.Г. Хлопин^[154], который отметил, что за последний год в научной литературе почти совершенно не публикуются работы, связанные с решением проблемы использования атомной энергии.

Сталин поставил вопрос о создании советской атомной бомбы, опираясь на данные разведки, еще в октябре 1942 года. Тогда состоялось специальное заседание Государственного Комитета Обороны (ГКО). На повестке дня стоял один вопрос: о развертывании в СССР исследований по созданию атомной бомбы на основании данных, полученных советскими спецслужбами. На заседание были приглашены видные советские ученые-физики А.Ф. Иоффе, Н.Н. Семенов, В.Г. Хлопин, П.Л. Капица и И.В. Курчатов. Главный советский физик Иоффе выразил точку зрения, что для создания бомбы потребуется не менее десяти лет, да и то при условии немедленного ассигнования громадных средств. Мол, догнать американцев и англичан практически невозможно (Иоффе упомянул, в частности, работы Пайерлса, с которым сотрудничал Фукс).

В результате заседания ГКО руководителем советского ядерного проекта был утвержден Курчатов (который на тот момент даже не был академиком). Нарком внутренних дел Берия получил указания передавать Курчатову все данные советской разведки об урановом проекте в США и Великобритании. Сам Берия дал соответствующее поручение главе советской внешней разведки П.М. Фитину.

Следует отметить, что официальное письмо по «атомным вопросам» с информацией о работах по использованию атомной энергии в военных целях за рубежом, предложениями по организации этих работ в СССР и секретном ознакомлении с материалами НКВД видных советских специалистов, варианты которого были подготовлены сотрудниками НКВД еще в конце 1941 – начале 1942 года, осторожный Берия отправил на имя И.В. Сталина только в октябре 1942 года, уже после принятия распоряжения ГКО о возобновлении в СССР работ по урану.

В феврале 1943 года было подписано распоряжение по Академии наук СССР о создании Лаборатории № 2, под руководством И.В. Курчатова, где и начали вести работу по созданию атомной бомбы.

Между тем в Лос-Аламосе над созданием американской атомной бомбы трудились 12 лауреатов Нобелевской премии в области физики из США и стран Европы. Но даже на их фоне Клаус Фукс выделялся своими знаниями, ему поручалось решение важнейших физико-математических задач. С июня 1944 года Фукс передавал своему связнику Гарри Голду

информацию, касающуюся своей части исследовательской работы по «Манхэттенскому проекту».

Гарри Голд (Голодницкий) родился в Берне в семье еврея-эмигранта из Украины. Затем семья перебралась в США, где Голд стал сторонником компартии. На советскую разведку он работал с 1935 года. Голд передал СССР информацию о химическом способе производства сахара, а позднее (в годы войны) – о технологии производства нейлона.

В 1941 году в США под дипломатическим прикрытием прибыл Анатолий «Яковлев» (настоящая фамилия – Анатолий Антонович Яцков). В 1932 году Яцков поступил, а в 1937 году окончил Московский полиграфический институт. Был распределен инженером-технологом на Московскую картографическую фабрику имени Дунаева.

В 1938 году по партийной разнарядке Яцкова направили в НКВД. В 1940 году он окончил разведывательную Школу особого назначения и был направлен во французское, затем в англо-американское отделение научно-технической разведки Главного управления госбезопасности НКВД СССР. В феврале 1941 года в качестве уполномоченного по научно-технической разведке прибыл в Нью-Йорк. Работал в резидентуре НКГБ в США под прикрытием должности стажера и секретаря Генерального консульства СССР (оперативный псевдоним «Алексей»). Поскольку в разведшколе Яцков учился на французском отделении, то английский язык пришлось изучать уже в Америке.

С 1942 года Яцков руководил работой агентурной группы «Волонтеры» во главе с Моррисом Коэном и Леонтиной Коэн, будущими Героями России. Довелось ему работать и с другими ценными агентами по «Манхэттенскому проекту», в частности с Клаусом Фуксом.

Целью нового сотрудника резидентуры было расширить агентурную сеть, чтобы получить важные сведения по «Манхэттенскому проекту». Согласно одному из важнейших принципов советской разведывательной службы Яковлев («Джон До») не мог лично встречаться с учеными-физиками, работавшими на Москву. Контакты осуществлялись через проверенного агента Гарри Голда. Гарри передавал источнику информации перечень материалов, которые нужно получить, и договаривался с ним о предстоящих встречах, а затем после каждой такой встречи составлял подробный отчет и передавал Яковлеву. В работе строго соблюдались законы конспирации: источник (Фукс) не знал ни подлинного имени Гарри Голда, ни его адреса, а Голд, в свою очередь, не имел права самостоятельно выходить на связь с Яковлевым.

От Фукса через Голда поступали сверхценные сведения не только

теоретического, но и научно-практического характера. Так, в январе 1945 года он передал информацию по урановой бомбе и одновременно сообщил о начале работ в США по созданию плутониевой бомбы.

Фукс не считал себя шпионом и денег за свою работу на советскую разведку не получал. Передавая СССР секреты атомного оружия, он полагал, что лишь восстанавливает историческую справедливость. Ведь Советский Союз, ведя каждый день жестокую борьбу против нацизма, не мог, в отличие от США, позволить себе роскошь тратить миллиарды на урановый проект.

Но Фукс не был единственным источником советской внешней разведки по атомной тематике.

Охота за данными уранового проекта Америки началась по инициативе начальника отдела научно-технической разведки НКВД Л. Квасникова еще в 1942 году, но полностью развернулась только после прибытия в Вашингтон известной пары советских разведчиков-нелегалов: Василия Зарубина и его жены Елизаветы. Именно с ними взаимодействовал резидент НКВД в Сан-Франциско Григорий Хейфиц, сообщивший, что виднейший физик Америки Роберт Оппенгеймер и многие его коллеги выехали из Калифорнии в неизвестное место, где будут заниматься созданием какого-то сверхоружия.

Перепроверить данные «Харона» (псевдоним Хейфица) было поручено подполковнику Семену Семенову (псевдоним «Твен»), работавшему в США с 1938 года и собравшего там большую и активную агентурную группу. Именно «Твен» подтвердил реальность работ по созданию атомной бомбы, назвал код «Манхэттенского проекта» и местонахождение его главного научного центра – бывшей колонии для малолетних преступников Лос-Аламос в штате Нью-Мексико. Семенов также сообщил фамилии некоторых ученых, работавших там, которые в свое время были приглашены в СССР для участия в больших стройках и которые, вернувшись в США, не потеряли связей с левыми организациями.

Основных же руководителей «Манхэттенского проекта» удалось установить Елизавете Зарубиной (агентурный псевдоним «Вардо»). Ее главной заслугой явилось внедрение в мозговой центр «Манхэттенского проекта» Клауса Фукса, который был передан на связь супругам Зарубиным.

После своего приезда в США, Елизавета Зарубина подружилась с любовницей Альберта Эйнштейна, женой известного русского скульптора Коненкова Маргаритой, по простоте душевной рассказавшей Лизе о том, что у Эйнштейна бывают главные лица «Манхэттенского проекта»: Роберт

Оппенгеймер, Энрико Ферми, Лео Силард и другие. Под аккуратным давлением «Вардо» Маргарита познакомила ее и сотрудника резидентуры Пастельняка с Оппенгеймером и его женой Кэтрин.

Ставшие своими в семье научного руководителя проекта, советские разведчики уговорили его добиться перевода в Лос-Аламос Клауса Фукса, который и стал главным источником научно выверенной информации для Москвы. Но и, кроме того, Лиза близко сошлась с еще одним крупнейшим ученым в атомном проекте, Силардом, и убедила его допустить в этот проект несколько завербованных специалистов, в том числе – Мортону Собелла, Теодора Холла и Дэвида Грингласса. Последний стал работать механиком в лаборатории Лос-Аламоса. Еще одним весьма важным агентом был итальянский эмигрант, физик Бруно Понтекорво.

Однако в самый разгар налаживания агентурных действий Елизавета и Василий Зарубины были срочно отозваны в Москву. Они терялись в догадках, ведь ни одного провала не произошло. Выяснилось (как уже упоминалось выше), что в Центр поступил донос сотрудника резидентуры Миронова, обвинявшего Зарубиных в предательстве. И почти полгода контрразведка проверяла эти обвинения. Они не подтвердились, тем не менее Зарубиных больше за границу не выпускали.

Тем временем работа внедренной в «Манхэттенский проект» агентуры уже принесла первые результаты – стали поступать донесения, и их надо было оперативно отправлять в Москву. Эта работа была возложена на группу специальных курьеров. Самыми оперативными и не знавшими страха были супруги Коэны, Моррис и Лона.

Моррис Коэн (псевдоним «Питер Крогер») родился в 1920 году в Нью-Йорке в еврейской семье выходцев из России. Окончил Колумбийский университет (ему помогло то, что он прекрасно играл в регби, – американские университеты гордились своим спортивными командами и поэтому предоставляли многообещающим спортсменам стипендии). В 1937 году Коэн поехал добровольцем сражаться против франкистов в Испанию и там на идейной основе дал согласие работать на советскую разведку. В 1938 году по заданию советской разведки Коэн возвратился в США в качестве агента-связника. В 1941 году женился на Леонине Терезе Петке, с которой познакомился на антифашистском митинге в Нью-Йорке. Супруга полностью разделяла жизненные идеалы и взгляды мужа.

После того как Морриса в 1942 году призвали в американскую армию, Лона стала самостоятельно доставлять информационные материалы из штата Нью-Мексико в Нью-Йорк. Для этого она ездила в небольшой городок Альбукерке, где для видимости посещала туберкулезный

диспансер. Там она встречалась с агентами с агентурными псевдонимами «Млад» и «Эрнст».

В 1945 году Моррис Коэн был демобилизован и вернулся в США. В декабре того же года с ним была восстановлена связь. Несмотря на поражение нацизма, Моррис Коэн без колебаний дал согласие продолжать сотрудничество с советской разведкой. Однако до 1948 года связь с агентом была заморожена в связи с резким обострением обстановки антисоветизма и шпиономании в США.

Лона Коэн была на связи с еще одним физиком, передававшим СССР информацию прямо из недр «Манхэттенского проекта».

Теодор Холл, настоящий вундеркинд, родился в 1925 году в еврейской семье Хольцбергов, отец поменял фамилию на Холл, чтобы избежать антисемитизма. В 14 лет был принят в Колумбийский университет, в 16 лет – в Гарвард. Там он получил ученую степень уже в 18 лет, в 19 лет был принят в «Манхэттенский проект» для разработки ядерного оружия, где работал очень интенсивно, чтобы опередить аналогичные разработки в нацистской Германии. Именно Холл участвовал в расчете критической массы урана для американской атомной бомбы «Мальш» (убившей в течение минуты 66 тысяч человек в Хиросиме 6 августа 1945 года).

Летом 1944 года неизвестный человек передал в советское генконсульство в Нью-Йорке запечатанный пакет. При вскрытии пакета оказалось, что в нем находятся совершенно секретные материалы по атомной проблематике. Однако установить имя визитера резидентуре советской разведки сразу не удалось. Москва, получив эти материалы, оценила их как «исключительно представляющие для нас интерес» и одновременно здорово отчитала резидента за то, что тот не принял мер по немедленному установлению контакта с посетителем.

Холл вышел на «Яковлева» через сотрудника советского журнала «Soviet Russia Today» русского эмигранта Сергея Курнакова. Холл передал ему материалы о работе Лос-Аламоса, и вскоре они уже были у Яцкова.

Холл («Млад») по идейным соображениям передал советской стороне в 1944 году чертежи плутониевой бомбы «Толстяк». При этом, по всей вероятности, он раскрыл советской стороне важный принцип работы бомбы – имплозию. По некоторым источникам, «Млад» сообщил также дату первого ядерного испытания в США.

Агентом советской разведки стал и однокашник «Млада» по Гарварду Сэвилл Сакс («Стар»)^[155]. Именно Сакс был курьером Холла, забирая от того информацию в Лос-Аламосе.

5 ноября 1944 года главой советской внешней разведки Фитиным был

утвержден план мероприятий по агентурной разработке проекта «Энормоз» (так в советской разведке окрестили планы создания атомного оружия за рубежом).

В этом документе состояние «урановых» работ характеризовалось следующим образом: «Наиболее важный центр – США. Срок изготовления атомной бомбы – должна быть готова осенью 1944 г.». Работы англичан по «Энормоз» были поставлены в зависимость от американцев, благодаря «меньшим экономическим возможностям Англии».

Занималась советская разведка и Канадой, куда «работы англичан были перенесены из-за соображений большей безопасности от вражеских налетов с воздуха и с целью сближения с американцами».

Точно были указаны атомные центры в этих трех странах, дана характеристика атомных установок. Перечислялись «мощности атомных машин, системы, время пуска машин». Подробно описывалось, чему уделяется в данный момент «наибольшее внимание – работам по быстрым нейтронам, т. е. выделению урана 235 из природного урана диффузионно-магнитным способом для непосредственного использования их в атомной бомбе»^[156].

Делался в документе и еще один, важнейший для Москвы вывод. Хотя в Германии и есть известные ученые – специалисты в атомной области, «при ее экономическом и военном положении она не может вести сколько-нибудь серьезных работ в области “Энормоз”». Вывод этот был абсолютно верным.

В заключение плана мероприятий констатировалось: «За период ведения агентурной разработки, т. е. с конца 1941 г. до настоящего времени, достигнуты довольно внушительные результаты. За это время была создана агентура, систематически снабжавшая нас ценной информацией, позволившей следить за развертыванием научных работ по странам, а также ценными техническими материалами по существу проблемы».

В апреле 1945 года советской разведкой была получена информация о конструкции американского атомного реактора, разработанного ученым-физиком, специализировавшимся в области атомной энергии, Энрико Ферми.

В начале июня 1945 года состоялась очередная встреча с Клаусом Фуксом, который передал подробную документальную информацию по устройству ядерной бомбы. Фукс также проинформировал советскую разведку, что в июле 1945 года состоится испытание первой американской ядерной бомбы. Эти сведения были исключительно важными и в виде спецсообщения были доложены Сталину.

Когда Трумэн, как бы походя, сообщил Сталину в Потсдаме об атомной бомбардировке Японии, советский лидер никак не отреагировал, и Трумэн даже решил, что престарелый «дядюшка Джо» не понял важности сделанного ему сообщения. На самом деле для Сталина все это просто не было новостью.

Через две недели после атомной бомбардировки Хиросимы постановлением ГКО № 9887сс/оп от 20 августа 1945 года за подписью Сталина был создан Специальный комитет для руководства всеми работами по использованию атомной энергии во главе с Берией. Спецкомитет был наделен чрезвычайными полномочиями по привлечению любых ресурсов, имевшихся в распоряжении правительства СССР, к работам по атомному проекту.

Примерно в то же самое время руководитель «Манхэттенского проекта» генерал Гровс самоуверенно докладывал специальной комиссии американского конгресса: «Для того, чтобы нас догнать, Советам потребуется в лучшем случае 15 лет». Но уже 25 декабря 1946 года в СССР состоялся пуск советского атомного реактора «Ф—1».

Более оптимистично оценивал возможности СССР непосредственный создатель атомной бомбы Оппенгеймер (в США его считали «красным»). В ответ на вопрос о том, сможет ли Советский Союз создать ядерное оружие, он ответил: «Они преодолеют отставание через четыре года». Оппенгеймер оказался прав: в 1947 году Советский Союз на весь мир объявил, что отныне для него не существует секретов в ядерной сфере.

Почти абсолютно все материалы о «Манхэттенском проекте» передавались советской разведкой из США в зашифрованном виде по радио. Но, хотя американская служба радиоперехвата регулярно записывала эти тексты, ее пеленгаторы не могли обнаружить местоположение раций, а дешифровщики – раскрыть содержание радиограмм.

Павел Судоплатов, начальник группы «С», созданной НКВД в 1944 году для координирования работы разведки в сфере атомных исследований, вспоминал: «Качество и объем полученной нами информации от источников в Великобритании, Канаде и США были крайне важны для организации и развития советской атомной программы. Подробные доклады об устройстве и эксплуатации первых атомных реакторов и газовых центрифуг, по специфике изготовления урановой и плутониевой бомб сыграли важнейшую роль в становлении и ускорении работы наших атомщиков, потому что целого ряда вопросов они просто не знали. Это, в первую очередь, касается конструкции системы

фокусирующих взрывных линз, размеров критической массы урана и плутония, сформулированного Клаусом Фуком принципа имплозии, устройства детонационной системы, времени и последовательности операций при сборке самой бомбы и способа приведения в действие ее инициатора... Атомная бомба в СССР была создана за 4 года. Если бы не разведчики, этот срок был бы в два раза больше...»

Большую помощь советской разведки в США оказали также супруги Этель и Юлиус Розенберг. Юлиус родился в 1918 году в Нью-Йорке, в семье еврейских иммигрантов, в юности увлекся левыми идеями и на одном из собраний Лиги молодых коммунистов США в 1936 году познакомился с Этель Гринглас. Спусти три года они поженились. По своему образованию Юлиус был инженером-электротехником.

В 1940–1945 гг. Юлиус Розенберг работал в секретной лаборатории службы связи армии США в Форт-Монмут, но был уволен, когда начальство узнало о его коммунистическом прошлом. С 1942 года Юлиус был сотрудником советской разведки (к работе его привлек Семен Семенов) [\[157\]](#). После 1944 года на связи с ним был Александр Феклисов. Юлиус (псевдоним «Либерал») передал советской разведке довольно много совершенно секретных сведений, в том числе и чертеж радиовзрывателя.

Когда Юлиус узнал, что брат его жены Дэвид Гринглас работает в «Манхэттенском проекте», он привлек его к сотрудничеству с советской разведкой (сентябрь 1944 года). Гринглас до своей мобилизации в армию в 1943 году также был членом молодежной коммунистической лиги и согласился работать по идейным соображениям. Его повысили до сержанта и направили на объект по обогащению урана в Оук Ридж (штат Теннесси), а затем перевели в Лос-Аламос. После увольнения Розенберга из армии США Гринглас (псевдоним «Калибр») передавал советской разведке информацию через Гарри Голда. На СССР работала и его жена Рут («Оса»).

Тем временем предстояло возвращение Фука в Великобританию, и на встрече ему были переданы условия связи в Лондоне с представителем резидентуры советской разведки. Однако до осени 1947 года советская разведка не имела связи с Фуком. В сентябре 1947 года в Лондон в качестве заместителя резидента по научно-технической разведке прибыл Александр Феклисов, который получил задание восстановить связь с ученым-физиком. В Москве перед командировкой в Лондон начальник советской внешней разведки генерал-лейтенант Савченко сказал Феклисову, что Фукс сотрудничает по идейным соображениям, поэтому отношение к нему должно быть крайне бережным.

В конце того же месяца связь с Фуком была восстановлена. На этой

встрече Клаус сообщил советскому оперативному сотруднику, что ученые Чикагского университета Ферми и Теллер работают над созданием еще более разрушительного оружия – водородной бомбы, и разъяснил принцип ее устройства. По заданию резидентуры в дальнейшем он собрал и передал советской разведке подробные сведения о конструкции водородной бомбы: принципиальную схему и теоретические выкладки по ее созданию, которые были разработаны учеными США и Англии.

В 1947–1949 гг. Феклисов встречался в Фуксом раз в три-четыре месяца. Каждая встреча тщательно готовилась, план каждой явки утверждался в Центре. Фукс знал Феклисова как «Юджина». По вопросам Феклисова Фукс понял, что работа над советской атомной бомбой идет быстро и успешно, и искренне радовался этому: «Неужели ваш “бэби” скоро проявится на свет?.. Я-то вижу, что дела у советских коллег продвигаются успешно. Никто из американских и английских ученых не ожидает, что Советский Союз создаст свою “штучку” ранее чем через шесть – восемь лет. Я очень рад, что они ошибаются»^[158].

Если у советской разведки были ценнейшие источники прямо в сердце «Манхэттенского проекта», то ничем подобным в СССР американская разведка похвастаться не могла. Однако это не означает, что американцы не пытались всеми силами выяснить состояние и перспективы ядерных исследований в Советском Союзе.

В течение 1946 года преемник УСС SSU передавал главе «Манхэттенского проекта» (Manhattan Engineer District, MED) генералу Гровсу все, что хотя бы как-то указывало на ядерный проект в СССР. Атомный шпионаж против СССР получил кодовое наименование «Азуза», затем – «Рамона».

Например, в январе 1946 года со ссылкой на «очень хороший источник» разведка сообщила, что существует «секретный русско-чешский договор», согласно которому уран из шахт Яхимова (Йохимсталя) идет в Советский Союз^[159]. Это была чистая правда.

Позднее (февраль 1946 года) американская агентура в советской зоне оккупации Германии сообщила, что многие видные немецкие физики (например, Густав Герц и Манфред фон Арденне), скорее всего, находятся в СССР. И эта информация соответствовала действительности – группы немецких физиков работали над ядерным проектом на черноморском побережье Грузии.

5 марта 1946 года SSU доложила, что урановая руда из Яхимова идет в СССР вагонами, и их даже не хватает.

Правда, все эти сведения поначалу натыкались на скепсис в штабе Гровса. Там полагали, что промышленность СССР настолько примитивна, что русским бомбу в ближайшем будущем никак не сделать. Например, представитель MED в Англии подполковник Эдгар Дин назвал сообщения разведки нонсенсом и «чистыми фантазиями», игнорирующими факты^[160].

В мае 1946 года контрразведка SSU (правда, со ссылкой на источник, чья надежность оценивалась как сомнительная) сообщила, что известный советский физик Капица получил от правительства СССР «неограниченный кредит» на создание бомбы. Он же и стал руководителем советского ядерного проекта (на самом деле им был Берия).

В июне 1946 года разведка США доложила, что советские специалисты планируют искать уран в Маньчжурии.

Все эти отрывочные сведения, большинство из которых были верными или правдоподобными, все же не давали американцам ответа на главный вопрос – когда у русских появится атомная бомба?

В декабре 1946 года аналитик MED Генри Левенгаупт (защитивший докторскую по химии в Йельском университете в 1943 году) составил аналитическую записку «Русско-чешские операции в районе чешско-немецкой границы» на 9 страницах. Но и в этом документе никаких точных прогнозов будущего советской бомбы не было.

В январе 1946 года, как уже упоминалось, Трумэн создал ЦРГ, а через семь месяцев вместо MED на свет появилась Комиссия по атомной энергии (Atomic Energy Commission, АЕС). Оба ведомства немедленно затеяли спор на тему, кто будет главным в деле ядерного шпионажа против Москвы. Трумэн несколько месяцев не мог принять решения, однако на заседании Национального органа по разведке (National Intelligence Authority, NIA) 12 февраля 1947 года сбор данных оставили за ЦРГ, которая должна была делиться ими с АЕС. Накопленные в ведомстве Гровса сведения, а также лучшие аналитики «Манхэттенского проекта» (типа Левенгаупта) перекочевали в ЦРГ.

Но не успел разрешиться этот административно-бюрократический спор, как 26 июля 1947 года на свет появилось ЦРУ. В ответ на это АЕС создала в декабре 1947 года собственное подразделение разведки. В ЦРУ ядерный шпионаж сначала передали под крыло управления специальных операций, а затем – в Офис научной разведки (Office of Scientific Intelligence, OSI).

Между тем армия США также не желала стоять в стороне от урановой темы. Там ядерными делами занимался Проект вооруженных сил по специальному вооружению (Armed Forces Special Weapons Project). В его

рамках генерал-майор Альберт Хегенбергер возглавил специальное подразделение AFMSW—1, которое в июле 1948 года превратилось в AFOAT—1 (Air Force Deputy Chief of Staff for Operations, Atomic Energy Office, Section 1)^[161]. Если ЦРУ пыталось напасть на след советского ядерного проекта с помощью агентуры, то люди Хегенбергера использовали в основном технические методы разведки.

Чтобы исключить внутриведомственную грызню по столь важному вопросу и обеспечить единый анализ всех поступающих сведений, военно-морская, военно-воздушная разведка, разведка сухопутных войск и ЦРУ подписали 31 декабря 1947 года меморандум о создании Совместного комитета по разведке в сфере ядерной энергии (Joint Nuclear Energy Intelligence Committee, JNEIC).

Американцам помогали и англичане. Через свои источники они, например, выяснили, что чистый кальций идет с восточногерманского завода в Биттерфельде в подмосковный город Электросталь. Из этого был сделан правильный вывод, что русские строят реактор для получения плутония. Допрос англичанами вернувшегося из СССР немецкого военнопленного выявил важнейший советский ядерный объект – Челябинск-40, о чем британцы немедленно сообщили США^[162]. При этом, правда, был сделан неверный вывод, что усилия русских по получению изотопов урана путем газовой диффузии находятся пока на примитивном уровне.

И англичане, и американцы продолжали внимательно следить за урановыми месторождениями в чешском Яхимове, и в 1948 году выяснилось, что русские вывозят оттуда в 6–8 раз больше урана, чем предполагалось ранее.

Пентагон в 1948 году резко нарастил усилия по технической разведке против СССР – перехватывались переговоры по радиотелефонам, тем более, что они обычно велись открытым текстом.

И все же единства мнений относительно того, когда же «Советы» проведут первое успешное испытание ядерной бомбы, у различных американских ведомств не было.

В 1946 году ЦРГ, оговорившись, что не обладает серьезной информацией, сдала прогноз, что советская бомба появится в 1950–1953 гг. В этом же году разведка ВВС США сделала более точный прогноз – конец 1949 года. В июле 1947 году разведсообщество (ЦРУ, армейская и военно-воздушная разведка) сошлись во мнении, что у русских нет квалифицированных инженеров и технологов, а урановая руда на

контролируемых СССР территориях – с малым содержанием металла. Поэтому вероятно, что русские произведут испытание бомбы не ранее 1950 года, а скорее всего – в 1952 году. Примерно тот же самый прогноз разведка выдала на гора и в июле 1948 года: середина 1950 года – это «самая ранняя дата, когда Советы могут взорвать свою бомбу». А середина 1953 года – дата «наиболее вероятная»^[163].

Берлинский кризис на фоне военной истерии в США усилил внимание Вашингтона к советскому ядерному проекту. В июле 1948 года директор ЦРУ Хилленкоттер направил Трумэну специальный меморандум «Оценка состояния русского проекта в сфере атомной энергии». В нем скромно признавалось, что «остается невозможным определить точное состояние (проекта) или установить дату, намеченную Советами для завершения работ над их первой атомной бомбой»^[164].

В начале 1949 года разведка ВВС США пришла к выводу, что самым ранним сроком следует считать 1950 год. В марте 1949 года директор офиса научной разведки ЦРУ Машле доложил Хилленкоттеру свой прогноз – самый ранний срок – середина 1950 года, самый вероятный – середина 1953 года. В основе прогноза лежали три вывода-предположения:

- Советы начали работу над бомбой не ранее конца 1945 года (неверно. – *Примечание автора*);
- русские хотят создать плутониевую бомбу (верно);
- у русских достаточно урана только для одного реактора по производству плутония (неверно).

Американцы страшно боялись за свою ядерную монополию потому, что еще с конца 1945 года не исключали возможности нанесения ядерного удара по СССР. Но он был возможен только в одном случае – если не было угрозы такого же ответного удара. В ноябре 1945 года был опубликован доклад главнокомандующего ВВС США генерала Арнольда военному министру, в котором указывалось, что США должны «указать потенциальному агрессору – за нападением на США немедленно последует всесокрушающий атомный удар по нему с воздуха»^[165].

Причем американцы были готовы ударить и первыми, если СССР близко подойдет к созданию ядерного оружия. Объединенный комитет начальников штабов США в секретном докладе взвесил желательность нанесения атомных ударов по Советскому Союзу, как в виде возмездия, так и первыми. Объединенный разведывательный комитет наметил двадцать советских городов, подходивших для атомной бомбардировки. Этот комитет рекомендовал атомное нападение не только в случае неминуемого

выступления СССР, но и в том случае, если успехи врага в области экономики и науки будут указывать на создание возможностей «в конечном итоге напасть на США или создать оборону против нашего нападения»^[166].

Еще в начале 1946 года под руководством генерала Гровса американцы стали развивать мощности по техническому обнаружению возможного советского ядерного испытания с баз за пределами территории СССР.

За основу был положен опыт Хиросимы и Нагасаки. Тогда американские самолеты Б-29 на высотах 15–30 тысяч футов пять раз пролетели над местами сброса ядерных бомб. Они были снабжены специальными бумажными фильтрами, на которых осаждались продукты взрыва.

Примерно в это же самое время разведка ВВС запустила собственный проект по техническому обнаружению ядерных взрывов – операция «Могул». Ученые пришли к выводу, что в мировом океане на глубине 4 тысячи футов есть слой воды, по которому звуковые волны передаются без искажения на любое расстояние. В октябре 1945 года было принято решение поискать такой же слой и в атмосфере. Заместитель начальника штаба ВВС по исследованиям и разработкам подполковник Вильсон выделил для обнаружения такого слоя необходимые ресурсы. Однако ученые считали, что этот магический слой воздуха расположен на высоте не менее 45 тысяч футов, а Б-29 могли работать с потолком лишь до 30 тысяч футов.

Пришлось выделить деньги на разработку специальных высотных воздушных шаров с датчиками. Именно их в то время многие принимали за неопознанные летающие объекты.

Между тем американцы проводили и испытания, чтобы понять, как быстро и далеко передвигаются в атмосфере продукты ядерного взрыва и ударная волна от него. 1 июля 1946 года ядерная бомба мощностью 23 килотонны была взорвана над группой старых американских и японских кораблей (на высоте 520 футов) в районе атолла Бикини. Самолеты Б-29 обследовали атмосферу в радиусе 1600–8000 миль от эпицентра на высоте 30 тысяч футов.

Вторую бомбу взорвали под водой (чтобы проверить, как там распространяются звуковые волны) 23 июля.

Результаты этих испытаний («операция «Перекресток») выявили, что предстоит еще много работы. Сейсмические датчики в Калифорнии зафиксировали подводный взрыв, но пропустили воздушный. К тому же эти датчики никак не различали атомный взрыв малой мощности и обычный взрыв большой мощности. В целом американцы пришли к

выводу, что точно засечь ядерный взрыв можно на расстоянии не более 2000 миль от эпицентра.

Надо было что-то делать, и срочно.

21 мая 1947 года представители ЦРГ, ВВС, ВМС, сухопутных сил, АЕС собрались на совещание, в результате которого был создан рабочий «Комитет по дальнему обнаружению» (Long-Range Detection Committee). Были намечены три цели работы:

- установление места и времени советского ядерного взрыва;
- получение образцов продуктов взрыва из воды и воздуха;
- определение природы взрыва путем химического и радиологического анализа^[167].

Вести весь проект дальнего обнаружения логично поручили ВВС. Именно после этого были созданы упомянутые выше структуры ВВС AFMSW—1 и AFOT—1.

Следует признать, что американцы не жалели ни сил, ни средств. В июле 1947 года в воздух поднялись первые группы пробных высотных воздушных шаров, достигших потолка в 48 тысяч футов.

В апреле – мае 1948 года вблизи атолла Энветоки (Маршалловы острова) американцы взорвали три атомных бомбы, чтобы отработать технику дальнего обнаружения (операция «Песчаник»).

Приказ о проведении операции был отдан президентом США Гарри Трумэном 27 июня 1947 года. В отличие от операции «Перекресток», эта серия испытаний проводилась Комиссией по атомной энергии (MED). В ходе операции тестировались атомные бомбы второго поколения. Во-первых, во всех испытанных устройствах между темпером из урана-238 и ядром заряда был оставлен зазор. Во-вторых, само ядро заряда теперь выполнялось не из чистого плутония, а из сплава плутония с высокообогащенным ураном (заряд X-Ray) или только из высокообогащенного урана (остальные два заряда). Этого потребовала промышленность: производство обогащенного урана сильно обгоняло наработку плутония.

К тому же в США пока точно не знали, взорвут ли русские плутониевую или урановую бомбу.

Работу ВВС по обнаружению взрывов в районе атолла Энветоки окрестили «операция Фитцуильямс». Помимо использования обычных датчиков (акустических, радиологических и сейсмических) специалисты ВВС уделили внимание и откровенно экзотическим способам обнаружения. Например, было решено, что свет от ядерного взрыва отразится от темной стороны Луны. Поэтому на всякий случай было решено наблюдать и за

спутницей Земли, для чего было задействовано 19 объектов в разных странах.

Но все же главный упор, как и в 1945 году, делался на регулярное патрулирование самолетов с датчиками обнаружения продуктов ядерного взрыва. Восемь специально оборудованных Б-29 (WB-29) летали с баз на обоих побережьях США, а также с Бермудских и Азорских островов и из Северной Африки. Всего только в рамках операции «Фитцуильямс» было совершено 466 вылетов и налетано в воздухе 4944 часа^[168].

Сейсмические станции были размещены помимо США в Японии и Германии.

Продолжался запуск воздушных шаров с Гуама, Гавайских островов, с баз в Нью-Мексико и Аризоне.

Однако результаты «Фитцуильямса» все же нельзя было признать ободряющими. Самый мощный взрыв «Песчаника» (49 килотонн) сейсмодатчики засекли только на расстоянии не более 500 миль от эпицентра. Звуковые датчики были лучше – 1700 миль, но и это означало невозможность выявить советский ядерный взрыв где-нибудь в центре СССР. Воздушные шары не дали ничего лучшего, и весь проект «Могул» был свернут.

Вся надежда оставалась только на самолеты с фильтрами обнаружения продуктов взрыва. 8 июля 1948 года ВВС США доложили Трумэну, что они уверены в своей способности засечь ядерное испытание в СССР. Систему постоянного патрулирования Б-29 в воздухе назвали операцией «Сумка с инструментами» (Workbag). Самолеты поднимались в воздух с баз на Гавайях, Аляске, в Калифорнии и на Бермудских островах.

И здесь не обошлось без помощи англичан – британцы взяли на себя патрулирование Северной Атлантики. Американцы обычно совершали полеты через день.

29 августа 1949 года СССР произвел испытание атомной бомбы РДС-1 («Ракетный двигатель Сталина») мощностью 22 килотонны. Ровно в 7 часов утра на полигоне в районе Семипалатинска раздался взрыв. Небо осветила яркая вспышка, затмившая солнце. Стальная 70-метровая вышка через секунду испарилась. По полигону прокатился оглушительный гром. Курчатов выскочил из укрытия наружу с криком: «Она, она!» Его вернули обратно в укрытие.

Берия, не веривший в успех эксперимента, расцеловал И. Курчатова и Ю. Харитона, руководивших работами по сборке бомбы.

В начале сентября 1949 года американцы получили от своей военной разведки фотоснимки верхних слоев атмосферы над территорией

Советского Союза. На фотографиях отчетливо просматривался грибовидный след от атомного взрыва.

3 сентября 1949 года американские самолеты, совершавшие полет между Аляской и Японией, засекли резкое превышение уровня радиации в атмосфере. Такой скачок никак нельзя было объяснить естественными причинами (типа извержения вулкана). Исследования продолжались до 17 сентября и полностью подтвердили искусственную природу повышенной радиации.

Однако многие в американском истеблишменте по-прежнему отказывались признавать, что «примитивные» русские взорвали ядерную бомбу. Такого мнения придерживался, например, министр обороны Джонсон. Объяснение странных данных авиаразведки искали в инциденте с ядерным реактором.

Создали группу видных ученых, которая на своем заседании 20 сентября все же была вынуждена констатировать: 26–29 августа на территории СССР в районе севернее Каспийского моря произошел ядерный взрыв.

На основании анализа проб воздуха в атмосфере комиссия доложила президенту США, что в Советском Союзе произвели испытание плутониевой бомбы. 23 сентября 1949 года Трумэн был вынужден созвать пресс-конференцию и сделать неприятное для себя заявление: «У нас есть доказательства, что в течение последних недель в СССР произошел атомный взрыв».

В США это вызвало состояние шока. Газета «Вашингтон Пост» вышла с характерной шапкой «Трумэн разоблачил атомный взрыв красных»^[169].

Атомная монополия США была принципиально подорвана. Но американцы намеревались теперь сохранить подавляющее количественное превосходство над СССР по количеству ядерных зарядов и средств их доставки. Соответственно, разведке дали указание прогнозировать развитие советского военного ядерного потенциала, чтобы поддерживать американский атомный потенциал на недостижимом для русских уровне.

В середине 1950 года ЦРУ сообщило, что СССР имеет, видимо, 10–20 бомб. В середине 1951 года это количество возрастет до 25–45, через год – до 45–90, а еще через год – до 70–135. Это сообщение, вспоминал тогдашний начальник Комитета начальников штабов генерал Брэдли, «стало ужасным шоком для Луиса Джонсона (министра обороны. – *Примечание автора*)»^[170].

На самом деле ЦРУ как тогда, так и в дальнейшем обычно сильно

преувеличивало «красную опасность». В СССР к концу 1949 года были изготовлены еще две бомбы РДС-1, а в 1950 году – еще 9. Но все эти бомбы представляли собой экспериментальные устройства, а у Советского Союза на тот момент не было к тому же и средств доставки. В январе – феврале 1951 года было изготовлено еще четыре атомные бомбы. Таким образом, у СССР к 1 марта 1951 года имелось 15 атомных бомб типа РДС-1. К концу 1951 года было произведено в общей сложности 29 атомных бомб РДС-1, в том числе первые три серийно изготовленные.

После успешного испытания 24 сентября 1951 года советского атомного заряда «502-М» (РДС-2) к концу 1951 года было освоено производство атомных бомб этого типа. Таким образом, на 1 января 1952 года у СССР имелось 35 атомных бомб, 29 из которых были РДС-1 и 6 РДС-2.

Эти бомбы СССР теоретически мог доставить до США, но именно теоретически. Ведь ракетного оружия у Советского Союза еще не было, а полет к берегам США стратегических бомбардировщиков был фактически самоубийством. Но бомбу еще и следовало «подогнать» по габаритам под единственный советский дальний бомбардировщик того времени – Ту-4. 18 октября 1951 года первая советская авиационная атомная бомба (РДС-3 с ядерным зарядом «501-М») была впервые испытана путем сброса ее с самолета Ту-4. Эту бомбу стали готовить к принятию на вооружение (была принята лишь в 1954 году). В 1952 и 1953 годах были проведены успешные летные контрольные испытания авиабомбы РДС-3.

У США уже в 1948 году было 110 ядерных бомб, в 1949 году – 235, в 1951 году – 640, в 1952 году – 1005. То есть в 1952 году ядерный арсенал США превосходил советский в 20 раз.

Были у американцев и средства доставки. Самые первые американские атомные авиабомбы, поступившие на вооружение в конце 40-х годов прошлого века, весили около 9 тонн, и их могли доставить к потенциальным целям только тяжелые бомбардировщики.

К началу 1950-х годов в США были разработаны более компактные бомбы с меньшим весом и диаметром, что позволило оснастить ими самолеты фронтовой авиации.

Естественно, что США стремились воплотить свое огромное превосходство в ядерной сфере в конкретные военные планы.

Планы ядерного удара по СССР: кошмары с берегов Потомака

Первый американский план на случай войны с СССР с характерным названием «Тотальный» («Totality») был разработан еще в конце 1945 года в штабе Эйзенхауэра. Предусматривалась атомная бомбардировка 20 советских городов – Москвы, Ленинграда, Горького, Куйбышева, Свердловска, Новосибирска, Омска, Саратова, Казани, Баку, Ташкента, Челябинска, Нижнего Тагила, Магнитогорска, Молотова (Перми), Тбилиси, Сталинска (Новокузнецка), Грозного, Иркутска и Ярославля.

В директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д от 14 декабря 1945 года, принятой в связи с описанными выше директивами комитета начальников штабов об атомной бомбардировке 20 советских городов, было сказано: «На карте к приложению А (к документу Объединенного разведывательного комитета от 3 ноября 1945 года)... указаны 20 основных промышленных центров Советского Союза и трасса Транссибирской магистрали – главной советской линии коммуникаций. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь семнадцати из двадцати указанных городов и Транссибирскую магистраль. Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз и используя все 196 атомных бомб (куда входят 100 процентов резерва), Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он, в конечном счете, может стать решающим»^[171].

Во многом эти планы и директивы 1945 года носили дезинформационный и устрашающий (по адресу Москвы) характер. Ведь в 1946 году у США было всего 9 атомных бомб и 27 самолетов, способных их доставить.

Еще более активная разработка военных планов началась после «формального» начала Холодной войны – событий в Чехословакии в феврале 1948 года.

Немедленно был составлен план войны с СССР «Колесничий», который, однако, не был введен в действие президентом Трумэнном. План предусматривал, что война должна начаться в 1950 году «с концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров,

промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности (СССР) с баз в Западной Европе и Англии». Только за первые 30 дней намечалось сбросить 133 ядерные бомбы на 70 советских городов^[172].

Война должна была продлиться полгода. При этом в США исходили из быстрой оккупации Советским Союзом Западной Европы. Но европейцев было не жалко – американцы собирались воевать против русских исключительно с помощью военно-воздушных сил. Через 6 месяцев после дня Д (начала войны) только ВВС флота США должны были задействовать против СССР 3979 самолетов и иметь в резерве еще 5211. Правда, у США для столь честолюбивых планов не хватало не то что ядерных, но и обычных бомб. На пополнение арсеналов боеприпасов в 1949 году планировалось выделить 37,6 миллиона долларов, а требовалось (если принимать «Колесниченко» всерьез) как минимум 136^[173].

18 августа 1948 года Совет национальной безопасности США издал меморандум «Задачи в отношении России» (СНБ 20/1). Меморандум, составленный по заказу министра обороны Форрестала, должен был определить долгосрочные цели и задачи американской политики в отношении СССР. Задачи делились на мирные и военные. В первом случае предполагалась лишь ликвидация системы «идеологического господства советской компартии над странами-сателлитами», во втором – по возможности ликвидация советского режима на всей территории СССР, безусловное отстранение от власти существующего руководства, но без долговременной оккупации страны и насильственного насаждения демократии. В любом случае, после американской победы Россия:

- не должна быть настолько сильной в военном отношении, чтобы угрожать соседям;
- должна предоставить широкую автономию национальным меньшинствам;
- должна экономически зависеть от внешнего мира;
- не должна установить нового «железного занавеса».

В марте 1948 года повился новый «перспективный план» войны против СССР (Bushwacker), исходивший из начала военных действий в 1952 году. Считалось, что Советская армия встретит войну со 100 дивизиями, но за 180 дней мобилизует 500 дивизий. Их поддержат 30 тысяч танков и 77 тысяч орудий. Из 20 тысяч «красных» самолетов 1600 будут представлять собой бомбардировщики, сравнимые по дальности и бомбовой нагрузке с Б-29. Атомных бомб у СССР американские

плановики тогда еще не предполагали.

При этом даже разработчики планов признавали, что СССР «не будет искать войны» с США, а если и начнет ее, то только потому, что неправильно оценит исходящую от Америки угрозу.

К 1 сентября 1948 года по штабам соединений вооруженных сил США был разослан план «Флитвуд». Предполагалось добиться успеха в войне против СССР, прежде всего, за счет массированных ядерных бомбардировок советской территории, что должно было подорвать экономический потенциал и вызвать психологический шок у населения и армии (впрочем, признавалось, что психологически они могут привести и к обратному эффекту – сплочению советского народа вокруг правительства).

Первым американским военным планом, появившимся на свет после шока с советской атомной бомбой, был «Дропшот», утвержденный Комитетом начальников штабов 19 декабря 1949 года.

Как всегда, «план» базировался на странных и противоречащих друг другу прогнозах и допущениях. Авторы документа исходили из общей предпосылки, что коммунистические лидеры СССР стремятся к мировому господству и установлению просоветских режимов во всем мире, и это их стремление является главной и единственной угрозой безопасности США.

Ближайшей целью советской экспансии «неизбежно» станет Западная Европа. В настоящее время, признавали в Пентагоне, возможности СССР ограничены по сравнению с американскими, однако к 1955 году, по мере укрепления советской экономики, СССР сможет предпринять против США серьезные воздушные атаки с использованием ядерного, биологического и химического оружия, обширные подводные (включая запуск управляемых ракет малой дальности) и военно-воздушные операции. На настоящий момент нет признаков, чтобы СССР целенаправленно планировал широкомасштабную агрессию, но тем не менее, «по ряду причин», риск возникновения войны высок.

«Дропшот» исходил из следующих базовых предпосылок:

- Около 1 января 1957 года США и их союзники окажутся в состоянии войны с СССР по причине агрессивных действий со стороны СССР и/или советских сателлитов.

- На стороне СССР будут: Польша, Финляндия, Чехословакия, Венгрия, Югославия, Албания, Румыния, Болгария, Монголия, Маньчжурия, Корея, коммунистический Китай. Югославия постарается быть нейтральной и даже, возможно, окажет сопротивление вторжению СССР или его сателлитов.

- Союзниками США выступят страны НАТО, «некоммунистический

Китай» (то есть Тайвань), страны Британского содружества (кроме Индии и Пакистана), Филиппины.

- Нейтральными останутся: Ирландия, Испания, Швейцария, Швеция, Греция, Турция, арабские страны, Израиль, Иран, Индия, Пакистан. Предполагалось также, что эти страны скорее уступят военной оккупации любой из сторон, нежели будут активно сопротивляться вторжению.

- Страны Южной и Латинской Америки останутся нейтральными или примкнут к НАТО: те страны, которые останутся нейтральными, вероятно, обеспечат доступ НАТО к своим ресурсам.

- Американская программа экономической помощи Западной Европе будет завершена к 1953 году, и к 1957 году страны Западной Европы будут политически и экономически стабильны. Их военные машины будут развиваться в соответствии с существующими прогнозами.

Война, с точки зрения американцев, должна была развиваться следующим образом:

1. Оборона от советского наступления в Западной Европе на рубеже Рейн – Альпы – Пьяве, оборона от советского вторжения на Ближний Восток через Иран и Турцию, оборона от советского вторжения в Японию при одновременном нанесении авиаударов ядерными и обычными бомбами по объектам на территории СССР, его союзников и на оккупированных СССР территориях.

2. Продолжение авиаударов, продолжение обороны, интенсификация психологической и экономической войны, подпольной борьбы в советском тылу.

3. Массированное наступление в Европе с целью отрезать и уничтожить советские войска, продолжение наступления для принуждения СССР к капитуляции.

4. Оккупация территории СССР и его союзников.

Для того чтобы сломить волю советского народа к победе, на него предполагалось сбросить 300 ядерных (из них 25 бомб – на Москву, 22 – на Ленинград, 10 – на Свердловск, 8 – на Киев, 5 – на Днепропетровск, 2 – на Львов и т. д) и 29 тысяч обычных мощных бомб (всего 200 целей в 100 городах). Только одним ударом с воздуха американцы хотели лишить СССР 85 % его промышленного потенциала. 75—100 ядерных бомб предназначались для ликвидации советских ВВС на земле. В ходе бомбардировок в Советском Союзе должно было погибнуть 60 миллионов человек, а в ходе дальнейших боевых действий – еще 100 миллионов^[174].

Побежденный Советский Союз подлежал оккупации и должен был быть поделен на 4 «зоны ответственности»: западная часть СССР, Кавказ –

Украина, Урал – Западная Сибирь – Туркестан, Восточная Сибирь – Забайкалье – Приморье. Эти территории разделялись еще на 22 «района ответственности». Две американские дивизии должны были дислоцироваться в Москве, по одной в Ленинграде, Минске, Мурманске, Горьком, Куйбышеве, Киеве и еще в 15 городах СССР.

Неудивительно, что в Москве не желали играть роль полигона для отработки точности американского бомбометания. В 1952 году СССР впервые вырвался вперед в гонке ядерных вооружений.

И Москва и Вашингтон в ускоренном порядке приступили к разработке термоядерного оружия. США взорвали такое устройство 1 ноября 1952 года. Вновь удивив всех (в том числе и ЦРУ), Советский Союз произвел термоядерный взрыв всего через 8 месяцев. Советская водородная бомба РДС-6с была полностью продуктом собственной разработки, так как разведка в США удовлетворительных результатов не принесла. А самое главное – она была именно первой бомбой в габаритах бомбового отсека самолета, а не устройством размером с двухэтажный дом, как в США.

«Венона» и Гузенко против Москвы

Следует подчеркнуть, что активный борец против мирового коммунизма и глава американской контрразведки Гувер полностью проспал разветвленную сеть советской разведки, проникшую в «Манхэттенский проект».

Однако американцам помогла кропотливая работа по дешифровке советских радиogramм. В 1943 году Федеральное агентство по связи США конфисковало незаконные радиопередатчики в советских консульствах, и в спецслужбы США стали поступать в большом количестве зашифрованные телеграфные сообщения между консульствами и Москвой. В том же году 1 февраля в Арлингтон-Холле был начат проект по расшифровке советских сообщений под кодовым названием «Венона». Первым руководителем этой операции была Джин Грабил.

Основную массу сотрудников «Веноны» поначалу представляли молодые женщины с интересом к математике. Постепенно отдел расширился, но никакие классические и новые методы криптоанализа не давали результатов, пока Ричард Халлок, бывший до войны археологом, не доказал, что советские шифровальщики допускали повторное использование ключей. После этого первые передачи русских удалось прочесть в 1944 году.

В 1946 году Мередит Гарднер смог прочесть сообщение от 1944 года и понял, что речь идет об атомном шпионаже. Летом 1946 года группе Гарднера удалось расшифровать фразу из донесения нью-йоркского резидента НКВД, посланного в Москву 10 августа 1944 года. Затем была прочитана целая депеша – донесение о президентских выборах 1944 года. Проект «Венона» был расширен.

20 декабря 1946 года на стол начальника американской военной разведки генерала Картера Кларка легла депеша, содержащая список ученых, занятых в «Манхэттенском проекте». Очень медленно и методично сотрудники Арлингтон-Холла, сверяя свою работу с результатами, полученными другими методами (в частности, анализом радиообмена), и информацией от перебежчиков, расшифровывали одно советское донесение за другим. Из нескольких сот тысяч перехваченных советских разведдонесений криптоаналитикам «Веноны» удалось прочесть приблизительно 2900, подавляющее большинство из которых относилось к периоду 1942–1945 гг.

В 1947 году в курс дела было введено ФБР, которое на длительный период подключило к Мередиту Гарднеру своего офицера Роберта Лэмфера. При этом о «Веноне» по соображениям секретности не докладывали даже президентам США Рузвельту и Трумэну.

В мае 1947 года группа Гарднера расшифровала донесение, из которого явствовало, что в военное министерство США внедрен агент НКВД – летчик военно-воздушного корпуса сухопутных войск (военной авиации как особого вида вооруженных сил США тогда еще не существовало) майор Уильям Людвиг Ульман. Постепенно перед генералом Кларком вырисовывались контуры разветвленной сети, созданной в Америке советской разведкой.

Осенью 1945 года американцам крупно повезло. 5 сентября в Оттаве в редакцию газеты «Оттава Джорнэл» пришел шифровальщик советского посольства Игорь Гузенко и, вкратце сообщив о себе, попросил содействия в предоставлении ему политического убежища. Но журналисты не поверили ему и отказались разговаривать. Так же отреагировала и канадская полиция. Гузенко вернулся в дом, где проживал, и спрятался в соседней квартире. К этому времени в советской резидентуре объявили тревогу (пропал шифровальщик). К Гузенко приехали сотрудники советского военного атташата и попытались взломать его дверь. Полицейские пресекли это нарушение порядка и взяли Гузенко под свою защиту. Так он оказался первым послевоенным перебежчиком.

Канадские власти передали Гузенко американцам. Предатель явился к ним не с пустыми руками, а прихватив портфель с совершенно секретными документами, раскрывающими цели и задачи резидентуры ГРУ в Канаде. Используя эти материалы, контрразведывательные службы США и Канады разоблачили ряд агентов советской разведки. Раскрыв разведывательную сеть ГРУ (об агентах внешней разведки он не знал) в самой Канаде, Гузенко также предоставил дополнительные доказательства разведывательной деятельности в США Эджера Хисса и Гарри Декстера Уайта (об этих людях ниже), а также улики, приведшие к осуждению в 1946 году в Англии «атомного шпиона» Нанна Мэя и ключи к личности советского агента в британской разведке Лео Лонга.

Кроме того, в украденных Гузенко документах были подробно описаны принципы шифрования, применявшиеся в НКГБ и ГРУ, что имело прямое отношение к операции «Венона». Именно Гузенко сделал возможным настоящий прорыв американских криптоаналитиков в Арлингтон-Холле.

Почти в то же самое время из-за предательства едва не провалился

Ким Филби. 4 сентября 1945 года заместитель резидента НКГБ в Турции Волков попросил политическое убежище в Стамбуле. Благодаря энергичным действиям Филби этот побег удалось предотвратить, но в оставленной Волковым записке говорилось, что среди самых важных советских агентов двое находятся в британском министерстве иностранных дел, а семеро – «в британской разведывательной системе», один из которых «выполняет функции главы отдела британской контрразведки в Лондоне».

В 1948 году американцы с помощью «Веноны» выяснили, что на советскую разведку работает некий британец «Гомер», хорошо информированный о ядерном проекте и, скорее всего, живший в США. Трумэн сообщил об этом британцам. Первоначально в круг подозреваемых вошли более 7 тысяч человек. Только к апрелю 1951 года список подозреваемых сузился до 9 персон. Упоминание о том, что «Гомер» дважды ездил в Нью-Йорк, чтобы навестить там свою беременную жену, и замечание, что он любит путешествовать, позволили англичанам проследить утечку информации до ее источника – первого секретаря их посольства в Вашингтоне Дональда Маклейна – одного из легендарной «кембриджской пятерки». Но прежде чем британские разведслужбы приняли решение допросить его, советская разведка уже знала об этом от Кима Филби. 17 мая 1951 года из Москвы Маклейну были посланы рекомендации покинуть Англию вместе с другим членом «кембриджской пятерки» Гаем Берджесом. Ночью 25 мая 1951 года Маклейн и Берджес исчезли из Англии.

Тщательные поиски «Гомера» дали побочный результат, неожиданно оказавшийся важнее главного. Анализ отрывочных данных, полученных в ходе перехвата, показал, что некий агент обладал доступом к информации о секретных ядерных экспериментах США. Таких людей были тысячи, но на данного агента была еще одна «зацепка»: его сестра училась в одном из университетов на Восточном побережье США. Подозреваемым оказался Клаус Фукс, ко времени разоблачения – сотрудник британского ядерного центра.

В 1947–1949 гг Фукс передал в Лондоне Феклисову материалы по следующим вопросам:

- детальные данные о реакторах и заводе по производству плутония в Уидскейле;
- сравнительный анализ работы урановых котлов с воздушным и водяным охлаждением;
- план строительства завода по разделению изотопов урана;
- принципиальная схема водородной бомбы;

– результаты испытаний американцами ураново-плутониевой бомбы в районе атолла Энвиевок;

– справка о состоянии англо-американского сотрудничества в сфере атомного оружия.

От денег Фукс неизменно отказывался. Лишь однажды он принял от Феклисова конверт с такими словами: «Хотя я в этом не нуждаюсь, но принимаю его в знак благодарности и любви к героическому советскому народу. Я сегодня же перешлю часть денег моему больному брату, который во время войны сидел в нацистском концлагере»^[175]. Фукс мечтал о том, чтобы уехать в ГДР, создать там семью и спокойно работать по своей специальности (математическая физика).

Существует несколько версий разоблачения Фукса.

По одной из них, в учреждении, где он работал, была умышленно допущена «утечка» информации о том, что один из ученых является советским агентом. Психологический нажим на Фукса оказался столь сильным, что он сам вынужден был «явиться с повинной». Такой метод был избран, чтобы скрыть «участие» «Веноны» в его разоблачении.

По другой версии, Фукс упоминался вместе со своей сестрой Кристель в секретных документах, похищенных Гузенко еще в 1945 году. Слежка за Кристель позволила выявить Гарри Голда, который признался, что одно время служил передаточным звеном между Фуксом и советской разведкой. Но при допросе Фукса ему сказали, что он задержан на основании радиоперехвата.

Получив в сентябре 1949 года информацию от американцев по линии «Веноны» (а также данные допросов Голда), англичане первоначально не хотели верить в предательство Фукса. Однако приказ о разработке Фукса отдал лично премьер-министр Великобритании Эттли. Американцы предоставили англичанам следующие материалы:

– расшифрованную радиограмму советского генконсульства в Нью-Йорке, в которой сообщалось о встрече Фукса с Голдом на квартире Кристель Фукс в январе 1945 года;

– план города Санта-Фе с пометкой места встречи и отпечатками пальцев Голда и Фукса (сотрудники ФБР обнаружили этот план во время обыска на квартире Голда);

– несколько фотографий Голда;

– короткометражный фильм, на котором Голд был снят в разных ракурсах во время прогулок по улицам.

В октябре 1949 года Фукс сам обратился в службу безопасности исследовательского центра в Харуэлле, где он работал начальником отдела

теоретической физики. Фукс сообщил (как и было положено), что его отец возглавил кафедру в университете Лейпцига (т. е. на подконтрольной СССР территории). Советская разведка к тому времени контакты с Фуксом прервала, чтобы не ставить того под удар.

Англичане решили использовать просьбу Фукса для начала его неформальных допросов. Фукс был в декабре 1949 года «неофициально» допрошен сотрудником британской контрразведки MI-5 Уильямом Скардоном, но отрицал любые обвинения в шпионской деятельности. Ему «поверили», но в январе 1950 года еще на одной «беседе» в контрразведке показали предоставленные ФБР улики. Фукс опять все отрицал. Англичане специально не отстраняли Фукса от работы в ядерном центре, но по учреждению поползли умело распушенные слухи о том, что Фукс – советский шпион. Клауса забросали вопросами сослуживцы, и Фукс (видимо, испытывавший сильнейший психологический стресс) неожиданно во всем признался одному из коллег – заместителю директора центра Скиннеру. 13 января 1950 года Фукс сознался и в беседе со Скардоном. К тому времени Фукс решил, что Голд его все равно выдал. 2 февраля Клауса арестовали.

Суд приговорил ученого к 14 годам лишения свободы. Его выпустили за примерное поведение 24 июня 1959 года, после чего Клаус Фукс прямо из тюрьмы на рейсовом польском самолете вылетел в ГДР. В 1972 году его избрали членом Академии наук ГДР (Фукс продолжал заниматься ядерной физикой), а в 1975 году он получил государственную премию первой степени. Ученый наконец-то смог создать семью – он женился на сотруднице ЦК СЕПГ Маргарете Кайльсон (сам Фукс был членом ЦК СЕПГ с 1967 года).

Клаус Фукс умер 28 января 1988 года в Берлине, так и не удостоившись при жизни высокой советской правительственной награды, которую он, вне всякого сомнения, заслужил. В ГДР его еще при жизни наградили высшим орденом страны – орденом Карла Маркса.

Арестом Фукса успехи американской контрразведки не ограничились.

В дешифрованном в 1950 году по линии «Веноны» сообщении, которое было перехвачено еще в 1944 году, упоминался некий советский агент, работавший в научно-исследовательском атомном центре в Лос-Аламосе. Данные агентуры уточнили, что речь идет о Дэвиде Гринглассе, брате Этель Розенберг. В июне 1950 года Грингласс признался в том, что он являлся советским агентом и при этом сотрудничал с мужем Этель Юлиусом Розенбергом.

Супруги Этель и Юлиус Розенберги были арестованы (Юлиус –

17 июля 1950 года, Этель – 11 августа). Они не признали себя виновными, тем более, что не было доказательств их вины, кроме показаний Грингласса^[176]. В отличие от Фукса, Голда и Грингласса, Розенберги не соглашались на сотрудничество с ФБР и заявили, что их арест является антикоммунистической и антисемитской провокацией.

На процессе, открывшемся в Нью-Йорке 6 марта 1951 года, Розенбергам было предъявлено обвинение в «заранее спланированном с сообщниками заговоре для выдачи Советскому Союзу информации и оружия, которое тот мог использовать, чтобы уничтожить нас». Главными свидетелями обвинения выступали Голд и Гринглассы. 5 апреля 1951 года подсудимым был вынесен смертный приговор. В его тексте, в частности, говорилось: «Шпионаж, о котором мы слышали в этом зале, – гнусная и грязная работа... Ваше преступление – намного худшее, чем убийство. Вы передали Советам атомную бомбу, и уже одно это предопределило агрессию коммунистов в Корее». Вся бредовость увязки «Манхэттенского проекта», Розенбергов и внутрикореяской войны никого не смущала. Как и то, что «Советы» в 1944–1945 гг. были официальными союзниками США.

Тем не менее Розенбергов все же приговорили к смертной казни 5 апреля 1951 года.

Юлиус Розенберг так прокомментировал приговор: «Этот смертный приговор никого не удивил. Он должен был быть вынесен. Должно было быть “дело Розенбергов”, так как надо было активизировать истерию в Америке, чтобы сделать войну в Корее приемлемой для американского народа. Надо было пронизать истерией всю Америку, чтобы увеличить военный бюджет... Опять же, всем недовольным нужно было объяснить, что правительство теперь вправе их прикончить. Похоже, нам суждено стать первыми жертвами американского фашизма...»

В тюрьме Юлиус писал Этель: «Моя дорогая... Слезы наворачиваются мне на глаза, когда я пытаюсь излить свои чувства на бумаге. Я могу лишь сказать, что жизнь имела смысл потому, что подле меня была ты... Вся грязь, нагромождение лжи и клеветы этой гротескной политической инсценировки не только не сломили нас, но, напротив, вселили в нас решимость твердо держаться, пока не будем полностью оправданы... Нежно тебя обнимаю и люблю...»^[177]

Решение суда должен был утвердить президент США Трумэн, но он тянул время и не подписывал его. Супруги Розенберг ожидали смерти в тюрьме Синг-Синг больше двух лет.

Несмотря на многочисленные протесты международной

общественности, в том числе религиозных организаций и лично папы римского (прошение папы о помиловании Розенбергов было отклонено президентом США Эйзенхауэром 11 февраля 1953 года), американский президент не отменил бесчеловечный смертный приговор. Объясняя свое решение, Эйзенхауэр сказал: «Преступление, в котором Розенберги были признаны виновными, намного страшнее убийства другого гражданина... Это злостное предательство целой нации, которое вполне могло повлечь смерть многих и многих невинных граждан»^[178].

К милосердию по отношению к Розенбергам призывали такие мировые знаменитости, как Альберт Эйнштейн и Жан-Поль Сартр, руководитель Партии французского народа, будущий президент Франции Шарль де Голль, писатели Томас Манн, Франсуа Мориак, Мартен Дю Гар. В многочисленных демонстрациях участвовали и малолетние сыновья приговоренных к смерти. Они несли щиты со словами: «Не убивайте наших папу и маму!»

25 февраля 1952 года Федеральный апелляционный суд США, сославшись на отсутствие необходимых процессуальных оснований, отказал в пересмотре дела по существу и оставил приговор суда первой инстанции без изменений. Это решение было принято, несмотря на то, что один из членов суда Джером Фрэнк охарактеризовал приговор как «неоправданно жестокий». Шесть раз возвращался к делу Розенбергов Верховный суд США. Однако каждый раз большинством голосов высшая судебная инстанция Америки отказывала в пересмотре дела по причине отсутствия все тех же процессуальных оснований.

Известие об отказе Эйзенхауэра помиловать их супруги Розенберг встретили стойко. Последние их заботы были о детях. Этель Розенберг писала сыновьям: «Еще этим утром казалось, что мы снова сможем быть вместе. Теперь, когда это стало неосуществимо, мне хотелось бы, чтобы вы узнали все, что узнала я... Сначала, конечно, вы будете горько скорбеть о нас, но вы будете скорбеть не в одиночестве... Всегда помните, что мы были невинны и не могли пойти против своей совести»^[179].

Супруги Розенберг были казнены на электрическом стуле 19 июня 1953 года. Перед смертью они обнялись. Юлиус был убит сразу, но сердце его жены продолжало биться после первой порции ударов электротоком, и потребовалось еще два разряда. От головы мертвой женщины пошел дым.

Розенберги стали единственными американцами, казненными в мирное время за шпионаж. Их двое детей стали сиротами.

Многие американские евреи, опасаясь обвинений в нелояльности к

государству, отвернулись от Розенбергов. Еврейское кладбище Нью-Йорка отказалось хоронить казненных супругов. С большим трудом одной семье, члены которой состояли в Комиссии по спасению Розенбергов, удалось найти место на небольшом кладбище. И то поначалу дирекция кладбища полагала, что будут погребены жертвы автокатастрофы. Когда же более 10 тысяч человек пришли на церемонию похорон казненных супругов и всем стало очевидно, кого хоронят, отменять погребение никто не решился. Атеистов Розенбергов похоронили по религиозному обряду.

«Юридическое линчевание, вымазавшее кровью целую страну», – так отзывался о процессе над Юлиусом и Этель Розенберг Жан-Поль Сартр. Среди миллионов американцев, возмущенных варварской казнью Этель и Юлиуса Розенберг, был и никому тогда не известный школьник Ли Харви Освальд.

Мертвый сезон: Рудольф Абель против США

Вильям Генрихович Фишер родился 11 июля 1903 года в городе Ньюкасл-апон-Тайн в Великобритании в семье марксистов-политэмигрантов, высланных из России в 1901 году за революционную деятельность. Отец Абеля – Генрих Матвеевич Фишер, уроженец Ярославской губернии, из семьи российских немцев, активный участник революционной деятельности, неоднократно встречался с Лениным и Г.М. Кржижановским, свободно владел немецким, английским и французским языками.

Генрих Фишер (этнический немец), как и Владимир Ульянов, стоял у истоков организованного марксистского движения в России. Уже в 1896 году отец Вильяма был арестован в Санкт-Петербурге за революционную агитацию и приговорен к трем годам ссылки. В 1901 году он был вынужден эмигрировать в Великобританию, чтобы избежать тюремного заключения за отказ от воинской службы. В Англии Генрих Фишер принимал участие в нелегальной доставке в Россию оружия.

Мать Любовь Фишер – уроженка Саратова, также участвовала в революционном движении. Был назван родителями в честь Шекспира. Вильям был вторым ребенком в семье (старшего брата звали Генри). С детства будущий советский разведчик проявлял особый интерес к естественным наукам, а также играл на пианино, мандолине и гитаре, много рисовал (делал наброски знакомых, писал натюрморты). Родители всячески поощряли склонность Вильяма к музыке, организовав для него уроки фортепиано. В это же время Вильям увлекся радио, что потом и определило его жизненный путь.

В 15 лет Вильям устроился учеником чертежника на судостроительном заводе. В 1920 году он успешно сдал экзамен в Лондонский университет, однако у него не было денег на учебу и с образованием пришлось закончить.

В 1920 году семья Фишеров возвратилась в Россию и приняла советское гражданство, не отказавшись от английского, и вместе с семьями других видных революционеров одно время жила на территории Кремля. Вильям по приезду в СССР первое время работал переводчиком в Исполкоме Коминтерна (он свободно владел английским, немецким, польским и идиш). Затем в 1924 году он поступил на индийское отделение

Института востоковедения в Москве и успешно закончил первый курс^[180].

В 1925 году Вильям был призван в РККА в 1-й радиотелеграфный полк Московского военного округа, где получил специальность радиста. Имея природную склонность к технике, стал очень хорошим радистом. После демобилизации работал в НИИ ВВС РККА радиотехником. 7 апреля 1927 года Вильям женился на выпускнице Московской консерватории арфистке Елене Лебедевой. Впоследствии Елена стала профессиональным музыкантом. В 1929 году у Фишеров родилась дочь Эвелин.

На службу в иностранный отдел (ИНО) ОГПУ Вильям Фишер поступил 2 мая 1927 года по рекомендации старшей сестры его жены Серафимы Лебедевой, работавшей там переводчицей. В ОГПУ ему сменили имя и фамилию (Вильям Август Фишер) на более «русские» – Вильям Генрихович Фишер.

В центральном аппарате разведки Вильям работал сначала переводчиком (по английскому направлению), затем – радистом.

В 1930 году Вильям Фишер обратился в британское посольство за разрешением вернуться в Англию, которое было получено. Получив британский паспорт, работал по линии нелегальной разведки (но под своим настоящим именем), исполняя одновременно обязанности радиста резидентур в Норвегии в 1930–1935 годах и в Великобритании в 1935–1937 годах. В Великобритании Фишеру пришлось выполнять поручение склонить к возвращению в СССР физика Петра Капицу, что ему удалось.

Был отозван из Англии после бегства в США резидента НКВД в Испании Александра Орлова (1938 год).

31 декабря 1938 года формально «по сокращению штатов» Фишер был уволен из НКВД (из-за недоверия Берии к кадрам, работавшим с «врагами народа»)^[181] в звании лейтенанта госбезопасности (соответствовало армейскому званию майора) и работал некоторое время во Всесоюзной торговой палате, а затем на авиационном заводе. Неоднократно обращался с рапортами о восстановлении его в разведке. Обращался к другу отца, тогдашнему секретарю ЦК ВКП(б) Андрееву.

С сентября 1941 года вновь был принят на службу в НКВД, в подразделение, курировавшее партизанскую войну в тылу вермахта. Фишер готовил радистов для партизанских отрядов и разведывательных групп, засылаемых в оккупированные Германией страны. В этот период он познакомился и работал вместе с Рудольфом Абелем, именем и биографией которого он позднее воспользовался^[182]. В звании старшего оперуполномоченного, заместителя начальника отделения Четвертого

управления НКВД – НКГБ Фишер отвечал за радиотехническое обеспечение связи с зафронтовыми резидентурами на оккупированной противником территории Украины и Белоруссии.

Под руководством Павла Судоплатова Абель принял активное участие в знаменитой впоследствии радиоигре с немцами (операция «Березино»). В августе – октябре 1944 года в ходе операции «Березино» переодетый в форму немецкого офицера Вильям Фишер в составе оперативной группы НКГБ под командованием Наума Эйтингона участвовал в захвате и перевербовке немецких диверсантов в белорусских лесах. Судоплатов считал эту операцию самой успешной радиоигрой советской разведки за все время войны.

Результативная работа Вильяма Фишера в 1941–1945 гг. была отмечена орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны». В 1945 году майор госбезопасности Фишер перешел на работу в управление нелегальной разведки. Он стал курировать США, где после бегства Гузенко, предательства Бентли и успехов американцев по линии «Веноны» советская нелегальная разведка фактически прекратила свое существование.

После окончания войны (в 1946 году) было принято решение направить Фишера-Абеля на нелегальную работу в США, в частности, для получения информации от источников, работающих на ядерных объектах. В Москве сделали правильный вывод о том, что после начала массовой антисоветской истерии в США советским разведчикам под крышей официальных дипломатических работников будет трудно поддерживать контакты с источниками среди американских граждан. ФБР не только следило за всеми сотрудниками советских дипломатических учреждений в США, но и перлюстрировало всю почту советского посольства. Поэтому контакт отныне должен был осуществляться через нелегала Фишера-Абеля.

Агентами-связниками для Фишера были выделены супруги Коэн.

Поначалу Абель должен был осуществлять связь с Центром через посылку написанных тайными чернилами на обычных письмах и открытках сообщений. Затем, после окончательной легализации в США, он должен был наладить радиосвязь (по крайней мере прием радиосообщений Центра).

В то время советская разведка называлась Комитетом по информации, и руководил ею второй человек в партийно-государственной иерархии СССР – Вячеслав Молотов. Он лично принял Абеля перед отъездом за океан.

12 октября 1948 года Фишер по советскому паспорту отбыл в Варшаву. Оттуда уже по американскому паспорту он проследовал через Чехословакию и Швейцарию в Париж. Во французскую столицу из Берна приехал уже не Фишер, а Андрей (Андрис) Юрьевич Каютис, американский гражданин, родившийся 10 октября 1895 года в деревне Скальду Дегучаеввской волости Зарасайкого уезда Литовской ССР^[183]. Центр решил из-за разумной (но, как оказалось, излишней) предосторожности перебросить «Каютиса» сначала в Канаду, а уже оттуда – в США.

Настоящий Каютис приехал в Литву из Америки навестить родственников, но заболел и умер^[184]. Так в руках советской разведки оказались его настоящие документы.

27 октября 1948 года Каютис приобрел билет на пароход «Скифия» и заполнил анкету американских иммиграционных властей. Корабль был битком набит «перемещенными лицами», среди которых были русские, украинцы, румыны, поляки, евреи, латыши, литовцы, венгры. «Каютис» вел себя тихо, в попойках и азартных играх не участвовал, предпочитая прогуливаться по палубе, читать и разгадывать кроссворды.

14 ноября 1948 года Абель (агент «Марк») прибыл в Канаду и в этот же день переехал в Монреаль. Согласно директиве Центра он должен был спрятать паспорт Каютиса и извлечь из специального контейнера новый американский паспорт: туриста, никогда не бывавшего в Европе. В Москве опасались жесткого иммиграционного контроля на американо-канадской границе. Однако Абель видел, что иммиграционный контроль на судне и в порту был весьма поверхностным, и решил рискнуть. Тем более, что его иммиграционная карточка (на имя Каютиса) уже была проверена и заверена чиновниками иммиграционной службы США. Предупредив Центр шифрованным письмом, Марк купил билет Монреаль – Нью-Йорк в вагон третьего класса. На границе, как и предполагал Абель, контроль был беглым. В Нью-Йорке «Каютис» по телефону снял номер в гостинце «Таймс-сквер» и... исчез. Вместо него в отель прибыл уже гражданин США, «свободный художник», Эмиль Роберт Гольдфус, родившийся 2 августа 1902 года в семье немца-малыра. В город «большого яблока» Гольдфус прибыл с Запада США в поисках лучшей доли. В Европе он никогда не бывал.

Настоящий Гольдфус родился 2 августа 1902 года и умер через несколько месяцев после рождения. Так что его свидетельство о рождении было подлинным. Помимо фамилии «Гольдфус» Фишер использовал и имя

Мартина Коллинза. Но именно такого «Коллинза» на свете никогда не было, и свидетельство о его рождении было поддельным.

Почти три недели «Гольдфус» подыскивал себе квартиру. Вариант снять номер в гостинице на длительный срок отпал, так как в отелях требовали дополнительные документы типа банковских и иных рекомендаций о платежеспособности клиента. Снять частную квартиру тоже было отнюдь не просто – некоторые хозяева оказались слишком любопытными. Посетив около 40 адресов, Фишер все же сделал выбор.

Эпопея с квартирой показала, в частности, что многие американцы не очень-то доверяют такой легкомысленной профессии, как «свободный художник». Поэтому Абель стал «изобретателем», что для американцев звучало куда более солидно. На случай обыска или излишнего любопытства хозяев «Марк» разложил на своем письменном столе чертежи, чертежную доску, наброски неких приборов, готовальню и линейки.

«Подъемные» средста «Марку» 26 ноября 1948 года передал другой выдающийся советский разведчик-нелегал «Макс» (он же «Артур»). Под этим псевдонимом скрывался Иосиф Ромуальдович Григулевич. Помимо денег (тысяча долларов) «Макс» вручил «Марку» поддельную карточку воинского учета (тогда в Америке существовала воинская повинность) и столь же ненастоящую карточку налогового учета. В «обмен» «Макс» забрал все документы «Каютиса».

По совету сына хозяев Гольдфус приобрел мощный коротковолновый радиоприемник «Националь» и с очередным письмом сообщил в Центр свои координаты, диапазон волн радиоприемника и выразил готовность ждать передачи Москвы на определенной волне в пятницу и понедельник. Спустя три недели «Марк» после мелодии своего позывного LMP принял первую шифрованную радиограмму: «Дорогой друг. Сердечно поздравляем прибытием. Нетерпением ждем подробный отчет. Дома у Вас все нормально. От всех большой привет. Крепко обнимаем. Центр»^[185].

30 мая 1949 года «Марк» решил все организационные вопросы и должен в Центр о готовности приступить к работе («аспирантуру закончил»). Работа заключалась в поддержании постоянной связи с группой «Волонтеры» через «Луиса» и его жену «Лесли» (супруги Коэн). Главным источником «Волонтеров» был Тед Холл («Млад»), работавший в Лос-Аламосе. Позднее к «Младу» прибавились физики-ядерщики «Аден» и «Серб».

Центр так инструктировал Абеля: «Разрешаем приступить к работе с Волонтерами. В Вашем лице они должны найти старшего оперативного

руководителя и политического воспитателя. Выражаем уверенность, с этой задачей Вы справитесь с честью. В день Вашего рождения просим выйти на встречу с представителем Центра»^[186].

11 июля 1949 года, в день своего 46-летия, «Марк» встретился со старшим лейтенантом Соколовым («Клод»). Через пару дней «Клод» сообщил «Лесли» (Леонтина Коэн), что теперь ее связным будет «Марк».

Первая встреча «Марка» и «Лесли» состоялась так. Леонтина Коэн после проверки насчет «хвоста» появилась у кинотеатра «Элмвуд». В правой руке у нее была черная сумочка с золотой отделкой, служившая опознавательным знаком. Посмотрев афиши, «Лесли» прошла к станции подземки «Вудхевен Бульвар», а затем в сквер на Лексингтон-авеню. «Марк» сидел на скамейке и наблюдал за Леонтиной. Проверившись таким образом, «Лесли» и «Марк» встретились в зоопарке в Бронксе у вольера с обезьянами. Место было людное, хотя нервничавшей Леонтине не понравилось, что за их встречей наблюдают... шимпанзе.

Абель произнес пароль: «Хорошенькая женщина с сердитым лицом, очевидно, ждет Джона?» Последовал отзыв: «Да, я жду Джона». «Я его брат. Он не может прийти сегодня и поэтому прислал меня предупредить вас об этом». «О, проклятый Джон! Опять он разочаровал меня!» После этого «Лесли» протянула «Марку» для опознания свою сумочку с золотой отделкой. Это было лишнее – ведь Абель уже «считал» сигнал, когда следил за Леонтиной в сквере.

«Луиса» и «Лесли» вместе «Марк» встретил у клеток с птицами все в том же зоопарке.

В Центр ушло сообщение Абея: «Мною установлен контакт с Лесли и Луисом. Оба производят хорошее впечатление. Они любят, как я убедился, нашу работу, идейно преданы нам. Работать с ними будет легко. Луис достаточно опытен, серьезен, вдумчив, интеллигентен и образован. Лесли – смелая, находчивая женщина. Неплохо владеет собой в любых обстоятельствах. Ее недостаток в том, что она не любит вникать в мелочи и, по-моему, стремится упрощать конспирацию.

В последующих встречах с ними особое внимание будет обращено на строгое соблюдение конспиративного поведения при передаче информации, а также на освоение фотодела и подготовку к проведению тайниковых операций.

Получаемые мною материалы будут направляться в Центр через Полинезию»^[187].

«Луис» и «Лесли» передавали «Марку» сведения либо при личных

встречах, либо через тайники. Сам Абель передавал Коэнам задания Центра, написанные невидимыми чернилами на тонких листках бумаги. При проглаживании утюгом на бумаге проступали буквы. После прочтения инструкцию полагалось немедленно сжечь.

За успешную легализацию в США (которая была особенно ценной на фоне предыдущих провалов) Фишер 19 августа 1949 года был награжден орденом Красного Знамени. 20 декабря 1949 года (в День работников органов госбезопасности) ему присвоили звание полковника.

Одиноким пожилой мужчина Гольдфус вел тихий и скромный образ жизни. От изобретений он перешел к живописи и фотографии. В 1950 году Гольдфус переехал в район Риверсайд Драйв и открыл мастерскую по изготовлению увеличенных репродукций с цветных диапозитивов. Он хотел выпустить несколько открыток с видами Нью-Йорка и вел переговоры с некоторыми художниками об использовании для этого их картин. Понадобилось большее помещение, и Гольдфус переехал на Фултон-стрит 252.

«Марк» был человеком очень выдержанным и стремился заранее просчитывать любые возможные варианты развития событий, даже если речь шла о бытовых мелочах. Позднее (в 1966 году) Абель так описывал свое понимание разведки: «Разведка – это не приключенчество, не какое-либо трюкачество, не увлекательные поездки за границу, а прежде всего, кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства, выдержки, воли, серьезных знаний и большого мастерства»^[188].

Напряжения хватало. В 1950 году ФБР арестовало супругов Розенберг, на связи с которыми была Леонтина Коэн. Примерно в это же время в Великобритании задержали и Клауса Фукса. В случае провала «Лесли» опасность угрожала и «Марку». Коэнов срочно переправили в Мексику, а оттуда – в Москву.

Розенберги ничего не сказали ФБР про «Марка», и он мог продолжать свою работу.

Между тем в Центре решили направить в помощь Абелю радиста, для того чтобы более оперативно получать от «Марка» информацию.

Рейно Хейханен («Виктор», «Вик»), карел по национальности, родился в крестьянской семье под Петроградом в 1920 году. Он получил профессию учителя, но после начала в 1939 году советско-финской войны по путевке комсомола был направлен в НКВД, где сначала работал переводчиком с финского. Став одним из главных специалистов НКВД по «финскому вопросу», Хейханен в 1943 году был принят в ряды ВКП(б).

В 1948 году его отозвали в Москву, где он стал изучать английский,

фотодело и методы шифрования. Подполковника Хейханена готовили к нелегальной работе в США. Летом 1949 года он был направлен в Финляндию по документам американского гражданина финского происхождения Юджина (Евгения) Николаи Мяки. Настоящий Мяки родился в 1919 году в США и в 1928 году с родителями из штата Айдахо переехал в Эстонию. Перед отъездом в Финляндию Хейханена направили в Эстонию, где он получил оригинальное американское свидетельство о рождении Мяки.

3 июля 1951 года «Мяки», проживавший в финском городе Турку, явился в посольство США в Хельсинки и предъявил «свое» свидетельство о рождении, выданное в Айдахо. Затем в присутствии вице-консула США он сделал следующее заявление под присягой: «Я сопровождал свою мать в Эстонию, когда мне было девять лет, и жил с ней до ее смерти в 1941 году. Я уехал из Эстонии в Финляндию в июне 1943 года и жил там с тех пор потому, что у меня не было денег для переезда в Соединенные Штаты»^[189]. Мяки просил выдать ему американский паспорт, что и было сделано 28 июля 1952 года.

16 октября 1952 года «Мяки» отплыл в США из Саутгемптона на борту лайнера «Квин Мэри».

21 октября 1952 года «Вик» прибыл в США и обосновался в штате Нью-Джерси вблизи Нью-Йорка. Теперь он должен был выйти на связь со своим резидентом, известным ему как «Михаил». Для этого «Вик» следовало прийти в Центральный парк Нью-Йорка и найти там рядом с таверной указатель «Конные повозки». На древко указателя Хейханен должен был прикрепить красную кнопку и тем самым дать знать «Михаилу» о своем прибытии. Если «Вик» чувствовал за собой слежку, то прикрепить следовало белую кнопку.

Позднее ФБР идентифицировало «Михаила» как советского дипломата Михаила Николаевича Свирина, неоднократно работавшего в США под дипломатическим прикрытием с 1939 по 1956 год. Ко времени прибытия «Вика» в США Свирин работал первым секретарем представительства СССР при ООН в Нью-Йорке (с августа 1952 по начало 1954 года). Связь «Вик» и «Михаил» обычно поддерживали через тайники («мертвые почтовые ящики»).

Личные встречи осуществлялись по необходимости в местах, удаленных от квартиры Абея. Обычно это была станция метро «Прспект Парк». Там же был и один из тайников – дырка в бетонной ступеньке. Туда закладывали полый болт, содержащий информацию. Когда ФБР обнаружило этот болт в 1957 году, выяснилось, что в нем находилось

сообщение двухгодичной давности. Просто рабочие-ремонтники замуровали дырку в ступеньке вместе с контейнером. Помимо болта «Вика» в Москве снабдили полыми монетами, батарейками, карандашами и ручками. Некоторые из этих контейнеров были намагничены и могли держаться на вертикальной металлической поверхности.

После «Михаила» «Вик» перешел на связь к «Марку».

Их первая встреча состоялась в конце лета 1954 года в кинотеатре на Лонг-Айленде. В качестве сигнала для опознания «Марком» «Вик» надел галстук в синюю и красную полоску и курил трубку. После этого встречи проходили в том же «Проспект Парке» и на оживленных улицах Нью-Йорка. Вместе «Марк» и «Вик» ездили в Филадельфию, Атлантик-сити, Олбани и некоторые другие города на атлантическом побережье США.

По рекомендации «Марка» он снял помещение для фотолаборатории. Практичный Абель порекомендовал ему заняться цветной фотографией – спрос на качественные снимки в США сильно вырос. «Марк» снабдил помощника необходимой для начала бизнеса аппаратурой – увеличителем, печатными рамами, фильтрами и т. д.

Таким образом, «Вик» поначалу и не знал, где живет «Марк». Хейханену было лишь известно, что резидент – полковник, живет в Нью-Йорке под видом американца, занимающегося живописью и цветной фотографией. Ни легализационных данных, ни настоящего имени, ни адреса «Марка» «Вик» не знал, да и знать ему было это не положено.

Но однажды врожденная осторожность все же покинула Абеля. Во время одной из встреч Хейханен попросил передать ему некоторые фотоматериалы. «Марк» привел его в расположение своего дома в Бруклине и попросил подождать минут пятнадцать. Таким образом, «Вик» понял, где примерно живет «Марк». Абель и не предполагал тогда, что эта неосмотрительность будет означать для него провал.

Кроме примерного района, где проживал «Марк», Хейханен знал, что тот был полковником советской разведки и приехал в США в 1948 или 1949 году нелегально через канадскую границу.

Вскоре после приезда в США Хейханен, что называется, поддался «скромному обаянию буржуазии». Он пристрастился к спиртному, для чего ему требовалось все больше и больше денег. Настал момент, когда он начал тратить на выпивку средства резидентуры. Пьянство приводило к скандалам «Вика» с женой-финкой Ханной^[190], и соседи вызывали полицию. Самого Рейно несколько раз доставляли пьяным в полицию, а однажды он даже потерял «контейнер» – монетку, внутри которой хранилась микроточка (1 кадр микроплёнки).

Видимо, «Вик» использовал монету для покупки газеты или как жетон в метро. Последующие семь месяцев этот контейнер путешествовал по Нью-Йорку, меняя хозяев. В конце концов 22 июня 1953 года монету в 5 центов («никель», как ее называли американцы)^[191] получил за свои услуги 13-летний парнишка-газетчик. Она случайно упала и раскрылась. Парень рассказал о странной монете своей подруге, дочери офицера полиции. Тот проинформировал ФБР. В слове «TRUST» на монете агенты ФБР обнаружили в букве R микроскопическую дырочку. Если вставить туда иголку, то можно было открыть монету. К тому же монета оказалась составной. Аверс был нормальным «никелем» образца 1948 года, а реверс – образца 1942–1945 гг. Тогда, в военное время, никель шел на оборонные нужды и монеты делали из серебряного сплава.

Люди Гувера с 1953 по 1957 год безуспешно пытались расшифровать микропленку или вычислить владельца монеты. Агенты ФБР буквально завалили штаб-квартиру в Вашингтоне разными полыми монетами. Как ни странно, таковых в Америке водилось много. Их часто использовали для своих «сеансов» всяческие экстрасенсы, медиумы и обычные фокусники.

Шифрованное сообщение (колонки цифр) на микропленке было отпечатано на машинке иностранного образца, но ФБР так и не смогло ее отыскать.

Забегая вперед, скажем, что текст шифровки в монете стал известен ФБР только 3 июня 1957 года, уже после предательства Хейханена. «Вику» и было адресовано сообщение Центра в «никеле»:

«1. Мы поздравляем Вас с успешным прибытием. Мы подтверждаем получение Вашего сообщения на адрес V, повторяем V и прочтение письма номер 1.

2. Для организации прикрытия мы дали указание передать Вам три тысячи в местной валюте. Перед тем как тратить их в любой бизнес, проконсультируйтесь с нами.

3. По Вашей просьбе мы передадим инструкции по подготовке мягкой пленки... вместе с письмом Вашей матери....»^[192]

Между тем «Вик» присвоил 5000 долларов, которые предназначались для передачи Элен Собелл – жене Нортон Собелла, осужденного по делу Розенбергов. Получив от «Марка» деньги, Хейханен присвоил их, сказав Фишеру, что передал указанную сумму Элен и велел тратить их разумно.

Да и с Центром «Вик» работал, мягко говоря, с прохладцей. За пять лет пребывания в Америке он отправил в Москву 30 сообщений и принял 25.

Абель понял, что «Вик» превратился в реальную опасность, и попросил Москву отозвать помощника.

Отбросить коммунизм в Азии: «Дес» за работой

Пока Визнер безуспешно пытался досадить «красным» на Украине и в Албании, эти самые красные в Китае при поддержке Советского Союза в пух и прах разбили гоминьдановские войска «генералиссимуса» Чан Кайши, и 1 октября 1949 года в Пекине была торжественно провозглашена Китайская Народная Республика (КНР). Самый большой народ на Земле решил пойти путем социализма. Остатки деморализованных гоминьдановских войск укрылись на острове Тайвань, и коммунисты не смогли добить их там лишь потому, что Тайвань контролировался американским флотом.

В США правые (особенно республиканцы) подняли мощную шумиху о «потере Китая». Ведь Америка просто завалила Чан Кайши военным снаряжением, и тем не менее гоминьдановцы были наголову разбиты. Для антикоммунистов в Америке типа Никсона и Маккарти было все ясно – Китай «предали» коммунистические агенты в американском правительстве. В США началась мощная «охота на ведьм», хотя на самом деле «охотники» приступили к делу гораздо раньше.

Не успели правые обнаружить красных и «розовых» (то есть симпатизировавших коммунистам) агентов в госдепартаменте, как в июне 1950 года началась война в Корее. Корейская народная армия перешла границу и легко разметала южнокорейские войска. Народ Южной Кореи встречал северян как освободителей. Только ввод американских войска на Корейский полуостров предотвратил полный разгром проамериканского марионеточного режима.

ЦРУ, искавшее мифические следы советских военных приготовлений в Европе, никоим образом не смогло предупредить администрацию Трумэна о назревавшем противостоянии в Корее. 19 июня 1950 года американская разведка «предупредила» Белый дом о том, что «северокорейские вооруженные силы... имеют возможность достижения ограниченных целей в краткосрочной военной операции против Южной Кореи, включая занятие Сеула»^[193]. Сеул находился рядом с демаркационной линией (38-я параллель) – то есть ЦРУ полагало, что армия КНДР вряд ли сможет продвинуться на юг более, чем на 50 километров.

Этот позорный провал разведки только укрепил Трумэна в мысли, что налогоплательщики США зря тратят солидные средства на «американское гестапо».

После начала войны в Корее Трумэн отправил директора ЦРУ Хилленкоттера в отставку и назначил новым главой разведки типичного армейского генерала Беделла Смита, которого Черчилль уважительно называл «американским бульдогом».

Беделл Смит родился на периферии, в Индианополисе, в 1895 году в семье мелкого торговца шелком и престижных университетов не кончал. В 1910 году он окончил среднюю школу, после чего записался в национальную гвардию штата Индиана. Позднее прослушал краткий курс Бутлеровского университета. После вступления США в Первую мировую войну Беделл Смит принимал участие в боевых действиях на территории Франции в качестве пехотинца 4-й американской дивизии. 27 ноября 1917 года, перед отправкой на фронт во Францию, он был произведен в офицеры. В июле 1918 года был ранен осколком снаряда. Из-за ранения его вернули в США, где Беделл Смит попал в военную разведку. Все межвоенное время Беделл Смит провел на преподавательских и инструкторских должностях в училищах сухопутных войск. Он медленно продвигался по службе и 1 января 1939 года стал всего лишь майором.

Когда после начала Второй мировой войны Джорджа Маршалла назначили начальником Генерального штаба, он привез с собой в Вашингтон Беделла Смита в качестве своего помощника. На момент вступления Соединенных Штатов во Вторую мировую войну бывший заштатный майор был уже секретарем Генерального штаба армии США, бригадным генералом.

С сентября 1942 года он – начальник штаба при генерал-лейтенанте Эйзенхауэре. Оставался Беделл Смит начальником штаба Эйзенхауэра и после назначения последнего на должность Верховного главнокомандующего войсками союзников в Европе. В сентябре 1943 года он вел переговоры о капитуляции итальянских войск, в мае 1945 года – о капитуляции германского вермахта. 7 мая 1945 года от имени союзного командования подписал в Реймсе Акт о безоговорочной капитуляции Германии (который был по требованию СССР повторен 8 мая в Берлине). Был награжден советским орденом Кутузова 1-й степени.

С марта 1946 по декабрь 1948 год Беделл Смит занимал должность посла США в Советском Союзе. Причем Трумэн попросил конгресс в виде исключения оставить Смита и на действительной военной службе, сохранив ему звание генерал-майора. Дипломатом генерал был плохим –

ему не хватало гибкости, зато через край было упрямства и спеси. Вернулся он законченным врагом «Советов», которые, по его мнению, только и мечтали, как бы измотать и разрушить США. Трумэн предложил Беделлу Смиту пост заместителя госсекретаря по европейским делам, но генерал предпочел остаться на военной службе. Он командовал 1-й армией в Нью-Йорке – это была первая командная должность кабинетного офицера Беделла Смита в войсках с 1918 года.

Про Беделла («Битла») Смита говорили, что у него ровный характер – он всегда одинаково злой. В 1950 году, когда генералу удалили часть желудка, его повседневное недовольство и раздражительность стали еще более ярковыраженными.

Смиту было поручено навести армейский порядок в ЦРУ, которое на тот момент существовало организационно только на бумаге и напоминало в реальности двуглавого орла.

Подрывными операциями в самом ЦРУ занимался Офис специальных операций (OSO), но с ним активно соперничало квазиведомство Визнера – Офис политической координации (ОПС). Хотя формально Визнер «проходил» по разведывательному ведомству, на самом деле он действовал фактически бесконтрольно и посвящал свои недюжинные усилия всяким бредовым проектам, не дававшим серьезной отдачи. Своих конкурентов из OSO Визнер презрительно именовал группой старых прачек, обменивавшихся слухами столетней давности во время стирки. Хилленкоттера Визнер «дружески» называл (естественно, за глаза) «приятным легковесом». Люди из ЦРУ платили Визнеру взаимностью, считая его незрелым и ментально нестабильным авантюристом (что было очень недалеко от истины).

Генерал Беделл Смит сразу расставил все точки над *i*. Он вызвал Визнера и в приказном тоне заявил тому: «Визнер! Отныне вы работаете на меня!»^[194] В отличие от самого Визнера и его «чудаков» с Уолл-стрит Беделл Смит происходил из не очень богатой семьи и ненавидел привилегии, равно как и таких вот богатеньких сынков, как Визнер. Новый директор ЦРУ лично проинспектировал парковку перед штаб-квартирой разведки и был до крайности возмущен: его оперативники ездили на дешевых машинах типа «шевроле» и «форд», а довольные жизнью «визнеровцы» запрыгивали на сиденья «ягуаров».

Между ОПС Визнера (подрывные операции) и OSO ЦРУ (разведка) существовала устойчивая взаимная неприязнь.

Генерал во главе ЦРУ сразу же выстроил типичную для армии «цепь командования», то есть строгую иерархию. Визнер был возмущен, узнав,

что отныне будет подчиняться даже не директору ЦРУ и не его заместителю (Беделл Смит учредил эту должность), а «заместителю директора по планированию» (Deputy Director/Plans; DD/P). За этой внешне звучащей бюрократично должностью скрывался человек, отныне отвечавший в ЦРУ за все подрывные операции. То есть именно за то, чем до 1950 года безраздельно управлял Визнер.

Визнеру немного полегчало, когда он узнал, кто конкретно будет его начальниками. Заместителем директора стал Уильям Гардинг Джексон, юрист с Уолл-стрит и соратник Даллеса по комиссии, исследовавшей работу ЦРУ. А главным по саботажу и диверсиям в ЦРУ стал не кто иной, как сам «шпион века» – Аллен Даллес. Кропотливый самопиар наконец-то дал свои плоды: многие в американском истеблишменте всерьез полагали, что главным «спецом» по разведке в Америке является только и исключительно Даллес. На пост директора ЦРУ Даллеса не рассматривали лишь потому, что его административное разгильдяйство и отвращение к «бумажной работе» были широко известны. Тут требовался штабист-бюрократ типа Беделла Смита.

Даллес не намеревался в чем-то ограничивать буйную фантазию Визнера (ведь он и сам по натуре был авантюристом, хотя и респектабельно выглядевшим), но после начала корейской войны от ЦРУ все-же требовали не только бесшабашных и эффектных проектов, но и конкретных результатов. К тому же центр тяжести работы разведки решили перенести в Азию, где «коммунизм» находился, как полагали в Вашингтоне, в процессе бурного наступления. «Красных» надо было срочно остановить, а по возможности и отбросить.

Визнера Азия мало интересовала, и он немедленно нашел себе главного помощника по азиатским делам.

Десмонд Фитцджеральд родился в 1910 году и окончил Гарвард – то есть принадлежал к тем же самым «сливкам» общества, что и Визнер. Последовала хрестоматийная карьера преуспевающего юриста на Уолл-стрит, но «Фитца» или «Деса» влекло к приключениям, особенно в дальних уголках планеты. Он много читал английской литературы и восхищался имперскими британцами, которые несли просвещение и культуру отсталым туземцам по всему миру. Чего стоил великий Лоуренс Аравийский, взбунтовавший против турок целый Аравийский полуостров! Вот что значило интеллектуальное превосходство белого человека над остальными расами!

После Перл-Харбора «Дес» записался в армию, причем рядовым, хотя со своими связями мог бы выхлопотать себе должнсть и повыше. Но его

сослуживцы потрясли романтика-авантюриста полным отсутствием воображения и желанием служить родине за океаном. В письмах жене «Дес» называл их самыми тупым из людей, которых он доселе видел^[195]. Потом стало еще хуже – как юриста Фитцжеральда определили помощником к полковнику из военной юстиции, и он с отвращением изучал тонкости военного права.

Затем «Деса» произвели в офицеры и дали под командование целый взвод... негров. Письма супруге стали изобиловать выражениями типа «буги», «джигабу» (самое мягкое ругательство белых в отношении афроамериканцев), «смуглые болваны» (dusky dopes) Как и все выходцы из верхних слоев американского общества, Фитцжеральд не считал потомков бывших рабов полноценными людьми.

Наконец после года мучений с «болванами» в алабамской жаре «Деса» в августе 1943 года отправили за границу – в Бирму. По случаю получения приказа будущий спец ЦРУ по Азии на радостях дико напился, о чем с гордостью написал жене.

В Бирме американцы занимались своим любимым делом – воевали чужими руками. Американский генерал Стилуэлл (по кличке «Уксусный Джо») пытался вооружить и оснастить гоминьдановские войска, чтобы те отбили Бирму у японцев. «Десу» пришлось жить в джунглях и даже обходиться без горячей ванны. Но зато долгожданных приключений было хоть отбавляй – позднее Фитцжеральд клялся, что ел мозги обезьяны и они ему очень понравились. Кроме того, он обсуждал со своим китайскими подопечными, как отпугнуть от их воинства злых духов. Курил «Дес» и опиум, с отвращением слушая китайскую музыку.

Гоминьдановцы охотно принимали от американцев оружие и еще более охотно – продовольствие и форму (их можно было продать на рынке). Только вот никакого желания наступать они при этом не испытывали. «Дес» лишний раз убедился в том, что туземцы ни на что не способны – разве только под мудрым руководством белого человека.

Когда «Деса» отметили «Бронзовой звездой» (мягко говоря, не самая почетная награда в армии США), он самокритично отписал жене, что это обычное явление на военном театре, где не совсем понятно, за что американские военные вообще получают жалованье.

Фитцжеральд ничего не преувеличивал. В результате американо-китайской операции «Галахэд» Бирма осталась за японцами. Погибли 93 и были ранены 293 человека на стороне союзников. Еще 503 бойца слегли от дизентерии, 149 – от тифа, 296 – от малярии и 72 – от «психоневроза». Особенно досаждала «белым людям» дизентерия – некоторые американцы

вырезали зад у своих брюк, чтобы не так часто бегать в кусты во время марша.

«Дес» сильно расстроился, когда узнал, что на Японию сброшена атомная бомба, и она капитулировала. Получалось, что одной бомбой можно сделать в 300 раз больше (оценка самого Фитцджеральда), чем всей его американо-китайской «славной» армией.

Как и Визнеру с Даллесом, возвращаться к мирной скучной жизни на Уолл-стрит Фитцджеральду никак не хотелось. Тем более, что, сойдя на берег в Америке, он узнал, что его красавица-жена из богатой семьи полюбила другого (отнюдь не героя) и требует развода. Поначалу «Дес» уговорил супругу пройти курс лечения у терапевта, но бывлой любви к мужу-герою эти сеансы так и не вернули. В 1947 году Мариэтта Фитцджеральд укатила в Неваду, чтобы оформить там свидетельство о расторжении брака. К этому времени она уже любила другого – правда, не мужа, а богатого дипломата-англичанина. Настоящий джентльмен, «Дес» плыл вместе с ним на корабле и так представил счастливчика своему знакомому: «Это человек, за которого собирается замуж моя жена»^[196].

Правда, и «Дес» горевал недолго и тоже женился на англичанке, имевшей маленького ребенка от первого брака с американским летчиком.

Знакомые описывали Фитцджеральда как человека большого ума, но сноба с ледяным сердцем.

Это было как раз то, что и требовалось Визнеру против коммунистов в Азии.

«Дес» и Визнер частенько пересекался в Совете по внешним сношениям, которым заправлял Даллес. Эта «тройка» разделяла общие убеждения относительно американской внешней политики – США должны раз и навсегда покончить с типичным для них ранее изоляционизмом и активно вмешиваться во все, что происходит в мире.

В ноябре 1950 года Фитцджеральд получил письмо от заместителя Визнера полковника Ричарда Стилуэлла: Визнер-де без ума от интеллекта «Деса» и хочет немедленно предложить ему важный пост в своем ведомстве. Фитцджеральд с радостью осознал, что пора приключений в его жизни отнюдь не закончилась.

Визнер поручил «Десу» в рамках Дальневосточного отдела ОРС отвечать за Китай, Корею и всю Юго-Восточную Азию. Поставленные перед Фитцджеральдом задачи не могли присниться Лоуренсу Аравийскому даже в страшном сне. Но Визнер никогда не мелочился – если уж спецоперации, то самые грандиозные.

С помощью этих самых спецопераций следовало всего-навсего

развязать в КНР мощное партизанское движение и свергнуть Мао Цзедуна. На Корейском полуострове надо было усеять весь тыл китайско-северокорейских войск диверсионно-разведывательными группами и тем самым повернуть весь ход войны в нужном американцам направлении. Не забыли и про любимую «Десом» Бирму. Мозги обезьян теперь, правда, есть уже не требовалось.

В Бирму после победы народной революции в Китае бежали из китайской провинции Юньнань разбитые и деморализованные гоминьдановские войска под командованием насквозь коррумпированного генерала Ли Ми (впрочем, некоррумпированных генералов у Чан Кайши и не было). Там гоминьдановцы активно занимались рекетом, издеваясь над местным населением.

Но главное, что привело людей Ли Ми в Бирму – так это опиум. Гоминьдановцы заставляли местных крестьян возделывать мак и затем продавали опий-сырец. Так и возник впоследствии всемирно знаменитый «золотой треугольник» на границах Бирмы, Таиланда и Китая. Визнер и Ричард Стилуэлл об этом прекрасно знали, но только поощряли наркотрафик – так можно было экономить американские бюджетные средства, отпускавшие на подрывную деятельность против КНР. Мало того – средства от наркобизнеса шли на финансирование операций ЦРУ в Юго-Восточной Азии, с целью поддержки антикоммунистических кругов, но не поступали напрямую под контроль ЦРУ, то есть не отражались в бюджете организации.

Фитцджеральд должен был превратить отморожков Ли Ми в боевую силу, бросить их на Южный Китай и отвлечь тем самым китайскую армию с корейского фронта. Так родилась операция «Бумага» («Paper»). Идею полностью поддержал уже изрядно подзабытый газетами «Дикий Билл». Донован говорил, что он-де всегда предупреждал о важности Китая, но его не слушали. Теперь надо ни больше ни меньше, как «истребить китайских коммунистов».

В Бирме, которая только в 1947 году получила независимость от англичан, бушевали межэтнические страсти, и гоминьдановцы там были явно некстати. Еще в июне 1950 года Бирма попросила США оказать давление на Тайвань (где обосновался гоминьдановский режим Чан Кайши), чтобы вывести войска Ли Ми. Дипломатические сотрудники США связались с представителями Гоминьдана, но конструктивного взаимодействия по данному вопросу не произошло. Министр иностранных дел Тайваня Джордж Йо сообщил американскому представителю в Тайбэе Роберту Стронгу, что он-де сделал предложение гоминьдановцам в Бирме

сложить оружие. Но на самом деле Чан Кайши, как и «Дес», хотел на плечах воскресшей «армии» Ли Ми вернуться триумфатором в Китай.

«Битл» Смит был настроен в отношении гоминьдановцев Ли Ми более чем скептически. Как военный, он считал, что многомиллионная и нелюбопытная СССР Народно-освободительная армия Китая (НОАК) даже не почувствует комариных укусов нескольких тысяч боевиков Ли Ми. И уж во всяком случае, не снимет с корейского фронта ни одного солдата. Но в Белом доме были готовы ухватиться за любую соломинку, лишь бы только ослабить давление китайцев на войска генерала Макартура в Корее. Тем более, как цинично объяснял задумку операции «Бумага» Визнер, американские жизни в Бирме в любом случае не пострадают, а туземцев было не жалко.

Фитцджеральда в ЦРУ считали зеленым юнцом с точки зрения разведки, но других специалистов по Бирме не было. Тем более, что «Дес» просто рвался в бой.

К марту 1950 года в Бирме были сосредоточены всего около 1500 гоминьдановцев. Эти силы включали остатки 93-й дивизии и 26-й и 81-й разбитых чанкайшистских армий во главе с генералом Ли Ми. Все они перешли под его командование и стали известны как 93-я дивизия.

Для успеха операции «Paper» американцам была необходима помощь Таиланда. ОРС хотел использовать Таиланд не только как перевалочный пункт для операций снабжения в Бирме, но и в качестве предоставления дипломатического прикрытия: в случае раскрытия чиновников ОРС или других американских должностных лиц можно было отделить деятельность США от деятельности Гоминьдана. Тайский премьер-министр Плаек Пибунсонграм (Пибун) согласился помочь: во-первых, это следовало логике долгой истории тайско-бирманской вражды, во-вторых, Бангкок лелеял надежду, что расположит к себе Вашингтон, и это поспособствует экономическому и военному развитию Таиланда.

В марте 1951 года купленная ЦРУ подставная авиакомпания «Overseas Southeast Asia Supply Company-Sea Supply» сбросила Ли Ми необходимое снаряжение и американских советников. Начальник тайской полиции, генерал Фан Сиянон, организовал крупные учения полиции в северном Таиланде, чтобы обеспечить прикрытия для операции.

Между тем, с помощью набора и прибытия дополнительных беженцев из провинции Юньнань, по состоянию на апрель 1951 года численность войск Ли Ми составила более 4 тысяч человек (хотя и не исключено, что гоминьдановцы, как обычно, занимались очковтирательством, чтобы выудить у американцев побольше помощи).

Гоминьдановцы сначала робко попытались проникнуть в Китай в апреле 1951 года, но были легко выбиты обратно в Бирму. Два раза, в мае и в июне 1951 года, войска Ли Ми опять вторгались в провинцию Юньнань. И опять каждый раз армия КНР контратаковала и заставляла гоминьдановцев отступить в Бирму с тяжелыми потерями. Но вместо того, чтобы прекратить операцию «Рарег», ЦРУ удвоило усилия. Американские инженеры помогли Гоминьдану построить большую взлетно-посадочную полосу в Бирме, тем самым обеспечив транспортным самолетам больше возможностей для поддержки войска Ли Ми. Авиакомпания ЦРУ перебросила на помощь гоминьдановцам 700 бойцов, увозя обратно груз опиума.

Беделл Смит при поддержке госдепартамента вообще хотел закрыть всю операцию, но «Дес» был против. Как и Визнер, он охотно выдавал желаемое за действительное. Якобы рейд Ли Ми имел в КНР огромное «психологическое» значение, и все население материкового Китая вот-вот поднимется против коммунистов. 10 августа 1951 года Фитцджеральд написал в докладной записке, что «антикоммунистический китайский дух на всем Дальнем Востоке получил мощный заряд адреналина»^[197].

Госдепартамент был возмущен «Бумагой» просто потому, что по личному распоряжению Трумэна американских дипломатов не поставили в известность об этой операции. И когда США стали обвинять в заброске диверсионных групп в Бирму, госдеп твердил, что все это измышления коммунистической пропаганды. Даже когда в конце апреля 1951 года посол Великобритании в Бирме Ричард Спайт сказал своему американскому коллеге Дэвиду Ки, что «националисты» Ли Ми получают помощь не только через Таиланд, но и «некоторые американские граждане также вовлечены», госдепартамент полностью это отрицал. Заместитель помощника госсекретаря США по делам Дальнего Востока Ливингстон Мерчант на голубом глазу заявлял, что «правительство Соединенных Штатов не имеет отношения к предоставлению помощи этим силам (гоминьдановцам в Бирме. – *Примечание автора*) и, более того, предпринимает эффективные шаги для устранения действий каких-либо американских граждан, которые также могли быть привлечены к участию в этой компании»^[198].

В ноябре 1951 года Джеффри Уоллингер, британский посол в Таиланде, поднял вопрос об иррегулярных войсках в Бирме с Пибунном. По неизвестным причинам Пибун рассказал все, объясняя, что на него вышла американская разведка и попросила предоставить некоторые

территории для поддержки Ли Ми. Когда Уоллингер выразил неодобрение, простодушный Пибун ответил: «Почему вы удивлены, разве вы не так же заинтересованы в убийстве коммунистов, как я или как американцы?»^[199]

В ярости от того, что собственное правительство не удосужилось проинформировать его о своей реальной политике в Бирме, посол США в этой стране оставил свой пост. Помимо этого, в течение 1950–1951 годов премьер-министр Бирмы У Ну угрожал поднять в ООН проблему, связанную с Ли Ми и его войсками. Соединенные Штаты настойчиво пытались его отговорить.

9 марта 1952 года американский посол в Дели Боулс сообщил, что генеральный секретарь МИД Индии сэр Шанкар Ваджпай озабочен нахождением хорошо оснащенных войск Гоминьдана в Северной Бирме, которые снабжаются США из Таиланда. Ваджпай отметил, что тайваньские государственные силы желают разжечь проблему и втягивают США в конфликт на материковой части Китая. Это может привести к тотальной войне с Китаем при активном участии СССР.

Но «Деса» все эти дипломатические нежности ничуть не волновали.

И все было бы ничего, но в начале 1952 года был нарушен самый главный принцип тайных операций – их тайность. 11 февраля 1952 года влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс» сообщила со ссылкой на свидетелей, что люди Ли Ми хвалятся новехоньким американским оружием. Последовали протесты социалистических стран в ООН, хотя госсекретарь США Дин Ачесон опять отрицал всякое участие Америки в делах Ли Ми.

К лету 1952 года силы гоминьдановцев в Бирме выросли до 12 тысяч человек (хотя и эту цифру стоит поставить под сомнение). Тем не менее «чинатс» (китайские националисты, по жаргону ЦРУ) все-таки перешли в августе 1952 года в генеральное наступление. На сей раз им удалось проникнуть в КНР на глубину до 70 километров. Правда, финал опять повторился – НОАК без проблем выбила гоминьдановцев обратно за границу. Причем в ЦРУ боялись, что китайцы могут во время контр наступления захватить и саму Бирму.

Как и в случае операции ЦРУ с украинскими националистами, авантюра Ли Ми была обречена на провал, потому что непрощенных гостей ждали. Радистом Ли Ми в авиакомпании ЦРУ «Sea Supply» был агент китайской госбезопасности. Он периодически сообщал в КНР данные о дислокации и численности войск Ли Ми.

Вместо того чтобы сдаться и вернуться на Тайвань, гоминьдановские «борцы за свободу» решили угнездиться в восточной Бирме. Они вынудили

бирманских должностных лиц бежать из региона и фактически взяли на себя все управление, образовав государство в государстве. Боевики Ли Ми взяли в жены (а фактически в заложницы) женщин из местных племен, таким образом, укрепив свой контроль. Чтобы заработать деньги, они окончательно подмяли под себя всю местную торговлю опиумом. При помощи бывшего генерала французских колониальных войск Ванг Пао опиум перебрасывался из Бирмы в Таиланд, где обменивался на оружие, которое поставлялось из Тайваня.

К концу 1952 года стало ясно, что Белый дом считает иррегулярные войска Ли Ми не активом, а бременем для США.

Помощник госсекретаря по делам Дальнего Востока Эллисон писал в начале января 1953 года: «Войска Гоминьдана в Бирме рассматривались в свое время как потенциальная ценность: либо как ядро партизанских сил, которые могли бы перейти и работать в Китае, либо как бастион обороны с юга против продвижения коммунистических китайцев в Юго-Восточную Азию. Как прояснили события, нет никаких надежд, что эти войска когда-нибудь перейдут в Китай для партизанской войны против коммунистических сил, или хотя бы вернутся в свои дома»^[200]. По мнению Эллисона, теперь они наносят ущерб интересам США. Они не только имеют меньшее военное значение для демократического мира в качестве поддержки региональной обороны, чем регулярные силы организованной бирманской армии, но и коммунистическая оппозиция в Бирме использует присутствие нерегулярных сил против правительства У Ну.

Самое интересное в том, что фиаско Ли Ми сильно укрепило авторитет Десмонда Фитцжеральда в ЦРУ. Один из сотрудников ЦРУ того времени с сарказмом отмечал позднее: «Ли Ми помог Десу. В те дни, чтобы получить повышение, требовался реальный провал»^[201]. В любом случае ЦРУ могло с гордостью ответить ястребам у себя дома (типа бесноватого и сильно пьющего сенатора Маккарти), что не сидит сложа руки и стремится «вернуть Китай».

С работой против самой КНР дела у «Деса» тоже не клеились. Оперативной базой всей подрывной деятельности против Пекина был, естественно, Тайвань. Гоминьдановская разведка, как и бандеровцы, пичкала ЦРУ сказками о мощном партизанском движении на материковом Китае. Ему-де стоит только немного помочь заброской разведывательно-диверсионных групп, и вспыхнет всенародное антикоммунистическое восстание. Правда, сами гоминьдановцы почему-то не горели желанием вернуться на любимую родину в составе таких групп.

Еще до Фитцджеральда Визнер потерпел в тайной войне против КНР позорное поражение. В 1949 году он послал гоминьдановскому командующему на острове Хайнань крупную сумму, чтобы тот не сдавался коммунистам. Но коммунисты заплатили больше, и Хайнань стал частью КНР.

После начала войны в Корее ведомство Визнера направило на Тайвань более 300 оперативников и инструкторов, а также уйму оружия, радиоаппаратуры, спецснаряжения и т. д. Через подставную фирму ЦРУ «Western Enterprises» на Тайвань перекачали столько денег, что возникли опасения относительно стабильности местной валюты.

Зимой 1949 года Визнер купил у генерала Клэра Ченнолта, близкого к Чан Кайши человека, за 950 тысяч долларов его авиакомпанию «Civil Air Transport» (CAT). Именно эта «гражданская» фирма в течение последующих 20 лет забрасывала в разные страны Восточной Азии агентуру и снаряжение ЦРУ.

На острове люди «Деса» подготовили 8500 партизан для заброски в КНР^[202]. Но перед этим над Китаем сбросили более 75 миллионов листовок, убеждая китайцев подняться на борьбу против Мао Цзедунa. Затем партизаны осуществили 18 рейдов на территорию КНР, которые имели эффект комариных укусов. Одновременно с июля 1950 года гоминьдановцы пугали американцев угрозой вторжения войск КНР на остров и требовали усилить помощь своему непопулярному в народе режиму. Однако даже ЦРУ признавало, что вероятность китайского вторжения на Тайвань равна нулю.

Визнеру в голову в это время пришла очередная из его гениальных идей. Ему пришлось признать, что Чан Кайши в Китае ненавидят, и у него нет никаких шансов вернуть власть. Тогда Визнер решил создать политическую «третью силу» – альтернативу как коммунистам, так и Гоминьдану. Через Гонконг (эту шпионскую биржу слухов Дальнего Востока, сравнимую с любимым Даллесом Берном в годы войны) Визнер получил «надежные» сведения, что «третью силу» поддержат 500 тысяч партизан в материковом Китае. Сведения были надежными лишь в том отношении, что их распространяла китайская госбезопасность.

Но Визнер немедленно отдал указание не жалеть сил и средств для поддержки китайских партизан, готовых встать под знамена «третьей силы».

Помощник Визнера, выпускник Вест-Пойнта полковник Ричард Стилуэлл перевел сумбурные мысли шефа на язык военных приказов: «У меня есть приказ отбросить коммунистов. У меня есть авиакомпания

(имелась в виду САТ. – *Примечание автора*). У меня есть тренировочная база (Тайвань). Вперед!»^[203]

ЦРУ потратило 28 миллионов долларов на подготовку агентуры для заброски в материковый Китай. Первые группы высадили в Маньчжурию, где они должны были совершать теракты, в том числе и против советских летчиков, воевавших в Корее и базировавшихся в северном Китае. Затем самолеты ЦРУ должны были забрать диверсантов, пролетая низко над землей на скорости не более 60 узлов в час (под самолетом на двух опорах был прикреплен трос, который должен был с помощью крюка зацепить агента в специальном мешке).

29 ноября 1952 года выпускник Йельского университета 1951 года (тоже любитель приключений) Джон Дауни и оперативник ЦРУ Ричард Фекто отправились на самолете С-47 в Маньчжурию.

Но к тому времени диверсионная группа уже была захвачена китайцами и выдала всю информацию. Радиограмму ЦРУ от 20 ноября, в которой сообщалось о дате прилета С-47, принимали уже в китайской госбезопасности^[204]. Когда примерно в полночь самолет появился над заданным районом, с земли был получен установленный сигнал готовности. В свете луны были видны 4–5 человек, один из которых уже был в мешке. С-47 снизился, и тут неожиданно в сторону были отброшены два белых полотна, маскировавшие зенитки (на земле лежал снег). Сильный зенитный огонь повредил двигатели, и самолету пришлось совершить вынужденную посадку, во время которой погибли пилоты.

В 1953 году ЦРУ во внутренних документах признало «возможную смерть» Дауни и Фекто, но в 1954 году в КНР объявили, что агенты живы и отбывают срок за шпионаж.

Следующие 20 лет своей жизни Дауни и Фекто провели в не самой комфортабельной китайской тюрьме. Фекто вышел на свободу в декабре 1971 года, Дауни – на 15 месяцев позже.

В целом операция «Третья сила» принесла Визнеру уже знакомый результат – полный провал. Из 212 сброшенных в 1951–1953 гг. над территорией КНР агентов 101 был убит на земле разгневанными китайскими крестьянами, а 111 попали в плен^[205]. 152 миллиона долларов, затраченных ЦРУ на эту операцию, были выброшены на ветер.

У операции по организации партизанского движения в Северной Корее была примерно такая же грустная судьба. Здесь фиаско возглавил Ханс Тофте^[206], ветеран УСС и глава резидентуры ЦРУ в Японии. Тофте быстро передал в Вашингтон целый фильм, показывавший высадку с моря его

«коммандос» в северокорейском тылу. Визнеру фильм понравился, и он решил немедленно показать его в Пентагоне. Ведь до сих пор американские военные (особенно Макартур) презрительно относились к роли ЦРУ в корейской войне. Теперь наконец-то можно было предъявить «товар лицом». Правда, помощник Визнера заметил, что диверсанты высаживаются во вражеском тылу почему-то среди бела дня. Зачем так безрассудно рисковать жизнями агентов? Получив от Визнера такой вопрос, Тофте признался, что фильм снимали на учениях в собственном, а не в северокорейском тылу.

В общей сложности Тофте забросил в Северную Корею 44 группы (3000 человек, в основном по морю). В ЦРУ назвали операцию «выдающимся успехом». Например, потому, что перехваченные китайские радиogramмы говорили о 30 тысячах диверсантов. Это означало, что в стане врага удалось хотя бы посеять панику. Некоторые группы даже передали ценную информацию о передвижении войск противника. Правда, впоследствии оказалось, что большинство групп было захвачено, перевербовано, и Тофте получал от них «дезу».

Зато люди Тофте промышляли банальным пиратством. Весной 1951 года была получена информация, что зафрахтованный правительством КНР норвежский корабль привезет из Индии в КНДР груз медикаментов. Тофте получил 1 миллион долларов (громкая сумма по тем временам) и приказ: корабль не должен доставить груз коммунистам. Тофте лично знал Чан Кайши, и замаскированные под пиратов гоминьдановцы по его просьбе захватили судно недалеко от Тайваня^[207].

Будущий директор ЦРУ Ричард Хелмс кратко подвел итоги участия ЦРУ в конфликте в Корее: «Вклад ЦРУ в корейскую войну был минимальным»^[208].

Лучше, пожалуй, не скажешь.

Зато у ЦРУ лучше получилось «отбросить коммунизм» на Филиппинах, которые фактически являлись колонией США. Такой статус и безудержная коррупция проамериканских правительств на архипелаге не устраивало и большую часть населения, прозябавшего в дикой нищете. На Филиппинах возникло левое крестьянское повстанческое движение (Хукбалахан), на которое власти привычно ответили репрессиями.

В чем-то ситуация на Филиппинах была похожа на греческую.

Вооруженное движение коммунистического толка зародилось на филиппинском острове Лусон еще в начале 30-х годов, когда Филиппины были формально колонией США. Оно значительно усилилось после

оккупации страны японской армией в 1942 году. К концу войны партизанские отряды Хукбалахапа контролировали на Лусоне значительные территории, создав фактически собственное правительство, уничтожив большое количество японских солдат и конфисковав имения казненных ими за сотрудничество с оккупантами местных помещиков. Однако после возвращения в 1945 году американских войск эти отряды были вынуждены самораспуститься, хотя с недоверием относились к обещаниям американцев предоставить стране независимость и крайне неохотно сдавали оружие.

После получения Филиппинами фиктивной независимости в 1946 году и выборов в парламент коммунистическая партия получила в нем места, однако проиграла выборы проамериканской Либеральной партии. После этой неудачи значительное количество ветеранов партизанского движения заявили о непризнании легитимности «олигархического» правительства, которое они вполне справедливо считали марионеточным, и вновь начали партизанскую войну в джунглях Лусона, сумев, как оказалось, укрыть от американцев в 1945 году большое количество вооружений.

Тогдашний президент Филиппин Мануэль Рохас бросил большую часть филиппинской армии против повстанцев, однако в плане подготовки и боевого духа правительственные войска существенно уступали бывшим хукбалахапцам, пользовавшимся к тому же поддержкой значительной части населения. К 1950 году под контролем восставших оказалась большая часть центрального Лусона, возникла непосредственная угроза Маниле.

Фитцджеральд поручил разобраться с ситуацией бывшему полковнику ВВС Эдварду Лэнсдейлу, который временно работал в ЦРУ. Лэнсдейл, так же как и Визнер, не любил субординации и готовых решений, но «Дес» был достаточно умен, чтобы не досаждать Лэнсдейлу мелочной опекой.

Тем более, что полковник оказался еще большим выдумщиком, чем Визнер. Причем его идеи, как ни странно, работали в нищей стране.

Прежде всего, Лэнсдейл занялся черной пропагандой, чтобы дискредитировать коммунистических повстанцев в глазах поддерживавшего их населения. Например, он сфабриковал «захваченный у коммунистов документ», якобы рассказывавший о зверствах повстанцев против мирных жителей. Этот «документ» был подброшен газете «Манила таймс», которая с готовностью опубликовала его под аршинным заголовком на первой полосе^[209].

На самом деле зверствами против повстанцев занимались американцы и их филиппинские марионетки. Например, в феврале 1945 года 109 участников движения Соппротивления против японцев были окружены,

расстреляны и похоронены в братской могиле. Имущество участников повстанческого движения беззастенчиво разграблялось солдатами правительственной армии.

Затем Лэнсдейл решил использовать против коммунистов верования филиппинских крестьян в злых духов. Агенты ЦРУ распространили слухи, что на всех, кто поддерживает Хукбалахап, ночью нападут духи-вампиры. Для придания этим слухам убедительности люди Лэнсдейла прорезали на шее мертвого повстанца два отверстия, выкачали кровь и бросили тело на оживленной дороге. Крестьяне решили, что, и правда, стать коммунистом – значит послужить приманкой для злых духов.

Однако все эти «креативные» меры не могли разрешить главного вопроса на Филиппинах – вопиющего социального неравенства и отсутствия свободных выборов. Лэнсдейл это понимал. Он заставил филиппинское правительство раздавать деньги и землю тем повстанцам, которые прекращали борьбу.

Проблему выборов Лэнсдейл решил следующим образом. Он стал активно лоббировать кандидатуру министра обороны Рамона Магсайсая как честного и «чистого» (в плане коррупции) политика новой формации. Бывший автомобильный механик (то есть не олигарх) Магсайсай участвовал в годы войны в партизанском движении против японцев и тесно сотрудничал с американцами. В 1946 и 1949 гг. он избирался в парламент и возглавлял там комитет по национальной обороне. Характерно, что выборы 1949 года вошли в историю Филиппин как «грязные». С августа 1950 года Магсайсай занимал пост министра обороны.

Магсайсай во всем слушался Лэнсдейла. Они даже спали в одной комнате. Как-то во время спора Лэнсдейл просто врезал министру кулаком по физиономии. Тому не оставалось ничего иного, как улыбнуться и признать, что американец ведет себя так, потому что очень переживает за судьбу Филиппин.

«Дес» не мог нарадоваться на Лэнсдейла, хотя последний часто потчевал шефа высосанной из пальца информацией о своих грандиозных успехах. Зато то, что делал Лэнсдейл на Филиппинах – беззаветная и яростная борьба против коммунистов, – полностью импонировало и Фитцджеральду и Визнеру.

Армию Магсайсая американцы завалили самым современным оружием. Против примерно 13 тысяч повстанцев-крестьян действовало более 56 тысяч филиппинских военных (25 отдельных противопартизанских батальонов) и американские советники.

Оставалось только выиграть «честные» выборы. На деньги ЦРУ на

Филиппинах была учреждена «независимая организация гражданского общества» – Национальное движение за свободные выборы (National Movement for Free Elections, NAMFREL). Движение громко требовало честных выборов, но на самом деле убеждало избирателей в том, что единственным спасением Филиппин является только Магсайсай. Последний на обещаниях социальных реформ убедительно выиграл выборы в 1953 году, что принесло полковнику Лэнсдейлу почетное прозвище «Лэндслайд»^[210]. «Националист» Магсайсай набрал 68,9 % голосов.

Затем в результате успешной операции филиппинских спецслужб было захвачен тайный штаб «хуков» в Маниле, что привело к аресту многих видных вождей движения. Лидер повстанцев Тарук с последними отрядами сдался, выйдя из джунглей, в 1954 году. Лишь отдельные группы «хуков» продолжали борьбу до 1969 года.

Американцы объявили Филиппины «витриной демократии». Эйзенхауэр (избранный президентом США в ноябре 1952 года) похвалил ЦРУ за избрание Магсайсай: «Вот именно так и надо проводить выборы»^[211]. С тех пор «филиппинская технология» считается в ЦРУ образцом военно-политического противодействия повстанческому движению. На жаргоне американской разведки филиппинский опыт именуется «политика постепенного уничтожения» (gradual extermination) повстанческого движения.

Магсайсай погиб в 1957 году в авиационной катастрофе. Лэнсдейл с 1954 года помогал французам бороться с партизанами во Вьетнаме, но там не преуспел. В 1957–1963 гг. он занимался специальными операциями в Пентагоне, в частности, пытаясь убить Фиделя Кастро.

К началу 1953 года Фитцджеральд реально руководил Дальневосточным отделом ОРС, хотя формально числился там всего лишь заместителем начальника. Но все оперативники знали – любые значимые вопросы решает только «Дес».

Опять Европа: «частные комитеты», воздушные шары и радиостанции

Но отдельные успехи в Азии не могли затмить для Визнера провалы на его главном театре военных действий – европейском, где Советский Союз по-прежнему казался непоколебимым. Ставка на бандеровцев и прочих антисоветских эмигрантов не сыграла – никакого роста повстанческого движения за «железным занавесом» нельзя было заметить даже в микроскоп.

Визнеру пришлось переключиться на черную пропаганду. ЦРУ распускало ужасные слухи как про советскую систему, так и про «руку Москвы» повсюду в мире.

Под эгидой «частной» организации Даллеса (Национальный комитет за Свободную Европу) была учреждена радиостанция «Свободная Европа», которая, как и сам комитет, всецело финансировалась ЦРУ. В 1950 году генералы Эйзенхауэр и Клей (тот самый, который предлагал «прорываться в Берлин» в 1948 году) открыли кампанию по сбору пожертвований в специальный фонд даллесовского комитета, на средства которого содержалась (формально) радиостанция «Свободная Европа».

«Нам нужны мощные радиостанции за границей, – заявил Эйзенхауэр, открывая кампанию по сбору средств, – которые не были бы стеснены ограничениями, присущими правительственным радиостанциям». Ему вторил Клей, расхваливая «Голос Америки» как пример для «Свободной Европы».

В 1951 году радиостанция «Свободная Европа» начала первые передачи против Чехословакии из Мюнхена. Затем «Свободная Европа» распространила вещание на все восточноевропейские социалистические страны.

В 1953 году добавилось радио «Освобождение», вещавшее против СССР. Согласно официальной истории радиостанции, «Радио “Освобождение”» было задумано Американским комитетом по освобождению от большевизма как эмигрантское радио, рупор Координационного центра антибольшевистской борьбы для освобождения родины от коммунистической диктатуры. Радиостанция вещала на языках народов союзных республик СССР, а также на татарском и башкирском. В Мюнхене на английском языке издавался журнал «Problems of the people

of USSR» («Проблемы народов СССР»).

Через комитет ЦРУ финансировало и Институт по изучению истории и культуры СССР. В соответствии с уставом основанный в 1950 году институт ставил перед собой следующие цели:

- исследовать теорию и практику государственного и социального порядка в СССР, а также различных исторических, культурных, социальных, экономических, национальных и политических проблем народов СССР;

- наладить и поддерживать научные связи с немецкими и иностранными научными организациями и отдельными учеными;

- способствовать взаимному пониманию антикоммунистической эмиграции народов СССР и демократических стран.

На самом деле через институт ЦРУ просто подкармливало антисоветскую эмиграцию и подбирало там перспективную агентуру^[212].

Первым директором института был Николай Троицкий (1903–2011 гг., он же Норман, Норейкис, Борис Яковлев). Родился в семье дьякона в Симбирской губернии. В 1921 году поступил в Симбирский политехнический институт, после окончания которого работал инженером-строителем сначала в Ростове и Краснодаре, а с 1924 по 1930 год – в Богородске под Москвой.

С 1930 по 1932 год учился в Московском архитектурном институте и работал в одном из строительных трестов. С 1933 года Троицкий руководил лабораторией цветовосприятия, организовал и возглавил научно-исследовательскую секцию проектирования театров, клубов и школ при Наркомпросе, одновременно исполняя обязанности ученого секретаря Московского архитектурного общества. С 1935 года работал заместителем ученого секретаря Академии архитектуры СССР, занимался организацией отделения теории и истории архитектуры.

В апреле 1937 года Троицкий был арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности». В течение 16 месяцев он находился в заключении, но не признал предъявленных ему обвинений. После смены наркома НКВД Ежова на Берия был оправдан на суде военного трибунала и освобожден в августе 1938 года.

С началом войны ушел на фронт в составе дивизии народного ополчения. В октябре 1941 года попал в плен под Вязьмой и полтора года провел в лагере военнопленных.

Добровольно вступил во власовскую РОА. Руководил газетой «За Родину», работал в газете «Доброволец». Участвовал в составлении Пражского манифеста КОНР. В апреле 1945 года был откомандирован в

качестве представителя КОНР в 1-ю дивизию РОА и назначен на должность начальника отдела пропаганды, получив звание капитана РОА.

После окончания войны жил в Мюнхене в американской зоне оккупации Германии по югославским документам на имя Бориса Северовича Яковлева. В 1955 году переехал в США, где работал уборщиком в больнице. В 1956 году поступил в Колумбийский университет на библиотечный факультет. Получив диплом библиотекаря, в течение нескольких лет трудился сначала библиографом, а затем хранителем славянского отдела библиотеки Корнуэлльского университета в Итаке (штат Нью-Йорк).

Американский комитет по освобождению от большевизма^[213] был основан 18 января 1951 года в штате Делавэр и провозгласил своей целью борьбу против тоталитарного коммунистического режима.

На самом деле комитет был частью проекта ЦРУ под кодовым названием «QКАСТIVE». Целью всего проекта было разжигание национализма в СССР, особенно со стороны малых народов против русских.

«Нерусских угнетенных» в комитете представлял главным образом белорус Микола Абрамчук (1903–1970). Во время Гражданской войны Абрамчук был сторонником националистической Белорусской народной республики (БНР), после ее краха эмигрировал в Польшу и работал там на польскую разведку. В общей сложности за два года он нелегально переходил границу Польши и Советской России более 30 раз. В 1923 году эмигрировал в Чехословакию, в 1930 году перебрался в Париж. В 1941–1943 годах участвовал в работе организованного нацистами Белорусского комитета самопомощи (БКС) в Берлине. После разгрома нацизма Абрамчук плавно «перетек» в ЦРУ, где числился под псевдонимами «Аесambista-4», «Сambista-4». Автор проспонсированной американской разведкой брошюры «Я обвиняю Кремль в геноциде моего народа» (Торонто, 1950).

Характерно, что в отличие от даллесовского комитета «Свободная Европа», борцы за освобождение СССР в США старались держаться в тени. Это и немудрено – среди членов комитета было много бывших нацистских коллаборационистов.

Помимо радиопередач на «советский блок» люди Визнера изготовили и с помощью воздушных шаров переправили за «железный занавес» 300 миллионов листовок (400 тонн)^[214]. В год воздушные шары обходились ЦРУ в 30–35 миллионов долларов. В 1953 году при радиостанции «Свободная Европа» возникла некая организация, именовавшая себя

«Прессой свободной Европы». Именно она фабриковала для стран Восточной Европы пропагандистскую литературу, которой начинялись шары из резины и пластмассы. Запуск шаров носил кодовое наименование «Операция “Просперо”», и, естественно, это была операция ЦРУ.

Шары за «железный занавес» запускались и с разведывательными целями.

Существовал сверхсекретный проект WS—119L, которому в разное время присваивали более удобные для произнесения и запоминания словесные обозначения, например «Гофер» (грызун, живущий в Северной Америке). Шары в рамках этого проекта предназначались для пролета с огромными аэрофотографическими установками над территорией Советского Союза. В 50-х годах несколько таких шаров удалось сбить советской ПВО, причем остатки оболочки и аппаратуры демонстрировались прессе.

Шары этой программы сначала испытывались над США, их запускали с авиабаз в Аламогордо (штат Нью-Мексико) и в штатах Монтана, Миссури и Джорджия. Например, только в 1952 году было выполнено 640 полетов. Неудивительно, что в этих и окрестных районах газеты, радио и телеканалы стали сообщать о загадочных летающих объектах. А когда гондола одного из таких шаров разбилась над Нью-Мексико и остатки секретной аппаратуры спешно спрятали на авиабазе в Розвелле, пошли слухи, что в ангаре на базе хранится сбитый аппарат пришельцев с забальзамированными телами этих существ.

В 1952 году на базе в Аламогордо проводили опыт перехвата высотного баллона истребителем F-86, чтобы проверить, смогут ли советские самолеты сбивать американские шары. В прессу попало сообщение: истребитель пытался перехватить НЛО, но потерпел неудачу.

Для пролета над СССР шары программы WS—119L запускали из Турции, из Западной Европы и с тихоокеанского побережья США (а предварительно оттуда запускали шары-зонды для изучения направления воздушных потоков). Многие полеты проходили успешно, а так как они держались в секрете даже от ближайших союзников, то в 1958 году европейский штаб НАТО обеспокоенно сообщал в секретной сводке о пролете на высоте 30 км над Западной Европой нескольких НЛО со стороны Советского Союза. На самом деле это были шары, запущенные с южной оконечности Аляски^[215].

Если шары стартовали с территории ФРГ или Великобритании, то с попутным ветром они летели со скоростью примерно 150 км в час на высоте 8—10 километров. Каждый шар имел своеобразный регулятор

высоты – систему балластов, заполненных железными опилками. Если высота снижалась, то автоматически открывалась специальная заслонка и часть опилок сыпалась за борт. Как только шар поднимался, срабатывали барометрические датчики, в электромагниты шел ток и они закрывали заслонки.

В шпионских шарах в специальных контейнерах из пенопласта (такой материал защищал аппаратуру от перегрева днем и от переохлаждения ночью) размещались фотоаппараты. Правда, часто фотоаппараты снимали что попало – облака, луга, реки, хотя качество снимков было высоким. Когда шар пролетал территорию СССР и оказывался над морем, поступала радиокоманда и несущая балка с пенопластовым контейнером отстреливалась и с парашютом устремлялась вниз. В море намокали сухие батареи и начинали давать ток, несущая балка отстреливалась, уходила ко дну, и на поверхности оставался лишь контейнер с фотоаппаратом. После этого включался радиопередатчик и из контейнера вылетала 10-метровая жесткая спиральная мачта-антенна, образовывавшая большую нейлоновую петлю. Кроме того, в воду выделялась оранжевая краска, чтобы контейнер можно было заметить с воздуха. Самолет, оснащенный специальной «кошкой», поднимал фотоаппарат на борт. Дальше, как говорится, дело техники.

Все оборудование шаров питалось от аккумуляторов.

Советская система ПВО довольно быстро наловчилась сбивать эти медленно летящие цели. К тому же в этом помогли и сами американцы. Каждый шар был снабжен коротковолновым передатчиком, который включался автоматически через определенные промежутки времени. Таким образом, радиопеленгаторные станции США осуществляли проводку шара, не давая ему совсем уйти с курса. Но передатчики, естественно, засекала и советская радиотехническая разведка. Сбитые шары отвозили в научно-исследовательский институт ВВС СССР в Чкаловской^[216].

Литературу для «пропагандистских» шаров разрабатывала уже упоминавшаяся выше крупнейшая и самая радикальная антисоветская эмигрантская организация Народно-трудовой союз (НТС).

Образчиком пропагандистского сотрудничества Визнера и НТС может служить секретный документ, якобы обнаруженный у мертвого офицера НКВД и переданный потом неоднократно по радиостанции «Свободная Европа». В документе живописались террористические методы «советской секретной полиции», как в самом СССР, так и за границей (убийства, пытки, психологический террор). «Захваченный документ» даже

цитировали на слушаниях в американском конгрессе^[217].

Позднее выяснилось, что «документ» сфабриковали на базе соответствующей фальшивки гитлеровского СД НТС и люди Визнера.

Занимались американцы и воздушной разведкой над территорией СССР (за это отвечал Пентагон), и Белый дом ничуть не заботило, что это было наглым нарушением норм международного права. На войне как на войне. А Визнер считал борьбу против коммунистов настоящей войной. Прилагательного «холодная» он к ней не добавлял. Неудивительно, что вскоре пролилась и американская кровь.

В течение 1949-го и в начале 1950 года разведывательные самолеты США сопровождались советскими истребителями-перехватчиками, которые, демонстрируя свою готовность к решительным действиям, не раз открывали предупредительный огонь по нарушителям. Русские старались сдерживаться из последних сил, но это только раззадоривало американцев.

8 апреля 1950 года над Балтикой был сбит самолет-разведчик ВМФ США РВ4У «Privateer», стартовавший с авиабазы Висбаден (ФРГ). Самолет нарушил советское воздушное пространство в районе военно-морской базы Либава. Поднятая по тревоге четверка Ла—11 из состава 30-го истребительного авиационного полка (ИАП) под командованием старшего лейтенанта Докина перехватила этот самолет и после того, как нарушитель не выполнил требования следовать на посадку, открыла огонь. Американцы ответили тем же. В ходе перестрелки нарушитель был сбит и упал в море. Экипаж самолета-нарушителя в составе 10 человек погиб.

Но американцы не успокоились.

В начале 50-х самолеты-разведчики США РБ-47 и РБ-45 действовали против СССР с аэродромов Великобритании с опознавательными знаками британских ВВС. Так, 17–18 апреля 1952 года три РБ-45, пилотируемые английскими и американскими летчиками, стартовав из Англии, вторглись в воздушное пространство СССР и прошли по трем маршрутам через Прибалтику, Белоруссию и Украину. Полеты проходили на высоте 12 тысяч метров и достигли линии Псков – Смоленск – Харьков. Советские РЛС следили за этими самолетами, но истребители и зенитная артиллерия не могли их сбить. По мере совершенствования советской системы ПВО риск таких полетов для американцев возрастал. Росли и потери. В 1950 году был сбит один нарушитель, в 1951–1952 гг. – по два, а в 1953 году – три^[218].

Американцы нарушали советское воздушное пространство не только в Европе.

13 июня в 1952 года над Японским морем близ советских берегов исчез американский самолет РБ-29. После этого посольство США в Москве направило запрос о наличии в СССР каких-либо сведений о пропавшем самолете, но не получило ответа. Развивать эту щекотливую тему правительство США не стало. Родственникам лишь сообщили, что самолет пропал без вести. Позднее стало известно, что он был сбит над советскими территориальными водами в 180 километрах южнее Владивостока советским истребителем МИГ-15.

Помимо заброски агентуры в СССР и страны Восточной Европы Визнер внедрял агентуру и в общественные организации США и других стран «свободного мира», чтобы через них воздействовать на социалистические страны. Визнер считал, что в этом смысле надо брать пример с коммунистов, которые имели очень сильное влияние в профсоюзах, женских, молодежных и творческих организациях по всему миру.

Свою организацию (ОРС) Визнер шутя называл «мощным Вурлитцером»^[219]. Надо было запудрить мозги всем, кто в «свободном мире» еще истывал уважение к социализму. Как писал профессор журналистики университета штата Огайо Лури: «Визнер создал организацию, которую он со смехом и любовью называл “мой мощный Вурлитцер”. Это была удивительная машина, которая использовала множество клавишей (благотворительные фонды, профсоюзы, книгоиздательства, студенческое движение) для исполнения вариаций на темы: дискредитация коммунизма и Советского Союза, развитие христианско-демократического движения в Западной Европе и создание позитивного образа Соединенных Штатов за границей»^[220].

Американцы начали заниматься систематической пропагандой в Европе сразу же после окончания Второй мировой войны. Поначалу цель была довольно благородной – перевоспитание заблудших в тенетах нацизма немцев. Однако сразу же после речи Трумэна в конгрессе в марте 1947 года у США появился новый враг – мировой коммунизм. Теперь пропаганда была нацелена на то, чтобы Западная Европа не попала в лапы «красных». Для этого следовало завладеть умами и сердцами европейской интеллигенции. Задача для американцев была не из простых, если учесть, что подавляющее большинство деятелей искусств, писателей и философов Европы крайне снисходительно (в лучшем случае) относились к американской культуре. А многие считали, что таковой вообще нет.

К тому же после победы СССР в Великой Отечественной войне

престиж Советского Союза в Европе был очень высоким. Советские книги, фильмы, театральные постановки триумфально шествовали по Европе. Цвет европейской интеллигенции от Сартра до Чаплина открыто выражал своим симпатии Москве.

В американской разведке поначалу было немного людей, способных поддержать разговор о чем-то ином, кроме новых машин, престижных сортов виски или красивых (и желательно богатых) женщин. Визнер или его правая рука Оффи вряд ли смогли бы поддержать разговор с Сартром, Пикассо или Бертраном Расселом. Пришлось делать ставку на эмигрантов из России.

Майкл (Михаил) Йосельсон (Джоссельсон) родился в 1908 году в еврейской семье торговца деревом в эстонском городе Тарту. Во время русской революции его крайне антибольшевистски настроенная семья переехала в Берлин, где Михаил поступил в университет. Но диплома он не получил и устроился менеджером по закупкам в сеть универмагов «Гимбельс-Сакс», став позднее торговым представителем этой сети в Париже. В 1937 году он со своей женой-француженкой переехал в США (Нью-Йорк), где продолжал представлять интересы «Гимбельс-Сакс».

В 1943 году его призвали в американскую армию, и со своим европейским опытом и знанием иностранных языков Джоссельсон сразу же попал в разведывательный отдел (Intelligence Section) Управления психологической войны (Psychological Warfare Division). В его функцию входили допросы сотен немецких пленных, на основе показаний которых делался анализ настроений немецкого населения в рейхе. После демобилизации в 1946 году Джоссельсон остался в аппарате Американской военной администрации в Германии в качестве специалиста по вопросам культуры и пропаганды (Cultural Affairs Officer). Формально Джоссельсон должен был решать, кого из немецких деятелей культуры можно было освободить от ответственности за сотрудничество с нацистским режимом и разрешить работать в новой Германии^[221].

Джоссельсон, как и Даллес, быстро приобрел в Германии репутацию германофила. Он был склонен сквозь пальцы смотреть на коллаборационизм немецких «культуртрегеров» с Геббельсом и Гитлером.

В 1948 году Джоссельсон был приглашен в ЦРУ Лоуренсом де Нефвилем^[222]. Джоссельсон получил оперативный псевдоним «Джонатан Ф. Саба».

Вместе с Джоссельсоном культурой и пропагандой в Германии

занимался Николай (или, как он сам себя называл, Николас) Дмитриевич Набоков, брат известного писателя-эмигранта Владимира Набокова. Он родился в 1903 году в богатой дворянской семье в усадьбе Любча Минской губернии. С детства пристрастился к музыке и игре на фортепиано. В 1911 году переехал в Петербург для продолжения учебы. В 1914 году поступил в Александровский лицей. В 1918 году семья переехала в Крым, где Набоков брал уроки музыки у Владимира Ребикова. В апреле 1919 года Николай Набоков, его мать и братья эмигрировали из России на греческом корабле «Трапезунд».

С 1920 по 1922 год Николас жил в Германии, учился в консерваториях Штутгарта и Страсбурга. В Берлине брал уроки фортепиано у Ферруччо Бузони. В 1923 году переехал в Париж и продолжил музыкальное образование в Сорбонне. В Париже Набоков познакомился с Дягилевым и стал сочинять музыку для Русского балета. Сотрудничество продолжалось до смерти Дягилева в 1929 году. Первой значительной музыкальной работой Набокова был балет-оратория «Ода» (по оде Ломоносова), сочиненный в 1928 году. Затем последовали балеты «Жизнь Афродиты» и «Лирическая симфония» (1931).

В 1933 году, по совету и настоянию жены, Набоков переехал в США, чтобы читать лекции по музыке в Фонде Барнса. С 1936 по 1941 год преподавал музыку в колледже Уэллс в Нью-Йорке. Позднее перешел в колледж Святого Джона в Мэриленде. С осени 1944 до весны 1945 года преподавал в Консерватории Пибоди. К тому времени Николас скромно считал себя композитором.

Друзьями и знакомыми Набокова были философ-эмигрант Исая Берлин, писательница Мэри Маккарти, немецкий политик Вилли Брандт и американский композитор Джордж Гершвин. Контакты Набокова в интеллектуальной среде (Николас любил давать шумные вечеринки, желательно не за свой счет) не могли не привлечь внимание ЦРУ. Сам Николас, правда, всегда отрицал, что был кадровым сотрудником ЦРУ, но задания этой организации (как будет показано ниже) он выполнял без всяких угрызений совести.

Как и Джоссельсон, «Николас» был ярким антикоммунистом и мягко относился к бывшим звездам культуры Третьего рейха. В управлении культуры и пропаганды американской администрации в Германии он отвечал за вопросы музыки.

Общественное мнение в США было возмущено, когда Набоков «денацифицировал» видного немецкого дирижера Вильгельма Фуртвенглера. Нацисты хорошо относились к Фуртвенглеру, и он был

важной фигурой в культурной жизни Третьего рейха. В июне 1933 года Геринг лично назначил Фуртвенглера первым капельмейстером, а в следующем году – директором Берлинской государственной оперы.

Его концерты часто транслировались немецким войскам для поднятия духа. Отношение дирижера к евреям по-прежнему вызывает полемику. С одной стороны, он часто восхищался артистами еврейской национальности, но с другой стороны – поддерживал бойкоты еврейских товаров и критиковал доминирование евреев в области СМИ. В 1935 и 1938 годах Фуртвенглер дирижировал музыкальными постановками в честь съездов НСДАП.

Реабилитация Фуртвенглера вызвала в апреле 1947 года возмущение Ньюэлла Дженкинса, главного специалиста по вопросам театра и музыки американской военной администрации в Баден-Вюрттемберге. Набоков объяснил свое решение просто: если бы американцы не «отмыли» Фуртвенглера от его коричневого прошлого, то гениального дирижера подобрали бы русские. В 1949 году Фуртвенглер путешествовал по миру на американские деньги, пропангандируя культуру «свободного мира».

Использование бывших звезд нацистского режима американцами возмущало многих деятелей культуры, например Артура Миллера.

Помимо Фуртвенглера Набоков реабилитировал члена НСДАП с 1933 года Герберта фон Караяна, который после войны опять возглавил оркестр Берлинской филармонии.

Все эти меры оправдывались необходимостью противодействовать «красным» в борьбе за умы и сердца европейцев.

В американской разведке справедливо полагали, что Москва на этом поприще сильно обставила Вашингтон. В 1947 году в Берлине на главной улице Унтер-ден-Линден советская военная администрация открыла прекрасно обставленный и хорошо отапливаемый (зима 1946/47 г. в Европе была самой холодной за всю историю метеонаблюдений) «Дом культуры». Среди дорогих ковров, прекрасных люстр и утонченной мебели проводились диспуты, концерты и лекции. Деятели искусства в советской зоне оккупации получали усиленные продовольственные пайки (в Германии в то время царил голод).

Американцы ответили учреждением по всей Европе «Домов Америки» как «форпостов американской культуры». Конечно, у американцев было куда как больше денег и дефицитных продуктов, чем у СССР, потерявшего в 1941–1945 гг. половину всего накопленного национального богатства. Блок американских сигарет, стоявший в военном магазине армии США 50 центов, можно было продать на черном рынке за 1800 рейхсмарок

(180 долларов по официальному обменному курсу). За 24 блока можно было купить роскошный «мерседес» 1939 года выпуска. Тот же «Николас» Набоков с удовольствием наблюдал, как хорошо одетые немцы в Берлине подбирают за ним брошенные окурки.

И тем не менее американцы с большим трудом боролись в Европе против устойчивого имиджа Америки как «культурной пустыни», страны жвачки и комиксов.

К тому же США в Европе справедливо считали расистской страной (в то время в южных штатах негры и белые ели в разных ресторанах, учились в разных школах и ездили в разных автобусах). Чтобы как-то подправить столь нелестный имидж, военная администрация США в Германии в марте 1947 года предложила провести концерты известных негритянских вокалистов в Европе. Причем в обосновании прямо отмечалось, что главной целью этих гастролей было противодействие советской пропаганде, бичевавшей расизм в США^[223].

В Германии в рамках программы культурной пропаганды прошли выступления таких американских композиторов, как Сэмюэл Барбер, Леонард Бернстайн, Элиот Картер, Аарон Копленд, Джордж Гершвин, Джанкарло Менотти.

Правительство США финансировало постановку в европейских театрах пьес таких американских драматургов, как Теннесси Уильямс, Уильям Сароян, Лилиан Хеллман^[224], Юджин О'Нил, Торнтон Уайлдер.

В то же время не очень сведующие в культуре американские офицеры запретили ставить трагедию Шекспира «Юлий Цезарь» за «прославление диктатуры». «Живой труп» Льва Толстого также был исключен из репертуара за «асоциальную критику общества».

Управление психологической войны спонсировало издание и распространение в Европе таких книг американских авторов, как «Гражданин Том Пейн» Говарда Фаста, «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, «Книга чудес» Натаниэля Готорна, «Маленький домик в прериях» Лоры Инглз-Уайлдер.

Все эти произведения бесспорно являются выдающимися и украшают собой историю американской литературы. Но была и специальная антикоммунистическая издательская программа, где ненависть к СССР была главным художественным критерием. На американские деньги большими тиражами издавались «Возвращение из СССР» Андре Жида^[225], «Слепящая тьма» Артура Кестлера и «Хлеб и вино» Иньяцио Силоне. По книге Джорджа Оруэлла «Скотный двор» был сделан мультипликационный

фильм – его производство и распространение по всему миру финансировало ЦРУ.

Интересно, что, наоборот, попали под запрет книги, в которых СССР описывался позитивно, или где хотя бы пропагандировались идеи сотрудничества Запада с Москвой по прагматическим соображениям (например, поддержание всеобщего мира). Дошло до того, что запретили книгу будущего госсекретаря и яркого антикоммуниста Джона Фостера Даллеса «Россия и Америка: тихоокеанские соседи».

После провозглашения летом 1947 года «плана Маршалла» «культурную» пропаганду в Европе стали финансировать из этого источника.

Помимо пропаганды американцы пытались сорвать культурные мероприятия, осуществляемые под эгидой СССР в Европе и в самих США. Здесь на руку американцам играла начавшаяся в СССР в 1947 году борьба против космополитизма, вылившаяся в закручивание гаек в сфере культуры.

В 1947 году американец Мелвин Ласки пытался своим бурным антисоветским выступлением сорвать конгресс писателей в Берлине. Он наряду с Кестлером позднее стал одним из главных бойцов ЦРУ на «культурном фронте».

Ласки родился в 1920 году в Нью-Йорке в еврейской семье. Он учился в Мичиганском и в Колумбийском университетах, и с юношеских лет числил себя троцкистом. Работал Ласки гидом на знаменитой статуе Свободы, а затем вошел в редколлегию левого антисталинского журнала «Нью лидер». Когда его призвали в армию, он работал в штабе 7-й армии США в должности ее официального военного историка. После демобилизации он стал корреспондентом журналов «Нью лидер» и «Партизан ревью» в Берлине.

После скандала на конгрессе писателей в немецкой столице Ласки в кругах американской военной администрации и разведки стали величать «отцом холодной войны в Берлине»^[226].

Ободренный такой репутацией Ласки направил 7 декабря 1947 года на имя главы американской военной администрации в Германии генерала Клея предложения по коренной перестройке американской пропаганды в Европе. В документе, в частности, говорилось: «Долгое время использовавшаяся США формула “дайте людям свет и они сами найдут свой путь” преувеличивала наши возможности по легкому переубеждению людей в Германии (и Европе)... Было бы глупо ожидать от примитивного дикаря, что он отречется от своей веры в магические травы после того, как

ему предоставят современную медицинскую и научную информацию... Мы не преуспели в борьбе против многочисленных факторов – политических, психологических, культурных, – которые действуют против внешней политики США...»^[227]

Конечно, в том, что европейские дикари никак не желали восхвалять американский образ жизни, были, по мнению Ласки, виноваты «красные»: «Выспренние надежды на мир и международное единство ослепили нас, и мы не заметили, что против США готовится и осуществляется срежиссированная политическая война, особенно в Германии... Все те же старые антидемократические и антиамериканские формулы, которыми потчевали много европейских поколений... сегодня возрождаются. Речь идет, например, о якобы эгоистичности США (“дядя Сэм” в образе Шейлока), их глубокой политической реакционности (“наемная капиталистическая пресса” и т. д.), их якобы культурной пошлости (“мания джаза”... “искусство чизкейков”...), их моральном двуличии (негритянский вопрос...) и т. д. и т. п.».

Ласки, конечно, не знал известную русскую поговорку о зеркале и кривой... физиономии. Зря – она бы могла пригодиться ему в его проникнутом глубокой обидой анализе американского образа жизни.

Ласки требовал активизации всей пропагандистской машины США, «вступления в борьбу», отказа от роли «зрителя на олимпийских играх». Он утверждал, что «суть холодной войны в основном культурная. И как раз здесь существует серьезный пробел в американской программе (пропаганды), который в наибольшей степени эксплуатируется врагами американской внешней политики... Этот пробел реальный и ужасный».

В частности, Ласки предложил издать в Германии (бесспорно, стране высокой культуры) интеллектуальный журнал, который должен был демонстрировать, что «Америка и американцы достигли зрелого триумфа во всех областях человеческого духа, общих для Старого и Нового Света»^[228].

Ласки дали добро, и в октябре 1948 года увидел свет антикоммунистический журнал на немецком языке с не очень-то интеллектуальным названием «Дер Монат» («Месяц»). Тут как раз «подоспел» берлинский кризис, и американские самолеты доставляли журнал в «осажденный Советами» Западный Берлин. Сам журнал поначалу печатали в Мюнхене, и Ласки стал, естественно, его главным редактором. Первые номера финансировались за счет средств «плана Маршалла», затем все расходы оплачивало ЦРУ. Потом ЦРУ в этом деле помогал Фонд

Форда^[229].

Журнал позиционировал себя как трибуна «некоммунистических» левых. В 1966 году общественность ФРГ узнала, кто на самом деле финансировал этих «левых», разразился скандал, и журнал был продан редакции леволиберального еженедельника «Ди Цайт». В 1971 году «Месяц» закрылся, но его возобновили в 1978 году, пока детище Ласки окончательно не почilo в бозе в 1987 году.

Помимо уже упоминавшихся Кестлера и Сионе с журналом сотрудничали Белль, Джилас, Томас Манн, Оруэлл и др.

Единомышленниками Ласки в Вашингтоне были Даллес, Форрестолл и Кеннан. По инициативе последнего СНБ США утвердил 19 декабря 1947 года директиву NSC-4. В приложении к директиве (NSC-4A) говорилось о праве директора ЦРУ проводить «тайные психологические операции». В июне 1948 года (как уже упоминалось) эту директиву сменила новая – NSC-10/2, – окончательно закрепившая за ЦРУ тайные операции всех видов, в том числе и «психологические».

После этого осенью 1948 года Джоссельсон был назначен шефом подразделения тайных операций (Covert Actions, CA) резидентуры ЦРУ в Берлине. Видимо, в то же самое время в ЦРУ по протекции Кеннана перешел и «Николас» Набоков. Хотя и он и Ласки впоследствии отрицали, что были штатными сотрудниками американской разведки. Набоков, Джоссельсон и Ласки немедленно взялись за дело.

25 марта 1949 в Нью-Йорке в фешенебельной гостинице «Уолдорф-Астория» должна была открыться «Культурная и научная конференция за мир во всем мире» (Cultural and Scientific Conference for World Peace). В ЦРУ немедленно решили сорвать это мероприятие, так как туда должны были приехать выдающиеся деятели советской культуры – Фадеев и Шостакович. На деньги американской разведки на 9-м этаже гостиницы был снят номер, который превратился в штаб по саботажу конференции. Формально номер снял «философ» из Нью-Йорка Сидни Хук.

Хук родился в бедном квартале Бруклина в 1902 году. В 1923 году поступил в Колумбийский университет. Защитив диссертацию, получил стипендию фонда Гуггенхайма и уехал на учебу в Германию, откуда приезжал в Москву. Как и многие интеллигенты того времени, Хук восхищался Советской Россией. Вернувшись в США, он начал свою карьеру в университете Нью-Йорка на отделении философии, где проработал до 1972 года. В конце Первой мировой войны Хук женился на коммунистке и стал членом профсоюза преподавателей, близких к компартии США. Он работал над переводом трудов Ленина.

В начале 30-х годов Хук порвал с коммунистами и присоединился к троцкистам – членам основанной в 1938 году Американской рабочей партии. Он организовал «Следственную комиссию по выявлению правды в московских процессах», цель которой – доказать невиновность Троцкого, отстраненного от власти Сталиным. В 1938 году Хук окончательно отказался от революционных идеалов и в 1939 году основал Комитет за свободу культуры – антисталинскую организацию, которую после войны взяло под свое крыло ЦРУ.

Помимо Хука к срыву конференции в «Астории» готовились Набоков, итальянский журналист Никола Чиаромонте, писательница Элизабет Хардвик, Дэвид Дубински из профсоюза производителей женской одежды и другие «интеллектуалы». Привлечь на борьбу против «сталинистов в культуре» по-настоящему видных американских деятелей культуры ЦРУ не смогло. А вот на конференцию прибыли такие звезды интеллектуальной жизни США, как Артур Миллер, Леонард Бернстайн, Дешил Хэммет и Лилиан Хеллман. Их, а также главного спонсора конференции миллионера Карлисса Ламонта, криками «Предатели!» встречали нанятые ЦРУ пикетчики (в том числе и монашки).

В противовес оргкомитету конференции ЦРУ организовало «контркомитет» в составе Игоря Стравинского, Карла Ясперса, Бертрана Рассела, Андрэ Мальро, Жака Маритена и Томаса Стернза Элиота. От имени этого контркомитета группа Набокова пыталась перехватывать почту конференции и саботировать ее контакты со СМИ. От всех американских участников шумно требовали «раскрыть» членство в компартии США.

Хук разработал целый план срыва церемонии открытия конференции. Для этого пробравшиеся в зал «антисталинисты» должны были громко стучать зонтами по полу и привязать себя к креслам, чтобы их не вывели вон^[230]. Однако вопреки ожиданиям сталинисты дали возможность всем оппонентам выступить, и «партизанский» план Хука оказался ненужным. Тогда участников закидали глупыми и провокационными вопросами типа: позволили ли бы американскому философу Ральфу Уолдо Эмерсону (умер в 1882 году) жить и работать в СССР. Фадеева укоряли за то, что под давлением «политбюро» он частично переписал «Молодую гвардию».

Как «композитор» «Николас» Набоков решил «добить» Дмитрия Шостаковича. Он требовал от советского гостя высказаться относительно неподписанной статьи в «Правде», в которой критиковали Стравинского как буржуазного декадента и формалиста. В зале раздались крики «Провокация!» – что, собственно, и было нужно «Николасу». Набоков считал своим грандиозным успехом тот факт, что якобы подавленный и

сбитый им с толку Шостакович был вынужден публично поддержать «Правду». Сам Шостакович позднее вспоминал об «идиотских» вопросах «Николаса» и его сторонников, оплаченных ЦРУ (последнего факта советский композитор не знал).

Между тем число пикетчиков у входа в «Асторию» достигло тысячи, чему удивлялись многие нью-йоркцы, но только не Хук и Набоков. По просьбе ЦРУ издатель Генри Люс в апреле 1949 года опубликовал в принадлежащем ему и самом популярном американском журнале «Лайф» список подозрительных западных деятелей культуры, продавшихся коммунистам. Причем фото этих людей «Лайф» дал в формате полицейского протокола. В «черный список» попали Чарли Чаплин, Артур Миллер, Леонард Бернстайн, Лилиан Хеллман, Норман Мейлер и Альберт Эйнштейн.

Миллер вспоминал: «Было опасным участвовать в этой судьбоносной попытке спасти альянс с Советским Союзом военного времени (имелась в виду конференция в «Астории». – *Примечание автора*) перед лицом растущего давления холодной войны...»^[231]

Естественно, что за всеми «коммунистами Уолдорфа» следило ФБР. Причем от участников конференции не отстали и после ее завершения. Например, по указанию Гувера агенты ФБР потребовали от издательства «Литтл, Браун» отказаться от публикации романа «Спартак», написанного в тюрьме американским писателем Говардом Фастом. Бывшего сотрудника министерства обороны США и военного корреспондента Фаста посадили на три месяца за неуважение к конгрессу – на заседании Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности он отказался назвать имена своих друзей – членов компартии. В 1950 году после отказа нескольких издательств (люди Гувера поработали на славу) Фаст сам опубликовал «Спартак». Заметим, что именно по сценарию Фаста Голливуд снял в 1960 году свой культовый фильм «Спартак» с Кирком Дугласом в главной роли.

В пик у Гуверу в 1953 году Фаст стал лауреатом Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами». В то время он был одним из самых издаваемых в Советском Союзе американских авторов.

В ЦРУ расценили «успешную» обструкцию конференции в Нью-Йорке как начало мощного наступления против «сталинизма» на культурном фронте. Теперь войну следовало перенести в Европу, в чем американской разведке помогали англичане в лице Департамента по информации и исследованиям (Information Research Department, IRD). Эта

главная структура внешнеполитической пропаганды Великобритании была создана в феврале 1948 года в рамках МИД.

Ободренные нью-йоркским «успехом» Визнер и Оффи решили сорвать следующую конференцию «сталинистов» (Всемирный конгресс сторонников мира), намеченную на 20–25 апреля в Париже. Госдепартамент обещал любую поддержку. Визнер запросил у Администрации по европейскому сотрудничеству (американская структура, распределявшая деньги в рамках «плана Маршалла») 5 миллионов французских франков (16 тысяч долларов по курсу того времени) на срыв коммунистической конференции в Париже^[232].

Представитель Визнера в Париже Ирвинг Браун («официально» он представлял там американский профцентр АФТ-КПП) связался с французским социалистом Давидом Руссе и левой антисоветской газетой «Франтирер». На этой базе в противовес «сталинистам» был устроен Международный день сопротивления диктатуре.

Из Москвы в Париж приехали настоящие интеллектуальные звезды того времени – Илья Эренбург, Константин Симонов, Александр Маресьев и Александр Фадеев. Не уступали им по «калибру» и западные участники Всемирного конгресса мира – Поль Робсон, Говард Фаст, Фредерик Жюлио-Кюри, Луи Арагон. Приветственную телеграмму прислал Чарли Чаплин. На конгрессе общественности был представлен присланный Пикассо голубь мира, ставший популярным «брендом» движения сторонников мира. «Безбожный сталинизм» своим выступлением поддержал митрополит Крутицкий и Коломенский Николай.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей в своем Призыве к миру, в частности, отметил: «За все время своего существования СССР неизменно проводил и проводит одно и то же последовательное решение поддерживать мир, бороться против войны, против поджигателей войны, разоблачать их и способствовать разоблачению их... Мы знаем, что и сейчас на разных материках существуют очаги войны. Внимательно посмотрите, кто разжигает эти очаги, кому они нужны. Кровавая авантюра в Греции длится много лет... Кто потратил миллионы долларов на бесплодную поддержку предателей китайского народа во главе с Чан Кайши?.. Разве Североатлантический пакт не напоминает пресловутую фашистскую ось – Берлин – Рим – Токио?»^[233]

В целом 2065 делегатов представляли на конгрессе 72 страны. Такого представительного мероприятия в истории человечества еще не было. 561 организация, участвовавшая на форуме, насчитывала в общей

сложности 600 миллионов членов.

Открывшийся 30 апреля 1949 года «контрконгресс» Визнера поддержали приветственными телеграммами Элеанор Рузвельт (вдова президента США Франклина Рузвельта), Эптон Синклер, Джон Дос Пассос. Другие «сторонники» были не очень-то известны. На деньги Визнера в Париж прибыли такие «интеллектуалы», как Сидни Хук, Иньяцио Силоне, Франц Боркенау. Но «контрконгресс» провалился как раз в интеллектуальном смысле. Хук с горечью писал: «Никогда с тех пор, когда я был маленьким мальчиком 30 лет тому назад и слушал самозванных ораторов на Мэдисон-сквер, и не слышал больше банальностей и пустой риторики»^[234].

К тому же левые в Париже переняли нью-йоркскую методику ЦРУ. Группа анархистов ворвалась в зал, захватила микрофон и осудила «борцов против диктатуры» в непарламентских выражениях.

Даже с точки зрения Визнера, не любившего признавать собственные поражения, Париж был «проигран» русским. Причем Визнера не устроил тон «контрконгресса» – он был слишком левым и слишком «нейтралистским». То есть участники «форума» хотя и критиковали СССР, но воздерживались от славословий в адрес США. Мало того – на деньги Визнера досталось и самим американцам. Так, Оффи констатировал, что группа вокруг журнала «Франтирер» – антиамериканская по сути. Визнер, который уже провозгласил «контрконгресс» «маленьким Деминформом»^[235], выразил опасение, что он превратится в «сборище козлов и обезьян, чье фиглярство полностью дискредитирует работу и заявления серьезных и ответственных либералов»^[236].

Хук признал, что французская общественность (а Париж тогда считался центром если не мировой, то европейской культуры) «контрконгресс» проигнорировала. Французы по-прежнему невысоко оценивали американскую культуру, и Хук вернулся к теме «перевоспитания дикарей»: «Информационное перевоспитание французской публики кажется мне самой фундаментальной и самой срочной задачей американской демократической политики во Франции...»^[237]

И англичане и американцы чувствовали, что в противостоянии с СССР им не хватает идеологии, позитивного «мессиджа». Было принято решение бороться с коммунистами руками бывших коммунистов, «осознавших» губительность сталинизма. Мол, социализм в принципе неплох (так тогда в Европе думало большинство интеллектуалов), но Сталин извратил его и в СССР никакого социализма нет и в помине.

Собственно, здесь ЦРУ всего лишь воскресило взгляды Троцкого 30-х годов. Но 1949 год казался для ренессанса «левой антисталинской политики» очень подходящим. Сталин поссорился с Тито, в социалистических странах шли показательные процессы против «национальных» коммунистов, не желавших подчиниться диктату Москвы. В этих условиях надо было срочно вовлечь в пропагандистскую войну известных антисоветских деятелей левого толка.

ЦРУ сделало главную ставку на Артура Кестлера.

Кестлер родился в Будапеште 5 сентября 1905 года. В 1920 году его семья переехала в Вену, и там он поступил в политехнический университет. Поначалу Кестлер слыл сионистом, причем ярим, и в 1925 году перед окончанием университета он неожиданно решил уехать в Палестину, сжег свою зачетную книжку и прибыл на Землю обетованную в 1926 году. Там до 1929 года он был корреспондентом немецкого издательского концерна Ульштайна, а в 1929–1930 годах работал в Париже.

В 1931 году Кестлер переехал в Берлин, где стал научным редактором газеты «Фоссише Цайтунг». В том же году он совершил на немецком дирижабле «Граф Цеппелин» полет к Северному полюсу. Он также увлекся коммунистической идеологией и в декабре 1931 года вступил в КПГ.

В середине тридцатых годов писатель предпринял большое путешествие по Центральной Азии и год прожил в Советском Союзе. В сентябре 1933 года, после прихода Гитлера к власти, Кестлер вернулся в Париж, где писал антифашистские пропагандистские статьи. Во время гражданской войны в Испании он дважды посетил эту страну. В 1937 году, во время второго посещения, он был арестован франкистами и приговорен к смертной казни по обвинению в шпионаже. Кестлер провел пять месяцев в камере смертников в Малаге (наблюдая массовые расстрелы республиканцев) и затем был обменян на жену франкистского летчика-аса.

В 1938 году в связи с показательными процессами в Советском Союзе Кестлер вышел из компартии. После начала Второй мировой войны он был интернирован французскими властями и был освобожден лишь в начале 1940 года. После этого Кестлер вступил в Иностранский легион, эвакуировался с ним в Северную Африку, дезертировал, добрался в Лиссабон, а оттуда вылетел на самолете в Великобританию, где провел шесть недель в тюрьме за незаконный въезд в страну.

После освобождения он поступил добровольцем в британскую армию и попал в саперную часть. Раз в неделю он приезжал в Лондон для участия в пропагандистских радиопередачах на немецком языке, писал листовки для немецких солдат, выступал с лекциями о природе тоталитаризма. Он

также дежурил по ночам во время воздушных тревог и водил санитарную машину.

В 1940 году Кестлер опубликовал в Великобритании свой самый известный роман «Слепящая тьма» («Darkness at Noon»), в котором критически описывал советскую действительность.

На ниве политической пропаганды Кестлер подвизался с 1942 года, когда поступил в распоряжение британского министерства информации, для которого писал памфлеты и сценарии документальных фильмов, выступал на Би-Би-Си.

После войны (в 1948 году) на деньги IRD в Европе было распространено более 50 тысяч экземпляров «Слепящей тьмы». Французская компартия в ответ попыталась скупить все книги во Франции. В феврале 1948 года англичане оплатили Кестлеру тур с лекциями по США. На корабле Кестлер столкнулся с Джоном Фостером Даллесом, и они обсуждали необходимость активизации антикоммунистической пропаганды. В марте Кестлер встретился в Нью-Йорке с Донованом^[238], и они понравились друг другу, так как «Дикий Билл» считал психологическую войну крайне важной. Кестлер записал в своем дневнике: «обсуждали потребность в психологической войне»^[239].

Кестлер с энтузиазмом воспринял идею организации антисоветской пропаганды силами «некоммунистических левых». В этом его поддержал Ричард Кросман, возглавлявший во время войны немецкий отдел Органа по психологической войне (Psychological Warfare Executive, PWE)^[240]. Кросман в августе 1948 года привлек к «левому проекту» самого видного американского специалиста по психологической войне Чарльза Дугласа Джексона^[241].

Кестлер, Кросман, Джексон и Ласки решили издать сборник откровений бывших коммунистов, порвавших со «сталинизмом», под рабочим названием «Утраченные иллюзии». Ласки переводил присылаемые ему статьи для сборника в редакции журнала «Месяц», и в этом же журнале все они были первоначально опубликованы. В 1949 году сборник вышел под названием «Бог, который провалился» («The God That Failed»). Среди авторов помимо Кестлера были уже знакомые нам Андре Жид, Иньяцио Силоне, Ричард Райт Стивен Спендер и Луис Фишер.

США представлял Луис Фишер, некогда прогрессивный журналист, как и Кестлер, пришедший к коммунизму из сионизма. В 1917 году Фишер, еврей по национальности, записался в Еврейский легион, находившийся в Палестине. После возвращения в США нашел работу в нью-йоркском

агентстве новостей. В 1921 году отправился в Германию и начал сотрудничать с газетой «New York Evening Post» как европейский корреспондент. В следующем году женился на переводчице советского посольства Берте Марк и был направлен корреспондентом в Москву. С 1923 года писал статьи для еженедельника «The Nation».

Первая книга Фишера «Нефтяной империализм» (1926) была посвящена борьбе великих держав за нефть (в 1933 году была включена нацистами в список книг, подлежащих сожжению). Получив разрешение НКВД СССР изучить его архивы, Фишер написал двухтомное исследование «Советы в международных отношениях» (1930). Интересно, что в 1935 году Фишер (считавшийся тогда твердым сталинистом) разоблачил американского журналиста Роберта Грина, который под именем Томаса Уолкера выпустил несколько статей о голодоморе, объявлявших его преднамеренным геноцидом украинцев. Как установил Фишер, Грин вообще не был на Украине. Сам Фишер считал «голодомор» делом рук украинских контрреволюционеров. На одной из лекций в 1933 году Фишер твердо заявил, что никакого голода в СССР нет.

Фишер освещал гражданскую войну в Испании и некоторое время сам воевал в составе интернациональных бригад. В 1938 году он вернулся в США и поселился в Нью-Йорке, продолжив работать в «The Nation».

В 1945 году покинул «The Nation», не согласный с симпатиями журнала к Сталину. Забегая вперед, скажем, что Фишер преподавал «советологию» в Принстонском университете до своей смерти в 1970 году.

Фишер назвал сборник «новым Кронштадтом», намекая на антисоветский мятеж 1921 года.

ЦРУ и IRD активно распространяли книгу «Бог, который провалился» по всей Европе.

Между тем фиаско в Париже натолкнуло Хука и Ласки на идею создать постоянно действующую организацию антикоммунистических интеллектуалов. И, конечно же, надо было сделать это под самым носом у красных – в Берлине. В январе 1950 года Ласки, Джоссельсон и Кестлер обратились с таким предложением к Визнеру. Тот не возражал, и Ласки без труда уговорил мэра Западного Берлина, известного антикоммуниста и по совместительству социал-демократа Эрнста Ройтера. 7 апреля 1950 года Визнер одобрил проект проведения в Берлине антикоммунистического конгресса интеллектуалов и выделил на это (опять-таки из средств «плана Маршалла») 50 тысяч долларов. При этом Ласки, уже засветившемуся своим сотрудничеством с американскими спецслужбами, было дано строгое указание «держаться в тени».

Однако Ласки был уже к тому времени мотором всего мероприятия. Он хотел повторить успех русских в Париже и добился поддержки будущего антикоммунистического конгресса со стороны Карла Ясперса, Бенедетто Кроче, Бертрана Рассела. Люди Визнера через посредников купили билеты для американской делегации, составление которой курировали Хук и Джеймс Бернхем (один из лидеров американского троцкизма до войны). Однако всемирно известных имен и умов там, как и раньше, не было. Вряд ли в Европе хорошо знали издателя журнала «Нью Стейтсмен» Сола Левитаса или чернокожего издателя газеты «Питтсбург Курир» Джорджа Шайлера (его взяли именно как «образцово-показательного» негра). На деньги ЦРУ прибыл в Берлин и «Николас» Набоков.

В Берлине Хук постоянно озирался по сторонам – ему казалось, что русские танки вот-вот войдут в город. И, конечно же, только для того, чтобы арестовать его, Хука.

Из Англии приехали помимо прочих Джулиан Эмери, историк Хью Тревор-Рупер, из Франции – Раймон Арон, Андрэ Мальро, из Италии все тот же Силоне. Естественно, присутствовал и Кестлер. К 25 июня 1950 года в Берлине собрались все 200 делегатов. Открытие на следующий день совпало с началом корейской войны, что сразу же придавало конгрессу истерические нотки. На церемонии открытия Конгресса за свободу культуры Ройтер попросил минутой молчания почтить память погибших в концентрационных лагерях (имелся в виду, конечно же, только ГУЛАГ). Темы дискуссионных секций тоже говорили сами за себя: «Наука и тоталитаризм», «Гражданин в свободном обществе», «Защита мира и свобода», «Свободная культура в свободном мире».

О том, как понимали на этом мероприятии защиту мира, красноречиво свидетельствовало высказывание американского делегата Бернхема: «Я выступаю против бомб, размещенных в Сибири или на Кавказе, направленных на уничтожение Парижа, Лондона, Рима, (...) и всей западной цивилизации (...), но я приветствую бомбы, размещенные в Лос Аламосе (...), которые в течение пяти лет являются защитой – единственной защитой – свобод Западной Европы». На это французский делегат Андрэ Филип справедливо возразил, что если падает атомная бомба, то она не делает различий между друзьями и врагами свободы.

Делегаты регулярно взбадривали себя слухами, что их вот-вот похитят советские спецслужбы. Особенно свирепствовал Кестлер – он истерично призывал «свободу» немедленно перейти во фронтальное наступление против сталинизма, называл коммунистов «падшими ангелами».

Британский историк Тренвор-Рупер был потрясен тональностью конгресса, пронизанной нетерпимостью к любому инакомыслию (особенно досталось Сартру): «Было очень мало серьезной дискуссии. По моему мнению, это все никак нельзя было назвать интеллектуальным... Это оставило такое негативное впечатление, как будто мы ничего не могли сказать, кроме “Ату их!” ...Я чувствовал, что мы приглашаем Вельзевула для борьбы с Сатаной»^[242]. Мнение Тревор-Рупера разделяла практически вся британская делегация, стремившаяся как можно быстрее покинуть Берлин.

Любые попытки некоторых делегатов (в основном французских) развивать тему равноудаленности европейской культуры от СССР и США энергично пресекал Ласки, который вопреки приказу Визнера фактически открыто руководил конгрессом: «Нейтрализм – это идея и движение, спонсируемые Советами».

На собранном Ройтером финальном митинге 29 июня 1950 года Кестлер выкрикнул 15 тысячам присутствовавших: «Друзья, свобода перешла в наступление!»^[243] Затем он зачитал «Манифест свободы», подготовленный совместно с Ласки и Хуком. Причем британцы выступили резко против попыток американцев включить в манифест осуждение идей Маркса. Нейтрализм был осужден в документе как «предательство по отношению к человечеству». На этом настаивал Визнер: только что было образовано НАТО, и призывы к нейтралитету воспринимались тогда в Вашингтоне как осуждение этого блока.

В целом Визнер расценил берлинский конгресс как грандиозный успех ЦРУ, смывший позор Парижа. Такое же мнение высказал и генерал Джон Макгрудер из министерства обороны США: «... тонкая тайная операция, выполненная на высочайшем интеллектуальном уровне... необычная война в ее наилучшем виде»^[244]. Тревор-Рупер в газете «Манчестер Гардиан» сравнил конгресс с нацистскими митингами.

Берлинский конгресс было решено сделать постоянно действующей организацией. Так родилась операция ЦРУ «Qcorega». Базироваться новая структура «тайной войны» должна была в Париже – интеллектуальной столице Европы. Курировать операцию от ЦРУ стал Джоссельсон. Оперативник ЦРУ Ирвинг Браун вошел в руководящий комитет организации, там же оказался и Бернхем – к тому времени консультант Визнера по вопросам «культуры». Правда, некоторых в ЦРУ возмущало левое прошлое Бернхема, но Визнер заметил, что серьезные коммунисты никогда бы не стали троцкистами.

Для противодействия «красным» на направлении культуры и искусства

в 1950 году был создан Отдел международных организаций OPC (International Organizations Division, IOD) во главе со специалистом по психологической войне Томом Брейденом. Он стал курировать, в том числе, и операцию «Qкорегга».

Брейден родился в 1918 году в заштатной Айове в семье страхового агента. Его мать писала романы и привила Брейдену любовь к литературе (например, к произведениям Хемингуэя). В 1940 году Брейден записался добровольцем в британскую армию, а затем вступил в УСС. В отличие от Визнера этот человек не только любил войну, но и сам рисковал жизнью. На счету Брейдена были прыжки с парашютом в оккупированную Францию, где он боролся в одних рядах с партизанами-коммунистами.

В ЦРУ Брейдена привлек Даллес, занявший в 1950 году пост заместителя директора. Отныне Брейден стал «Гомером Д. Госкинсом». Визнер поначалу не хотел создавать новый отдел «под Брейдена», но тот был другом «Эла» Даллеса – формального начальника Визнера.

Брейден описал главную задачу своего отдела следующим образом: «Целью IOD было объединение интеллектуалов против всего того, что им предлагал Советский Союз... Мы хотели объединить всех деятелей искусства, писателей, музыкантов, и всех тех, кто следовал за этими людьми, чтобы продемонстрировать им, что Запад и Соединенные Штаты были сторонниками свободы выражения интеллектуальных достижений без любых жестких барьеров относительно того, *что вы должны писать и что вы обязаны говорить и что вы должны делать и что вы должны рисовать* (выделено самим Брейденом. – Примечание автора), как это имело место в Советском Союзе. И я думаю, мы сделали это чертовски хорошо»^[245].

В марте 1950 года СНБ США утвердил директиву NSC-68, которая действовала фактически до распада СССР. В ней говорилось: «Практические и идеологические соображения... приводят нас к выводу, что у нас нет иного выбора, как продемонстрировать превосходство идеи свободы путем ее конструктивного применения на практике»^[246]. С юридического на нормальный язык эту мысль «перевел» Карл Ясперс: «Истине тоже нужна пропаганда». В 1950–1951 гг. было решено истратить на пропаганду «свободы» 34 миллиона долларов.

В ЦРУ считали работу коммунистов с деятелями культуры образцом, поэтому решили скопировать у противника структуру новой организации. Был создан руководящий Международный комитет из 25 членов (в том числе пять почетных председателей конгресса). Реальную работу вели

Исполнительный комитет (5 членов) и генеральный секретарь. «Николас» Набоков величал исполнительный комитет «наше политбюро». На учредительном заседании всех этих органов в Брюсселе в ноябре 1950 года Кестлер призвал разгромить нейтраллистов и вывести европейских интеллектуалов из-под влияния «всех этих Жюлио-Кюри».

Самого Набокова Джордж Кеннан и Джоссельсон активно продвигали на роль генерального секретаря «политбюро». Ему предложили годовой оклад в 6000 долларов, но «Николас» требовал 8 тысяч (он любил жить на широкую ногу – сказывались дворянские корни). Бернхем сказал людям Визнера, что обеспечит Набокову «надбавку», и с тех пор он фактически контролировал «Николаса».

Ласки руководил бюро конгресса в Берлине, Джоссельсон – в Париже.

Однако в ЦРУ решили, что ярый антикоммунизм Кестлера лишь отталкивает любого думающего человека, поэтому было дано указание убрать его из всех структур организации.

В мае 1951 года свежеиспеченный генеральный секретарь Конгресса за свободу культуры Набоков представил в Париже перебежчика поляка Чеслава Милоша, участника нью-йоркской конференции 1949 года (тогда он еще был на стороне СССР). В июне на деньги ЦРУ он прочел лекцию в Западном Берлине об искусстве в условиях тоталитаризма.

На средства ЦРУ не скупилось, и вскоре отделения конгресса возникли в Австралии, Ливане, Индии, Японии, Дании, Исландии, Аргентине, Чили, Уругвае, Перу, Колумбии, Пакистане и Бразилии. В Париже конгресс с 1951 года издавал журнал «Преве» («Доказательства»). Причем идея заключалась в том, чтобы подорвать позиции Сартра и его издания «Ле Тан». Интересно, что ни один француз, хотя бы что-то представлявший из себя в мире культуры, не согласился возглавить редакцию «Преве». Пришлось согласиться на кандидатуру малоизвестного швейцарца Франсуа Бонди, бывшего коммуниста, ранее сотрудничавшего с «Месяцем» Ласки. «Преве» увидел свет в октябре 1951 года.

В Лондоне в противовес авторитетному журналу «Нью Стейтсмен» запустили хронически убыточный «Двадцатый век».

С самого начала практически все известные европейские интеллектуалы сторонились конгресса Набокова. Организация явно жила на широкую ногу, и у излишне щепетильных интеллигентов невольно возникал вопрос, кто за все это платит. Ответ тоже лежал на поверхности – правительство США. Так считали в Париже практически все. И они не ошибались.

В самом ЦРУ на конгресс шли внебюджетные средства из фонда

«плана Маршалла». Денег никто не считал и скрупулезного отчета не требовал. Брейден вспоминал, что давал своим людям в Париже то 10, то 15 тысяч долларов: «Я не уверен в том, что они с этими деньгами делали»^[247]. Только в 1951 году конгресс получил примерно 200 тысяч долларов (около 2 миллионов в ценах 2015 года). В месяц только на работу секретариата конгресса в Париже тратилось 5 миллионов франков. Деньги выделялись через подставные фирмы или через банковские счета в Швейцарии.

Еще в начале 1951 года «Николас» Набоков, любивший вечеринки любого рода (при условии, что они были не за его счет), предложил ЦРУ организовать грандиозный фестиваль американского искусства в Париже. Цель была определена как разрушение господствовавшего в Европе мифа об отсталости американской культуры. Джоссельсон и Ласки поначалу колебались – они не были уверены в притягательности «американского образа жизни» для европейцев. Однако Брейден (романтик, как и его мать) воспринял идею Набокова с энтузиазмом. Шеф ЮОД яростно критиковал культурную политику госдепартамента, который, по его мнению, только и делал, что организовывал постановку за границей нудных американских пьес: «Эл (Даллес) и я знали, как это делать лучше...»^[248]

15 мая 1951 года генеральный секретарь Конгресса за свободу культуры Набоков получил формальное указание начать реализацию проекта. Он немедленно отправился в США (в том числе в свой любимый Голливуд) и привлек Игоря Стравинского, Леонтину Прайс (оперная певица и к тому же негритянка), Сэмюэла Барбера, писателей Джеймса Фаррелла и Гертруды Стайн, композитора Аарона Копленда, поэтов Уистена Хью Одена и Аллена Тейта, Нью-йоркский балет, Музей современного искусства в Нью-Йорке и Бостонский симфонический оркестр (лучший в Америке).

В Европе под знамена Набокова встали Лоуренс Оливье, Жан Кокто, Клод Дебюсси, Сальвадор де Мадариага, Чеслав Милош, Венская опера, лондонская опера «Ковент-гарден».

Люди Брейдена открыли в Нью-Йорке частный благотворительный счет в поддержку фестиваля, якобы от имени американского филиала конгресса за свободу культуры (он именовался Американским комитетом за свободу культуры). На самом деле практически все «пожертвования» пришли из ЦРУ и госдепартамента. Средства «отмывались» через «Фонд Фэрфилда» (Farfield Foundation)^[249]. Свою долю внесли и англичане (IRD).

Набоков не смог поначалу убедить Бостонский симфонический

оркестр приехать в Европу, так как стоимость гастролей была «огромна». Тогда в переговоры включился Брейден и ЦРУ выделило 130 тысяч долларов, что и решило исход дела.

1 апреля 1952 года в Париже открылся фестиваль «Шедевры двадцатого века» – Бостонский оркестр в присутствии президента Французской республики Ориоля сыграл музыку «Весны священной» Стравинского. Затем на протяжении месяца на Париж обрушился целый шквал концертов, выставок, литературных вечеров и т. д. Правда, как раз литературные вечера получили много критических замечаний со стороны французской прессы – слишком мало выдающихся писателей и слишком нудные выступления тех, кто приехал. Фолкнер якобы «пробубнил несколько несвязанных фраз».

В целом всем было понятно, кто заказывает музыку, как в прямом, так и в переносном смысле. Сартр отказался принять участие в фестивале, заявив, что он не настолько антикоммунист. Левая некоммунистическая газета «Комба» охарактеризовала мероприятие Набокова как «натовский фестиваль» и саркастически заметила, что туда не пригласили французских музыкантов, наверное, потому, что они никогда не слышали о таких очагах мировой культуры, как Алабама или Айдахо.

Таким образом, идея Набокова представить фестиваль как неполитическое и далекое от пропаганды явление полностью провалилась. Лидер балетной труппы Парижской оперы Серж Лифарь направил организаторам фестиваля открытое письмо, в котором раскритиковал абсолютно ненужный во Франции «крестовый поход» против якобы грозящего стране господства коммунистов.

Предсказуемым был комментарий газеты ФКП «Юманите»: фестиваль – это попытка «облегчить идеологическую оккупацию нашей страны Соединенными Штатами, заразить французские умы милитаристскими и фашистскими идеями...»^[250].

Джоссельсон вспоминал, что во время фестиваля весь Париж был пронизан атмосферой «янки, гоу хоум». Американская делегация выражала возмущение «неблагодарностью» европейцев.

Правда, Бостонский симфонический оркестр выступил успешно, и ЦРУ профинансировало его гастроль по Европе (они обошлись в 16 635 984 доллара).

Помимо работы с Конгрессом за свободу культуры Визнер, Брейден и его люди регулярно встречались с ведущими американскими журналистами и рассказывали им, что писать. Иногда Визнер сам сочинял статьи и размещал их в самых респектабельных американских СМИ. С ним

советовались в «Нью-Йорк таймс», «Ньюсуик» и CBS.

На европейские профсоюзы ЦРУ пыталось влиять через дотации по линии американского профцентра АФТ-КПП. Эту тему курировал бывший видный «раскаявшийся» американский коммунист Джей Лавстоун. Через него «свободным» от коммунистического влияния европейским профсоюзам ЦРУ передавало до 2 миллионов долларов в год. В обмен «свободные профсоюзы» не должны были участвовать в забастовках и прочих акциях, организованных коммунистическими профцентрами. Например, когда докеры в Марселе отказались разгружать суда с американскими грузами по линии плана Маршалла, ЦРУ подкупило их, и корабли были разгружены.

Правда, несмотря на эту кропотливую работу ЦРУ, большинство профсоюзов в ключевых западноевропейских странах (например, Италии и Франции) по-прежнему шли за коммунистами.

Несмотря на скромные успехи в Европе, а тем более в СССР (на это Визнеру не раз указывал Беделл Смит), ведомство Визнера (ОРС) разрасталось год от года с необыкновенной скоростью. В 1949 году в ОРС было 302 сотрудника, обходившихся официальным бюджетом в 4,7 миллиона долларов. В начале 1952 года Визнер командовал уже 2812 оперативниками (47 резидентур за границей) и распоряжался 200 миллионами долларов (на конец года)^[251].

Со временем Визнер сделался для многих подчиненных невыносимым (или трудно переносимым) боссом. Несмотря на разросшийся аппарат, он стремился вникать во все мелочи. Его прозвали «часовщиком в Детройте». То есть в огромном ведомстве (таком, как автомобильная фабрика в Детройте) Визнер вел себя как часовщик-кустарь, по-прежнему собственноручно разбирая каждые часы на мелкие детали. Присланные Визнеру сотрудниками докладные записки часто возвращались исписанные его замечаниями не только на полях, но и с обратной стороны.

Ничего, кроме работы, для Визера не существовало – он любой ценой должен был победить коммунистов. Некоторые работники ОРС считали, что их шеф просто не «довоевал». Ведь никакой реальной опасности в годы Второй мировой войны он не подвергался, и теперь хотел чувствовать себя на переднем крае.

Генерал Беделл Смит считал Визнера никчемным и самовлюбленным чудаком. Как и многие военные, он с пренебрежением относился к психологической войне, считая ее бесполезным баловством. Как-то он сказал своему заместителю Джексону (гуру психологической войны еще со времен войны мировой), что единственным успехом акции по сбрасыванию

листовок над нацистской Германией был случай, когда тяжелый мешок с листовками не раскрылся, попал в немецкую баржу на Рейне и затопил ее.

Директор ЦРУ приказал своему заместителю проинспектировать визнеровский «мозговой центр» по психологической войне – «Мастерскую психологической войны» (Psychological Warfare Workshop) под руководством Джо Брайана. Джексон обнаружил там массу юных талантов из престижных ВУЗов, которые занимались всякой ерундой. Одного сотрудника даже пришлось отправить в психбольницу за странную любовь к животным. Беделл Смит не скрывал своего гнева: «Могу я иметь людей, которые не нанимают тех, кто сожительствоует с коровами?»^[252] Особенно возмутила Беделла Смита акция с воздушными шарами, которую он считал абсолютно бесполезной. Одному из сотрудников «мастерской» шеф ЦРУ с угрозой сказал, что если он еще раз принесет ему на одобрение подобный проект, то «вылетит вон».

Визнеру и Даллесу, которые считали психологическую войну главным инструментом работы против «советского блока», частенько доставалось от Беделла Смита. Но если Даллес относился к разносам генерала философски и старался отшучиваться, то Визнер принимал все близко к сердцу. Особенно когда Беделл Смит приказал Визнеру немедленно уволить всех дилетантов, которыми тот себя окружил. Критерий для увольнения с точки зрения генерала был простой – вышвырнуть вон завсегдаев коктейльных вечеринок в Джорджтауне.

Инспекция резидентуры ЦРУ в Германии (самой большой в мире – 1400 оперативных работников), с которой Беделл Смит отправил в Европу генерала Траскотта, выявила массу провалов и очень мало успехов. Сотрудники ЦРУ, правда, успешно подбрасывали бомбы-«вонючки» на митинги коммунистических молодежных организаций ГДР или рассылали приглашения на фиктивные приемы, которые якобы давали посольства социалистических стран.

С целью привлечения перспективных кадров для выпускников Йельского университета 1950 года устроили показательные прыжки с парашютом недалеко от Мюнхена. Жены богатеньких выпускников могли воочию наблюдать героизм мужей из своих открытых лимузинов последних моделей.

По-прежнему и с тем же успехом забрасывали за «железный занавес» и реальных агентов. ЦРУ денег не жалело. Была даже построена бумажная фабрика, которая производила бумагу по советской технологии для изготовления фальшивых советских документов.

Успеха люди Визнера в Германии хотели любой ценой, и к этому их

всячески подначивал сам Визнер. При таком подходе провалы были скорее правилом, чем исключением. Например, один бывший офицер ВВС Польши предложил Визнеру купить для него на «черном рынке» (!) новейший советский истребитель МиГ. Визнер немедленно выделил поляку 400 тысяч долларов, которые тот лихо использовал для кутежей с девочками в дорогих мюнхенских отелях.

В 1950 году один из оперативников Визнера в Западной Германии завербовал примерно сотню членов так называемой Лиги младогерманцев. Они должны были в случае вторжения русских остаться за линией фронта и досаждать красным оккупантам диверсиями и саботажем. ЦРУ, как и раньше, не волновало, что «младогерманцы» представляли из себя бывших нацистов и членов СС. ЦРУ платило этой организации по 50 тысяч долларов в год, и предоставило оружие и взрывчатку. Но в октябре 1952 года СМИ ФРГ выяснили, что «младогерманцы» планировали с помощью предоставленного американцами оружия убить 40 членов социал-демократической партии.

Траскотт принял решение сократить штаты бесполезных бойцов Холодной войны в Германии. Даллес, по своему обыкновению, попытался отговорить генерала своими фирменными шуточками. Но когда он встал, чтобы покинуть кабинет Траскотта, тот рявкнул на него: «Сесть!» Визнеру Траскотт приказал наконец-то научиться писать документы нормальным английским языком, а не наукообразным гарвардским стилем.

Визнер все это переживал, но желание победить коммунистов было для него гораздо сильнее, чем бюрократические склоки. Срочно нужен был успех, и успех мирового значения.

К сожалению для Визнера, бандеровцы из УПА в 1952 году вообще уже не выходили на связь с Украины. В сфере спецопераций царило ненавистное Визнеру затишье, и тут, как по заказу, с ЦРУ вышла на связь мощная повстанческая организация из Польши «Свобода и независимость» (Wolnosc i Niepodlencosc, WiN).

Такая антисоветская боевая организация действительно возникла в Польше в 1945 году из остатков распущенной лондонским эмигрантским правительством Армии Крайовой (АК). В структуре «ВИН» было три отдела, соответственно ее основным задачам: а) пропаганда (издание газет, листовок и устная агитация); б) разведка (сбор военной, политической и экономической информации и передача этих материалов в Лондон); в) контрразведка (охрана подполья от репрессий со стороны органов общественной безопасности).

Первоначальной целью ВИН была якобы только политическая борьба

с польскими коммунистами и предотвращение их прихода к власти. Несмотря на заявленный гражданский характер, некоторыми членами организации предполагалась также и вооруженная борьба. На практике полевые командиры WiN часто не подчинялись указаниям руководящих органов организации. В организации были вооруженные отряды, действовавшие в подпольных условиях главным образом в восточных районах Польши.

С 1946 года руководство «Свободы и независимости» стало подчиняться польскому правительству в изгнании и Верховному главнокомандующему польских вооруженных сил, находившемуся в Великобритании. «Свобода и независимость» выступала за вывод советских войск с территории Польши, отрицала новые границы Польши, которые были установлены после Ялтинской конференции (то есть требовала возврата Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедших в состав СССР в сентябре 1939 года).

Несмотря на запрет руководящих органов ВИН, Центральная зона организации в 1945 году вступила в переговоры с УПА. В 1946 году вооруженные отряды «Свободы и независимости» провели совместно с бандеровцами несколько вооруженных акций на востоке Польши, самой известной из которых было нападение 28 мая 1946 года на город Грубешов.

Хотя после 1947 года ВИН потерпела ряд сильных поражений в боях с польскими силами госбезопасности, организация успешно преувеличивала свои силы в контактах с американской и британской разведками. Якобы 20 тысяч сторонников ВИН готовы к восстанию, если получат оружие и, естественно, деньги, причем в золоте.

Визнер распорядился передать полякам оружие, рации и 1 миллион долларов в британских золотых соверенах. Всего американцы направили своим польским друзьям помимо 17 радиостанций несколько сот килограммов золота. Визнер и не подозревал, что вся организация ВИН на тот момент представляла собой плод воображения сотрудников польской госбезопасности. Польские чекисты в полной мере использовали опыт ОГПУ по созданию в 20-е годы мифических контрреволюционных организаций в Советской России (знаменитая операция «Трест»).

В обмен на золото Визнеру из Польши поступили несколько фотографий с «плодами» работы ВИН – на них можно было различить взорванные мосты и автомобили Советской армии. Визнер был вполне доволен, пока 27 декабря 1952 года Радио Варшавы в деталях не рассказало всему миру об успешной операции польской госбезопасности. Над Визнером впервые смеялись по всему миру (раньше удалось скрывать

провалы от широкой общественности).

Но череда унижений для него на этом не закончилась. Всплыли подозрения, что хороший друг Визнера, офицер связи британской разведки СИС в Вашингтоне Ким Филби, возможно, является советским агентом.

Ким Филби, друг Даллеса, или Албания II

Филби поступил на службу в британскую разведку в 1940 году по протекции еще одного члена «кембриджской пятерки» Гая Берджесса. Его карьера развивалась стремительно, и уже через год он был заместителем начальника контрразведки. В 1944 году он предложил Черчиллю создать специальное подразделение британской разведки для работы против СССР. Премьер согласился, и Филби возглавил секцию 5 MI-6. Только за время войны Филби передал в Москву 914 секретных документов. С 1947 по 1949 год Филби возглавлял резидентуру в Стамбуле, с 1949-го по 1951-й – миссию связи британской разведки в Вашингтоне.

В первые послевоенные годы Филби подружился с главным контрразведчиком УСС Энглтоном, который тогда работал в Италии. И Филби и Энглтон искренне любили Италию и давали своим агентам псевдонимы в честь итальянских растений («Фига», «Роза», «Томат» и т. д.). Роднил обоих разведчиков и интерес к еврейским традициям и обычаям, что не поощрялось в британской разведке. Позднее Энглтон признавал, что научился от Филби многому, прежде всего, ничего не брать на веру, стараться все доказать^[253]. Энглтон и не подозревал, что Филби помогает ему лишь для того, чтобы главный контрразведчик УСС сделал хорошую карьеру в Вашингтоне и стал для советской разведки ценным источником информации. Возможно, Филби даже рассчитывал в будущем завербовать Энглтона, так как уважал последнего за идеализм и высокий интеллект.

Находясь с 1949 года в Вашингтоне, общительный и опытный Филби установил прекрасные отношения с руководством ЦРУ, особенно с Визнером и Даллесом. Оба были снобы и любители светской жизни, и контакты с отпрыском британской аристократии им очень льстили.

Визнер любил англичан за их имперский опыт (и джентльменский снобизм, роднивший их с гарвардской элитой Америки) и считал британскую разведку своими учителями. Любимой книгой Визнера была «Ким» Киплинга, в честь главного героя которой отцом и был назван Филби^[254]. Уважал Визнер офицера связи СИС и за то, что его отец был известным британским чиновником в Индии. Обычно по окончании официальных встреч с Филби Визнер доставал из бара бутылку «бурбона» и предлагал провести вечер вместе, вдали от жен^[255].

Филби так характеризовал Визнера в своих воспоминаниях: «...

человек сравнительно молодой для такой ответственной работы, но начавший уже лысеть и отращивать солидное брюшко. Он любил высокопарный стиль, что производило неприятное впечатление... Мои отношения с управлением координации политики (ОРС. – *Примечание автора*) были более активными, чем с ОСО; в последнем меня интересовали лишь планы управления»^[256].

Беделла Смита Филби уважал за его холодный и точный ум – в отличие от Даллеса или Визнера генерала было невозможно «уболтать» анекдотами или «разговорить» на вечеринке с большим количеством спиртного. С директором ЦРУ Филби все время приходилось держаться настороже. Отношения с Даллесом этого не требовали.

Филби считал Даллеса приятным в общении, что называется, «компанейским» человеком. Советский разведчик знал, что если позвонить или зайти к Даллесу ближе к окончанию рабочего дня, то тот непременно предложит продолжить интресную беседу в одном из баров. А поговорить на самые разные темы Даллес любил – его просто мутило от бумажной и кабинетной работы.

Опытный профессионал Филби не купился на самопиар Даллеса как самого «звездного шпиона Америки». В отличие от Энглтона Филби невысоко оценивал профессионализм и интеллектуальные способности Даллеса. Если Энглтон и даже Визнер были бесспорно преданы своему делу и не рассматривали его как обычную работу, то Даллес, по мнению Филби, был лентяем. Ему просто нравилось то, что он делал (причем скорее не сама работа в разведке, а ее антураж: таинственность, большие и бесконтрольные деньги, красивые женщины и т. д.). Ни больше, ни меньше.

Главной восходящей звездой в ЦРУ (точнее в ОСО) в то время был Энглтон, с которым Филби, естественно, возобновил прежние дружеские отношения. Филби так вспоминал об этом: «Мы обычно завтракали с ним раз в неделю в отеле “Харвей”, где он показывал, что безмерное усердие в работе было не единственным его пороком. Это был один из самых худых людей, каких я когда-либо встречал, и в то же время большой любитель поесть. Счастливчик Джим! После года совместных завтраков с Энглтоном я последовал совету знакомой пожилой дамы и перешел на диету, сбросив двенадцать килограммов за три месяца.

Наши отношения, я уверен, опирались на подлинно дружеское расположение обеих сторон. Но у каждого из нас были свои скрытые мотивы. Энглтон хотел перенести центр тяжести обменов между ЦРУ и СИС на представительство ЦРУ в Лондоне, которое было раз в десять больше, чем мое. Если бы ему это удалось, он сумел бы оказывать

максимальное давление на центральный аппарат СИС, в то же время снизив до минимума вторжение СИС в его собственные дела. С точки зрения национальных интересов это было справедливо. Поддерживая со мной близкие отношения, он мог в большей степени держать меня под контролем. Я же со своей стороны охотно делал вид, что попался на его удочку. Чем больше было между нами открытого доверия, тем меньше он мог заподозрить тайные действия. Трудно сказать, кто больше выиграл в этой сложной игре, но у меня было одно большое преимущество: я знал, что он делает для ЦРУ, а он знал, что я делаю для СИС, но истинный характер моих интересов ему не был известен»^[257].

С ФБР сердечные контакты Филби установить не сумел, хотя имел на сей счет инструкции британской разведки (поддерживать одинаково хорошие отношения с ЦРУ и ФБР). Однако вовсе не потому, что «проницательный» Гувер его в чем-то подозревал. Просто шеф ФБР, добившийся ликвидации УСС, был не в восторге от образования ЦРУ. Мечтой Гувера было объединение разведки и контрразведки под крышей ФБР, но этой мечте не суждено было сбыться. Поэтому раздосадованный Гувер дал своим агентам команду собирать на ЦРУ всевозможный компромат. В этой связи следили (хотя поначалу и не плотно) и за резидентом СИС в Вашингтоне.

Гувер, происходивший из семьи мелкого торговца, терпеть не мог выпускников элитных университетов и богатеньких сыночков, наводнивших ЦРУ. И эти чувства были взаимными – они распространялись даже на предпочтения в области спиртных напитков. Снобы и космополиты из ЦРУ пили бургундское и лучшие коньяки, в то время как более приземленные фэбээровцы предпочитали пиво и виски.

Филби так вспоминал об этом: «Перед отъездом из Лондона меня вызвал шеф (британской разведки). Он был в превосходном настроении и развлекал меня рассказами о самых щекотливых случаях из области отношений между английской и американской разведками в годы войны. Эти рассказы оказались не просто праздными воспоминаниями. Шеф сообщил мне, что известие о моем назначении в Соединенные Штаты, по-видимому, расстроило Гувера. Я тогда считался довольно высокопоставленным сотрудником службы... Гувер подозревал, что мое назначение предвещает нежелательную деятельность СИС в Соединенных Штатах. Чтобы рассеять его опасения, шеф послал ему телеграмму, заверив, что не имеет намерения менять политику СИС. Мои обязанности ограничиваются вопросами связи с американскими службами. Шеф показал мне телеграмму и посмотрел на меня в упор. “Это, – сказал он, –

мое официальное послание Гуверу. – И после короткой паузы добавил: – А неофициально... поговорим за ленчем у Уайта»»^[258].

И все же Филби явно недооценил одного выходца из ФБР, с которым ему пришлось столкнуться в Америке.

Билл Харви был выходцем из известной, но провинциальной семьи на Среднем Западе (то есть из глубокой провинции по американским меркам). В 1936 году, когда Харви изучал право в университете Индианы, он попытался баллотироваться от демократов на пост районного прокурора, но даже поддержка газет (принадлежавших его деду) не спасла его от сокрушительного поражения. Спасаясь от позора, Харви пришлось переехать в соседний штат (Кентукки) и заняться адвокатской практикой. Но Харви терпеть не мог мелких дел и глупых клиентов, поэтому и на этом поприще тоже не преуспел. В декабре 1940 года Билл Харви поступил на службу в ФБР с годовым окладом в 3200 долларов. Ни Визнер, ни Даллес в своих юридических конторах на Уолл-стрит не пошевелили бы и пальцем за такие деньги.

Начинал Харви в офисе ФБР в Питтсбурге, но его быстро перевели в Нью-Йорк. Там Билл отличился в борьбе против немецкой разведывательной сети, перевербовав одного из нацистских агентов Уильяма Зебольда.

Но его карьере мешали два обстоятельства: Харви любил выпить и постоянно волочился за женщинами. Его жена Элизабет («Либби» как называл ее Харви) не была готова мириться с таким поведением мужа, и ее брак с «большим папочкой» (так она величала супруга) превратился в сплошной скандал. А нелады с женой только усилили тягу Харви к бутылке.

Тем не менее в сентябре 1945 года Харви показалось, что он наконец-то вытянул главный счастливый билет в своей жизни.

После окончания войны и разгрома своего конкурента в лице УСС Гувер решил, что самое время предъявить президенту и общественности собственные эффектные успехи. Никто не должен был даже усомниться в незаменимости шефа ФБР. Естественно, что на роль главного врага Америки Гувер, как и раньше, наметил «красных».

И вот в сентябре 1945 года Харви поручили допросить некую Элизабет Бентли, показания которой претендовали на так нужную Гуверу сенсацию.

Бентли родилась в 1908 году в Нью-Милфорде (штат Коннектикут). Получив степень магистра искусств в Колумбийском университете, она в 1933 году отправилась в Италию, где, по неподтвержденным данным, имела связи с фашистами. Вернувшись в Америку, Бентли вступила в нью-

йоркскую ячейку коммунистической партии США, где почти сразу познакомилась со своим будущим спутником жизни – Яковом (Джейкобом) Голосом. Голос, как уже упоминалось выше, являлся нелегальным резидентом ИНО ГУКБ НКВД. Элизабет начала работать секретарем Голоса, а позже они, не регистрируя свой брак, стали жить вместе.

В 1943 году Голос, перенеся сердечный приступ, потерял способность передвигаться, и Элизабет взяла на себя все его функции. В это время они жили уже в Вашингтоне, где Элизабет и начала налаживать связь с контактами Голоса. По свидетельству самой Бентли, в те дни она снабжала секретной информацией около тридцати высокопоставленных лиц в СССР, пользуясь сетью примерно из двадцати шпионов.

Якобы группу высокопоставленных агентов ей на связь передал генеральный секретарь ЦК компартии США Эрл Браудер.

Еще со времен своего пребывания во Флоренции Бентли была подвержена глубоким депрессиям, которые она заливала алкоголем. Ей все время казалось, что за ней следят. В 1945 году ей предложили эмигрировать в СССР, но Бентли наотрез отказалась. В августе 1945 года она пришла в офис ФБР в городе Нью-Хейвен (Коннектикут), но развернутые показания о своей работе на советскую разведку стала давать начиная с ноября.

В сентябре 1945 года Бентли («Лиса») провела последнюю встречу с советским разведчиком Анатолием Горским, работавшим под «крышей» первого секретаря советского посольства в Вашингтоне Анатолия Громова. Бентли явилась на встречу пьяной, и у нее возник спор с Горским, в ходе которого она обозвала всех советских агентов «гангстерами». Испугавшись собственной безрассудности и опасаясь, что русские «ликвидируют» ее, Бентли наконец решилась все рассказать ФБР.

7 ноября 1945 года Бентли начала давать развращенные показания, и в целом обвинила в работе на советскую разведку 150 американцев, в том числе 37 служащих федеральных ведомств. Именно последний аспект был наиболее важным для Гувера. Он поручил Харви собрать на этих «предателей» компромат. Его особенно интересовали «агенты», так или иначе связанные с бывшим УСС или госдепартаментом (которому в то время формально подчинялось ведомство Визнера и куда перешли на работу многие кадры «Дикого Билла»). Гувер уже спал и видел, как с помощью Бентли разрушить ЦРУ.

Неудивительно, что Бентли сообщила Харви о том, что самым влиятельным советским агентом в американском правительстве является Эджер Хисс, советник госсекретаря США Стеттиниуса.

Хисс родился в 1904 году в Балтиморе в семье довольно крупного

предпринимателя (его предки приехали в США из Германии). Однако во время финансовой паники 1907 года отец Хисса разорился и покончил жизнь самоубийством. Эдджер получил образование в Гарвардском университете, что дало ему пропуск в американский истеблишмент. Во время учебы в Гарварде Хисс был дружен с будущим членом Верховного суда, левым либералом Феликсом Франкфуртером. Как и Франкфуртера, его поразила юридическая расправа над рабочими Сакко и Ванцетти, которых приговорили к смертной казни по надуманным обвинениям.

При Рузвельте Хисс работал в министерстве юстиции, различных сенатских комиссиях и правительственных ведомствах. С 1936 года Хисс был на службе в госдепартаменте и до 1944 года занимался в основном Дальним Востоком. В 1944 году его назначили директором только что учрежденного Управления по специальным политическим вопросам (Office of Special Political Affairs), которое должно было координировать позицию США по созданию послевоенных международных организаций, прежде всего ООН. Интересно, что именно «советский разведчик» Хисс готовил меморандум с позицией США против предложения Сталина предоставить в ООН голос каждой из 16 советских республик.

Хисс был генеральным секретарем конференции, открывшейся 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско, на которой и была учреждена ООН. Представитель СССР на конференции рекомендовал Хисса на должность первого генерального секретаря ООН ввиду его «беспристрастности» и «честности».

В 1946 году Хисс покинул госслужбу и стал работать в Фонде Карнеги за международный мир.

Хисс никогда не был агентом советской разведки, но с симпатией относился к СССР (что в 30-е и 40-е годы не было чем-то из ряда вон выходящим среди американской интеллигенции).

Генерал П.А. Судоплатов так вспоминал об этом: «Одно должностное лицо США, с которым у нас существовали конфиденциальные отношения, входило в состав официальных членов американской делегации на Ялтинских переговорах^[259]. Этого человека звали Эдджер Хисс^[260], он был доверенным лицом Гопкинса^[261]. В беседах с Уманским^[262], а затем с Литвиновым Хисс раскрывал планы Вашингтона. Кроме того, он был весьма близок с некоторыми “источниками”, сотрудничавшими с советской военной разведкой, и с нашими активными агентами в Соединенных Штатах. По специальным каналам обмена информацией с военными мы знали, что от Хисса к нам поступило сообщение: американцы готовы

прийти к соглашению с нами о будущем Европы.

В нашем списке против фамилии Хисса было указано, что он с большой симпатией относится к Советскому Союзу и является сторонником послевоенного сотрудничества между американским и советским правительствами. Однако ничего не говорилось о том, что Хисс, сотрудник Госдепартамента, является агентом нашей разведки...

Когда в конце 40-х годов Хисса обвинили в шпионаже в пользу СССР, никаких убедительных доказательств его виновности представлено не было, да их и быть не могло. Хисс был близок к людям, сотрудничавшим с советской военной разведкой, возможно, являлся источником информации, передаваемой нашим спецслужбам, однако он никогда не был нашим агентом в полном смысле слова. Этой же точки зрения придерживался один из моих старых знакомых, ветеран нашей военной разведки. Он сказал мне, что накануне Ялты на контакты с советскими представителями Хисса подтолкнули Гопкинс и Хэлл, госсекретарь США, по поручению Рузвельта, зная об его симпатиях к Советскому Союзу. Американским властям было важно иметь Хисса как промежуточное лицо, которое эпизодически может донести важную неофициальную информацию до советских правящих кругов»^[263].

Как раз это последнее обстоятельство и было важно для Гувера. В лице Хисса он хотел обвинить в нелегальной работе на СССР ведущих соратников Рузвельта и тем самым окончательно похоронить любые надежды на возрождение «нового курса» при Трумэне.

Хисс казался Гуверу достаточно высокопоставленным чиновником, чтобы послужить «лидером» советского шпионского гнезда в госаппарате США. Но помимо прямой связи с «новым курсом» Рузвельта (Гувер ненавидел как Рузвельта лично, так и его «новый курс») Хисс был еще и членом Совета по международным отношениям, который возглавлял Даллес. Таким образом, с помощью Хисса можно было не только скомпрометировать госдепартамент, но представить гнездом предателей и русских шпионов еще и УСС.

По заданию Гувера Харви на основании показаний Бентли, дополненных якобы сведениями предателя Гузенко и профессионального разоблачителя «красных» Уитекера Чамберса^[264], соорудил мощную, хотя и ничем не подтвержденную версию глобального коммунистического проникновения в госаппарат США с Хиссом во главе. Самым приятным фактом из показаний троицы Бентли – Гузенко – Чамберс для Гувера было то, что пять из 20 «советских разведчиков» ранее работали в УСС. К тому

же Чамберс признался самозваному блюстителю морали Гуверу, что с 1933 года был гомосексуалистом. Это вполне вписывалось в мировоззрение Гувера – коммунист должен был быть еще и обязательно морально падшим человеком. При этом свой собственный гомосексуализм Гувер, конечно же, умело скрывал.

Основываясь на материалах Харви, Гувер направил президенту «совершенно секретную» информацию о советской агентуре в госаппарате.

Но даже такой мастер дутого компромата, как Гувер, не просчитал один вариант развития событий. Хисс был хорошим другом Дина Ачесона, заместителя госсекретаря, которого Трумэн прочил на пост главы американской дипломатии. Если бы Трумэн «отдал на съедение» Хисса, полетела бы и голова Ачесона. В конечном итоге под ударом оказался бы и сам Трумэн, как покровитель Ачесона.

Трумэн пока замял «дело Хисса», но Харви по приказу Гувера работал над «заговором» еще два года. В это время скандалы с женой усилились, так как «папочка» днями и ночами пропадал на работе (чему «Либби» не особо верила). Помимо Хисса Харви «нарыл» еще двух высокопоставленных советских шпионов (на замену Хиссу, если бы тому удалось выйти сухим из воды) – Гарри Декстера Уайта^[265] и Лочлина Карри (советника самого Трумэна).

Вся вина Уайта состояла лишь в том, что он и после окончания войны высказывался в пользу сохранения хороших отношений с Советским Союзом.

ФБР проанализировало предоставленные Бентли сведения и результаты проведенных на их основе расследований по названному ею подозреваемым, включая Уайта, и подготовило доклад «Советская разведка в США» (Soviet Espionage in the United States), который был отправлен 4 декабря 1945 года в Белый дом, министру юстиции и в госдепартамент.

Президент США явно не поверил домыслам Гувера и через шесть недель, 23 января 1946 года, номинировал Уайта на должность директора от США в Международном валютном фонде. Но Гувер не унимался: ФБР направило меморандум на 28 страницах, посвященный лично Уайту и его контактам, который был получен в Белом доме 4 февраля 1946 года. Тем не менее номинация Уайта была без проблем утверждена в сенате 6 февраля 1946 года.

Уайт продолжал работать в МВФ до 19 июня 1947 года – т. е. в течение более двух лет, после того, как ФБР поставило Белый дом в известность о его «шпионской» деятельности, – неожиданно уйдя в отставку (освободив свой кабинет в тот же день) после того, как министр юстиции Кларк

приказал Федеральному большому жюри расследовать обвинения Бентли.

31 июля 1948 Бентли рассказала комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, что Уайт участвовал в шпионаже в пользу Советского Союза в течение всей Второй мировой войны. Никаких доказательств она не предъявила. Но конгресс, битком набитый профессиональными антикоммунистами (типа члена палаты представителей от Калифорнии Ричарда Никсона) тем не менее решил: «Сосредоточение сторонников коммунизма в министерстве финансов, и особенно в отделе монетарных исследований, теперь полностью зафиксировано. Уайт был первым директором отдела; его преемниками были Франк Коэ и Гарольд Глассер. Также в отделе монетарных исследований работали Уильям Людвиг Ульман, Ирвинг Каплан, и Виктор Перло. Было установлено, что Уайт, Коэ, Глассер, Каплан и Перло являются участниками коммунистического заговора...»

Обращает на себя внимание тот факт, что речь шла о некоем заговоре, а отнюдь не о шпионаже.

13 августа 1948 года Уайт давал показания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, где заявил, что не является коммунистом. Сразу после дачи показаний с ним случился сердечный приступ. Он покинул Вашингтон и поехал отдохнуть на ферму Фицвильям, в Нью-Хэмпшире. Сразу по прибытии у него произошел второй сердечный приступ. Через два дня, 16 августа 1948 года, в возрасте 55 лет, Гарри Уайт умер. Развязанная Гувером «охота на ведьм» требовала своих жертв.

Уайта и Хисса не оставили в покое и после их смерти. В 1997 году комиссия сената США пришла к выводу, что вина Элджера Хисса, как и Декстера Уайта, выглядит доказанной.

3 августа 1948 года подзабытый было Уитекер Чамберс дал показания постоянному комитету Палаты представителей по антиамериканской деятельности. Он нарисовал устрашающую картину подрывной работы скрытых коммунистов во всех американских министерствах. Особенно Чамберс напирал на Хисса. Спустя два дня, 5 августа, перед комитетом для дачи показаний предстал уже сам Хисс. Он полностью отрицал, что когда-либо был членом компартии США (что, кстати, само по себе не было никаким правонарушением) или имел друзей среди ее членов. По его словам, он ни разу в жизни не встречался с Чамберсом. Четкие ответы Хисса на фоне постоянных (подчас смешных и абсурдных) «показаний» Чамберса убедили многих членов комиссии в абсолютной невинности Хисса. Упирался лишь Ричард Никсон – молодая восходящая звезда

республиканской партии.

По наводке Чамберса он отправился в дом Хисса в штате Мэриленд и нашел на грядке в огороде полую тыкву, в которой были спрятаны пять рулонов фотопленки с секретными документами, якобы переснятыми Чамберсом. Часть документов была перепечатана на принадлежавшей Хиссу машинке. Такой странный способ хранения документов сразу навел многих в Америке на мысль о том, что Хиссу все это просто подбросили.

Покуда возились с тыквой, истек 10-летний срок давности по делам о шпионаже. Все, что могло сделать американское правосудие, – так это предъявить Хиссу обвинение в лжесвидетельстве. Так и поступили. Однако жюри присяжных не смогло вынести вердикт. Осудить Хисса удалось лишь на втором процессе, который завершился 21 января 1950 года оглашением приговора. Хисс отправился за решетку на три с лишним года, а ликующий Никсон снискал всенародную известность и в 1952 году стал кандидатом в вице-президенты от республиканской партии в паре с Дуайтом Эйзенхауэром. В своей кампании Никсон активно использовал дело Хисса против кандидата демократов Эдлая Стивенсона, который работал в госдепартаменте, знал Хисса и на его процессе выступал свидетелем^[266].

Между тем министерство юстиции США требовало от Гувера весомых доказательств именно шпионской деятельности Хисса, Уайта и всех тех, кого скомпрометировали Чамберс и Бентли. Гувер, в свою очередь, требовал этих доказательств от Харви. В ФБР пошли слухи, что Трумэн заимел зуб на Гувера, а Гувер – на Харви. Действительно, шефу ФБР просто понадобился «козел отпущения». Ведь никаких реальных доказательств «шпионского заговора» не было.

От Харви надо было избавляться, и тут как раз пригодилась супруга последнего – «Либби». 11 июля 1947 года Харви после одной из вечеринок уехал с работы домой, но туда так и не попал. «Либби» позвонила в ФБР и пожаловалась на «папочку». Но вскоре Харви появился на работе и утверждал, что прошлым вечером выпил всего лишь пару бокалов пива. По пути домой якобы что-то случилось с машиной, Харви заехал в какую-то лужу и уснул. Гувер перевел Харви в заштатный Индианополис, якобы из-за того, что тот нарушил предписание всегда быть в пределах досягаемости по известному в ФБР телефону. Такое предписание действительно существовало, но в ФБР его никто толком не соблюдал.

Обозленный Харви уволился из ФБР^[267], и им немедленно заинтересовались давние конкуренты Гувера из ЦРУ. Харви перешел в ЦРУ и возглавил там в ОСО службу контрразведки – «подразделение С». В

отличие от светских розгильдяев из ЦРУ, Харви был человеком недоверчивым, привыкшим подозревать всех и каждого. Коммунистов и всех «советских» он по определению считал преступниками – ведь это они вовлекли его в сложный политический переплет, закончившийся увольнением из ФБР.

Филби так описывал Харви в своих воспоминаниях: «Помимо Энглтона моим коллегой в УСО был Билл Харви, начальник контрразведывательной секции. Раньше он работал в ФБР, но Гувер выгнал его за пьянство в служебное время. Когда я первый раз пригласил его обедать к себе домой, обнаружилось, что его привычки не изменились. Он заснул за кофе и так просидел, тихо похрапывая, до двенадцати часов ночи. Потом его увела жена со словами: “Ну пойдем, папочка, тебе уже пора в постель”. Меня могут обвинить в том, что я взял недостойный тон. Согласен. Но, как будет видно ниже, Харви сыграл со мной очень неуместную шутку, а я не люблю оставлять провокации безнаказанными»^[268].

Таким образом, сам Филби признает, что в своих впечатлениях о Харви он пристрастен. За глаза Филби презрительно именовал толстого Харви «грушей».

Энглтон был в своем мнении о Харви более объективен: «Думаю, что больше всего у меня в памяти осталась его способность запоминать все детали дел, над которыми он работал... Гувер бы все равно не дал нам никакой информации, но у нас был Билл, и этого хватало»^[269]. Харви сначала думал, что Энглтон – типичный сноб с Восточного побережья. Но потом он узнал, что его коллега, как и он, вырос на Западе, да и мать у него мексиканка. После этого Харви уважал Энглтона, тем более, что оба любили поэзию (Энглтон – Йейтса, а Харви – Киплинга).

«Либби» переживала из-за новой работы мужа. У нее не было практически никакого образования, а тут ей неожиданно пришлось участвовать в приемах и светских вечеринках, которые были в моде в ЦРУ. Там на нее свысока поглядывали красивые, хорошо одетые и умные дамы, которыми любили окружать себя Визнер и Даллес. Свой комплекс неполноценности «Либби» заливала алкоголем. К тому времени, когда с ней познакомился Филби, она постоянно пила уже не только вечером, но и днем.

Главным официальным контактом Филби в ФБР был помощник Гувера по вопросам безопасности Микки Лэдд. Опять предоставим слово Филби: «Из сотрудников ФБР мне больше всего приходилось иметь дело с Лэддом,

и я встречался с ним по несколько раз в неделю как в его служебном кабинете, так и дома. В прошлом он был одним из головорезов Гувера в Чикаго, “парнем, который всегда шел первым”, когда надо было стрелять. Он и сейчас походил на головореза. Невысокого роста, коренастый, он, видимо, был крепким как камень, пока не отрастил брюшко, толстые щеки, второй подбородок и не приобрел такой цвет лица, который предвещал апоплексический удар. У него не было никаких интеллектуальных интересов. Излюбленным его развлечением было проигрывание похабных пластинок женщинам, которые посещали его дом впервые. У него были и другие “ребяческие” черты, включая бессознательную жестокость. По самой объективной оценке, это был страшный человек, и, тем не менее, он начинал мне нравиться».

Лэдд предостерег Филби от излишне тесных контактов с ЦРУ, и советский разведчик понял, насколько сильно люди Гувера недолюбливают своих коллег из ведомства Беделла Смита. Как и сам Гувер, Лэдд презирал ЦРУ за снобизм, сочетающийся с профессиональной некомпетентностью: «Чему их там учат, в ЦРУ? – начал он однажды вечером и сам ответил: – Как пользоваться ножом и вилок и как жениться на богатых женщинах»^[270].

Вместе с Визнером Филби курировал от британской разведки новую операцию по подрыву Албании. Визнер по-прежнему считал Албанию самым слабым звеном социалистического лагеря. Ведь после разрыва между Тито и Сталиным летом 1948 года Албания не имела общих границ со странами «советского блока». К тому же Визнер ошибочно полагал, что крестьянская по социальному составу населения Албания тяготеет к частной собственности и ждет не дождется, когда свергнут проклятых коммунистов. Как обычно, шеф ОРС принимал желаемое за действительное.

Британскую разведку привлекли к операции в Албании потому, что эта страна (как упоминалось выше) считалась традиционной сферой интересов англичан. А Визнер свято чтит традиции времен Британской империи. Сами англичане стремились свергнуть режим Энвера Ходжи в Албании потому, что не хотели, чтобы в Албании появились советские военно-морские базы. В Лондоне никак не могли отделаться от мысли, что Средиземное море по-прежнему является вотчиной британского льва.

В октябре 1946 года два британских эсминца подорвались на минах в районе острова Корфу (43 члена экипажа погибли). Англичане обвинили Албанию в провокации и отказались выдать ей 10 миллионов фунтов золота, помещенных Албанией ранее в подвалы Банка Англии.

Визнера нисколько не смущал тот факт, что прежние попытки высадить в Албании контрреволюционных эмигрантов и поднять там восстание (1949–1950) закончились полным провалом. Тем более, что тогда операцией формально руководили британцы. После позорного фиаско ЦРУ в корейской войне Визнер жаждал реванша.

Сначала Визнер учредил Национальный албанский комитет – правительство в изгнании, которое должно было взять власть в Албании после победы «народного восстания». Во главе комитета стоял молодой юрист, «демократ» Дости, боявшийся, по воспоминаниям Филби, даже собственной тени.

Англичане даже не стали искать «албанских демократов», а остановили свой выбор на типичном головорезе, вожде небольшого албанского племени Аббасе Купи. По описанию Филби: «Этот человек носил бакенбарды и был вооружен до зубов – типичный продукт британского опекуна. Я не сомневался, что он был способен, подобно своим предкам, совершать налеты на невооруженные караваны или подстреливать исподтишка ошалевших от жары турецких солдат, устало бредущих через какое-нибудь ущелье. Но я никогда не разделял восторгов британского джентльмена при виде представителей дикого племени.

Короче говоря, если Дости был слабеньким молодым человеком, то Аббас Купи был старым негодяем. Бесконечные споры англичан и американцев о достоинствах обоих соперников можно понять, если отбросить другие стороны дела и рассматривать его лишь как состязание, которое должно решить, кто – англичане или американцы – будет определять политику контрреволюционного правительства, если оно когда-либо образуется. Когда наконец и те и другие устали от споров и стали искать компромиссное решение, обнаружилось, что Дости и Купи под влиянием своих покровителей заняли настолько жесткую позицию, что ни одного из них нельзя было уговорить служить под началом другого»^[271].

Общее руководство албанской операцией осуществлял специальный англо-американский комитет в составе четырех человек: представителей МИД Великобритании, госдепартамента, ОРС и СИС. От СИС в комитете заседал Филби. Советского разведчика поражало презрительное отношение к албанцам представителя Визнера Фрэнка Линдсея^[272] («компанейского парня», по оценке Филби). Линдсей сказал, что единственный албанец, которого он видел в жизни, висел вниз головой на брусках. Как вспоминал Филби: «Даже в более серьезные моменты мы, англосаксы, не забывали, что наши агенты лишь недавно спустились с деревьев».

Линдсей у Визнера занимался Балканами. Когда Тито разорвал отношения с Москвой, он по секретным каналам попросил ЦРУ поставить Югославии американское оружие, якобы из-за опасения советского вторжения. Линдсей по указания Визнера организовал переправку в Югославию пяти партий оружия, так как, по словам самого же Линдсея, «Тито было человеком Запада»^[273].

Помимо головорезов-уголовников Купи (формально этот бандит считал себя лидером монархистов) албанские кадры «свободного мира» состояли из монархистов и албанских коллаборационистов из организации «Балли Комбетар» (Национальный фронт).

Лидер «Балли Комбетар» Мидхат Фрашери хотел создать «Великую Албанию» за счет территорий Югославии и Греции. Нацисты, и правда, разрешили албанским националистам в 1944 году управлять сербским регионом Косово, что привело к геноциду евреев и сербов на этой территории. В мае 1944 года благодарные албанские коллаборационисты попросили разрешения Гимmlера создать албанскую дивизию СС для борьбы против югославских партизан. 21-я горная дивизия войск СС (албанская номер 1) «Скандерберг» была образована в мае 1944 года (немцы отобрали из 11 тысяч добровольцев 9275 человек). Большинство бойцов албанской дивизии СС были уроженцами Косово. Нацисты великодушно признали албанцев «арийцами» и союзниками в борьбе против «славянских недочеловеков».

Еще в декабре 1943 года британская разведка пришла к выводу, что «Балли Комбетар» активно сотрудничает с немцами и получает от них оружие.

Во время войны и сам Фрашери не брезговал нацистами, а после освобождения Албании бежал в Турцию, опасаясь заслуженного возмездия. Оттуда он попал в Италию, затем в Лондон (получив статус политического беженца), а затем ЦРУ перебросило его в США. Главной идеей Фрашери было присоединение Косово к Албании, как это было и при нацистах.

Именно Фрашери и должен был первоначально возглавить «албанское правительство в изгнании», но 3 октября 1949 года он неожиданно скончался от инфаркта в Нью-Йорке.

В 1950 году американцы под видом «рабочих батальонов» подготовили для заброски в Албанию примерно 400 человек в лагерях для «перемещенных лиц» в Западной Германии. Операцией по поручению Визнера руководил Кармел Оффи. В июле 1950 года «роту 400» (так называли «албанский спецназ» ЦРУ) передали под командование албанского майора Али Башома из «Балли Комбетар». Пропагандистски вторжение

должна была подготовить учрежденная ЦРУ радиостанция «Свободная Албания». В августе 1950 года самолеты ЦРУ сбросили листовки над районом города Корча – албанцам следовало ждать скорейшего освобождения от «коммунистической тирании».

Наконец, 19 ноября 1950 года ЦРУ сбросило над Албанией 9 диверсантов. Часть из них была сразу же обезврежена, некоторым удалось уйти в Югославию. Население Албании отказалось поддержать «освободителей». Но Визнер не унимался. 23 июля 1951 года в Албанию сбросили еще 12 человек. Шестерых убили сразу, еще четверых сожгли заживо в доме, где они пытались обороняться. Двое «коммандос» попали в плен. «Балли Комбетар» потребовала прекратить бессмысленные «акции», но Визнер при поддержке Даллеса горел желанием продолжать борьбу. Жизни албанцев и Визнера и Даллеса мало интересовали.

Всего ЦРУ в 1951–1952 гг. потеряло в Албании около 200 агентов. Излишне говорить, что никакого восстания так и не состоялось. В 1961 году Даллес (тогда директор ЦРУ), невзирая на албанский опыт, убедит только что избранного президента Кеннеди организовать высадку эмигрантов на Кубе. И тогда Даллес обещал в этом случае «народное восстание», обманув президента. Это стоило ему поста директора ЦРУ, должности, которой он добивался всю жизнь.

Позднее ЦРУ пыталось объяснить провал албанской операции «фактором Филби». Однако заброска агентуры в Албанию продолжалась и после отъезда Филби из Вашингтона (об этом ниже), когда он уже ничего не мог сообщить в Москву. Причина фиаско американской разведки в Албании, как представляется, была иной. В ЦРУ и тогда и позднее никак не хотели признавать, что большинство населения за «железным занавесом» поддерживает социализм. Ведь идеология Визнера и его коллег никак не допускала никакой привлекательности социализма. Коммунисты могли держаться у власти только на штыках, а угнетенный народ, естественно, был всецело на стороне «свободного мира». Все, что противоречило этому незыблемому канону, считалось недопустимой «ересью».

Филби так описывал провал англо-американской операции в Албании: «СИС удалось, наконец, высадить небольшую группу агентов на албанский берег с заданием проникнуть в глубь страны, собрать необходимые данные и, двигаясь к югу, уйти в Грецию. Англичане надеялись, что собранные агентами по пути сведения помогут впоследствии осуществить более широкие планы. Операция, разумеется, была безнадежной с самого начала. Агенты СИС смогли бы чего-нибудь добиться, только проникнув в города.

Но города находились под неослабным контролем албанских властей. Поэтому, чтобы выжить, агентам приходилось прятаться в горах, где они могли бы принести хоть какую-нибудь пользу, если бы страна была охвачена восстанием. Возможно, в основе нашей авантюры лежала именно невысказанная надежда на восстание. Точно так же, как в более поздние времена (когда пора бы было поумнеть) некоторые рассчитывали, что высадка диверсантов в заливе Кочинос зажжет пожар на Кубе. В итоге несколько агентов все же сумели пробраться в Грецию, где их с величайшим трудом удалось вырвать из лап греческой службы безопасности, которая могла расстрелять их ни за грош. Информация, которую они принесли, была почти полностью негативной. По крайней мере, было ясно, что их нигде не встретили с распростертыми объятиями. С течением времени операция была потихоньку забыта, не оказав сколько-нибудь заметного влияния на обстановку в Албании»^[274].

Между тем положение Филби резко осложнилось после ареста в Англии Клауса Фукса. Гувер немедленно почувствовал в «деле Фукса» американский след и попросил англичан разрешить приезд в Лондон группы следователей ФБР. Через Филби Гуверу передали отказ – Фукс уже ожидал суда, и о новом следствии по его делу по закону не могло быть и речи.

Летом 1950 года тучи над Филби сгустились. Причем пришли они с неожиданной стороны. Соратник Филби по «кембриджской пятерке» Гай Берджесс письмом сообщил, что его назначили в посольство Великобритании в Вашингтон. Филби знал, что Берджесс любит выпить, и в этом состоянии часто попадает в различного рода скандалы и переделки. Причем об этом знала и служба безопасности британского МИД, сообщившая о новом сотруднике посольства и самому Филби со странным выводом, что худшее в отношении Берджесса, возможно, еще впереди.

Филби принял ошибочное решение и позволил Берджессу поселиться вместе с ним в холостяцкой квартире, чтобы держать друга под присмотром.

К моменту приезда Берджесса американцы (а значит, и Филби) по данным расшифровки (проект «Венона») уже знали, что из английского посольства в Вашингтоне от агента «Гомер» идет утечка информации. В отличие от ФБР для Филби этот источник тайной не был – речь шла о члене «кембриджской пятерки» Дональде Маклейне (хотя Филби связи с Маклейном на тот момент не имел). По совету советских друзей Филби сообщил обо всем этом Берджессу.

Маклейна (он руководил американским отделом британского МИД)

решили предупредить, но пока не выводить из игры. Филби должен был уехать из Вашингтона в Лондон в середине 1951 года, и к этому времени можно было бы организовать и «исчезновение» «Гомера». Одновременно хотели отправить назад в Англию и Берджесса, которому не нравилась ни чиновничья работа в МИД, ни Америка.

Филби по заданию британской разведки «искал» в Вашингтоне «Гомера» и регулярно обедал с Энглтоном. А вот Харви Филби сразу показался подозрительным, и он открыто говорил о своих сомнениях всем в ЦРУ. Но доказательств у него не было, а после дела Бентли его мнению не очень-то и доверяли. Ведь после многолетних допросов Харви никого за шпионаж в США так и не осудили. Харви пытался убедить в обоснованности своих подозрений Энглтона, но тот отмахнулся: «Ким – наш хороший друг...»^[275]

Подозрение Харви пало и на Маклейна, однокашника Филби по Кембриджу. Харви не сомневался, что Маклейн и есть тот самый «Гомер», которого безуспешно искали ФБР и британская разведка. Но тут британцы отправили Маклейна в посольство в Каире, и Харви переключил свое внимание на еще одного друга Филби – Берджесса. Поначалу Харви ухватился за гомосексуализм Берджесса (сказалась школа ФБР) и за мнение самих же британцев, что новый сотрудник их посольства представляет собой риск с точки зрения безопасности.

Подозрения и просто ненависть Харви к Филби достигли пика после одного инцидента в доме резиденгта СИС. На светской вечеринке у Филби по обыкновению сошлись работники ЦРУ, и все шло как обычно, пока не появился пьяный Берджесс. «Либби» (тоже в изрядном подпитии) уговорила Берджесса, известного своими рисунками, начертать ее портрет. Берджесс быстро нарисовал шарж, на котором жена Харви была изображена с раздвинутыми ногами и с задранным юбкой. Проснувшийся от алкогольной дремы Харви хотел ударить обидчика, но промахнулся. Филби извинился за поведение друга, но Харви затаил злобу и на Берджесса и на самого хозяина застолья.

После этого случая Харви открыто утверждал, что Филби – советский агент. Но доказательств по-прежнему не было, пока 25 мая 1951 года не грянул гром среди ясного неба: Маклейн и Берджесс исчезли. И в Америке и в Англии поняли, где их надо было бы искать.

Филби в контактах с ФБР выдвинул следующую версию. Маклейну в последнее время не давали доступа к некоторым документам британского МИД, что тот воспринял как подозрение. А тут еще в Вашингтоне появился старинный друг Маклейна Берджесс, передавший приказ от советских

хозяев немедленно уйти, что оба советских разведчика и сделали.

Гуверу эта версия очень понравилась, потому что она давала ФБР возможность свалить провал на британских коллег. Мол, те подозревали Маклейна, но не удосужились толком проверить круг его знакомств, в который входил и Берджесс. Филби так вспоминал об этом: «Я с удовольствием заметил, что эта версия оказалась вполне приемлемой для ФБР... Сам Гувер в короткой беседе со мной ухватился за эту версию. В его глазах высшее достоинство ее заключалось в том, что всю вину можно было свалить на MI-5. Не сомневаюсь, что он нажил на этом деле большой политический капитал как в Капитолии, так и в последующих сделках с MI-5. Гувер одержал немного побед своими собственными силами, но он был не из тех людей, которые смотрят в зубы дареному коню»^[276].

Что касается ЦРУ, то Филби (известный близкий друг Берджесса) не боялся «формалиста» Даллеса, дилетанта в области контрразведки, но ждал неприятностей от Беделла Смита. Советский разведчик не ошибался. Директор ЦРУ приказал всем сотрудникам ведомства, имевшим контакты с Берджессом, Маклейном или Филби, подробно описать их.

Наиболее важные докладные записки поступили от Энглтона и Харви. Первый представил 18 июня 1951 года несвязный текст с описанием различных инцидентов с участием Берджесса на всяких вечеринках (в том числе и знаменитый шарж на «Либби»). Создавалось впечатление, что Энглтон пытался смягчить все дело и в любом случае не подставлять Филби. Это было понятно. Ведь если Филби – советский разведчик, то самому Энглтону как близкому и давнему другу Кима пришлось бы несладко.

Когда Харви как шеф контрразведки ЦРУ прочитал меморандум Энглтона, то наложил на него следующую резолюцию: «Ну что еще добавить? OSOD!»^[277]

Сам Харви представил свою докладную записку неделей раньше, чем Энглтон. В ней подробно описывалась биография Филби и содержался прямой вывод, что он советский агент и связан с Маклейном, Берджессом, а возможно, и другими людьми. Уклончивым меморандумом Энглтона Харви был возмущен до глубины души, и отныне между бывшими друзьями пробежала черная кошка. Харви выразил мнение, что Энглтон и Филби были гомосексуальными партнерами. В один прекрасный день Харви «взорвался» и прямо обвинил Энглтона в том, что он покрывал Филби. В ответ Энглтон потребовал теста на детекторе лжи, который он успешно прошел.

Между тем Беделл Смит написал резкое письмо руководителю MI-6 и потребовал отзыва Филби. Письмо было подготовлено Харви, который так и не простил Филби инцидента со своей женой. Смит, не сомневающийся в работе Филби на советскую разведку, писал британским коллегам: «Надеюсь, что ублюдок получит по заслугам. Я знаю несколько албанских горцев, которые с удовольствием заполучили бы его хотя бы на полчаса»^[278].

Вскоре Филби получил приказ из Лондона вернуться в Англию, где от него хотели узнать все о Берджессе. Прощание с коллегами из ЦРУ прошло нормально – видимо, никто из них серьезно Филби не подозревал. Предоставим слово самому Филби: «Встретился с Энглтоном, чтобы провести с ним часок в баре. Он, по-видимому, не понимал серьезности моего положения и попросил заняться некоторыми вопросами, представляющими общий интерес, когда я буду в Лондоне. Я даже не стал запоминать их. Затем я нанес визит Даллесу, который попрощался со мной и пожелал удачи»^[279].

Британская контрразведка MI-5 начала проверять Филби, что Харви воспринял с нескрываемым удовольствием. Однако сами англичане решили не раздувать скандал, а просто отправили Филби в отставку (выдав на жизнь приличную сумму в 4000 фунтов), и в течение двух лет его никто не трогал.

Харви ожидал за свою прозорливость наград и повышений, но не дождался. В ЦРУ на первом месте была личная дружба, ковавшаяся в престижных университетах и солидных адвокатских конторах с Уолл-стрита. Харви был просто чужаком в этом избранном обществе. Поэтому, к возмущению Харви, Филби по-прежнему оставался для Визнера или Даллеса членом их престижного клуба и просто по определению не мог быть советским агентом. А вот Харви был живым упреком и раздражал уже одним своим плебейским видом участников изысканных светских вечеринок. От него решили избавиться.

Беделл Смит предложил «папочке» должность руководителя берлинской резидентуры ЦРУ. Это было серьезным понижением, так как берлинская резидентура формально подчинялась даже не Вашингтону, а резидентуре по Германии (Франкфурт-на-Майне). Но чтобы подсластить пилюлю Харви, директор ЦРУ уверил его, что даст ему полную самостоятельность в подборе кадров. К тому же Харви мог отныне заняться делом своей жизни – борьбой с «Советами» – на самом переднем крае, уже за «железным занавесом». Смит уважал Харви за прямоту и отсутствие светского лоска, которого он терпеть не мог в таких снобах, как Даллес.

В 1952 году Харви развелся с «Либби» и взял с собой в Германию пятилетнего сына Джимми. Во Франкфурте его сердце покорила симпатичная сотрудница тамошней резидентуры, которую он и перевел к себе в Берлин в январе 1953 года.

Германия была давней «любовью» Аллена Даллеса. Заняв высокий пост в ЦРУ, Даллес уделял работе на германском направлении первостепенное внимание. Впрочем, так обстояло дело и до него.

«Организация Гелена», или Воскрешение абвера и СД

Американцы считали, что заниматься разведкой в Германии легко. Берлин до августа 1961 года был городом без всяких внутренних пограничных постов, и агенты западноберлинской резидентуры ЦРУ могли проникать в ГДР и возвращаться обратно почти беспрепятственно. Таким образом, можно было обходиться без радиосвязи, которая сама по себе всегда несла риск провала и требовала к тому же кропотливого обучения агентов секретам различных шифров. Отсутствие радиосвязи позволяло ЦРУ использовать для агентурной работы те категории лиц, на которых контрразведка обычно обращала меньше внимания, – женщин и пенсионеров.

Но самым главным плюсом, с точки зрения ЦРУ, было то, что в Германии в руки американской разведки попала прекрасная и вышколенная агентура, обладавшая бесценным опытом работы против СССР, – «организация Гелена».

Райнхард Гелен родился в 1902 году в Эрфурте в семье бывшего офицера (майора артиллерии в отставке), владельца книжного магазина. 20 апреля 1920 года он добровольцем завербовался в рейхсвер, а 1 декабря 1923 был произведен в лейтенанты 3-го артиллерийского полка. В 1926–1928 гг. учился в кавалерийской школе в Ганновере, получив по ее окончании чин старшего лейтенанта.

В 1935 году Гелен прошел обучение в военной академии, что давало ему возможность перейти на штабную работу. С июля 1935 по июль 1936 года Гелен был адъютантом обер-квартирмейстера (отвечал за тыловое обеспечение вермахта) в Генеральном штабе сухопутных войск в военном министерстве. С июля 1937 года – сотрудник 10-го управления Генштаба сухопутных войск. В это время Гелен подчинялся генерал-майору Эриху фон Манштейну. С 10 ноября 1938 года – командир 8-й батареи 18-го артиллерийского полка. Это была единственная командная должность во всей, в общем-то незаметной, военной карьере Гелена.

В 1931 году Гелен женился на девушке из старинной прусской военной фамилии – Герте фон Зейдлиц-Курцбах, приобщившись таким образом к немецкому дворянству.

После начала Второй мировой войны Гелен – старший офицер

Генштаба (начальник оперативного отдела) штаба 213-й пехотной дивизии. 25 октября его перевели в Генштаб, где он отвечал за фортификацию. С июня 1940 года Гелен стал адъютантом начальника Генштаба сухопутных войск генерала Гальдера. Осенью 1940 года был назначен руководителем группы «Восток» в Оперативном отделе Генштаба сухопутных войск. Оперативный отдел Генштаба (отвечавший за разработку всех военных операций Германии) возглавлял тогда полковник Адольф Хойзингер – будущий инспектор (военный командующий) бундесвера. Гелен участвовал в разработке плана «Барбаросса». 1 июля 1942 года Гелена произвели в полковники. Он занимался отслеживанием стратегии Красной армии и числился грамотным и интеллектуальным офицером с хорошими аналитическими способностями.

Вообще стратегической разведкой и анализом планов советской стороны в Генштабе занимался отдел «Иностранные армии Востока» (аналогичный отдел «Иностранные армии Запада» занимался англосаксами). Первым шефом отдела «Иностранные армии Востока» (тогда отдел помимо СССР разрабатывал еще и Польшу) с 1 марта 1939 года был подполковник (с февраля 1941 года – полковник) Эберхард Кинцель.

Перед нападением на СССР отдел Кинцеля подготовил справочник по Красной армии, где военная мощь Советского Союза была сильно недооценена. Однако следует заметить, что так думало после советско-финской войны все политическое и военное руководство Германии и, прежде всего, сам Гитлер. Поэтому Кинцель был вынужден «соответствовать веяниям» в Ставке фюрера.

После провала наступления на Москву Гитлеру был нужен козел отпущения за крах блицкрига, и Кинцель вполне сгодился на эту «должность». Тем более, что шеф Генштаба Гальдер считал Кинцеля ленивым офицером, который уже утром появлялся на рабочем месте с уставшим выражением на лице. Сослуживцы считали, что их шефа выматывают отношения с роскошной блондинкой и на разведку у Кинцеля просто не остается сил.

1 мая 1942 года Кинцеля отправили в «резерв фюрера», а потом назначили начальником штаба 29-го корпуса. Позднее он возглавил Генштаб целой армейской группы «Север» и проявил себя решительным и толковым тактиком.

После отставки Кинцеля Гальдер назначил его преемником тогда еще подполковника Гелена.

Как и Даллес, Гелен был мастером самопиара и прослыл (благодаря

собственным весьма неинформативным мемуарам) гениальным разведчиком. Действительность выглядела совсем иным образом.

Бесспорно, что опытный штабист Гелен смог кардинально перестроить работу своего отдела. Он существенно расширил предоставлявшийся отделом ежедневно доклад о силах и намерениях противника. Помимо допросов пленных и данных фронтовой разведки в доклад стали активнее включать данные аэрофотосъемки (для оперативности Гелен добился, чтобы о них ему докладывали по телефону еще до прибытия самих снимков) и информацию абвера (штаб «Валли I»). Руководству Генштаба нравились различные графики и схемы, с помощью которых Гелен демонстрировал, например, боевые порядки Красной армии в обороне или наступлении.

Штат отдела Гелена вырос с 24 до 50 человек. Отдел проводил для офицеров вермахта доклады о различных сторонах советской боевой мощи (теперь уже недооценивать противника было явной глупостью) и даже об истории России. Так, 28 марта 1944 года был прочитан доклад «Петр Великий и европеизация России». Отдел готовил для военного руководства аналитические доклады типа «Урал как экономический и промышленный регион», «Обзор личного состава высшего военного командования Красной Армии» и т. д. [\[280\]](#)

Гелен завел картотеку на высших и старших офицеров Красной армии, которая потом и обсепоечила его послевоенное будущее. Была у Гелена и специальная группа картографов, снабжавшая Генштаб картами Советского Союза.

Каждый день с документом «Краткая оценка положения врага» Гелен появлялся на совещании в Генштабе. Вопреки широко распространенному мнению он, как «мелкая сошка», редко видел Гитлера. А фюрер в свою очередь в принятии решений в основном полагался на свой гений и «провидение», которое не может оставить арийскую Германию в беде.

Благодаря тщательной систематизации и анализу поступавших из различных источников сведений Гелену удалось составить и поддерживать достаточно точную картину расположения советских соединений на фронтах. Этот успех признавал Гальдер.

Но вот несравненно слабее дела у Гелена обстояли с главным – он плохо предсказывал планы советской стороны. Например, 18 ноября 1942 года, за день до начала советского контрнаступления под Сталинградом, в «Краткой оценке положения врага» говорилось, что противник усиливает войска на фронте 6-го румынского корпуса южнее Сталинграда. Это говорит о возможности «неожиданной атаки, хотя и с

ограниченными целями». Атаки на других участках сталинградского фронта «не исключены». Никакой тревоги в сообщении не просматривалось^[281].

Таким образом, опытный бюрократ Гелен был мастером расплывчатых формулировок, что позволяло трактовать его прогнозы по-разному, а самому Гелену – все время выходить сухим из воды. Наступление русских, приведшее к перелому во всей Второй мировой войне, Гелен хоть и не предсказал, но «не исключил».

На самом деле в ноябре 1942 года Гелен предполагал, что Красная армия начнет масштабное наступление на участке группы армий «Центр» в районе Ржева. Таким образом, будущий самозванный мастер шпионажа вполне попался на советский маневр. Красная армия действительно атаковала ржевский выступ, но лишь для того, чтобы отвлечь вермахт от Сталинграда. И этот замысел вполне удался. Только 9 декабря 1942 года, когда Красная армия уже укрепила кольцо вокруг группировки Паулюса под Сталинградом, Гелен признал, что не центральный, а южный участок советско-германского фронта является на данный момент главным.

Через роковых ошибок Гелена после Сталинграда не прерывалась.

25 июля 1943 года, после провала немецкой операции «Цитадель» на Курской дуге, Гелен сделал прогноз о нереальности крупного наступления Красной армии. Мол, советские войска сильно измотаны. Через 9 дней мощные (и благодаря Гелену неожиданные) удары нескольких советских фронтов обрушились одновременно на группы армий «Центр» и «Юг». Немцы откатились к Днепру и оставили Смоленск и Харьков.

Дальше – больше. 30 марта 1944 года в своем 12-страничном докладе «Всесторонняя оценка ситуации врага на немецком восточном фронте и возможные намерения противника в целом» Гелен предположил, что весеннее наступление русских начнется в Белоруссии в направлении Брест – Люблин. Там для красных гораздо более выгодна конфигурация фронта. На самом деле Красная армия ударила на южном участке фронта и отрезала немецкие и румынские войска в Крыму.

Поздней весной 1944 года Гелен совершил уже поистине роковую ошибку. Он предсказал наступление Красной армии либо на участке группы армий «Север» (с целью отрезать эту группу армий от группы армий «Центр»), либо в направлении на Балканы (южный участок фронта). Северный вариант Гелен отменил по причине тактической слабости командного состава Красной армии и остановился на южном варианте. Он опять просчитался.

22 июня 1944 года в ходе операции «Багратион» «неумелые» русские

генералы окружили и практически полностью уничтожили в Белоруссии группу армий «Центр». Гитлер был в ярости – Германия потерпела крупнейшее военное поражение в своей истории. По улицам Москвы провели тысячи немецких пленных, среди которых хватало и генералов.

Гелен сохранял свой пост лишь потому, что ошибался вместе с высшим военным руководством и самим Гитлером. Его «ахиллесовой пятой» была хроническая недооценка оперативного мастерства Красной армии и переоценка мастерства вермахта. Но точно таким же недугом страдали и Манштейн (лучший стратег вермахта) и сам фюрер. Гелен, правда, критикуя в своих тенденционных мемуарах Гитлера, о собственных ошибках скромно умалчивает: «Адольфу Гитлеру не доставало опыта для понимания в полном объеме военных факторов и стратегических возможностей, но он был убежден, что обладает даром военачальника, до самого конца. В этом заблуждении его поддерживали подчиненные – выходцы из партии»^[282].

Но еще 31 декабря 1944 года сам Гелен в очередном докладе отмечал, что обстановка на советско-германском фронте не критическая. Но уже начиная с 12 января 1945 года вермахт был за пару недель разгромлен в Польше, и русские стремительно вышли на Одер в 60 километрах от Берлина.

На самом деле Гелену все было ясно. Пришло время задуматься не о судьбе Германии, а о своей собственной. Еще в 1944 году, по данным очевидцев, Гелен утверждал, что союз между Москвой и западными державами вскоре распадется.

Исходя из этого прогноза, генерал-майор Гелен быстро принял решение. Осознав, что данные, накопленные его отделом, впоследствии понадобятся западным державам, в начале марта 1945 года он с несколькими сотрудниками «Иностранных армий Востока» скопировал все документы на микро пленку, упаковал их в водонепроницаемые баки и спрятал в нескольких местах в австрийских Альпах. Все эти странные действия стали известны шефу внешней разведки СД РСХА и доверенному лицу Гимmlера Шелленбергу, но предусмотрительный Гелен уже имел заготовленное объяснение – копии важных документов нужны на случай уничтожения оригиналов при бомбежке союзников. Тем более, что с февраля 1945 года Гелен официально отвечал за эвакуацию всех отделов Генштаба (вместе с их документацией) на автотранспорте подальше от Берлина.

В Бад-Эльстере в самом начале апреля 1945 года Гелен в одном из отелей заключил тайное соглашение со своим заместителем Весселем и

офицером абвера Бауном. Было решено сохранить кадры абвера и «Иностранных армий Востока» и передать их вместе с документацией американцам. Гелен предсказал скорую войну между США и СССР после разгрома рейха, в которой американцы не смогут обойтись без «немецких специалистов по России». Баун заявил, что у него уже готов оперативный план на такой случай. План предусматривал следующие пункты:

- подготовка и использование диверсантов в советском тылу;
- военный шпионаж против частей Красной армии в Германии;
- создание разведывательно-диверсионных немецких отрядов численностью до 60 человек;
- распространение устной и письменной пропаганды «против большевизма»^[283].

Гелен, Баун и Вессель не сомневались, что такой план придется американцам по душе.

9 апреля 1945 года Гелен был заменен на своем посту полковником Герхардом Весселем (участником сговора в Бад-Эльстре). В вину Гелену Гитлер поставил «пораженческую оценку» ситуации на фронтах.

19 апреля, когда советские войска прорвали последний рубеж обороны немцев перед Берлином на Зееловских высотах, Генштаб вермахта получил приказ уходить на еще не оккупированную союзниками территорию. Часть работников пробилась на север в район Фленсбурга, часть – на юг в Баварию. Вессель ринулся на юг, везя с собой 50 стальных чемоданов с откопированными материалами отдела «Иностранные армии Востока». Позднее к Весселю присоединился и Гелен^[284].

28 апреля Гелен, предварительно спрятав свою семью в Баварии, чтобы она не попала в руки советских войск, покинул штаб-квартиру Генштаба в Бад-Райхенхалле (Бавария) и фактически дезертировал. При этом в принципиальном плане следует подчеркнуть, что Гелен не имел никакого отношения к движению Сопротивления и даже не критиковал Гитлера в кругу офицеров, что было нормальным явлением начиная с 1943 года. То есть «хорошим немцем», по классификации Даллеса, он не был.

Как уже упоминалось, Гелен заключил соглашение со своими сотрудниками Весселем и Бауном о переходе к американцам и передаче им всей накопленной отделом информации. Теперь оставалось лишь удачно сдать в плен.

Гелен и его люди спрятались до лучших времен в горной хижине недалеко от Мисбаха. Еще две группы сотрудников «Иностранных армий

Востока» укрылись в других лыжных домиках в горах. Хотя у всех трех групп были рации, наладить связь между собой им не удалось (видимо, мешал горный рельеф местности).

Разведка 7-й американской армии, наступавшей в Баварии, и УСС располагали непроверенной информацией, что где-то в этом районе скрывается генерал Гелен. Но, видимо, эту «птицу» американцы тогда еще не считали слишком важной, и проверять эту информацию (т. е. искать Гелена) не стали. 3 мая 1945 года в район Фишхаузена, где скрывался Гелен вступили американские войска. Им было не до генерала – они все еще искали таинственную «альпийскую крепость» нацистов, о которой столько раз сообщал из Берна «супершпион» Даллес.

Гелен высидел в своем укрытии еще две недели (чтобы не попасть союзникам под горячую руку) и в конце концов 20 мая 1945 года сдался сотрудникам американской армейской разведки. На джипе Гелена доставили в Мисбах, где его допросил офицер контрразведки. Гелен надменно представился: «Я начальник отдела “Иностранные армии Востока” Верховного командования сухопутных войск». В ответ американец процедил сквозь зубы: «Вы были им, генерал». К возмущению Гелена, он американцев особо не заинтересовал. Они проигнорировали его просьбу о встрече с каким-нибудь старшим офицером. Его переводили из одного лагеря в другой, пока он не оказался в Аугсбурге – лагере для военнопленных 7-й американской армии^[285].

Тут Гелену крупно повезло. Генерал Билл Квинн (начальник разведки штаба 4-го корпуса) вспомнил, что натыкался на фамилию Гелен, просматривая донесения Даллеса из Берна. Квинн распорядился перевести Гелена из лагеря в специальный центр в Висбадене, где содержали и допрашивали важных пленных^[286]. Везение Гелена заключалось том, что тогда американцы в принципе пускали в свои обычные лагеря для пленных советских офицеров, искавших нацистских и военных преступников. В висбаденский центр вход для «Советов» был заказан, а Гелен больше всего боялся именно выдачи советским властям. Искали Гелена и британцы, но и своим английским союзникам американцы не сообщили, что генерал в их руках.

Между тем из своего укрытия в горах вышла и сдалась американцам группа сотрудников Гелена во главе с Герхардом Весселем. И Вессель, как его шеф, больше всего на свете боялся очутиться в Москве, а потом в Сибири. Подполковник Вессель служил в отделе Гелена с 1 января 1943 года и отвечал именно за сбор материалов о Красной армии.

И Геленом и Весселем занялся немецкоговорящий офицер американской армии капитан Джон Бокер. Его семья происходила из немецкого Золингена (известного своей сталью) и, переехав в Америку, не перестала торговать прекрасными золингенскими ножами. Мечтой Бокера было поскорее демобилизоваться и вернуться в фамильный бизнес.

Бокер прекрасно понимал, зачем США может понадобиться Гелен – американцам, по мнению капитана, придется противодействовать русским в Центральной Европе и на Балканах. Гелен понял, что впервые за много месяцев его прогнозы начинают сбываться.

Именно Бокеру Гелен (живший в Висбадене в так называемом «доме для генералов») изложил свой план: американцы сохраняют костяк отдела «Иностранные армии Востока» с Геленом во главе, и эта «организация» начинает сбор сведений о советских войсках в Германии для нужд американской разведки. Чтобы еще больше заинтересовать американцев, Гелен сообщил, что у него с Бауном есть хорошо законспирированная сеть агентов на территории СССР^[287] (здесь Гелен просто наврал для придания себе пущей важности).

Бокер поддержал план Гелена и довел его до сведения генерала Эдвина Зиберта. Зиберт возглавлял всю армейскую разведку (G-2) вооруженных сил США в Европе и подчинялся непосредственно командующему американскими войсками на европейском театре (US Forces European Theatre, USFET) Эйзенхауэру^[288].

Эйзенхауэр в то время крайне негативно относился к высшему немецкому офицерскому корпусу, справедливо считая его соучастником гитлеровских военных преступлений. Такой же подход разделял и начальник штаба Эйзенхауэра генерал Беделл Смит. Любое сотрудничество с немецкими офицерами в американской армии было формально запрещено. Все они должны были пройти через лагерь для военнопленных, где их проверяли на причастность к военным преступлениям. Зиберт, совершая фактически должностное преступление, ничего не сообщил главному о «группе Гелена». Не поставил он в известность и управление военной разведки министерства обороны США в Вашингтоне^[289].

Итак, Зиберт по предложению Бокера был готов поместить группу Гелена в уютное место в Альпах и дать ей поработать на прежнем поприще. Сотрудничество с Геленом без всякого излишнего творчества окрестили «операцией X». Но тут в эти планы неожиданно вмешались англичане. Британская разведка «подставила» Зиберта и сообщила в управление разведки Пентагона, что генерал Гелен находится в Висбадене. В

министерстве обороны (не зная ничего об играх Гелена с Зибертом) распорядились срочно доставить самолетом Гелена и шестерых его соотрудников в Вашингтон для допросов.

Капитан Бокер сопровождал группу Гелена в лагерь для военнопленных Форт-Хант недалеко от Вашингтона. Там геленовцы поначалу содержались в общих бараках, но Бокер выбил им отдельное помещение и некоторые мелкие льготы.

Помимо Бокера ангелом-хранителем Гелена стал капитан Эрик Вальдман из управления разведки министерства обороны США. Вальдман считал Гелена «гуру» по советским делам и охотно слушал лекции бывшего генерала вермахта о Красной армии.

Гелен также уговорил Вальдмана перевезти в Вашингтон своего фактического заместителя Хайнца Херре (будущего опекуна Бандеры). Того активно искали советские власти, так как с января 1944 года Херре возглавлял штаб так называемых восточных добровольческих формирований вермахта – то есть подразделений предателей из числа бывших граждан СССР и белогвардейских эмигрантов. А в конце 1944 года, после создания немцами РОА, Херре стал начальником штаба власовской армии. Советские власти официально попросили у американцев выдать Херре, но тому поначалу удалось под видом обычного солдата затеряться в лагерях для военнопленных. А потом его тайно самолетом вывезли в США.

Пока Гелена и его бывших подчиненных в Форт-Ханте допрашивала армейская разведка, Зиберт продолжал собирать по лагерям для военнопленных сотрудников «Иностранных армий Востока» и переводил их в специальный лагерь в Оберурзеле. Там геленовцам выделили четыре дома и назвали этот объект «корзиной» (Basket). Таким образом, «операция Х» не останавливалась ни на минуту, хотя ее и переименовали в «операцию Ржавый» (Operation Rusty). Немцам такой термин явно не нравился, и геленовцы скромно и таинственно именовали себя просто «организацией». Во время пребывания Гелена в США организацией под крылышком Зиберта руководил Герхард Вессель.

Зиберт ничего не сообщил о «ржавой операции» даже управлению армейской контрразведки USFET – Корпусу контрразведки (Counter Intelligence Corps, CIC).

В сентябре 1945 года американцы решили включить в операцию Германа Бауна. Баун начиная с июня 1941 года возглавлял специальный штаб армейской разведки Германии (абвера) по работе против СССР – «Валли I». Хотя абвер и снабжал Генштаб (в том числе и отдел Гелена)

разведданными, офицеры абвера недолюбливали «штабных крыс» Гелена. Поэтому Баун настаивал, чтобы американцы дали ему возможность работать самостоятельно, а не в составе «организации» Гелена.

Вскоре американцы выделили бывшим геленовцам и сотрудникам абвера уединенный охотничий дом в горах Таунус. Никакого официального статуса у этой группы немцев не было, но к Весселю и Бауну стали стекаться все «специалисты по России» времен Третьего рейха. Кто-то из них жаждал реванша против большевиков, а кто-то всего лишь хотел получить хотя бы сносный американский паек (в Германии было плохо с продуктами). Вскоре в Таунусе появились такие персонажи, как бывший посол Германии в СССР (в 1928–1933 гг.) Герберт фон Дирксен, или уже упоминавшийся выше немецкий дипломат Густав Хильгер, также долго работавший в Москве. Вскоре охотничий дом оказался слишком мал для «организации», и американцы реквизировали небольшой отель.

Платили немцам дефицитными товарами (например, сигаретами или кофе), которые можно было легко обменять на продукты на черном рынке – обесценившиеся рейхсмарки в послевоенной Германии были пустой бумагой.

Баун при поддержке (а фактически попустительстве) американцев, ибо они в повседневную работу организации поначалу не вмешивались, начал организовывать по всей Германии ячейки агентов якобы для шпионажа против частей Красной армии. На самом деле Баун просто собирал кадры офицеров армейской разведки вермахта на тот случай, если Запад создаст новое немецкое государство, естественно, антисоветское. В этом ни Гелен, ни Вессель, ни Баун не сомневались. Надо было просто переждать послевоенный хаос, выиграть время.

В конце лета 1946 года Баун утверждал, что под контролем его штаба работают как минимум 125 агентов по всей Германии (включая советскую зону оккупации)^[290]. Эти агенты в основном следили на вокзалах или вдоль дорог за перемещением частей Красной армии. В качестве результата их работы Вессель направил в армейскую разведку USFET более 800 донесений о советских войсках в Германии. Правда, в штабе Эйзенхауэра пока просто не знали, что с этой информацией делать.

Вскоре выяснилось, что в рамках «ржавой операции» фактически работают самостоятельно две немецкие группы – Весселя и Бауна. Группа Весселя (ее называли «Фритц») состояла из бывших сотрудников Генштаба вермахта, прежде всего офицеров отдела «Иностранные армии Востока». Они занимались аналитикой и проявляли больше готовности к повседневной работе с американцами. Люди Бауна (группа «Отто») были

бывшими сотрудниками абвера, создавали агентурную сеть на свой страх и риск и не были склонны о каждом своем шаге докладывать американским хозяевам. Баун не знал ни слова по-английски и не проявлял никакого желания выучить этот язык. Американцы не могли отделаться от мысли, что абверовцы просто презирали их как дилетантов в области разведки (впрочем, они были не так уж и далеки от истины).

Между тем американцы «выпотрошили» Гелена в Форт-Ханте и в июле 1946 года перебросили его в Оберурзель. Естественно, что группа Весселя (бывшие подчиненные Гелена) сразу же перешла под его начало. С самостоятельным Бауном было посложнее. Опытный бюрократ Гелен пока назначил начальником штаба группы «Отто» своего ставленника, бывшего полковника Ханса-Юргена Динглера. Затем в группу Бауна вошел и спасенный Геленом от советского возмездия Херре.

Между тем «ржавая операция» оказался под угрозой срыва, по крайней мере по мнению Гелена. Патрон «организации» генерал Зиберт покидал свой пост и перед отлетом в США 30 августа 1946 года пригласил Гелена на совещание о будущем его «организации». Только тут бывший генерал-майор вермахта понял, за кого его держали американцы.

Едва Гелен стал говорить о своих планах самостоятельной немецкой разведывательной структуры (хотя и под контролем американцев), Зиберт прервал его. Никакой самостоятельности – всем членам группы Гелена следует принять американское гражданство, переехать в США и стать обычными сотрудниками армейской разведки США. Гелен был потрясен, но, как всегда, имел заранее подготовленные контраргументы – он-де не против такого варианта, но только в самом наихудшем случае – если «Советы» начнут войну против США. Видимо, Гелен не сомневался, что такой исход событий невероятен. А в мирное время немцам все же лучше иметь собственную разведку, чтобы потом на базе «организации» могла бы вырасти полноценная разведслужба новой Германии.

Зиберт опять прервал Гелена, и пошел лишь на то, чтобы отвезти его план в США и там обсудить его с начальством. Правда, генерал опять напористо говорил о том, что «организация» Гелена должна быть чисто американской: «Это неизбежно, прежде всего, потому, что организация будет выполнять щекотливые задачи. Американцы недоверчивы. Я-то лично нет, но лишь потому, что знаю вас лично. Но я должен обеспечить, чтобы организация работала для Америки, а не против нее. А этого мы добьемся тем, что вы примете американское гражданство. И примите на себя не только права, но и обязанности американских граждан»^[291].

Таким образом, стало ясно как белый день, что американцы не

доверяют бывшим офицерам вермахта. На вопрос Зиберта, сколько времени надо на подготовку к отъезду группы в США, находившийся в шоке Гелен не смог вымолвить ни слова. Баун сохранил самообладание и попытался выиграть время – он сказал Зиберту, что на сборы к отъезду в Америку «организации» потребуется минимум два месяца.

После беседы с Зибертом Гелен, Вессель и Баун вечером того же дня набросали план дальнейшей работы, выглядевший следующим образом:

- организация будет исключительно американским проектом;
- американцы получают право полного контроля над организацией в любое время;
- организация будет составной частью будущей американской разведслужбы. По форме «крыши» она станет обычной торговой фирмой.

Баун засомневался, что бывшие офицеры абвера, немецкие националисты, согласятся работать на американцев без всяких условий. Гелен на это напомнил о главной миссии «организации», ради которой стоит попржать национальную гордость: «Ваши возражения могут быть оправданы. Но решающим остается то, что мы будем продолжать борьбу против большевизма. В рамках этой борьбы мы будем должны безусловно выполнять американские требования. Надо выждать, в каком направлении будет развиваться разведывательная деятельность (американцев) против России. Мы можем размышлять над разными темами, но ясно, что мы однозначно встали на сторону Запада и США. Поэтому мы будем поддерживать Америку изо всех сил. Естественно, до тех пор, пока это не нарушает наши личные цели...»^[292]

Зиберт улетел в Америку, и еще целый год люди Гелена толком не понимали, что они собой, собственно, представляют. «Ржавую операцию» от армейской разведки США курировали полковник Рассел Филипп, полковник Джон Дин и капитан Эрик Вальдман.

Между тем армейская разведка США все это время усиленно пыталась сбавить «организацию» Гелена коллегам из возникших на обломках УСС SSU и ЦРГ. Еще 25 октября 1945 года Кросби Льюис, начальник отделения контрразведки SSU в Германии, запросил информацию на Гелена и Бауна – американцы опасались, что у тех может быть нечиста совесть. Ему ответили, что армейская разведка «подхватила» бывших работников отдела «Иностранные армии Востока», по всей видимости, после одобрения из Вашингтона, полученного Зибертом. УСС к Гелену никогда не имела, говорилось в докладной записке, никакого отношения^[293].

В январе 1946 года Льюис, ставший шефом миссии SSU в Германии,

сообщил руководству со ссылкой на «конфиденциальные источники», что армейская разведка США укрыла Бауна от советских властей в Оберурзеле. Баун, отмечал Льюис, возрождает свою сеть агентов абвера, направленную против СССР. SSU, основываясь на данных Льюиса, посоветовала армейской разведке прекратить любую разведывательную работу Бауна.

Еще в ноябре 1945 года Зиберт предложил передать всю группу Бауна SSU, но разведка вежливо отклалась иметь дело с бывшими абверовцами. Предложения Бауна о формировании на базе бывшей агентуры абвера мировой (!) разведывательной сети против СССР в SSU сочли «грандиозными, но расплывчатыми»^[294]. Тогда еще американцев настораживало то, что Гелена и Бауна искали русские.

Между тем Гелен даже и не знал, что в Америке у него появился влиятельный покровитель, большой друг всех «хороших немцев».

Во второй половине 1946 года в гости к Аллену Даллесу зашел молодой полковник армейской разведки Джон Дин, сын главы американской военной миссии в Москве в годы войны. Дин просил совета у «супершпиона», как надо поступить с Геленом и его группой. Дин развернул перед Даллесом схему будущей организации Гелена, замаскированную под план электроснабжения большого здания^[295]. Даллес якобы знал о важности Гелена от Кольбе (что довольно сомнительно), но в любом случае он посоветовал Дину, чтобы армейская разведка использовала Гелена и его людей в работе против СССР. Когда Даллесу сказали, что Гелен изрядно скомпрометирован своим нацистским прошлым, будущий директор ЦРУ ответил: «Но ведь не надо же приглашать его в солидные клубы».

После возвращения Зиберта в США состоялась секретная встреча Даллеса, Дина, Зиберта, Уильяма Джексона (будущий коллега Даллеса по комиссии, работавшей над оценкой первых шагов ЦРУ), Ричарда Хелмса и полковника Дональда Галлуэя (сотрудника ЦРГ). Обсуждалось будущее «ржавой операции», которая была горячо одобрена. С тех пор Даллес и Хелмс через свои контакты в ЦРГ (позднее ЦРУ) самым активным образом поддерживали Гелена.

В октябре 1946 года Гелен и Баун доложили своим американским хозяевам, что «организация» имеет 600 активных агентов в советской зоне оккупации Германии. При этом американские контролеры в Оберурзеле практически ничего не знали об этих агентах и, соответственно, не могли проверить правдивость их сведений.

SSU до начала 1947 года по-прежнему не желала иметь с бывшими

офицерами вермахта ничего общего. Затем ЦРГ все же направила к Гелену своего эмиссара Сэма Боссарда, говорившего по-немецки. Боссард провел с Геленом и Бауном более двух месяцев, и в своей докладной записке рекомендовал передать «ржавую операцию» от армейской разведки в руки ЦРГ^[296]. Хелмс и Галлуэй (участники упомянутого выше совещания у Даллеса) идею Боссарда всецело поддержали, однако руководство ЦРГ ее отвергло.

Мало того. Глава ЦРГ адмирал Хилленкоттер направил в министерство обороны и в госдепартамент меморандум, в котором требовал вообще немедленно прекратить «ржавую операцию». Адмирал, все еще подозрительно относившийся к бывшим офицерам вермахта, видимо, прозевал смену политической розы ветров в Вашингтоне. Ведь после провозглашения «доктрины Трумэна» в марте 1947 года США официально вступили войну против мирового коммунизма. Генерал Стивен Чемберлен, глава армейской разведки сухопутных войск, фактически приказал Хилленкоттеру отозвать свой меморандум, что тот и согласился сделать 19 июня 1947 года.

Между тем Гелен активно пытался привлечь в свою «организацию» генерала Хойзингера, который после 1945 года писал для Исторического отдела сухопутных войск США историю германских операций в годы Второй мировой войны. Американцы дали добро на встречу Гелена и Хойзингера, которая состоялась в сентябре 1947 года в Марбурге. Хотя Хойзингер по-прежнему видел в Гелене подчиненного (хотя бы и бывшего), он согласился перейти в «организацию».

В конце 1947 года армейская разведка США узнала, что на окраине Мюнхена в деревеньке Пуллах недорого продается комплекс зданий. Его построила НСДАП для своих функционеров. Комплекс купили, и 6 декабря 1947 года туда из Оберурзеля переехала первая группа геленовцев. В честь праздника св. Николая (зимнего), отмечавшегося в тот день, объект в Пуллахе назвали «Николаус» («Николай»). Руководство организации (в том числе и квартира Гелена) разместилась в самом большом доме, который местные жители окрестили «домом Бормана». Американцы переименовали штаб-квартиру геленовцев в «Белый дом», чтобы ни у кого не возникало сомнений, кто в Пуллахе хозяин. Над «Белым домом», естественно, развевался американский флаг.

Охрану «Николая» осуществляла специальная воинская часть номер 7821 армии США (десять офицеров и пятнадцать солдат).

Поначалу только что учрежденное ЦРУ относилось к Гелену и его людям прохладно. Американская разведка, как и раньше, опасалась (и

справедливо), что люди Гелена ведут свою игру и их сложно контролировать. К тому же было ясно, что среди геленовцев наверняка есть военные преступники (тот же Хайнц Херре), раскрытие которых может скомпрометировать правительство США.

В марте 1948 года на стол руководителя отдела ЦРУ Foreign Branch М^[297] Ричарда Хелмса лег меморандум с оценкой «ржавой операции».

Подготовившие документ оперативники ЦРУ в Германии считали, что в организацию Гелена проникли советские агенты. А значит, русские в любой момент могут «раскрыть» «организацию» и скомпрометировать США^[298]. В меморандуме недвусмысленно говорилось о «сложных политических последствиях спонсорства в отношении организации, которая, по мнению квалифицированных наблюдателей, представляет собой реактивацию германского абвера под эгидой Америки».

Это мнение подтвердил в своей докладной в августе 1948 года шеф резидентуры ЦРУ в Карлсруэ: «...некоторые из агентов (Бауна) были членами СС с хорошо известным нацистским прошлым, в большинстве случаев они нежелательные для нас люди»^[299]. К тому же отмечалось (и совершенно правильно), что люди Гелена вербуют агентов без их надлежащей проверки – достаточным является лишь членство завербованных в абвере или подразделениях РСХА. Подозревали Гелена и в двойной игре. Речь идет о «...крайне националистической группе немцев, которые легко могут превратиться в ядро серьезной подрывной деятельности против любой оккупирующей (Германию) державы...»^[300].

Примерно такую же точку зрения на «ржавую операцию» высказал в июле 1948 года шеф мюнхенской резидентуры ЦРУ. Он тоже отметил неразборчивость геленовцев при вербовке агентуры, что было чревато большими провалами. Чем конкретно занимаются люди Гелена, было тоже не совсем ясно. Американскую разведку в документе сравнили со слепым человеком, использующим организацию Гелена как собаку-поводыря.

В марте 1948 года Хелмс был вынужден признать, что русские, даже судя по сообщениям прессы в Восточной Германии, хорошо осведомлены о сотрудничестве американцев с бывшими офицерами абвера и Генштаба вермахта и умело используют этот факт в своей пропаганде.

После краха ЦРУ в Чехословакии в феврале 1948 года американская разведка отбросила свою стыдливость и решила наконец-то формализовать свои отношения с Геленом. В октябре 1948 года в резидентуре ЦРУ в Карлсруэ состоялось совещание под руководством шефа резидентуры Гордона Стюарта. В обсуждении будущего Гелена принял участие и

бежавший из Праги Чарльз Катек. Прибывший из штаб-квартиры ЦРУ давний покровитель Гелена полковник Галлуэй приказал резидентуре проверить работу группы Гелена в Пуллахе и высказать свои рекомендации.

Дело было еще и в том, что в октябре 1948 года армия официально уведомила ЦРУ о своем нежелании далее финансировать работу группы Гелена. Геленовцы обходились армии в США в 42 367 долларов и 5000 долларов в виде армейских продовольственных пайков ежемесячно. В 1948 году годовой бюджет организации Гелена составил 1,5 миллиона долларов (примерно 14,7 миллиона в ценах 2015 года).

ЦРУ отправило с инспекцией в Пуллах только что назначенного главу мюнхенской резидентуры Джеймса Критчфилда, который 27 октября 1948 года получил из Вашингтона приказ в течение четырех недель вынести окончательное суждение о целесообразности продолжения «ржавой операции». 18 ноября Критчфилд прибыл в Пуллах и представился Гелену как «Джеймс Маршалл». Гелен тоже был окутан тайной – он отрекомендовался «доктором Шнайдером»^[301].

Доклад Критчфилда от 17 декабря 1948 года спас Гелена и его людей. При этом в докладе и не скрывалось, что организация Гелена может стать ядром новой немецкой разведывательной службы. Но после берлинского кризиса США уже и так взяли курс на создание сепаратного западногерманского государства, и этот вывод уже не пугал так, как раньше. Критчфилд прямо указал на этот момент в своем докладе: «Еще одним заслуживающим внимания фактором являются тесные узы “ржавой операции” с бывшими офицерами германского Генштаба по всей Германии. Если в будущем Германия будет играть свою роль в западном военном альянсе, то этот фактор станет особенно важным»^[302]. Таким образом, минусы организации Гелена Критчфилд превратил в плюсы. Организация, резюмировал Критчфилд, и так состоялась как факт, и ЦРУ стоило взять ее под свою ответственность.

Хилленкоттер нехотя согласился с меморандумом Критчфилда, подчеркнув на всякий случай, что армия фактически навязала геленовцев разведке. Переход организации Гелена под эгиду ЦРУ активно поддержал друг и единомышленник Даллеса Форрестолл (в то время – министр обороны).

1 июля 1949 года Пуллах и его обитатели официально перешли под контроль ЦРУ.

Ободренный Гелен решил, что его организации стоит заниматься шпионажем не только в Восточной, но и в Западной Германии. Там следует

выслеживать коммунистов и советских агентов^[303]. Кадры для этой новой деятельности Гелен искал среди бывших сотрудников гестапо и РСХА. При этом членство в СС его нисколько не смущало (гестапо и СС были объявлены Международным трибуналом в Нюрнберге преступными организациями).

Среди «новичков» «организации» были бывший начальник отдела в РСХА и один из главных идеологов СД бригадефюрер СС Франц Зикс, оберфюрер СС и высший чин гестапо Вилли Крихбаум (о нем речь впереди), штумбаннфюрер СС Фритц Шмидт (возглавлял отделение гестапо в Киле) и другие. Работу у Гелена получил даже бывший оберштурмфюрер СС Ханс Зоммер, который хотел осенью 1941 года взорвать синагоги в Париже, чтобы разжечь среди французов антисемитские настроения. Но Зоммер работал так неуклюже, что командование вермахта добилось его высылки из Франции. У Гелена Зоммер возглавил подразделение «организации» на севере ФРГ.

Бывших гестаповцев Гелен использовал, прежде всего, для слежки за сотрудниками собственной быстро разраставшейся после 1949 года организации. При этом на ужесточении внутреннего контроля в ведомстве Гелена еще с 1947 года настаивали американцы, которых тоже не сильно заботило прошлое «новых» специалистов по контрразведке.

Но здесь против Гелена еще в 1948 году решительно выступил Баун – нельзя шпионить за немцами по указке американцев. В качестве альтернативы Баун предложил приступить к внедрению в органы безопасности ГДР и советские резидентуры в Восточной Германии собственной агентуры. Так со шпионажем врага можно было бы бороться гораздо эффективнее, пресекая его, что называется, в зародыше.

И Баун (шеф разведки в организации Гелена, отдел III f) продемонстрировал, на что он способен.

После событий в Чехословакии в феврале 1948 года многие прозападно настроенные чехи и словаки бежали в Западную Германию. Там в лагерях для беженцев их с ведома американцев допрашивали геленовцы. 5 марта 1948 года в лагерь Регенсбурга прибыла студентка философии из Праги 19-летняя Божена Гайек. Она хотела эмигрировать в Америку, и для этого в анкете ей пришлось указать всех родственников. Среди родственников обнаружился Войтех Ержабек, на которого имелась карточка в организации Гелена: «Штабс-капитан чехословацкой армии. С 1.6. 1947 года вместе со штабс-капитаном Оттокар Фейфаром возглавляет отделение чехословацкой военной разведки в Карловых Варах. Информаторы сообщают, что оттуда Ержабек руководит засылкой чешских

агентов в Западную Германию. Ержабек женат на Славке, урожденной Гайек»^[304].

Сначала геленовцы решили, что Ержабек решил заслать свою родственницу-студентку в США с разведывательной миссией. Но агенты из Праги сообщили, что Божена настроена прозападно и действительно бежала из ЧСР по политическим мотивам. Тогда Баун решил через Божену завербовать штабс-капитана Ержабека.

Операцию поручили агенту «организации», симпатичному чеху по кличке «Ондрей». «Ондрей» быстро очаровал в лагере для беженцев Божену и вскоре выяснил, что штабс-капитан Ержабек во время визитов к родственникам в Прагу выражал недовольство «коммунистическим режимом». 4 августа 1948 года «Ондрей» выехал в Прагу. Там он должен был передать привет от Божены ее родителям и с их помощью выйти на Ержабека. Гелен присвоил операции кодовое наименование «Богемия»^[305].

22 октября 1948 года «Ондрей» в Карловых Варах встретился с Ержабеком, сидевшим в черной «татре». Агент Гелена предложил штабс-капитану «делиться» информацией за доллары. Ержабек резонно заметил, что в Чехословакии ему доллары ни к чему. Тогда «Ондрей» прямо сказал, что они могут пригодиться офицеру в Западной Германии.

После этой беседы Ержабек отвез агента обратно на вокзал и приказал ему ждать ответа в Праге. На следующий день в Пуллах ушло написанное невидимыми чернилами донесение «Ондрея» о беседе с Ержабеком. В нем с немецкой педантичностью содержалось даже количество сигарет, выкуренных Ержабеком. Через «мертвый почтовый ящик», размещенный под одной из бесчисленных скамеек чехословацкой столицы, донесение с курьером ушло в Мюнхен.

Чтобы еще больше «замотивировать» Ержабека, ему сообщили, что коммунисты якобы готовят чистку в армии, и штабс-капитан обязательно станет ее жертвой.

Это сообщение «Ондрея» и стало для Ержабека решающим доводом в пользу предательства. В ночь с 8 на 9 ноября 1948 года «Ондрей» вместе с Ержабеком тайно перешли границу и оказались в Баварии. Вместе с Ержабеком решили изменить родине штабс-капитан Фейфар и майор Тир из министерства обороны в Праге. Офицеров сопровождали пять членов их семей.

В Нюрнберге Ержабека и его компаньонов уже ждали офицеры американской контрразведки. Перебежчики представили им списки чехословацкой агентуры в Западной Германии и ключи для радиокодов.

Через несколько дней контрразведка СИС арестовала 18 чехословацких разведчиков. 28 их связников были поставлены под наблюдение. Главный чехословацкий разведчик Яромир Кочка был приговорен американцами к 20 годам тюрьмы^[306].

Таким образом, американцы с помощью Гелена сумели поквитаться за свое позорное фиаско в Праге в феврале 1948 года. Чехословацкая разведка смогла более или менее восстановить свою сеть в Западной Германии только через два года.

Нанесли геленовцы удар и по югославской разведке, хотя после июня 1948 года Югославию можно было причислить скорее к врагам, чем к друзьям СССР. Тито открыто получал от США военную помощь и не скупился на антисоветские заявления по поводу и без оногo.

27 августа 1949 года в Пуллах поступило сообщение от источника во французской контрразведке: «В апреле 1949 года во Фридрихсхафене французской контрразведкой была раскрыта сеть югославских шпионов. Среди прочих был арестован югослав Левеч (9. 4. 1949), который начиная с 1947 года работал на югославскую разведку во французской оккупационной зоне (Германии). Что касается американской зоны оккупации Германии, то Левеч сообщил следующее: «Шефом югославской разведки НД в Германии является некий Топа, он же Мимара, по профессии музейный хранитель. Он входит в состав югославской комиссии по реституции и репарациям в американской зоне оккупации Германии»^[307]. В настоящее время Топа якобы находился в Мюнхене.

Источник сообщил и имена некоторых других югославских агентов, например, старшего лейтенанта Дорана, члена югославской военной миссии во Франкфурте-на-Майне, и др.

Геленовцы стали следить за югославами и их немецкими источниками. Например, в поле зрения пропал бывший генерал люфтваффе (кличка «Миллер»), который продиктовал стенографистке в югославской военной миссии в январе 1949 года доклад о структуре современных ВВС.

Геленовцы наблюдали за югославами и их контактами примерно полгода, а потом доложили о результатах американцам. Те выслали югославоv из своей зоны оккупации.

После образования в сентябре 1949 года ФРГ Гелен всячески пытался перейти на службу в новое немецкое государство, но при этом не потерять связи с американцами и свою «организацию».

В 1949 году он уже осторожно намекал на свои планы в разговорах с министерским директором в министерстве внутренних дел ФРГ Гансом

Риттером фон Лексом, а также с министром внутренних дел Густавом Хайнеманном, вице-канцлером Францем Блюхером и министерским советником в ведомстве федерального канцлера Гербертом Бланкенхорном.

Поначалу к Гелену в Бонне относились настороженно. Одних в правительстве ФРГ пугало его прошлое в Генштабе вермахта, других (националистов и бывших «коричневых») – его тесные связи с американцами.

25 июня 1950 года началась война в Корее, и Гелен решил, что наконец-то пробил его долгожданный час. В июне 1950 года он высказал свои соображения в пользу создания западногерманской службы внешней разведки государственному секретарю в ведомстве федерального канцлера Гансу Глобке, в сентябре того же года, наконец, и самому канцлеру Конраду Аденауэру.

После начала войны в Корее Аденауэр немедленно приступил к реализации своего главного плана – воссозданию германских вооруженных сил. Планы для этого должны были выработать генералы из Пуллаха – Хойзингер, Шпейдель^[308] и Фертч^[309].

Первоначально палки в колеса Аденауэру вставляли англичане. Там у власти были лейбористы, и им пока было трудно объяснить своим избирателям, что через 5 лет после окончания тяжелейшей войны против немцев опять возникает германская армия с генералами вермахта во главе. Пока англичане были согласны лишь на создание легко вооруженной западногерманской полиции, якобы для охраны границ от полиции восточногерманской.

Против воссоздания немецкой армии в любом виде категорически была настроена Франция.

Британцы также не доверяли Гелену, который рвался к любому значимому посту в боннском правительстве. Они добились назначения военным советником Аденауэра графа Шверина, который в июле 1950 году завел у себя (фактически в эмбриональном министерстве обороны ФРГ) собственную разведгруппу во главе с бывшим офицером абвера Фридрихом Вильгельмом Хайнцем.

ЦРУ не возражало – американцы были готовы сделать ставку на любого человека, лишь бы он выполнял их указания.

Канцлер Аденауэр 14 июля 1950 года неожиданно выехал в Швейцарию, якобы в отпуск. За время своего отсутствия он поручил своему ближайшему советнику Гансу Глобке^[310] подготовить рабочий план по воссозданию немецких силовых структур – армии и политической

полиции. Глобке тайно посетил Пуллах 21 июля 1950 года. Там он впервые получил полное представление о работе «организации Гелена».

7 августа 1950 года Шпейдель написал меморандум о ремилитаризации Западной Германии «Размышления относительно внешней безопасности Федеративной республики Германии». Понятно, что, согласно творцу этого документа, угроза этой безопасности исходила от «русских»: «Немецкий народ в федеративной республике принял идеалы западной свободы, но они пока еще не настолько укоренились в народе, чтобы за них были готовы проливать кровь и жертвовать собственностью... Несмотря на поражения коммунистической партии на выборах, люди склонны доверять коммунистическо-большевистской пропаганде. Это не выражается в присоединении к этой идеологии, а скорее в страхе и заботах. “Что мы будем делать, когда придут русские?” Этот вопрос люди задают себе чаще, чем это видно в публичных дискуссиях»^[311].

В том, что русские вот-вот придут, Шпейдель и Хойзингер (помогавший составлять меморандум) нисколько не сомневались. Якобы 30 до зубов вооруженных советских дивизий способны в любой момент начать наступление на беззащитную ФРГ.

На основе «летнего меморандума» Аденауэр представил 17 августа 1950 года Верховным комиссарам западных держав перечень своих требований. Главным было воссоздание немецких силовых структур.

Между тем 20 сентября 1950 года Аденауэр впервые принял Гелена, якобы для обмена мнениями о войне в Корее. Встреча проходила после получения предварительного одобрения со стороны ЦРУ. Канцлер твердо обещал Гелену перевести его организацию в систему органов западногерманского госаппарата, «как только это позволят обстоятельства». 25 сентября 1950 года ЦРУ организовало рабочий ужин Хойзингера и Гелена с американским Верховным комиссаром в ФРГ Макклоем (будущим директором ЦРУ). В США уже приняли решение, что Хойзингер возглавит зарождающуюся западногерманскую армию, а Гелен – разведку ФРГ. Таким образом, эти важнейшие силовые органы оставались бы под надежным контролем Вашингтона.

Так Гелен постепенно вышел из тени.

5—9 октября 1950 года в монастыре Химмероде заседала группа «экспертов» – бывших генералов вермахта (в том числе и «пуллахские генералы» Шпейдель, Фертч и Хойзингер). На базе «летнего меморандума» была принята «докладная записка Химмероде», предусматривавшая скорейшее создание западногерманской армии в составе 12 механизированных дивизий. Командование над армией ФРГ и в мирное

время (не говоря уже о состоянии войны) должно было находиться в руках НАТО, то есть США.

После этого 29 октября Аденауэр объявил об учреждении «Ведомства уполномоченного федерального канцлера по вопросам, касающимся усиления союзных частей (на территории ФРГ. – *Примечание автора*). Ведомство возглавил Теодор Бланк^[312], депутат бундестага от ХДС. Длинное название (для краткости новое учреждение называли просто «ведомством Бланка) никого не смогло обмануть – в нарушение Потсдамских договоренностей США, СССР, Англии и Франции в ФРГ возникло министерство обороны.

22 января 1951 года группу бывших немецких генералов в резиденции Макклоя принял Эйзенхауэр (назначенный командующим вооруженных сил НАТО в Европе). Он «сердечно» пожал им руки и извинился, что раньше относился к германским генералам «предвзято».

Если вопрос о создании западногерманской армии был решен, то с разведкой пока дело обстояло с точки зрения Гелена не так однозначно. 31 марта 1951 года Гелен подробно разъяснил Аденауэру свои представления о структуре будущей западногерманской разведки. Для этой встречи ЦРУ специально предоставило Гелену копию Закона о национальной безопасности США, в соответствии с которым было создано ЦРУ.

Сразу же после встречи Гелен попросил разрешения у своих американских хозяев перейти под контроль правительства ФРГ, правда, при сохранении финансирования со стороны ЦРУ. Но американцы показали Гелену, кто в доме хозяин, – его предложение было отвергнуто^[313].

В мае 1951 года Гелен опять встречался с Аденауэром и просил того о помощи – но канцлер ссориться с Вашингтоном ради бывшего генерал-майора вермахта не желал.

Гелен нервничал – ему не давал покоя тот факт, что разведку в ведомстве Бланка возглавлял не он, а уже упомянутый выше абверовец Фридрих Вильгельм Хайнц. Хайнц создал собственную резидентуру в Берлине и поддерживал тесные контакты с англичанами, а также с Даллесом. Даллес еще с военных времен под влиянием плотных контактов с офицером абвера Гизевиусом считал весь абвер чуть ли не центром Сопrotивления в Германии и относился к офицерам германской военной разведки покровительственно (как к «хорошим немцам»).

Гелен отказался иметь с Хайнцем дело, и Бланку пришлось уволить последнего – все-таки за Геленом стояло ЦРУ.

В августе 1951 года в Пуллах официально прибыл Глобке, после чего американская разведка организовала для Гелена поездку в США. В 1945 году Гелен был в Америке на правах военнопленного – теперь его официально принял директор ЦРУ Беделл Смит. Даллеса на встречу не пригласили, но зато он сам пригласил Гелена на частную вечеринку в «Метрополитен Клуб». На 10 минут Гелена принял и Визнер. Беседа носила протокольный характер – Визнер снисходительно пожелал своему немецкому коллеге успехов в работе.

Визит в США должен был успокоить самолюбие Гелена и дать ему долгожданный официальный статус.

Между тем Гелен, который хвастался наличием якобы мощной агентуры в советской зоне оккупации, проморгал советских агентов у себя дома.

Первым к Гелену советской разведке удалось внедрить бывшего офицера СС Шнайдера, участвовавшего, вместе с шефом гестапо Мюллером, в разгроме советской разведывательной сети, известной в гестапо как «Красная капелла». Когда Шнайдер попал в плен, его обнаружили в лагере, обучили и пристроили бухгалтером в ХДС Аденауэра, правильно рассчитав, что именно Аденауэр станет первым канцлером ФРГ. Шнайдеру удалось постепенно выйти на Гелена, который предложил ему работу в своем ведомстве. Благодаря новому положению и связям Шнайдер сумел найти работу жене, которая к тому времени тоже стала советским агентом. Причем жена устроилась в министерство обороны ФРГ^[314].

Но главным советским разведчиком в ведомстве Гелена был Хайнц Фельфе.

Фельфе родился в 1918 году в Дрездене. Его отец служил в полиции в отделе наблюдения за нравами. Когда Хайнцу исполнилось 10 лет, отец вышел на пенсию и большую часть своего времени стал уделять воспитанию сына. По натуре мягкий человек, но в тоже время честный и требовательный, он прививал сыну любовь к Германии, ее роли в мировой культуре. В 1933 году 15-летний Хайнц, как и многие юноши и девушки в то время, вступил в молодежную организацию «гитлерюгенд». Через три года он стал членом СС (членский билет номер 286 288). Как вспоминал потом Фельфе, при поступлении в СС главную роль сыграли вовсе не политические соображения, а возможность изучить автодело^[315].

По окончании в 1934 году школы Хайнц Фельфе начал обучаться точной механике на заводе оптических приборов, однако вскоре осознал,

что его призвание – гуманитарные науки. Ему все чаще стали приходиться мысли заняться юриспруденцией. Многообещающим началом его карьеры в 1939 году была работа телохранителем высоких чинов НСДАП. Но после начала Второй мировой войны Фельфе призвали в вермахт. На передовой он подхватил тяжелое воспаление легких и был комиссован.

В марте 1941 года Фельфе успешно сдал экзамены и получил аттестат зрелости. Охранная полиция, входившая в систему СС, как раз отбирала молодых людей для службы в своих рядах, с предварительной учебкой на юридическом факультете Берлинского университета. Так будущий советский агент в организации Гелена стал полицейским.

Весной 1943 года VI управление (политическая разведка) Главного управления имперской безопасности (РСХА) направило запрос в уголовную полицию о направлении в его распоряжение молодых квалифицированных и перспективных работников. В числе прочих была предложена кандидатура Хайнца Фельфе. Так он оказался в ведомстве шефа внешней разведки СД Вальтера Шелленберга.

К исполнению обязанностей в политической разведке Фельфе приступил в августе 1943 года. Начал он службу в качестве рядового сотрудника отдела, работающего по Швейцарии и Лихтенштейну. Вскоре старание молодого офицера, упорно осваивающего формы и методы разведывательной работы, было замечено. В частности, Фельфе через Швейцарию менял изготовленные в рейхе фальшивые британские фунты.

В 25 лет Хайнц Фельфе был назначен начальником отдела. Вскоре состоялась первая беседа с Шелленбергом, который остался доволен молодым и энергичным сотрудником.

Отдел по СД Швейцарии и Лихтенштейну считался одним из лучших в РСХА. Однако чем больше Фельфе получал доступ к деятельности Главного управления имперской безопасности, тем чаще он задавался вопросом: к чему ведет Германию Гитлер, ради чего уничтожаются в многочисленных концлагерях миллионы людей? Фельфе казалось, что эсэсовская форма и звание оберштурмфюрера СС начинает его делать сопричастным к массовым убийствам. Воспользовавшись реорганизацией РСХА, Фельфе написал рапорт о переводе на службу в вермахт, но получил отказ.

Конец войны Фельфе встретил в Нидерландах, куда прибыл по заданию Шелленберга для подготовки к заброске диверсантов в тыл наступающих войск союзников. На первом же допросе после пленения он рассказал о себе все без утайки. Следующие 18 месяцев Фельфе провел в британском плену. 31 октября 1946 года он получил от лагерной

администрации свидетельство, что не является военным преступником и не обвиняется в нарушении прав человека. Затем Фельфе недолгое время работал на британскую секретную службу MI-6 в Мюнстере (сообщал о коммунистической деятельности в Кельнском университете), однако вскоре сотрудничество было приостановлено, так его подозревали в том, что он работает как двойной агент.

После прекращения сотрудничества с англичанами Хайнц Фельфе стал слушателем факультета государства и права Боннского университета (этот же университет когда-то окончил и Шелленберг).

В Бонне Фельфе познакомился с двумя советскими офицерами. Фельфе пришел к выводу, что они – люди эмоциональные и открытые, без претензий на какую-либо исключительность или превосходство, что нередко он замечал у американцев. Вторая встреча с представителями СССР произошла в 1949 году в Веймаре во время празднования 200-летия со дня рождения Гете. Собеседником Хайнца Фельфе на этот раз оказался журналист из Москвы. Как неожиданно выяснилось, их объединяет общий интерес к истории, литературе и творчеству Гете. Позже, во время бесед на политические темы, по ряду вопросов они также высказали общие взгляды.

Все это не осталось без внимания советской разведки. Импонировали острый ум, образованность, эрудиция, склонность Фельфе к аналитическому мышлению, способность легко устанавливать контакты с людьми. Но самое главное, на что в Москве обратили особое внимание, это на искреннее желание Хайнца Фельфе порвать со своим прошлым, его потребность искупить свою вину за причастность к СС. В 1951 году с ним провел беседу советский агент и бывший коллега Фельфе Ганс Клеменс. Так Фельфе стал агентом Комитета информации СССР под псевдонимом «Пауль». Его курировал советский разведчик Коротков.

Центр поставил перед Фельфе задачу заводить полезные связи и искать возможность для проникновения в спецслужбы ФРГ.

После завершения учебы в Боннском университете Фельфе устроился на работу в министерство по общегерманским вопросам (отдел по делам беженцев). Там Фельфе (как бывший полицейский) опрашивал бежавших на Запад сотрудников народной полиции ГДР. Одновременно он пытался выполнить задание советской разведки. Однако две попытки устроиться в полицию и ведомство по охране конституции (контрразведка ФРГ) окончились неудачей. Помог случай.

Однажды Хайнцу Фельфе позвонил старый сослуживец по РСХА штандартенфюрер СС Вилли Крихбаум^[316] и предложил встретиться. Крихбаум и Фельфе познакомились в 1944 году, и уже тогда Крихбаум

предложил понравившемуся ему оперативнику СД перейти на работу к нему в тайную полевую полицию. Фельфе отказался, но оба сохранили о знакомстве приятные воспоминания.

Крихбаум рассказал Фельфе, что служит в «организации Гелена» (ОГ) – немецкой разведке, созданной по инициативе американцев и работающей под их тесным контролем. Пообещал в случае согласия помочь бывшему сослуживцу вновь вернуться в разведку. Так и случилось. 15 ноября 1951 года Фельфе приступил к работе в «организации Гелена» (псевдоним «Фризен»).

Служба Хайнца в ОГ началась в ее генеральном представительстве в Карлсруэ. На первых порах новичок занимался обыкновенной черновой работой. С раннего утра до позднего вечера приходилось просматривать горы старых дел, выписывая кандидатов в агенты ОГ. Усердие Фельфе, как когда-то в VI управлении РСХА, не осталось незамеченным. Через год он получил доступ к более серьезным документам. Среди них была и картотека геленовских агентов, действовавших в ГДР. Это была первая крупная оперативная удача советского разведчика.

После этого Центр поставил перед Фельфе задачу внедриться непосредственно в штаб-квартиру Гелена в Пуллахе. Настойчивость и целеустремленность Фельфе увенчалась успехом. С 1 октября 1953 года он приступил к работе непосредственно в центре «Организации Гелена» в одном из контрразведывательных подразделений.

Забегая вперед, отметим, что в соответствии с данными ЦРУ, Хайнц Фельфе передал советской разведке более чем 15 тысяч документов и выдал 100 агентов ЦРУ. Сам Фельфе быстро рос в организации Гелена потому, что КГБ и ГРУ активно снабжали его правдоподобной дезинформацией, высоко ценившей Геленом.

Не будет преувеличением сказать, что Ким Филби и Хайнц Фельфе были самыми ценными источниками советской разведки в спецслужбах противника в первые послевоенные годы.

Но Фельфе был не единственным «советским кротом» в организации Гелена. Еще раньше на советскую разведку стал работать Ганс Клеменс.

Клеменс родился в 1902 году в Дрездене и хотел стать военным музыкантом (его отец был музыкальным директором в Дрездене). Однако проигранная Германией Первая мировая война поставила крест на военной составляющей этой детской мечты. В 1920–1933 гг. Клеменс играл на пианино и скрипке в различных оркестрах. В 1931 году вступил в НСДАП, 1 июня того же года – в СС. На общественных началах с 1932 года работал в разведке областной организации (гау) НСДАП в Дрездене. Участвовал в

драках против коммунистов и социал-демократов. В 1933 году вступил в СД, в 1936–1937 гг. возглавлял филиал СД в Дрездене. В это же время он познакомился с Фельфе.

Клеменс отличился во время судетского кризиса 1938 года, организовав засылку на территорию Чехословакии провокаторов из генлейновской судето-немецкой партии. Они должны были устроить погромы в приграничных районах ЧСР, спровоцировать чехословацкие власти на жесткие ответные меры и тем самым создать предлог для военного вторжения вермахта.

В 1941 году судом СС против Клеменса было начато расследование по подозрению к принуждению дачи показаний, но в марте 1941 года оно было закрыто.

В 1942 году Клеменса повысили до гауптштурмфюрера СС и перевели на работу в центральный аппарат РСХА, во внешнюю разведку (СД VI), швейцарский отдел. Там же с августа 1943 года работал Фельфе. С конца 1943 года Клеменс работал в аппарате СД в Италии. Был взят в плен канадцами в апреле 1945 года и позднее выдан итальянцам. В мае 1948 года итальянский суд предъявил ему и другим офицерам СС обвинение в расстреле заложников в Риме в марте 1944 года. Однако Клеменс был оправдан и в июле 1948 года вышел на свободу.

В сентябре 1949 года Клеменс вернулся в Германию, в городок Рендорф на Рейне, где жил Фельфе. Фельфе рассказал другу, что часто по дороге на работу видит Аденауэра (который тоже жил в Рендорфе)^[317]. Сначала Клеменс устроился на работу в группу музыкантов, потом к своему другу по РСХА Тибелю в строительную фирму. Якобы до 1950 года он сотрудничал с британской разведкой.

Жена Клеменса Герда жила в Дрездене и часто писала письма на адрес Тибеля, которые тот передавал Клеменсу. Супруга приглашала мужа в Дрезден для важного разговора. Якобы Клеменс еще во время заключения в Италии получил сведения, что его жена поддерживает контакты с советскими офицерами. Клеменс неоднократно советовался с Фельфе, а в январе 1950 года жена сама приехала к нему и опять пригласила его в Дрезден на встречу с «русским другом». В марте 1950 года Клеменс пересек границу с ГДР в Гарце и встретился там с офицером МГБ «Максом».

Чекисты завербовали его в Дрездене и передали на связь офицеру МГБ Ивану Суснину. Именно Клеменс рассказал о Фельфе, подчеркнув антифашистские убеждения своего друга. Уже тогда Фельфе был под наблюдением советской разведки, и сведения Клеменса совпали с оценками

чекистов. Клеменс проинформировал советских разведчиков о своем желании устроиться в организацию Гелена и получил на это «добро». Именно Клеменс провел беседы с Фельфе, после чего тот дал согласие тайно встретиться с представителями советской разведки в Восточном Берлине. 11 августа 1951 года Фельфе без долгих раздумий согласился работать на советскую разведку.

Во время поездки на поезде из Бонна в Дюссельдорф Клеменс случайно встретил бывшего знакомого по СС, и тот сообщил, что их общий сослуживец Крихбаум работает на Гелена в Баварии. Клеменс немедленно встретился с Крихбаумом, и тот сразу рекомендовал его на работу в «организацию Гелена» (ОГ). 15 июня 1951 года Клеменс был принят в ОГ и поначалу работал у Крихбаума курьером. Затем Крихбаум, выполняя указание Гелена, поручил Клеменсу вербовать для организации бывших офицеров СД. И Клеменс сразу вспомнил о Фельфе.

Проникновение в Пуллах советской разведке облегчил сам Гелен. Именно он вопреки мнению Бауна дал указание активно привлекать к работе бывших чинов СС и СД. С точки зрения Гелена, сам факт членства в таких организациях был надежной гарантией, своего рода пожизненной прививкой от коммунизма.

Американцы давно упрекали Гелена в небрежности в отношении набора кадров и расхлябанности в плане внутренней контрразведки. Поэтому как минимум в 1952 году армейская контрразведка США в ФРГ (третий округ со штаб-квартирой в Оффенбахе) начала целую операцию «Кампус» по собственному проникновению в организацию Гелена. При этом агентурная работа велась так, как если бы ОГ была враждебной организацией. Главным источником для армейской контрразведки США был глава контрразведывательной службы ОГ Альфред Бентцингер (по кличке «Толстяк», бывший унтер-офицер тайной полевой полиции). Контрразведка Гелена (ведомство 114) было замаскировано под фирму по торговле жалюзиями в Карлсруэ.

«Кампус» прекратили только в 1955 году, хотя и американцы не смогли обнаружить в хозяйстве Гелена советских разведчиков. При этом армейская контрразведка США серьезно интересовалась Фельфе, но только как бывшим сотрудником СД. Правда, американцев, как и прежде, не сильно заботила нечистая совесть многих геленовцев.

Например, одним из ведущих сотрудников геленовской контрразведки был Конрад Фибиг, который во время войны участвовал в истреблении как минимум 11 тысяч евреев на территории Белоруссии (айзатцгруппа Б). Особенно зверствовали Фибиг и его коллеги в Витебске^[318].

Еще один «контрразведчик» Гелена, бывший штурмбаннфюрер СС Вальтер Куррек, был в 1942 году послан в Россию (в айнзатцгруппу Д) [319] для проведения операции «Цеппелин». Целью «Цеппелина» были не только диверсии и саботаж в советском тылу, но и поиск и ликвидация «комиссаров» в лагерях для советских военнопленных. В 1945 году Курреку была поручена организация партизанского движения в тылу союзников («Вервольф»). До 1950 года этот человек жил под чужим именем.

Гелен не уставал твердить своим сотрудникам, что война против «Советов» не кончилась. Он предостерегал против «троянских коней большевизма», которые подтачивают ФРГ на случай скорого советского нападения.

Однако искал Гелен этих «троянских коней» не там, где они и правда находились.

Как-то источник «Шорт» сообщил, что бывший обер-лейтенант вермахта, вернувшийся из русского плена, кажется ему подозрительным, так как иногда ездит в ГДР, к своим родителям в Дрезден. При возвращении у него якобы появляются большие суммы денег. Женой бывшего офицера является дочь владельца большого отеля. На этом основании ОГ взяла обер-лейтенанта, его жену и тестя под наблюдение.

Расследованием дела занялись опытные профессионалы из РСХА.

К сожалению, для Гелена никакие агенты с Востока в отеле так и не появились. Большие суммы денег оборотистый экс-обер-лейтенант получал не от русских, а от своей коммерческой деятельности. Он с прибылью продавал в Западном Берлине дрезденские фарфор и серебро. Но на всякий случай карточку этого человека решили сохранить. Это был принцип Гелена – любая информация может когда-нибудь пригодиться.

Пока агенты советской разведки с комфортом устраивались в организации Гелена, сам ее руководитель был озабочен только личными карьерными планами. Он попытался стать директором Ведомства по защите конституции (контрразведка ФРГ), но британцы заблокировали его кандидатуру. Гелен был так раздосадован, что пригрозил американцам распустить свою организацию. Но его пригласили на «откровенную» беседу, и бывший генерал-майор вермахта немедленно взял свои слова обратно. Гелен дождался своего лишь в 1956 году, когда его организация превратилась в Федеральную разведывательную службу (БНД) ФРГ, а сам Гелен стал ее первым директором.

До 1953 года геленовцы занимались в основном шпионажем против ГДР и расположенных там советских войск.

Однако ОГ подключали и к более серьезным делам, например, к операции «Джунгли».

«Операция Джунгли», или Фиаско в Прибалтике

Помимо Украины в Вашингтоне считали слабым местом Советского Союза Прибалтику. После 1945 года американская разведка стала искать пути налаживания контактов с антисоветским «сопротивлением» в советских прибалтийских республиках, особенно в Литве, где потенциал антисоветских военных формирований оценивался высоко. Однако следует заметить, что поначалу за Прибалтику «отвечала» английская разведка. Логика здесь была довольно бесхитростной – в межвоенный период Латвия, Литва и Эстония ориентировались во внешней политике на Лондон, и там считали, что население Прибалтики по-прежнему без ума от британского образа жизни.

В конце 40-х годов британская разведка учредила специальный центр в Челси для заброски агентуры в советские республики Прибалтики. Как и на Западной Украине, там еще действовали банды бывших коллаборационистов и националистов, ожидавшие начала войны между Западом и СССР. Операцию возглавил Генри Карр, директор северного европейского департамента MI-6. Балтийской секцией департамента руководил Александр Маккиббин.

Работу против Эстонии вел бывший офицер эстонской армии Альфред Ребане, который во время войны служил в ваффен-СС. Ребане перешел на нелегальное положение еще в мае 1941 года, а позднее, при немцах, был назначен командиром отдельного эстонского охранного (конвойного) батальона. В 1942 году в звании гауптштурмфюрера СС воевал на Волховском фронте против армии генерала Власова, в марте 1943 года был назначен командиром добровольческого 658-го Восточного батальона СС, который совершал карательные «акции» против мирного населения в районе города Кингисеппа, где были сожжены несколько деревень (Бабино, Хабалово, Чигиринка и др.).

В феврале 1944 года Ребане был награжден Рыцарским крестом Железного креста. Воевал в 20-й (эстонской) дивизии СС; командую 45-м полком, участвовал в боях против Красной армии под Нарвой.

Вторую мировую войну Ребане закончил в должности исполняющего обязанности командира 20-й дивизии СС. Со своим 45-м полком он бежал на Запад. Руководство Третьего рейха не знало, что Ребане 8 мая сдался в

плен англо-американским войскам, и он был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту за исключительную храбрость на поле боя (только девять иностранцев были удостоены этой награды)^[320].

«Латвийскую группу» «Джунглей» возглавлял бывший офицер люфтваффе Рудолф Силарайс, литовскую – бывший профессор истории Стасис Жимантас.

Геленовцам поручили подбирать агентуру для операции из среды бывших нацистских коллаборационистов.

Агентов доставляли в Прибалтику морем под прикрытием фиктивной морской транспортной компании «Британская служба защиты на Балтике» («British Baltic Fishery Protection Service», BBFPS), использовавшей быстроходный военный катер времен войны. Официально компания занималась защитой западногерманских рыбаков от «советского произвола» на море. Катер модифицировали (снизили вес, за счет чего возросла скорость). Чтобы скрыть причастность британского правительства к «операции Джунгли» в случае захвата катера советским флотом, его экипаж с помощью ОГ набрали из немцев. Немецкие жизни англичане (да и американцы) не жалели.

В операции использовались также моторные лодки.

Агентов высаживали на острове Саарема, в Вентспилсе и Паланге. Обычно катер шел на восток через воды датского острова Борнхольм, после чего переходил на режим радиомолчания.

Первую группу из 6 агентов высадили в мае 1949 года недалеко от Паланги. 1 ноября того же года два агента сошли на советский берег у Вентспилса. Там же появились еще три незваных пришельца 12 апреля 1950 года.

Англичане вошли во вкус и в конце 1950 года расширили масштаб операции. Были наняты 14 постоянных немецких члена экипажа, а в качестве базы избрали район Гамбурга.

Среди целей операции появилась и радиоэлектронная разведка советского, польского и восточногерманского балтийского побережья. Оборудование для этого предоставили американцы. В 1951–1952 гг. на берега советской Прибалтики было высажено 16 и забрано обратно 5 агентов.

В августе 1952 года появился еще один катер, тоже с немецким экипажем.

Однако МГБ СССР было в курсе операции через свою агентуру в Британии. Почти все из 42 агентов «джунглей» были арестованы. Часть из них перевербовали и отправили в ряды «борцов сопротивления».

Латвийская госбезопасность начала контроперацию «Люрсен-С» (в «честь» фирмы-производителя британских катеров). Зимой 1949–1950 гг. чекисты организовали группу «лесных братьев» под командованием майора госбезопасности Бундулиса. Все «братья» были бывшими партизанами и имели опыт жизни в лесу. К ним в «лагерь» в мае 1950 года доставили пойманных агентов британской разведки, и из «леса» была налажена радиосвязь. Англичане и не знали, что один из забранных ими с берега агентов был офицером МГБ.

В Видземе чекисты организовали еще одну подпольную группу «Робертс», один из «бойцов» которой, Станислав Крейц («Лист»), был направлен в Лондон на учебу. 15 января 1951 года Лист начал изучать радиодело и криптографию. Маккиббин был в восторге от группы «Робертс», считая ее ядром «антикоммунистического сопротивления» в Латвии. 12 апреля 1951 года четверо агентов (в том числе и «Лист») прибыли в Латвию. А МГБ Латвии отправило на «учебу» в Лондон еще как минимум четверых своих сотрудников (в том числе «Танкиста», «Дубина», «Гроссберга»).

После жалоб «борцов сопротивления» относительно слабой поддержки тронутые англичане передали в Латвию напрямую в руки советской госбезопасности много оружия и 3 235 920 рублей.

В МГБ Эстонии осенью 1951 года был создан специальный отдел радиоигр в составе семи оперативников (в рамках операции «Университет»). В лесах чекистами было построено несколько бункеров «лесных братьев». В феврале – апреле 1952 года там появились «гости» из Англии. Но потом у МГБ Эстонии кончились деньги на жизнь в лесу, и агентов попросту арестовали. К тому же один из них смог сбежать из лагеря и некоторое время скрывался на отдаленном хуторе. Этот агент Лео Аудов («Атса») сподобился без контроля даже отправить несколько радиogramм в Лондон. Последний британский агент прибыл в Эстонию через Латвию в сентябре 1953 года и полтора года жил в «партизанском отряде».

В 1955 году ввиду потери практически всей агентуры МІ-6 прекратила бесславную и дорогостоящую операцию «Джунгли».

В США с самого начала активно поддерживали все антисоветские политические и вооруженные группы в Прибалтике. При этом, как и в случае с организацией Гелена, американская разведка полностью сознавала, что среди «борцов сопротивления» много бывших нацистов и их пособников.

После освобождения Прибалтики Красной армией на Запад бежало, по

американским оценкам, до 200 тысяч литовцев^[321]. Еще 40 тысяч в литовских густых лесах боролось против советской власти (данные разведки США на весну 1946 года). Литовская антисоветская эмиграция учредила даже своего рода «правительство в изгнании» – Единое демократическое движение сопротивления (ЕДДС), – которое вело активную лоббистскую работу в США. Как и в случае с Украиной, литовские эмигранты «потчевали» американцев дутыми завышенными данными о «боевых успехах» «лесных братьев». Якобы только в первой половине 1946 года «сопротивление» осуществило против «оккупационного режима» более 800 диверсий и актов саботажа. Летом 1946 года ЕДДС проинформировало американцев о шести «сражениях», в каждом из которых якобы участвовало как минимум 200 советских военнослужащих и 100 «партизан».

Однако уже к середине 1947 года, по оценкам американцев, численность «лесных братьев» упала в два раза, чему способствовали не только активные боевые операции частей МГБ СССР, но и объявленная амнистия. Стремясь не упустить выгодный момент (провозглашение «доктрины Трумэна» и начало массовой антисоветской истерии в США), ЕДДС попыталось в ноябре 1947 года вынести «литовский вопрос» на рассмотрение ООН.

Литовско-Американский совет (политическое лобби литовцев, проживавших в США) потребовал от Совета министров иностранных дел (СМИД) СССР, США, Англии и Франции в январе 1947 года признать независимость Латвии.

Сам Трумэн еще в конце 1946 года лично засвидетельствовал свое почтение группе эстонских эмигрантов, которые «мужественно» бежали с родины на деревянной лодке^[322].

Не сидели без дела и латвийские эмигранты. Бывший посланник Латвии в США^[323] Альфред Билманис написал несколько книг и брошюр в поддержку «латвийского сопротивления».

В декабре 1947 году на Запад пробрался представитель литовских «лесных братьев» Юозас Лукша-Даумантас. В 1941 году Лукша под руководством немцев принимал участие в массовых убийствах евреев в Каунасе. С июня 1944 года он в составе антисоветского подполья участвовал в создании так называемого Движения борьбы за свободу Литвы. Лукша прорывался с боем через литовско-польскую границу с отрядом Крикшунаса. Почти весь отряд был уничтожен, но Лукша сумел добраться до Швеции.

Лукша привез письменную просьбу о помощи, адресованную папе римскому, и немедленно установил контакт с английской и американской разведками. Но там к посланцу «сопротивления» сперва отнеслись довольно равнодушно^[324]. Тем не менее антисоветские вооруженные группы в Литве, Латвии и Эстонии распускали слухи о неминуемой войне между Западом и СССР, в ходе которой Прибалтика будет «освобождена».

В мае 1948 году Трумэн получил доклад специальной межведомственной группы, созданной для изучения ситуации в Прибалтике. В документе отмечалось, что «секретные операции, особенно при поддержке групп сопротивления, могут дать один из наиболее важных источников секретной разведывательной информации»^[325]. То есть, в отличие от Украины, предлагалось пока заниматься в Советской Прибалтике не саботажем и терактами, а сбором сведений через налаживание агентурной связи с «сопротивлением».

В августе 1948 года (после начала Берлинского кризиса) штаб сухопутных сил США выразил заинтересованность в формировании постоянной группы офицеров для разработки плана для «привлечения народов Советской России к борьбе по свержению нынешнего тоталитарного режима и предоставления им (народам) любого практического содействия в этом деле»^[326].

Визнер, как обычно, вел свою войну. Для работы с прибалтийской агентурой он сразу же сделал ставку на организацию Гелена – ведь многие офицеры абвера, СС и СД «работали» с прибалтами еще в годы войны. Например, при «окончательном решении еврейского вопроса». Именно Латвия стала первой территорией Европы, где все евреи были ликвидированы латышскими националистами еще до начала 1942 года. Позднее немцы даже свозили на казнь в Латвии евреев из других европейских стран.

Но все эти «нюансы» не интересовали ни британскую, ни американскую разведку.

В ФРГ организация Гелена начала в лагерях для перемещенных лиц активный подбор агентуры для засылки в Прибалтику. В этих лагерях в конце 40-х годов находилось примерно 4 тысячи эстонцев, 11 тысяч латышей и 5 тысяч литовцев.

Затем отобранных «рекрутов» учили разведывательно-диверсионной работе в Западной Германии (на базе частей армии США). Наиболее продвинутых «борцов сопротивления» отправляли в США на курсы по парашютной подготовке. Было решено, что англичане продолжают

забрасывать агентуру в Прибалтику морем, а американцы будут десантировать ее с воздуха.

2 октября 1950 года в ходе совместной операции ЦРУ и MI-6 Лукша и еще двое агентов были сброшены с парашютом в Литве. На Западе Лукша успел опубликовать книги «Партизаны за железным занавесом» и «Борцы за свободу». В Литве он присвоил сам себе звание майора «партизанской армии» и создал отряд численностью около 20 человек. Лукшу активно искали сотрудники МГБ.

Следом за группой Лукши в Литву была заброшена на парашютах группа под командованием Ширвиса, которая сразу после приземления была захвачена в плен. По результатам допросов диверсантов была сформирована подставная «группа Ширвиса» из сотрудников МГБ, которой поставили задачу обезвредить Лукшу. Встреча Лукши с лже-Ширвисом была назначена в местечке Гарлява, в 12 км от Каунаса. По дороге возле деревни Пабартупис была устроена засада. Несмотря на строжайший приказ взять Лукшу живым, агент-проводник Хайнаускас внезапно в упор застрелил Лукшу перед самой засадой, поскольку, по его словам, Лукша что-то заподозрил и потянулся за гранатой.

Еще одним агентом ЦРУ был некий латышский эмигрант, проходивший в американской разведке как «Аесоб/7». Он характеризовался как активный деятель «латышского сопротивления», самостоятельно перебравшийся из Латвии в Швецию в 1949 году. Там он установил контакты со шведской разведкой, прошел разведывательно-диверсионную подготовку. «Аесоб/7» «неоднократно» пытался выйти на контакт и с американской разведкой, что в конце концов и было сделано ЦРУ через посредника («личного друга по прошлому»)^[327]. В 1950 году шведы забросили латыша обратно на родину, и тот, по данным ЦРУ, успешно поддерживал со шведской разведкой двусторонний контакт.

В ЦРУ, правда, совершенно верно подозревали, что «Аесоб/7» работает под контролем советской разведки. Уж больно легко этот человек перемещался из Латвии и обратно. Тем не менее его все равно формально завербовали в ЦРУ в 1956 году, причем без ведома шведских спецслужб.

Еще одним агентом ЦРУ был латыш Эдвинс Озолинс («Аесамусо/2»). Его забросили в Латвию 26 августа 1952 года. Последнее радиосообщение от агента пришло в декабре 1956 года. Озолинс сообщал, что сыт по горло всей этой историей, но просил еще денег.

Агент «Аесамусо/3» (Николайс Балодис, 1916 года рождения) был заброшен в Латвийскую ССР также 26 августа 1952 года и поддерживал (как и Озолинс) контакт с ЦРУ до декабря 1956 года. Но в этом случае

американцы уже сделали правильный вывод – агент работал под контролем советской разведки.

Биография Балодиса является хрестоматийной для характеристики американской прибалтийской агентуры послевоенного времени^[328].

Балодис родился в семье богатого мельника и с 1938 года служил в латышской армии и демобилизовался в звании капрала. С февраля 1941 года работал грузчиком в рижском порту (после того, как «Советы» якобы выгнали его из дома). После вступления немцев в Ригу записался в латышскую полицию, где «работал» до августа 1941 года, уничтожая коммунистов и еврейское население Латвии. Затем Балодис якобы жил на своем хуторе. Летом – осенью 1944 года присоединился к немецкой диверсионной группе, которую в ноябре 1944 года перебазировали в Германию, а потом забросили в советский тыл.

После капитуляции вермахта пробравшийся обратно в Германию Балодис попал в английский плен, где его продержали до мая 1946 года. После этого с документами «беженца» жил в лагерях для перемещенных лиц в Нюрнберге, Ульме, Ингольштадте и Аугсбурге (все лагеря находились в Баварии – американской зоне оккупации Германии). Там его и завербовала американская разведка, прекрасно знавшая о «героическом прошлом» Балодиса в немецкой карательной полиции.

21 января 1952 года было принято решение забросить Балодиса либо в Латвию, либо в РСФСР (так как Балодис свободно говорил по-русски)^[329].

В марте 1952 года Балодиса в Аугсбурге в сильно пьяном виде арестовала полиция ФРГ – он ехал в поезде без билета. При допросе (после отрезвления, в ходе которого Балодис напал на полицейского) выяснилось, что и живет он в Кемптене без регистрации. Когда Балодис пришел в себя, он сообщил, что работает на американскую армейскую контрразведку СИС, и предъявил полученные от «американского офицера» 70 марок. В качестве наказания за провинность Балодиса и забросили в Латвию.

Еще одной «звездой» совместных британско-американских операций против советской Латвии был Альфред Риекстиньш (1913 года рождения). Как и Балодис, Риекстиньш на момент вступления Латвии в СССР служил в латышской армии (правда, не в артиллерии, как Балодис, а в пехоте). В 1942 году добровольно вступил в немецкий карательный 24-й Талсинский полицейский батальон и в его составе участвовал в расправах над мирным населением в Белоруссии. Затем батальон был переброшен на фронт под Ленинград. После образования в феврале 1943 года по личному

приказу Гитлера Латышского легиона СС 24-й батальон был влит в этот легион и стал 1-м батальоном 2-го латышского добровольческого полка войск СС «Иманта».

В 1943–1944 гг. Риекстиньш участвовал в боях против Красной армии и дослужился до унтерштурмфюрера СС (соответствует армейскому званию лейтенанта). Был награжден Железным крестом 2-го класса. В феврале 1945 года (в составе окруженной группировки вермахта в Курляндии) получил за мужество Железный крест 1-го класса. В апреле его наградили высшей наградой Германии – Рыцарским крестом. После капитуляции курляндской группировки в мае 1945 года Риекстиньш на лодке бежал в Швецию, где поселился в районе Гетеборга.

В 1951 году добровольно завербовался в британскую разведку MI-6, для сбора информации на территории Латвийской ССР. Британцы совместно «вели» его вместе с ЦРУ, Риекстиньш окончил американскую разведшколу в Баварии.

С группой из двух человек 26 августа 1952 года Риекстиньш («Имант») был десантирован с американского самолета недалеко от латвийского города Сабиле. Его сопровождали Эдвин Озолиньш («Герберт») и Николай Балодис («Борис»).

При десанте один член группы погиб. Позднее выяснилось, что второй агент был завербован советской разведкой. Через четыре дня дом, где укрывалась группа Риекстиньша, был окружен советскими солдатами. Рассредяв все боеприпасы и поняв безысходность своего положения, бывший унтерштурмфюрер СС отравился цианидом калия. 12 сентября 1992 года, в 40-ю годовщину гибели нацистского прихвостня, власти Латвии установили на месте последнего боя Риекстиньша памятный камень.

В 1952 году ЦРУ вербовало агентов от имени «американского правительства» для заброски в советскую Прибалтику на следующих условиях:

- Годовая зарплата 2400 долларов (аккумулируется на специальном счете и выплачивается после возвращения из «командировки»);

- В случае смерти или отсутствия контакта в течение 24 месяцев (что также подразумевало смерть) наследники получали сумму, накопленную на счете плюс 3 тысячи долларов. Налоги с этих сумм не удерживались;

- Агент не имел статуса служащего федерального правительства США;

- Агент обязывался «вечно» хранить в тайне свою работу. В противном случае он подлежал уголовному преследованию по закону о шпионаже (в мирное время это грозило пожизненным заключением);

– «Контракт» с агентом заключался на 2 года и мог быть ранее расторгнут ЦРУ с предварительным уведомлением или без оногo в случае нарушения агентом секретности^[330].

«Клопы и газы» – операции американской разведки в области химической, бактериологической войны и «контроля над разумом»

Даллес и Визнер всегда полагали, что американской разведке, как бы она ни называлась, позволено все. Соображения морали в борьбе против «аморального» коммунизма никакой роли не играли.

Еще с военных лет американцы стали заниматься такими на тот момент фантастическими вещами, как тотальная бактеориологическая война и контроль над разумом человека.

Впрочем, так уж ново все это не было. Еще во время многочисленных «индейских войн» XIX века американцы подбрасывали неудобным племенам одеяла, зараженными белезнетворными микробами. Таким образом, можно было экономить патроны и людские жизни отважных «пионеров Запада». Закончилось все это полным геноцидом многомиллионного коренного населения Северной Америки.

В годы Второй мировой войны в США естественным образом были озабочены тем, не применит ли Гитлер бактериологическое оружие. Успехи немецких биологов и химиков были хорошо известны в мире.

УСС «Дикого Билла» сеяло панику на сей счет, в том числе и для того, чтобы получить «добро» политического руководства на проведение аналогичных экспериментов. В мае 1942 года Рузвельт поручил министерству обороны заняться «оборонительными» исследованиями в области бактериологического оружия. Курировал новый секретный проект советник Рузвельта, представитель фармацевтического лобби Джордж Мерк, финансирование шло через Химический корпус сухопутных войск (Army Chemical Corps).

Местом секретной лаборатории в феврале 1943 года определили заspanное местечко Фредерик в штате Мэриленд (30 тысяч жителей). На его окраине находился аэродром «Детрик Эйр Филд», по которому объект называли Кэмп-Детрик. Ранее в ангарах аэродрома тренировались «коммандос» «Дикого Билла».

Первоначально сотрудники секретной лаборатории проверяли противогазы и защитные армейские костюмы на предмет их способности

задерживать бактерии сибирской язвы (антракс).

Сибирская язва – это особо опасная инфекционная болезнь сельскохозяйственных и диких животных всех видов, а также человека. Болезнь протекает молниеносно, сверхостро, остро и подостро у овец и крупного рогатого скота; остро, подостро и ангинозно у свиней; преимущественно в карбункулезной форме – у человека. Характеризуется интоксикацией, развитием серозно-геморрагического воспаления кожи, лимфатических узлов и внутренних органов; протекает в кожной или септической форме (также у животных встречаются кишечная и легочная формы).

Число сотрудников Детрика быстро росло. В июне 1943 года их было примерно 50, в сентябре – уже больше сотни^[331]. Росло и количество возбудителей опасных болезней, с которыми работали в лаборатории.

Все эти бактерии в целях секретности получили особые кодовые обозначения.

Например, сильнейший органический яд ботулотоксин был «материалом X». Это вещество еще называют «колбасным ядом», так как его возбудители способны размножаться только в условиях полного отсутствия кислорода. Как правило, это консервированные и колбасные изделия (особенно консервированные жареные грибы и заготовленные большими кусками мясо и рыба с повреждениями на поверхности). Вырабатываемый бактериями при размножении экзотоксин попадает в организм вместе с пищей. Всасываясь в желудочно-кишечном тракте и воздействуя при этом на нервную систему, вызывает нарушения в работе черепных нервов, скелетной мускулатуры, нервных центров сердца. Характерны глазная симптоматика (туман, мушки перед глазами, мидриаз и анизокория зрачков, косоглазие), позднее присоединяются бульбарные симптомы (нарушение речи и глотания, маскообразное лицо). Смерть наступает от гипоксии, вызванной нарушением обменных процессов кислорода, асфиксией дыхательных путей, параличом дыхательной мускулатуры и сердечной мышцы.

Что касается биологического оружия, то американцы, как упоминалось выше, сначала сконцентрировали усилия на сибирской язве («материал N»). При попадании бактерий-возбудителей антракса в желудок смертность составляет примерно 50 %. Если инфекция проходит через легкие – выживают лишь 5 % зараженных. Бактерии антракса выделяют споры, которые можно высушить и истолочь в порошок. Именно этот порошок и можно было применять в боеприпасах. Он сохраняет свое действие в течение 70 лет и может пережить даже взрыв бомбы.

Англичане проводили соответствующие эксперименты еще в 1942 году. Тогда, в июне 1942 года, группа исследователей выехала на остров Груинард и взорвала там несколько боеприпасов, начиненных антраксом, над стадом овец. Первые животные умерли через три дня, затем такая же участь постигла и остальных.

Все эксперименты англичан и американцев были направлены в годы войны на противодействие возможной биологической агрессии со стороны нацистской Германии.

Однако Гитлер строго запретил применение биологического оружия, хотя, естественно, не из гуманных соображений. Он боялся, что с учетом центрального положения Германии в Европе и высокой плотности населения малейшее изменение погоды (например, направления ветра) приведет к заражению больших площадей в рейхе^[332]. Как минимум три раза (в том числе и после разгрома армии Паулюса под Сталинградом) фюрер специально высказывал категорическое вето на применение биологического оружия. Верховное военное командование вермахта (например, Кейтель) в принципе были не против применения бактериологического оружия, но тоже опасалось возможной ответной «биологической» бомбардировки союзниками немецких городов. К тому же немцы считали, что использование бактерий тифа, холеры или чумы против войск прортивника не даст эффективного результата.

Но вот при оступлении с территории СССР можно было заражать скот, колодцы и промышленные объекты. Такого рода мысли высказывали, например, сотрудники научно-исследовательского отдела при Верховном командовании вермахта.

В 1943 и 1944 годах начальник Института гигиены войск СС Йоахим Мруговски направил Гиммлеру через главного врача СС два меморандума относительно возможного применения бактериологического оружия. В них он выступил против такого ведения войны просто потому, что бактерии представляли угрозу и для собственных войск^[333].

Однако у Гиммлера явно чесались руки. Именно с его ведома врачи концентрационных лагерей проводили бесчеловечные опыты на узниках (в основном советских военнопленных), в том числе и с применением вредоносных бактерий.

Над людьми издевался, например, «врач» СС в Дахау Зигмунд Рашер (он специализировался на охлаждении и отогревании людей, и жаловался Гиммлеру, что узники «слишком кричат, когда мерзнут»). Рашер защитил диссертацию на тему «Экспериментальные исследования о явлениях во

время охлаждения человеческого тела». Жертвами его «научной мысли» стали примерно 220 человек. Покровителем Рашера был заместитель президента Имперской врачебной палаты^[334] профессор Курт Бломе. Именно Бломе уговаривал Гиммлера все же начать бактериологическую войну.

Бломе (1894–1969) был сознательным нацистом. В 1921 году по окончании медицинского образования он защитил дипломную работу на тему «О поведении бактерий при воздействии электрического тока». В 1922 году вступил в НСДАП (членский билет номер 590 233). В 1931 году стал также членом СА и руководителем санитарной бригады штурмовиков. В 1936 году Бломе стал членом антисемитского имперского комитета по защите немецкой крови (Reichsausschuß zum Schutze des deutschen Blutes). В Имперской врачебной палате он курировал вопросы медицинского образования и повышения квалификации врачей.

В 1939 году Бломе был назначен заместителем руководителя национал-социалистического союза врачей и получил звание генерала медицинской службы. В том же году был кооптирован в депутаты рейхстага (вместо умершего лидера Имперского союза врачей Вагнера). 29 августа 1939 года, за два дня до вторжения немецких войск в Польшу, Бломе назначили заместителем министра здравоохранения рейха. С 1940 года «профессор» возглавил имперский исследовательский совет (Reichsforschungsrat) по вопросам наследственной и расовой чистоты.

В 1942 году Бломе выпустил книгу «Врач в бою», ставшую бестселлером. В ней он, в частности, отвергал клятву Гиппократа. В мае 1942 года после уничтожения 100 тысяч евреев в лагере Хелмно Бломе поддержал мнение тамошнего гауляйтера НСДАП о таком же подходе к 35 тысячам поляков, больных туберкулезом в открытой форме.

Именно под руководством Бломе в Германии проводились испытания биологического оружия на людях. Формально программа была замаскирована под борьбу с раком, за что Бломе официально отвечал в рейхе с 1943 года. Врачей – «борцов с раком» объединили в рабочее сообщество «Громоотвод» (Arbeitsgemeinschaft Blitzableiter). Недалеко от Познани под руководством Бломе разрабатывали прибор для распыления бактерий с самолета. Там же испытывали препарат для борьбы с колорадским жуком^[335] и продолжали опыты по переохлаждению людей.

Миллиарды специально выведенных и устойчивых к химическим препаратам колорадских жуков Бломе хотел использовать для уничтожения продовольственного потенциала СССР.

В августе 1943 года Бломе принял Гиммлер, допустивший мысль о «биологической наступательной войне со стороны Германии». При этом, правда, рейхсфюрер СС сослался на упомянутый выше запрет Гитлера, но не исключил, что фюрер пересмотрит его. В любом случае Бломе получил приказ продумать распространение микробов чумы на вражеских территориях. «Человеческий материал» для опытов из концлагерей, подчеркнул Гиммлер, – вообще не проблема.

В ноябре 1943 года Гиммлер направил в помощь Бломе врача-австрийца Карла Йозефа Гросса, члена СС с марта 1938 года. До этого Гросс «экспериментировал» с возбудителями различных болезней в концлагере Маутхаузен.

Гиммлер поручил Бломе и Гроссу осуществление проекта «Хорек». Проводились эксперименты по заражению грызунов (особенно крыс), чтобы они заносили чуму на вражескую территорию.

Сторонником идей Бломе по началу бактериологической войны был Пауль Шрайбер (1893–1970), получивший степень доктора медицины в университете Грайфсвальда в 1920 году. В 1936 году Шрайбер был главным медицинским куратором Олимпийских игр в Берлине, а после начала войны служил в медицинском управлении вермахта начальником отдела науки. В отличие от Бломе более дальновидный Шрайбер в НСДАП не вступил, хотя был столь же искренним сторонником нацизма.

В октябре 1942 года Шрайбер участвовал в заседании на тему «Медицинские вопросы при несчастных случаях на море и переохлаждении», на котором рассматривались итоги экспериментов на людях в концлагере Дахау. В мае 1943 года Шрайбер руководил совещанием врачей вермахта. Там возник спор относительно целесообразности испытания на узниках лагерей сыпного тифа. Когда один из врачей, Герхард Розе, осмелился подвергнуть эти бесчеловечные эксперименты критике, Шрайбер лишил его слова и вычеркнул замечания Розе из протокола совещания.

Узникам концлагерей в Бухенвальде и Нацтвайлере по указанию Шрайбера вводили бактерии сыпного тифа и малярии, что нередко приводило к смерти «подопытных». В Бухенвальде евреям вводили в вену фенол, чтобы понять, как быстро и от какой дозы может умереть человек. Шрайберу сообщали, что узники умирали «в страшных судорогах»^[336].

Бломе и Шрайбер одобрили эксперименты с наркотиками в лагерях Дахау и Маутхаузен. Евреям и цыганам давали мескалин, вещество, получаемое из мексиканских кактусов пейоти и вызывавшее галлюцинации, а также нарушение мыслительного процесса. Еще

в 1927 году в Германии был опубликован первый научный труд, посвященный эффектам мескалина, – «Дурман мескалина» («Der Meskalinrausch»). Опыты в концлагерях имели своей целью с помощью мескалина «развязать язык» «подопытным».

К «сожалению» для Бломе и Шрайбера, опыты показали, что в отличие от гипноза (с ним немцы тоже экспериментировали) даже «наивысшие дозы мескалина» не смогли навязать «подопытным» чужую волю. В то же время налицо «прекрасные предпосылки» для использования мескалина при допросах СС. Под влиянием этого наркотика жертва (в концлагере Дахау) была готова рассказать даже «самые интимные подробности»^[337]. В экспериментах с мескалином участвовал и Рашер.

Немцы активно использовали во время войны и психостимуляторы, особенно первитин (метамфетамин). Впервые этот препарат был синтезирован из эфедрина в 1893 году японским химиком Нагаи Нагаёси. В 30-е годы фармацевты фирмы «Temmler Werke» в Берлине использовали его как стимулирующее средство, под названием первитин (pervitin).

Метамфетамин химически (структурно) схож с адреналином, поэтому оказывает сильное адреномиметическое действие на периферическую нервную систему – сужает периферические сосуды, повышает артериальное давление, ускоряет сердцебиение, вызывает расширение зрачков, повышает функциональную активность скелетных мышц, особенно при утомлении. При правильном индивидуальном дозировании метамфетамин уменьшает чувство усталости, вызывает прилив сил, повышает умственную и физическую работоспособность, снижает потребность во сне и подавляет аппетит («анорексигенное» действие).

Использовать первитин Гитлеру в военных целях предложил глава Института физиологии Берлинской академии военной медицины Отто Ранке. Начиная с 1938 года, это вещество применяли систематически и в больших дозах в армии, официально вводя в «боевой рацион» летчиков и танкистов. В продаже даже появился «Panzerschokolade» (танковый шоколад) с добавкой первитина. За время Второй мировой немецкие солдаты приняли не менее 200 миллионов таблеток первитина.

В частности, и сам Гитлер получал ежедневные инъекции первитина от своего личного врача Теодора Морелля начиная с 1936 года, а после 1943 года – по несколько раз в день. С середины 1941 года первитин выдавался в рейхе гражданскому населению только по рецепту – почти весь препарат шел на восточный фронт.

Нацистские доктора до последних дней войны пытались улучшить свое «секретное оружие», разработав новый состав на основе первитина и

кокаина. Эксперименты проводили на заключенных концлагеря Заксенхаузен, которые после приема наркотика в течение нескольких суток ходили по кругу с 20 кг камней за плечами (здесь же проводились эксперименты и с мескалином).

Кроме того, в лабораториях Кильского университета вывели «более прогрессивные» «энергетические пилюли» («Energiepillen») на основе кокаина, первитина и морфина (синтетический кокаин производства фирмы «Ernst Merck» использовался немецкими пилотами еще во время Первой мировой войны). «Пилюли» также использовали экипажи подводных лодок и спецподразделения Отто Скорцени, что позволяло военнослужащим не спать по несколько суток.

Примерно в то же самое время, когда немцы экспериментировали с болезнетворными бактериями и наркотиками, этим же заинтересовался и «Дикий Билл». Сложно сказать, но, возможно, его интерес к биологической войне был вызван сообщениями от агентуры из рейха о соответствующих опытах немцев. В любом случае весной 1942 года Донован попросил группу видных медиков из Федерального бюро по наркотикам исследовать влияние алкоголя, кофеина, мескалина, гашиша и марихуаны с точки зрения их возможного использования как «сыворотки правды».

Донован мотивировал свою просьбу необходимостью выкачивать сведения из немецких военнопленных. Вести эту тематику «Дикий Билл» поручил Стенли Ловеллу, химику и коммерсанту из Бостона. Ловелл, как и его немецкие коллеги, не был озабочен никакими моральными угрызениями. Ему просто нравилась сама мысль манипулировать сознанием людей против их воли. Вместе с Ловеллом энтузиастом этого не очень благовидного дела был капитан Джордж Генри Уайт, который хвалился тем, что голыми руками убил в Калькутте японского агента. В знак подтверждения своего героизма Уайт носил в нагрудном кармане фото окровавленной жертвы.

Сначала Уайт испытывал на людях марихуану и ее химический субстрат тетрагидроканнабинол (ТГК). Данный каннабиноид обладает сильным психотропным действием и является главным психоактивным агентом препаратов конопли. В чистом виде он может вызывать ряд неприятных побочных эффектов (головокружение, онейроидные галлюцинации, беспричинную тревогу и страх).

Подопытным давали лизать коноплю или вдыхать ее пары, после чего некоторые даже теряли сознание. Но вот болтали эти люди всякую бессвязную ерунду, и Уайт пришел к выводу, что на роль «сыворотки

правды» каннабис не годится.

Но капитан не желал успокаиваться. Он решил использовать начиненные ТГК сигареты и подчеркивал, что разговор с таким «курильщиком» надо вести не в форме допроса, а в виде дружеской беседы. Первоначально опыты проводились на добровольцах из УСС, потом на раненых пленных, которым дармовое курево подсовывал медицинский персонал.

Но затем авантюрист Уайт пошел еще дальше – он предложил такую сигарету одному из мафиози, Аугусто дель Грасио. Тот был из «семьи» Чарльза («Лаки») Лучиано. Капитан УСС был в восторге – якобы дель Грасио «разговорился» и «сообщил некоторые тайные сведения о преступном мире в целом и о своей деятельности по торговле наркотиками, в частности»^[338]. Обо всем этом Уайт сообщил лично «Дикому Биллу». Ловелл и Донован были в восторге, но с учетом юридической стороны вопроса запретили Уайту общение с преступниками.

Но капитану понравилась игра с чудодейственными сирагетами. Уайт дал их капитану немецкой подлодки в лагере для военнопленных в Вирджинии, чтобы выведать максимальную глубину погружения немецких субмарин. В этом он особо не преуспел и занялся более важным с политической точки зрения проектом.

Уайт получил от ФБР данные об американских военнослужащих, которых подозревали в коммунистической деятельности. Хотя эта деятельность законам США не противоречила, Уайт с блоками сигарет отправился в южные штаты, чтобы вывести «красных» на чистую воду. Более тридцати офицеров вооруженных сил США после курения с Уайтом в номерах гостиниц во всем «признались». На самого Уайта сигаретки тоже производили неизгладимое впечатление. После одного из сеансов с «коммунистами» Уайт, к удивлению своего ассистента, стал палить из пистолета в потолок – он пытался оставить там свои инициалы и израсходовал на это дело несколько магазинов.

При этом и Уайт и Ловелл прекрасно знали о побочном влиянии наркотика на организм человека, вплоть до склонности к суициду. Но эти мелочи экспериментов не остановили.

Между тем Донован получил данные об экспериментах немцев с грызунами. В УСС были серьезные опасения, что немецкие подлодки могут высадить зараженных чумой крыс на территории США.

Полным ходом шли и работы в Форт-Детрике. В августе 1943 года (когда Гиммлер беседовал с Бломе о биологической войне) четыре американских специалиста вместе с британскими коллегами

экспериментировали над овцами на острове Груинард. Через несколько месяцев «Дикому Биллу» поступили (ложные) сведения о том, что немцы готовы выпустить по Лондону ракету Фау-1, начиненную ботулотоксином.

В Детрике немедленно стали работать над масштабным серийным производством вакцины против ботулотоксина. Кроме того, Черчилль попросил американцев срочно изготовить 500 тысяч бомб, наполненных антраксом, которые планировалось сбросить на Германию в качестве ответного удара в биологической войне. Таким образом, дезинформация от УСС отвлекла существенные американские ресурсы.

В Детрике на тот момент было «всего» 40 тысяч литров ферментного раствора, в котором плодились бактерии сибирской язвы. Чтобы удовлетворить гигантские запросы Черчилля, понадобились бы не месяцы, а годы.

В 1944 году наряду с очень опасными бациллами сибирской чумы американцы стали экспериментировать и с менее чудовищными бактериями сенной палочки. Эта почвенная бактерия свое название получила из-за того, что накопительные культуры данного микроорганизма получают из сенного экстракта.

Но и сибирская язва без внимания не осталась – именно на нее был сделан главный упор в американских арсеналах биологической войны. Было решено построить в городе Виго гигантский завод по производству бацилл антракса (кодовое наименование «краситель В») мощностью в 900 тысяч литров. Англичане передали прототип устройства по наполнению спорами бомб. 20 июня 1944 года американское министерство обороны, как и англичане, сделало заявку на поставку биологических боеприпасов – более миллиона штук (!)^[339].

Однако глава Кэмп-Детрика Айра Болдуин хотел первоначально развернуть массовое производство боеприпасов с сенной палочкой – сибирская язва казалась ему крайне опасной на случай возможной утечки или аварии на объекте.

Но англичане требовали антракса, и в больших количествах. На это Болдуин хладнокровно сказал своему британскому коллеге Дэвиду Гендерсону: «Милый Дэйв, мне все равно, погибнешь ли ты при этих опытах. Если это случится, мы немного погрустим, возьмем отгул на пару дней, приедем к тебе на похороны, а потом продолжим работу. Но если эти микробы попадут в воздух в Виго, коровы какого-нибудь фермера заразятся сибирской язвой и сдохнут, тот мы столкнемся с расследованием конгресса и нашу базу, скорее всего, закроют»^[340].

Гендерсону пришлось проглотить это циничное замечание – англичане страшно боялись немецкого ракетного удара с бактериологической начинкой и помощь США была, как казалось, очень кстати. Но в Лондоне отнюдь не сидели без дела. Еще в 1942 году в Англии наладили производство сухих пищевых брикетов для скота (cattle cakes), зараженных сибирской язвой. В рамках операции «Вегетарианец» эти брикеты планировалось сбросить над Германией.

Весной 1945 года, когда всем стало окончательно ясно, что поражение Германии – это вопрос ближайших недель, массовое производство спор антракса в Виго еще не началось. Не были проведены даже серийные опыты с сенной палочкой.

Между тем Бломе эвакуировал свой объект из Познани в тюрингские горы (район города Гераберг), чтобы не попасть в руки быстро наступавшей Красной армии. Некоторые документы (в том числе и данные об опытах над людьми) Бломе уничтожил. Но не все. Часть материалов американские солдаты нашли в здании школы Гераберга. Американскую разведку все это очень заинтересовало. Ведь еще на рубеже 1944–1945 годов в УСС поступили сведения (как обычно, сильно преувеличенные), что у Бломе есть уже более миллиона крыс (их-де подвозили каждый день двумя вагонами), умеющих плавать. Грызунов якобы предполагалось заразить чумой и высадить с подлодок на американских берегах.

После войны в рамках операции «Dustbin» («Пепельница») американцы и англичане свезли всех немецких ученых оборонного профиля (в том числе и специалистов по бактериологическому оружию) в замок Крансберг (севернее Франкфурта-на-Майне), который начиная с 1939 года использовал Геринг. Уже в конце июня 1945 года в замке объявился Бломе (он был арестован в мае 1945 года американской военной контрразведкой) и один из его коллег по «работе» с людьми и крысами – Генрих Кливе. Англо-американские эксперты, исследовавшие работы немецких ученых в Крансберге (миссия АЛСОС), быстро выяснили, над чем трудился Бломе: «Бломе в 1943 году занимался бактериологическими исследованиями для военных целей, хотя официально речь шла об исследованиях рака, что было сделано в целях маскировки. Кроме того, Бломе исполнял функции заместителя имперского министра здравоохранения»^[341].

Американцы составили 15 тысяч карточек на немецких ученых самого различного профиля, в том числе и на специалистов концерна «ИГ Фарбен», вырабатывавшего нервно-паралитические газы (зоман, зарин,

табун).

Уже при первых допросах Бломе выразил готовность сотрудничать с американской разведкой. После этого из протоколов допросов исчезли формулировки типа «бесчеловечные опыты над людьми». Их заменили просто на «научные эксперименты». Бломе вздохнул с облегчением, когда понял, что американцев интересует не его «деятельность» в концлагерях, а наработки в области биологической войны. Закрыли американцы глаза и на опыты Карла Йозефа Гросса в Маутхаузене, хотя на сей счет в Гераберге сохранились кое-какие документы.

1 октября 1945 года Бломе перевезли в центр допросов контрразведки в Оберурзеле (где в то время уже концентрировались люди из будущей организации Гелена), а потом вообще выпустили на свободу.

Правда, официальный высокий статус Бломе в нацистской врачебной иерархии был столь очевидным, что ему для проформы все же предъявили обвинение 25 октября 1946 года по так называемому «делу нацистских врачей». В преступлениях против человечности обвинялись 23 немецких медика. Процесс в Нюрнберге вел американский военный трибунал, и 20 августа 1947 года Бломе был, естественно, признан невиновным, хотя против него имелась масса показаний об опытах над людьми в концлагере Дахау. Но их в зале суда так и не заслушали. К смерти были приговорены семеро других обвиняемых.

10 июня 1948 года Бломе был формально «денацифицирован». После этого, как ни в чем не бывало, бывший садист стал практикующим врачом по дерматологии и урологии в Дортмунде.

Между тем американцы интересовались не только немецкими разработками в сфере бактериологического оружия. Один из специалистов Кэмп-Детрика, Мюррей Саундерс, был в октябре 1945 года послан в Японию. УСС знало, что в японской армии был специальный «Отряд 731», который проводил опыты на людях.

«Отряд 731» был создан в 1932 году, имел численность до трех тысяч человек и дислоцировался на оккупированной территории Китая в провинции Биньцзян, в двадцати километрах южнее Харбина. Командовал отрядом генерал-лейтенант Сиро Исии.

Чтобы подготовить площадку для секретного комплекса, были сожжены 300 китайских крестьянских домов. Отряд располагал собственным авиационным подразделением и официально назывался «Главное управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии».

По показаниям на процессе против японских военных преступников

в Хабаровске командующего Квантунской армией генерала Ямады «Отряд 731» был организован в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики, Китая и других государств. Судебным следствием было также доказано, что в «Отряде 731» на живых людях, которых японцы между собой называли «бревнами», на подопытных (китайцах, русских, монголах, корейцах, схваченных жандармерией или спецслужбами Квантунской армии), проводились жестокие и мучительные опыты, не имевшие непосредственного отношения к подготовке бактериологической войны.

Некоторые японские военные врачи отряда приобрели уникальный «опыт», например, вскрытия живого человека. Живое вскрытие состояло в том, что у подопытных под наркозом или под местной анестезией постепенно извлекали все жизненно важные органы, один за другим, начиная с брюшины и грудной клетки и заканчивая головным мозгом. Еще живые органы, называемые «препаратами», уходили на дальнейшие исследования в разные отделы отряда.

Изучались (как и в Германии) пределы выносливости человеческого организма в определенных условиях – например, на больших высотах или при низкой температуре. Для этого людей помещали в барокамеры, фиксируя на кинолентку агонию, обмораживали конечности и наблюдали наступление гангрены. Если заключенный, несмотря на заражение его смертоносными бактериями, выздоравливал, то это не спасало его от повторных опытов, которые продолжались до тех пор, пока не наступала смерть. «Опытные образцы» никогда не покидали лаборатории живыми.

Таким образом, японцы в зверствах серьезно превосходили своих немецких коллег. Всего от «опытов» «Отряда 731» погибло, по разным данным, от 3 до 10 тысяч человек. По признанию бывших военнослужащих отряда, национальный состав заключенных был таким: почти 70 % – китайцы, 30 % – русские, немного корейцев и монголов. Например, русская женщина 35 лет Мария Иванова была убита 12 августа 1945 года в газовой камере. Вместе с матерью была замучена и ее четырехлетняя дочь.

Аналогичной деятельностью применительно к домашним животным и сельскохозяйственным культурам занимался и «Отряд 100». Также на это подразделение возлагались задачи по производству бактериологического оружия и проведению диверсионных мероприятий.

Основная база «Отряда 100» находилась в 10 километрах южнее Синьцзина в местечке Мэнцзятунь. «Отряд 100» был несколько меньше «Отряда 731», штат его сотрудников насчитывал 800 человек.

В отличие от немцев, японцы на самом деле прибегли к бактериологическому оружию.

В распоряжении «Отряда 100» была авиация, и биологическому нападению было подвергнуто 11 уездных городов Китая: 4 в провинции Чжэцзян, по 2 в провинциях Хэбэй и Хэнань, и по одному в провинциях Шаньси, Хунань и Шаньдун. В 1952 году историки КНР исчисляли количество жертв от искусственно вызванной японцами чумы с 1940 по 1944 год приблизительно в 700 человек.

«Профессор» Исии первоначально ничего не сказал прибывшему из Кэмп-Детрика Мюррею. Затем японец вообще попытался исчезнуть – был распущен слух, что его застрелили. Были даже устроены похороны. На самом деле Исии прятался в горах Канадзава. Его все же обнаружили, и американцы поставили бывшего командира «Отряда 731» перед выбором: либо он будет осужден как военный преступник, либо он передаст в Кэмп-Детрик все, что знает. В начале 1946 года Исии подробно допросил генерал-лейтенант Арво Томпсон. Но японец всячески увиливал от конкретных ответов и клялся, что вся документация «Отряда 731» пропала в сумятице последних дней войны.

Однако в феврале 1947 года армейская контрразведка США в Токио получила новые данные об экспериментах «Отряда 731», и в Японию из Кэмп-Детрика отправилась очередная делегация. На этот раз никто уже не собирался с Исии шутить, и тот сам предложил работать на США в сфере бактериологического оружия. При одном условии – действовать только против СССР. В обмен Исии требовал лишь одного – о его военных экспериментах над людьми следовало забыть.

Американцы немедленно согласились. Скоро в Кэмп-Детрике появилось много ценных документов из Японии, например, отчет на 60 страницах об испытании боеприпасов с сибирской язвой на военнопленных (при этих испытаниях погибло 13 человек). Получили американцы и 15 000 микрофильмированных страниц о вскрытии «Отрядом 731» живых людей, а также об экспериментах с холерой, тифом, чумой и туберкулезом.

В октябре 1945 года советник президента по вопросам биологической войны Мерк написал для министра обороны Стимсона тайный меморандум. Квинтэссенция документа была простой – ввиду будущего конфликта с Советским Союзом программы разработки бактериологического оружия в США надо не свертывать, а наращивать^[342]. При этом Мерк скрыл от министра обороны размах уже осуществленных американцами в Детрике приготовлений. Он упомянул лишь, что, несмотря

на повышенные меры безопасности, в ходе экспериментов заразились 219 человек, которые уже выздоровели.

Зато Мерк подробно описал усилия канадцев и англичан, чтобы дать понять – американцам отставать негоже^[343]. Национальные интересы США, говорилось в документе, требуют наличия бактериологического оружия в арсеналах американских вооруженных сил. Мерк дошел до того, что охарактеризовал бактериологическое оружие как «гуманное», так как его производство имеет хорошие побочные эффекты для развития науки, здравоохранения и сельского хозяйства. Правда, Стимсон понимал, о каком «гуманизме» идет речь, поэтому меморандум Мерка не был рассекречен до 1974 года (т. е. уже после того, как была подписана конвенция о запрещении бактериологического оружия).

14 июня 1945 года США, Канада и Великобритания подписали тайное соглашение о продолжении совместных работ над бактериологическим оружием. В декабре того же года в секретном докладе британский Генеральный штаб подчеркивал преимущество «дешевого» биологического оружия над атомным в «малых войнах». При этом не исключалось и одновременное применение атомного и биологического оружия в «большой войне» против СССР^[344].

Между тем бывший нацистский врач Вальтер Шрайбер попал 29 апреля 1945 года недалеко от рейхсканцелярии в советский плен, и в ходе допросов в Москве также узнали о немецких исследованиях в сфере биологической войны. 10 апреля 1946 года Шрайбер написал отчет о подготовке вермахтом биологической войны (потом он утверждал, что его принудили к этому на Лубянке физическим насилием). Советский главный обвинитель на Нюрнбергском процессе использовал показания Шрайбера как свидетеля обвинения.

Кейтель отрицал все обвинения Шрайбера, но тот совершенно справедливо и подробно говорил об объекте Бломе недалеко от Познани, в котором находились «устройства для опытов над людьми»^[345]. Интересно, что американцы не использовали «своего» доктора Бломе в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

В 1947 году при Совете по исследованиям и НИОКР министерства обороны США (Research and Development Board) был создан Комитет по биологической войне (Committee on Biological Warfare), который давал политические установки по развитию того или иного направления в бактериологическом оружии.

В 1948 году участвовавший в упомянутой выше операции «Скрепка»

бригадный генерал Чарльз Лаукс, начальник отдела планирования химической войны США в Европе, работал с бывшими химиками Гитлера. Тогда один из ученых, лауреат Нобелевской премии Рихард Кун, поделился с генералом Лауксом информацией о разрабатывавшемся швейцарскими химиками наркотике, который обладал возможностью его использования в военных целях. Лаукс быстро попал под очарование идеи использования этого вещества на поле боя «для вывода из строя, а не убийства».

Вещество это было диэтиламидом лизергиновой кислоты, или ЛСД.

LSD-25 впервые получил в 1938 году швейцарский химик Альберт Хофман. ЛСД получил номер 25, так как был 25-м соединением, синтезированным из лизергиновой кислоты. Психотропные свойства этого соединения были обнаружены случайно в 1943 году. Некоторое время предполагалось, что изучение нового препарата позволит понять природу шизофрении, хотя многие ученые не верили в то, что психоделический и шизофренический психоз идентичны. Несмотря на некоторые общие черты, гипотеза о единой природе шизофрении и действии ЛСД была опровергнута. Немного забегаая вперед, заметим, что в начале 50-х годов все значительные психиатрические учреждения мира проводили эксперименты на людях и животных с использованием лекарственного препарата «Delysid» швейцарской компании «Sandoz» – держателя патента на это лекарство.

В ЦРУ не замедлили заинтересоваться ЛСД и присоединиться к идеям Лаукса – возможно, ЛСД также можно было бы применить и в небоевых целях, в технике манипулирования и управления человеческим поведением. В США и до этого самостоятельно вели опыты с наркотическими веществами на основе концентрированной марихуаны и того же мескалина, испытание которых проходило над участниками «Манхэттенского проекта». Ответственным за создание «сыворотки правды» в США был доктор Уинфред Оверхолстер. Чуть позже к программе подключился профессор Ричард Вент.

На практике одним из первых «сыворотку правды» использовал психиатр Дональд Кэмерон, который с помощью наркотиков, электрошокера и других «специальных методов допроса» получал признания от обвиняемых (и немецких свидетелей) Нюрнбергского процесса.

ЦРУ совместно с химическими войсками армии США создало отдельную лабораторию, экспериментировавшую с психотропными веществами в Кэмп-Детрике. Ученые и оперативники отбирались из армейского резерва бактериологов и химиков, а затем придавались

подразделению «Отдела специальных операций» ЦРУ. Возглавил лабораторию доктор Корнелиус Родс, сотрудник «Рокфеллеровского института медицинских исследований», на деньги которого он проводил в Пуэрто-Рико в начале 30-х годов опыты по заражению людей раковыми клетками. Работы велись внутри засекреченного «объекта № 439» – одноэтажного строения из железобетонных блоков, расположенного среди однотипных построек Кэмп-Детрика так, чтобы визуально теряться в них. Почти никто за пределами ОСО не знал о ведущейся внутри сверхсекретной работе.

Но наиболее «грязная отработка методов» ведения допросов велась в стенах тайной тюрьмы «Кэмп-Кинг» в американской зоне оккупации в Германии. Тюрьма расположилась все в том же центре допросов Оберурзель, в 11 милях к северо-западу от штаб-квартиры Европейского командования вооруженных сил США (EUCOM) во Франкфурте. Официально у объекта было три обозначения: центр Службы военной контрразведки США в Оберурзеле, 7707-й разведывательный центр Европейского командования вооруженных сил США и «Кэмп-Кинг». Главным врачом тюрьмы стал уже знакомый нам Вальтер Шрайбер.

Хотя сразу после войны персонал Кэмп-Детрика сократился, доклад Мерка и мнение главного научного советника центра профессора Теодора Роузбери переломили ситуацию. И Мерк и Роузбери забрасывали Белый дом страшилками на тему неминуемого биологического нападения Сталина на Америку. Это-де правдоподобно хотя бы потому, что СССР и США отделены друг от друга океанами. У русских пока нет ракет и дальних бомбардировщиков, поэтому напасть на США они могут, лишь высадив с подводной лодки зараженных бациллами животных^[346].

Трумэна все эти сказки «убедили», и с конца 1946 года работа в Кэмп-Детрике опять закипела. В апреле 1947 года химическая служба армии (Кэмп-Детрик ей по-прежнему подчинялся) запросила 1,5 миллиона долларов на строительство специального секретного центра по разработке бактериологического оружия. Основной упор делался на массовое производство авиабомб, начиненных спорами сибирской язвы. Кроме того, планировалось культивировать биологических вредителей с целью уничтожения урожая на территории противника.

Правда, такой размах испугал директора Кэмп-Детрика Айру Болдуина, и он подал в отставку. При этом Болдуина отнюдь не мучили соображения морального порядка – просто он опасался, что вредоносные бактерии могут вырваться из стен секретной лаборатории и нанести гораздо больший ущерб США, чем Советскому Союзу.

Но изложенные в специальном меморандуме тревоги Болдуина были сведены на нет берлинским кризисом 1948 года. Американская разведка стала поставлять «точные сведения» относительно замыслов коварных русских типа отравления водопровода в Западном Берлине. Доведя самих себя до военного психоза, америкацны решили провести крупномасштабные испытания бактеориологического оружия, но, естественно, не на своей территории.

На помощь пришли англичане, которые с войны тоже не прекращали заниматься биологической войной в секретной лаборатории в Портон-Дауне. В отличие от военных времен еще раз использовать шотландский остров Груинард было опасно. Ведь хотели распылить в воздухе огромные массы микробов, а остров был расположен совсем недалеко от Шотландии. Малейшее изменение направления ветра могло вызвать катастрофу в Великобритании. А вот туземцев из английских колониальных владений было не жалко.

30 ноября 1948 года британская плавучая лаборатория «Бен Ломонд» бросила якорь у острова Антигуа – британской колонии в Карибском море. На борту были огромные массы болезнетворных бактерий. На другом корабле – «Нарвик» (водоизмещением 4000 тон) – мучалось в неволе много подопытных животных, например, только что пойманные в Индии 263 макаки. Плавучую лабораторию сопровождал фрегат королевских ВМС «Уайт Сэндз Бэй». На Антигуа британских коллег уже ждали специалисты из Кэмп-Детрика, прилетевшие заранее самолетом.

Так началась совместная американо-британская операция с характерным названием «Пандора». Оперативная область «Панцирь» («Harness») включала в себя район океана восточнее островов Антигуа, Сент-Китс и Невис. Естественно, что жителям островов о «Пандоре» ничего не сообщили.

Операция длилась три месяца. Использовались как относительно безопасные бактерии типа сенной палочки, так и «горячие материалы» (hot staff) – так на жаргоне Кэмп-Детрика обозначались смертельно опасные для человека вирусы типа *brucella abortus* (бруцеллы). Эти бактерии способны к внутриклеточному размножению, что ведет к их длительному пребыванию в организме. Они обладают высокой проникающей способностью, внедряются в организм даже через неповрежденные слизистые оболочки пищеварительного тракта, легких, глаз, кожу, распространяются по лимфотоку и депонируются в лимфатических узлах. Они очень устойчивы к воздействиям окружающей среды.

Насчитывается 7 видов бруцелл, из которых 4 вида – *Brucella melitensis*

(мальтийская), *Brucella abortus bovis* (бычья), *Brucella abortus suis* (свиная) и *Brucella canis* (собачья) вызывают болезнь у человека – бруцеллез. Источником опасных для человека бруцелл являются главным образом козы, овцы (*B. melitensis*), коровы (*B. abortus*) и свиньи (*B. suis*), выделяющие возбудителя с молоком, мочой, околоплодными водами. Заражение человека происходит при непосредственном контакте с животными-носителями или при употреблении в пищу зараженных продуктов – сырого молока, сыра, изготовленного из непастеризованного молока. Бруцеллез отличается склонностью к хроническому течению. Формируется иммунитет, но не длительный (через 3–5 лет возможна реинфекция). Инкубационный период составляет 1–2 недели. Заболевание развивается, как правило, постепенно и не имеет специфических черт. Больные обычно высказывают четыре основные жалобы:

- перемежающаяся боль в суставах, преимущественно в нижних конечностях, иногда весьма сильная и мучительная.
- повышение температуры тела в виде длительного субфебрилитета (до 38 °С) или волнообразного типа с резкими подъемами и падениями.
- усиленная потливость, испарина, иногда ночная потливость.
- резкая слабость и упадок сил.

Системные поражения многообразны и затрагивают практически все органы.

Бруцеллез был «симпатичен» творцам биологической войны потому, что помимо человека поражал и крупный рогатый скот (а также свиней – другой штамм). То есть одним выстрелом можно было убить двух зайцев.

Кроме бруцелл американцы и англичане экспериментировали в рамках «Пандоры» еще и с бактериями *Pasteurella tularensis*. Это возбудители болезни туляремии, которую еще называют «заячьим гриппом». Дело в том, что носителями палочки туляремии являются зайцы, кролики, водяные крысы, полевки. В природных очагах периодически возникают эпизоотии. Инфекция передается человеку или непосредственно при контакте с животными (охота), или через зараженные пищевые продукты и воду, реже аспирационным путем (при обработке зерновых и фуражных продуктов, обмолоте хлеба), кровососущими членистоногими (слепень, клещ, комар и др.)^[347].

Инкубационный период туляремии – от нескольких часов до 21 дня, в среднем 3–7 дней. Различают бубонную, язвенно-бубонную, конъюнктивально-бубонную, ангинозно-бубонную, абдоминальную (кишечную), бронхо-пневмоническую с бронхитическим и пневмоническим вариантом течения, генерализованную (первично-

септическая) формы. Болезнь начинается остро с внезапного подъема температуры до 38,5—40 °С. Появляется резкая головная боль, головокружение, боли в мышцах ног, спины и поясничной области, потеря аппетита. В тяжелых случаях может быть рвота, носовые кровотечения. Характерны выраженная потливость, нарушение сна в виде бессонницы или, наоборот, сонливости. Часто наблюдается эйфория и повышение активности на фоне высокой температуры. Осложнения могут быть специфические (вторичная туляремийная пневмония, перитонит, перикардит, менингоэнцефалит), а также абсцессы, гангрены, обусловленные вторичной бактериальной флорой. Диагностика основывается на кожно-аллергической пробе и серологических реакциях.

Возбудитель туляремии характеризуется высокой устойчивостью в окружающей среде, особенно при низких температурах и высокой влажности (выживает при –30 °С, сохраняется во льду до 10 месяцев, в мороженом мясе до 3 месяцев), менее резистентен к высушиванию (в шкурках павших от туляремии грызунов сохраняется до 1,5 месяцев при комнатной температуре и до 1 недели при температуре 30 °С). Остается жизнеспособным в речной воде при температуре 10 °С до 9 месяцев, в почве до 2,5–4 месяцев, на зерне, соломе при температуре –5 °С до 190 дней, при 8 °С до 2 месяцев, при 20–30 °С до 3 недель. Длительно сохраняется в молоке, сливках при низких температурах. Малоустойчив к высоким температурам (при 60 °С погибает через 5—10 минут, при 100 °С – в течение 1–2 минут), солнечному свету, ультрафиолетовым лучам, дезинфицирующим средствам (растворы лизола, хлорамина, хлорной извести убивают его за 3–5 минут).

Естественно, что «Пандора» не обошлась и без уже «традиционных» спор сибирской язвы.

В декабре 1948 года испытания начали с бруцелл. Были связаны десятки резиновых лодок, на которых находились клетки с обезьянами. Этот «конвой» выпустили в океан. Вода заливали клетки, обезьяны дико кричали и отчаянно пытались вырваться на свободу. Затем на бедных животных спустился целый туман из бруцелл. Поверх этого ада кружили вертолеты, в задачу которых входило недопущение в район эксперимента «посторонних» судов. Одна из лодок с приматами оторвалась и уплыла в океан – ее так и не нашли.

Остальных животных забрали на борт плавучей лаборатории, чтобы проверить степень их заражения. Затем американцы самолетом привезли из Кэмп-Детрика свежую партию возбудителей «заячьего гриппа». Теперь над бедными макаками в море взорвали целую бомбу с бактериями туляремии.

Потом приматов убили и провели вскрытие. Трупы животных заморозили для доставки в Англию и США с целью их дальнейшего исследования.

Операция «Пандора» продолжалась до конца февраля 1949 года.

Но американцы верно рассудили, что тропический климат Антигуа не очень похож на погоду в стане самого вероятного противника. Поэтому уже в феврале 1949 года эксперты Кэмп-Детрика прибыли на Аляску. Там решили повторить эксперименты «Пандоры» с «заячьим гриппом». Новую операцию назвали «Сторожевая собака» («Watch Dog»). Макаки были, видимо, страшно поражены, когда они очутились в долине реки Танана к западу от Фэйрбэнкса. Животные жалобно визжали от мороза, хотя «ученые» из Кэмп-Детрика заботливо надели на них курточки с капюшонами. Охрана была вооружена винтовками, так как медведи-гризли сразу же учуяли добычу. Но тут замерз аэрозоль с бактериями, и вредоносный туман густо сполз прямо на реку Танана.

В конце концов эксперимент решили прекратить. Оказалось, что хрестоматийные русские морозы хранили «Советы» не только перед нежными немецкими танками, но и перед дьявольской смесью творцов биологического Армагеддона.

В мае 1949 года в Кэмп-Детрике возникло новое подразделение – отдел специальных операций (Special Operations, SO). Новое подразделение имело четкую задачу заниматься как оборонительными, так и наступательными видами биологического оружия. Это был аналог «тайных операций» ЦРУ. Девизом сотрудников нового отдела стал слоган «Все дозволено!» (Anything goes!).

Например, было «дозволено» даже проводить испытания с бактериями (правда, не патогенными) в крупных американских городах, чтобы выявить степень бдительности населения и государственных органов на случай советского нападения.

Кроме того для нужд ЦРУ отдел специальных операций должен был производить яды, в том числе и для ликвидации неугодных иностранных политиков. Помимо этого по заданию того же ЦРУ продолжались эксперименты с «сывороткой правды».

Шефом отдела «все возможно» стал Джон Шваб – человек в своих «узких» кругах легендарный. В свое время в Кэмп-Детрике он на примитивном оборудовании «произвел» для англичан три килограмма ботулотоксина с риском для жизни. Одним из любимых помощников авантюриста Шваба стал такой же авантюрист Фрэнк Олсон, с радостью бравшийся за любые задания.

Люди из отдела специальных операций чувствовали себя суперменами

и получали от жизни массу веселья и адреналина. Еще бы – никакой другой американец не мог спокойно нарушать все американские законы, да еще и получать за это щедрое вознаграждение. Олсон тогда еще не знал, что это веселье вскоре обернется для него самого летальным исходом.

Первым делом отдел спецопераций решил провести учебную бактериологическую атаку (mock attack) против крупного американского города. Выбрали Сан-Франциско.

Но потренироваться решили прямо в Вашингтоне. Джон Шваб по согласованию с министерством обороны в августе 1949 года провел биологическую атаку против Пентагона. Три сотрудника отдела специальных операций из Кэмп-Детрика с чемоданом, полным бактерий, проникли в здание военного ведомства и распылили там бациллы *Serratia marcescens*. Эти бактерии легко контролировать, так как они имеют склонность к образованию красного пигмента.

Серрации, особенно *serratia marcescens*, ранее (и уж точно в 1949 году) считали непатогенными и даже использовали при испытаниях аэрозолей или исследованиях циркуляции воздуха в помещениях из-за их ярко-красного пигмента. И лишь в 60-х годах была установлена способность серраций вызывать бактериемию у стационарных пациентов и наркоманов. Позднее выяснилось, что у взрослых людей серрации наиболее часто колонизируют мочевыводящие и воздухоносные пути, а у детей – желудочно-кишечный тракт.

Таким образом, ученые мужи из Кэмп-Детрика, сами того не ведая, испытали на обитателях Пентагона реальное биологическое оружие, хотя, конечно, и гораздо менее опасное, чем сибирская язва.

После начала корейской войны в июне 1950 года сотрудники отдела спецопераций наконец решили приступить к этим самым «спецоперациям» в большом масштабе.

В Кэмп-Детрике построили гигантское сооружение в виде прочного металлического купола (на сленге обитателей Детрика – «8-Ball») объемом примерно в 1 миллион литров. Летом 1950 года в шар поместили морских свинок, кроликов и шимпанзе и произвели взрыв наполненной бациллами «заячьего гриппа» бомбы типа M114. Обезьян прикрутили к «седлам» так, что они не могли шевелиться, на голове у них были маски. После взрыва ученые выждали инкубационный период бактерий и убили всех обезьян, чтобы провести вскрытие и понять степень заражения организма. Затем трупы сожгли.

20 сентября 1950 года команда отдела специальных операций наконец появилась в Сан-Франциско. Семь дней недалеко от многомиллионного

мегаполиса в море распыляли бактерии сенной палочки и аэрозоль из сульфида кальция. Затем пришла очередь опробованных в Пентагоне *Serratia marcescens*, которые распылили 27 сентября. Ветер понес тучи бактерий не только в направлении Сан-Франциско, но и к Беркли, Аламеде, Ричмонду и Окленду.

Примерно 800 тысяч человек вдохнули как минимум 5000 бактериальных частиц. Если бы речь шла о настоящих патогенных бактериях, то, по данным команды «экспериментаторов», 75 % жителей Сан-Франциско были бы заражены.

До сих пор неизвестно, сколько жителей Сан-Франциско умерло в результате это «учебной атаки», например, от сердечной недостаточности.

Что касается «сыворотки правды», то первоначально над этим проектом работали медики из секретной лаборатории ВМС США (Naval Medical Research Institute) в Вашингтонском предместье Бетесда. На флоте все это происходило в рамках операции «Чирикание» («Chatter»), которой с момента начала проекта (осень 1947 года) руководил Чарльз Сэвидж. На людях и животных испытывали различные натуральные и синтетические наркотики. При этом участники операции самым внимательным образом изучили эксперименты нацистов с мескалином в концлагерях Дахау и Маутхаузен.

Оттуда же через министерство обороны США получил данные для своей «научной» работы в одной из бостонских клиник доктор Генри Бичер. Им немедленно заинтересовались в ЦРУ, так как Бичер не воспринимал всерьез клятву Гиппократова и был готов к самым радикальным опытам над живыми людьми.

Помимо опробованного нацистами мескалина американцы использовали скополамин. Заметим, что еще в 1920—1930-х годах в США было несколько случаев, когда суд одобрил использование скополамина при проведении допросов.

Скополамин – это алкалоид, содержащийся вместе с атропином в растениях семейства пасленовых (скополии, красавке, белене, дурмане и некоторых других). В медицине применяется как антихолинергическое средство. Подобно атропину вызывает расширение зрачков, паралич аккомодации, учащение сердечных сокращений, расслабление гладких мышц, уменьшение секреции пищеварительных и потовых желез.

Оказывает также центральное холинолитическое действие. Обычно вызывает седативный эффект: уменьшает двигательную активность, может оказать снотворное действие. Характерным свойством скополамина является вызываемая им амнезия.

Эффект искусственно вызванной полной или частичной амнезии особенно интересовал ЦРУ. Ведь таким образом можно было сделать собственных агентов невосприимчивыми к любым методам физического воздействия со стороны противника. Человек ведь не может рассказать то, чего не помнит.

Экспериментировали и с другим алкалоидом – анабазином.

Анабазин (выделяется медиками обычно в виде жидкости желтоватого цвета) содержится в ежовнике безлистном (*Anabasis arphylla* L.), а также в табаке. Гидрохлорид анабазина – лекарственное средство, снижает влечение к курению. Легко растворим в воде, этаноле, метаноле, ледяной уксусной кислоте. В больших дозах оказывает аналептическое действие, в том числе возбуждает дыхательный центр продолговатого мозга. В высоких дозах он вызывает деполяризующий блок, что вызывает симптомы, сходные с никотиновым отравлением, и, в тяжелых случаях, смерть от асистолии.

Само ЦРУ либо своими силами, либо в содружестве с отделом специальных операций из Кэмп-Детрика проводило опыты с галлюциногенными грибами (на жаргоне разведки *magic mushrooms*), мескалином, марихуаной. В ЦРУ этот проект получил кодовое наименование «операция Птица счастья» (или «Синяя птица», «Bluebird», по аналогии с «Чириканием») и был поставлен на солидные рельсы в конце 1949 года.

В рамках «птичьей» операции ЦРУ использовало для допросов не только различные «сыворотки правды», но и гипноз, электрошок и детекторы лжи (отдельно или в комбинации с медицинскими препаратами). Разведка США образовала специальные «тройки», которые должны были быть готовы к допросам с применением «научных средств» в любое время. В «тройки» обычно входили медик (желательно психиатр), гипнотизер и специалист по «детектору лжи». Эти «специальные команды ЦРУ» (CIA Special Teams) базировались в Вашингтоне и были готовы вылететь в любую точку земного шара.

Как минимум, начиная с ноября 1949 года, в ЦРУ обсуждалось использование медицинских препаратов и бактерий для покушений на иностранных государственных деятелей.

В одном из меморандумов ЦРУ, в частности, говорилось: «При оставлении трупов на месте (покушения), при их самом тщательном вскрытии и химическом обследовании не будет возможно выявить истинную причину смерти». Скорее «возникнет впечатление смерти в результате несчастного случая, самоубийства или естественной

смерти»^[348].

Для достижения такого результата эксперты ЦРУ рекомендовали подмешивать в пищу фтороцетат натрия (натриевую соль). Это вещество содержится в южноафриканском ядовитом растении *Dichapetalum sumosum*, которое ответственно за 8 % смертности крупного рогатого скота в Южной Африке, а также в ряде растений Австралии (роды Гастролобиум, Гомфолобиум (*Gompholobium*), Оксилобиум (*Oxylobium*), Акация). Вещество высокотоксично для всех видов млекопитающих. Полулетальная доза для различных видов млекопитающих от 0,07 до 7 мг/кг веса, для человека 5 мг/кг (перорально).

В качестве варианта быстрого и незаметного убийства эксперты ЦРУ также рассматривали нанесение на кожу маленькой капельки тетраэтиллова. Это оловоорганическое соединение, чрезвычайно ядовитая бесцветная горючая жидкость с резким запахом, нерастворимая в воде, но растворимая в органических растворителях. Тетраэтиллово ранее использовали в качестве пестицида.

В ЦРУ бродили и совершенно сумасшедшие идеи ликвидации людей, до которых не додумались даже нацисты. Например, предполагалось поместить «лицо» в маленькую камеру из сухого льда (!). Вот тогда вскрытие точно не покажет никаких следов насильственной смерти. Впрочем, проект был отвергнут ввиду его большой стоимости и непрактичности. К тому же, отмечали специалисты ЦРУ, следует, «к сожалению», считаться с тем, что, умирая, «лицо» будет издавать истошные крики и проявлять «гиперактивность».

Поэтому в качестве «дешевых» альтернативных вариантов в ЦРУ прорабатывали удушение подушкой или полотенцем.

Для нужд ЦРУ ученые из Кэмп-Детрика вывели сильнейший органический нервно-паралитический яд из моллюсков (*Paralytic Shellfish Poison*). Считалось, что один грамм этого вещества, попавший в водопровод, убьет как минимум пять тысяч человек.

В основном вещество синтезировали из двухстворчатых моллюсков (подходили даже гламурные устрицы).

Было давно известно, что потребление сырых или плохо приготовленных двухстворчатых моллюсков может приводить к инфекционным заболеваниям. Они могут вызываться как бактериями, изначально обитающими в море (например, возбудитель холеры *Vibrio spp.*), или же бактериями и вирусами, попадающими в прибрежную зону из сточных вод. Будучи фильтраторами, двухстворчатые моллюски пропускают сквозь свои жабры колоссальное количество воды и отфильтровывают не

только пищевые частицы, но и микробов. Микробы сохраняются в тканях моллюска и накапливаются в его печени.

Существуют и двустворчатые моллюски, непосредственно ядовитые для человека. В этом случае отравление может сопровождаться паралитическим эффектом (Paralytic shellfish poisoning, PSP), потерей памяти (Amnesic shellfish poisoning, ASP), гастроэнтеритами, долговременными неврологическими расстройствами и даже смертью. Ядовитость двустворчатых моллюсков обусловлена накоплением ими выделяющих токсины одноклеточных: диатомовых водорослей или динофлагеллят, которых они отфильтровывают из воды.

Группа биологов ЦРУ была специально отправлена на Аляску для работы с токсинами моллюсков. Полученные в ходе экспедиции вещества ЦРУ использовала для производства так называемых «летальных пилюль» (L-pills). Ими снабжали агентов, отправлявшихся за «железный занавес». С помощью таких пилюль можно было мгновенно уйти из жизни. Одна из таких пилюль была, например, у американского летчика Фрэнсиса Гэри Пауэрса, сбитого советской ПВО в районе Свердловска 1 мая 1960 года. Но Пауэрс предпочел жизнь.

Примерно в то же время, когда группа из Кэмп-Детрика проводила свои опасные эксперименты в Сан-Франциско, ЦРУ вспомнило о ветеране УСС Джордже Хантере Уайте. Бывший специалист по подсовыванию «красным» сигарет с марихуаной работал в 1950 году... в Федеральном бюро по наркотикам. ЦРУ попросило его вернуться к экспериментам с «сахаром» (так в разведке именовали экстракт марихуаны, который помимо сигарет можно было подмешивать и в коктейли). Упрашивать Уайта не пришлось.

Между тем у американской разведки появился еще один крупный специалист по контролю и манипулированию человеческим разумом.

После того как бывший нацистский врач Вальтер Шрайбер дал показания на Нюрнбергском процессе как свидетель советского обвинения, в Москве решили, что он «перевоспитался». До сентября 1948 года Шрайбер жил в советской столице, а потом по его просьбе был отпущен в советскую оккупационную зону Германии. Там ему предложили достаточно высокий пост главного врача народной полиции, но Шрайбер выбрал профессорское место в берлинском университете, хотя и не собирался там работать.

17 октября 1948 года «антифашист» Шрайбер, несмотря на «блокаду» Западного Берлина (которой в реальности и не существовало), перешел в американский сектор города. На следующий день его уже допрашивали в

контрразведке США. Через месяц «беженец» был представлен американцами на пресс-конференции и его «антисоветское мышление получило высокую оценку» ЦРУ.

Вскоре Шрайбер, он же «док Фишер», стал трудиться в центре допросов контрразведки США в Оберурзеле с хорошим годовым окладом в 8520 марок^[349]. В случае прилежной работы Шрайберу обещали через год-два переезд в США на постоянное место жительства. С помощью «методики» «дока Фишера» в Оберурзеле допрашивали агентов, которых подозревали в работе на советскую разведку.

Именно в то время в ЦРУ появился термин «промывание мозгов». В американской разведке никак не могли понять причину стойкой приверженности многих людей по всему миру к коммунистической идеологии. Ведь идеология эта в представлении американцев была настолько отвратительной, что человек в добром здравии никак не мог ее разделять. Отсюда следовал «логичный» вывод – коммунисты с помощью каких-то препаратов превращают человеческую личность в безвольный автомат. Ведь именно об этом, с точки зрения ЦРУ, свидетельствовали московские процессы 30-х годов, когда обвиняемые в присутствии иностранной прессы охотно признавались в самых абсурдных преступлениях.

Но если враг (т. е. коммунисты) владеет такой секретной методикой, то и «свободному миру» не стоит ей пренебрегать. На войне как на войне. Пусть эта война и холодная.

Еще весной 1950 года директор ЦРУ приказал начальнику управления внутренней безопасности Шеффилду Эдвардсу заняться отработкой техники «промывки мозгов». Именно так и родилась операция «Птица счастья».

В 1950–1953 гг.^[350] ЦРУ санкционировало проведение лицензированными психиатрами экспериментов над разумом. Эксперименты проводились с различными целями, включая, но не ограничиваясь: создание новых личностей, стимулирование амнезии, внедрение постгипнотических команд в разум объекта, создание мультиличностей, создание ложных воспоминаний. Исследования также включали внедрение электродов в мозг людей и контролирование их поведения при помощи дистанционных передатчиков, ежедневное назначение ЛСД-25 в течение длительных промежутков времени и использование электрошоковой терапии для стирания памяти.

Первоначально для экспериментов старались использовать

добровольцев.

Так, в одном из документов ЦРУ от 7 января 1953 года описывался «опыт», проводившийся 21 мая 1951 года: «...(имена стерты) вызвались добровольно участвовать в Г (гипноз)... Обеим девушкам в то время было по 19 лет. Эти субъекты ясно продемонстрировали, что могут переходить от полностью сознательного состояния в полностью контролируемое гипнотическое состояние посредством телефона, посредством очень трудноуловимых сигналов, которые не могут быть распознаны другими людьми, находящимися в комнате. Другие индивиды не смогли понять, что девушки находятся в ином состоянии.

Таким образом, было четко продемонстрировано, что индивиды могут быть переведены в гипнотическое состояние по телефону, получив написанное сообщение, или с помощью использования кода, сигнала или слов. Контроль над загипнотизированным лицом может быть легко передан от одного лица к другому. Эксперименты над этими девушками также показали, что они могут действовать как недобровольные курьеры для целей информации, и то, что их можно довести до такого состояния смены личности, что они смогут даже пройти тест на полиграфе»^[351].

Видимо, ЦРУ погружало в гипноз в основном женщин, которые в среднем действительно лучше поддаются внушению, чем мужчины. В другом документе ЦРУ говорилось: «Был введен в действие гипноз как вчера (жест пальцем “Спать!”). Мисс (имя стерто) и (имя стерто) немедленно погрузились в глубокое гипнотическое состояние... После этого мисс (имя стерто) получила указание (ранее она боялась огнестрельного оружия в любом виде) любыми путями разбудить мисс (имя стерто) (находившуюся в глубоком гипнотическом сне), а если это не удастся, взять находящийся рядом с ней пистолет и выстрелить в мисс (имя стерто). Ей внушили, что ее бешество будет таким сильным, что у ней не должно возникнуть сомнений в “убийстве” (имя стерто), если та не проснется.

Мисс (имя стерто) выполнила эти указания буквально, включая выстрел из пистолета (незаряженный пневматический пистолет) в (имя стерто), и после этого впала в глубокий сон. После соответствующего внушения обе проснулись и абсолютно ничего не помнили об этих событиях. Мисс (имя стерто) опять вручили пистолет, который она отказалась взять (в нормальном состоянии) ...Она полностью отрицала предыдущие события, которые ей описали»^[352].

После начала войны в Корею ЦРУ решило поэкспериментировать на

пленных или на тех агентах, которых подозревали в двойной игре. Уже в июле 1950 года группа экспертов ЦРУ (психиатр, специалист по полиграфу^[353] и техник) прибыла в Японию. Им надлежало «расколоть» двух подозрительных агентов. В жарко натопленной влажной комнате группа испытала на «подопытных» различные наркотики (в том числе их смеси), а также амобарбитал. Этот препарат ранее использовался как снотворное. Кроме того использовали амфетамин (бензедрин) и пикротоксин.

Амфетамин – это стимулятор центральной нервной системы, способный вызывать психическую зависимость. Единичные случаи «амфетаминовых психозов» с характерными параноидальными симптомами регистрировались еще в 1930-х гг., а уже в 1958 году была убедительно показана связь этих симптомов с приемом препарата. Примерно в это же время стало понятно, что амфетамин способен вызывать сильную психологическую зависимость. В 1970 году власти США внесли амфетамин в перечень контролируемых веществ.

Пикротоксин – весьма ядовитое вещество, находящееся в семенах растения анамирта коккулюсовидная (*Anamirta cocculus*). Пикротоксин применяется как противоядие при отравлении барбитуратами. Он возбуждает дыхательный центр, повышает кровяное давление, замедляет пульс. При увеличении дозы (свыше 6 мг) вызывает судороги, вследствие спазма мускулатуры. На родине растения (Индия, Шри-Ланка, Юго-Восточная Азия) его плоды применяются в качестве отравы для рыбы.

Там же, в Японии, американцы экспериментировали с искусственной амнезией. Позднее помимо препаратов для вызывания потери памяти использовали электрошок и даже операции на мозге.

В октябре 1950 года группа «специалистов» ЦРУ переехала из Японии в Южную Корею. К этому времени Корейская народная армия потерпела серьезное поражение от американских войск и у американцев появились первые северокорейские пленные. Жервами экспериментов стали 25 граждан КНДР.

Результаты «командировки» были оценены как многообещающие, и в 1951 году проект «Птица счастья» был серьезно расширен. Шеффилд сделал его шефом известного «борца с коммунизмом» (известного даже по меркам ЦРУ) Морса Аллена. Аллен активизировал сотрудничество с медиками флота (проект «Чириканье»). Причем наркотические вещества для опытов сотрудники разведки и ВМФ приобретали за наличные у наркодилеров мафии. Так было куплено как минимум 30 грамм чистого

героина и пять килограмм мексиканской марихуаны^[354].

От флота эксперименты по контролю над человеческим разумом вел профессор Ричард Вендт, психолог университета Рочестера (штат Нью-Йорк). Вендт вводил наркотики и себе и впоследствии стал законченным наркоманом.

Весной 1951 года Вендт отправился перенимать опыт в Западную Германию. Естественно, что не обошлось без посещения центра допросов в Оберурзеле, где подвизался Шрайбер. «Док Фишер» подробно рассказал Вендту о своих экспериментах в Дахау. «Ученые» прекрасно поладили – Вендт пригласил Шрайбера в США. Американская разведка дала «добро», и 17 сентября 1951 года Шрайбер с семьей наконец-то ступил на американскую землю в Нью-Йорке.

«Кэмп-Кинг» (центр допроса в Оберурзеле) посетил и еще один крупный специалист по «промыванию мозгов» профессор Генри Бичер (в 20-е годы он сменил на «Бичер» свою немецкую фамилию «Унангст» – «бесстрашный»). Там он предложил активизировать работу с наркотиками, вызывающими потерю памяти, для допросов «русских перебежчиков». Помимо мескалина Бичер возлагал большие надежды на ЛСД. Мол, русские, «видимо», его уже давно используют, и отставать негоже.

Опыты Бичера с ЛСД начиная с 1950 года финансировало ЦРУ. На деньги разведки Бичер купил солидные объемы этого препарата у швейцарской фирмы «Сандоз». В то время ЛСД еще не считали опасным, да и вообще о его свойствах было известно не так много. Поэтому, как упоминалось выше, в начале 50-х годов все значительные психиатрические учреждения мира проводили эксперименты на людях и животных с использованием лекарственного препарата «Delysid» швейцарской компании «Sandoz» – держателя патента на это лекарство.

ЛСД не вызывает физическую зависимость, но при определенных обстоятельствах способен вызывать или обострять уже имеющиеся психические расстройства.

Отдельные психологические эффекты могут заключаться в усиленном восприятии цветов, дышащих или плавающих поверхностей вещей и обстановки (стен, пола, потолка) с переливающимися, ползающими формами, чрезвычайно сложных красочных двигающихся узоров, возникающих за закрытыми глазами, ощущении измененного течения времени, восприятии вещей или лиц людей, видоизменяющих форму, деперсонализации (потеря ощущения собственного «я») и иногда весьма интенсивных и жестоких переживаниях, описываемых как собственное перерождение или испытание смерти.

ЛСД вызывает временное изменение психики, и оно может быть весьма опасным. Человек под воздействием препарата может не совсем отдавать себе отчет в происходящих событиях, поэтому особенно опасно принимать ЛСД во время вождения автомобиля, так как это может вызвать аварии и травматизм. Находясь под действием вещества, человек, будучи охваченным чувством неуязвимости и всемогущества, может выйти на дорогу перед движущимся автомобилем или выпрыгнуть из окна, полагая, что он в состоянии летать.

В конце 1950 года Бичер стал испытывать ЛСД на студентах-добровольцах. В своем отчете ЦРУ профессор отмечал, что ЛСД следует использовать как наступательное оружие. Например, этот препарат можно было бы ввести в водопровод крупного города или военной базы противника. При этом, подчеркивал «врач» Бичер, речь идет о «милосердном» способе ведения войны – ведь врагу сохранялась жизнь, пусть и с измененной психикой.

Между тем бывший нацистский врач Шрайбер устроился в Америке на работу в «Школу авиационной медицины» (School of Aviation Medicine) на базе ВВС США в Рэндолф-Филд (Техас)^[355]. Он написал рекомендацию-поручительство на въезд в США и своему другу Курту Бломе (тоже подвизавшемуся в «Кэмп-Кинг»). Бломе привлекли к работе на американскую разведку в марте 1951 года. Ему предложили вернуться к биологическим исследованиям «для военных целей» на территории США. Бломе заметил, что был членом НСДАП, но американцев это не волновало. В августе 1951 года Бломе подписал в Висбадене договор, согласно которому ему полагалось 6800 долларов в год.

Переезд Бломе в США был запланирован на ноябрь 1951 года. Но в это время солидная американская газета «Нью-Йорк Таймс» неожиданно опубликовала статью о работе Шрайбера в Техасе. Тот был виноват сам – окончательно уверовав в то, что его коричневое прошлое забыто, «док Фишер» выступил в офицерском клубе и похвалялся своей биографией стойкого антикоммуниста. Его наградили аплодисментами. Так Шрайбер попал в «печать», и в Америке возник скандал – опыты Шрайбера над узниками концлагерей все же еще не были забыты.

Разоблачение Шрайбера вынудило американскую разведку аннулировать контракт с Бломе. Тот был возмущен – ведь он уже продал свою частную врачебную практику, да и вообще такого свинства можно было ожидать от русских, но никак от американцев.

В январе 1952 года ВВС США решили отправить обратно в ФРГ и Шрайбера якобы потому, что он не достиг особенных результатов

в Техасе. Командир базы в Рэндолф-Филд генерал Отис Бенсон в последний момент попытался устроить Шрайбера на работу в какой-нибудь американский университет, но ему в этом помешало, по его собственным словам, «еврейское лобби»^[356].

Сам Шрайбер опасался, что в ФРГ его выкрадут русские, и поэтому попросил американцев пристроить его в Аргентине, куда после 1945 года бежало много нацистов. Там уже жила его старшая дочь. ЦРУ и Пентагон не оставили друга в беде, и уже 22 мая 1952 года Шрайбер оказался в Буэнос-Айресе. Там его следы затерялись. Говорили, что через Парагвай (где с 1954 года правил кровавый антикоммунистический режим германофила генерала Стресснера) он вернулся в Германию. По другим данным, он работал в эпидемиологической лаборатории и спокойно скончался от инфаркта в Аргентине в 1970 году.

Бломе тоже не бросили – он занял место Шрайбера в «Кэмп-Кинг» в Оберурзеле.

В мае 1952 года ЦРУ заключило соглашение с Кэмп-Детрик в целях сотрудничества по манипуляции сознанием. Совместный проект был назван «Артишок». Специалист Детрика Фрэнк Олсон был взят на работу в ЦРУ.

Уже в июне 1952 года группа «Артишока» прилетела в Оберурзель. Это были те же люди, которые в 1951 году издевались над северокорейскими военнопленными. Теперь «эксперты» искали «подходящие объекты» для экспериментов в ФРГ. В «Кэмп-Кинге» находилось два «русских шпиона», которых держали для подготовки к допросам в холодных и влажных камерах. Под видом медицинского осмотра их планировалось «расколоть» с помощью гипноза и препаратов.

6 июня 1952 года первому подопытному – «деревенскому простому типу лет 35» – измерили давление и вкололи пентотал натрия (2,5 – процентный раствор). Как только «пациент» уснул, его начали гипнотизировать, причем он быстро впал в транс, хотя ни слова не понимал по-английски. Затем через переводчика в течение получаса проводился допрос, а перед «пробуждением» был выдан приказ обо всем забыть.

Правда, эксперты разошлись во мнении, говорил ли русский под гипнозом правду. Поэтому решили повторить опыт в более «жестком исполнении». На сей раз из Вашингтона прилетел лично Олсон. 13 июня пациенту сказали, что он страдает эпилепсией и ее надо вылечить. Но это возможно лишь в том случае, если он перестанет врать. На следующий день русского напичкали целым набором препаратов, начав опять с пентотала. Во время гипноза подопытному ввели бензедрин, который имел

прямо противоположное, возбуждающие действие. Затем один из допрашивающих (переводчик) выступил в роли давнего друга. Русский «раскололся» и полтора часа рассказывал все, что знал. Он даже порывался поцеловать «друга».

Когда пациент проснулся, он ничего не помнил, кроме какого-то чудного сна, в котором он видел старого друга.

Глава эксперимента Морс Аллен был вполне доволен результатами. Зато Олсон был просто шокирован тем, что с людьми можно обращаться так жестоко. Когда возник вопрос, что было бы, если бы один из русских умер, кто-то из офицеров ЦРУ ответил просто: «Устранение трупа проблем не представляет».

Опыты продолжались еще над одним русским во Франкфурте-на-Майне. Во время завтрака в 9.00 «объекту» подмешали 20 миллиграмм бензедрина. Затем начался допрос. В 11.30 во время «перерыва на кофе» русскому подмешали в кофе 50 миллиграмм сеонала (препарат из группы барбитуратов). За обедом в 13.40 «объект», ничего не подозревая, съел еще 20 миллиграмм бензедрина, потом с пивом в 15.30 принял еще 15 миллиграмм и 25 миллиграмм экстракта марихуаны. В 17.41 эксперимент завершился, причем абсолютно безрезультатно – никаких тайн русский не рассказал.

На следующий день его опять пичкали теми же препаратами. Но в 14.00 опыты прекратили по причине того, что признали русского «неподходящим кандидатом». С женщинами дело у ЦРУ шло явно лучше.

Вот женщину и решили использовать против «твердого орешка». Получив инъекцию пентотала, русский был загипнотизирован, и ему вкололи бензедрин. Во время гипнотического сна к «объекту» обратилась его «жена», голос которой имитировал один из мужчин. На этот раз русский рассказал много интересного и якобы признался, что был заслан в ФРГ советской разведкой.

На другом русском испытывали пиво с секоналом, пиво с экстрактом марихуаны и пиво с бензедрином. Ничего не вышло. Профессор Вендт объяснил это тем, что у русских «совсем иной калибр», чем у американских студентов, на которых он ставил опыты раньше.

В 1951 году всеми «грязными трюками» в ЦРУ, связанными с ядами, биологическим оружием и манипулированием сознания, стал заниматься 33-летний Сидни Готлиб. Он возглавил Химический отдел (Chemical Division) в только что созданном Управлении технических служб ЦРУ (Technical Services Staff, TSS). TSS должно было разрабатывать всю «шпионскую технику: невидимые чернила, миниатюрные

радиопередатчики, поддельные документы, яды и прочие «спецсредства». Готтлиб отвечал за «клопов и газ» – так на жаргоне ЦРУ именовали химические и бактериологические средства.

«Мастер ядов» американской разведки родился в 1918 году в Бронксе в семье еврейских иммигрантов из Венгрии. В детстве у него болели ноги, и он долго не мог нормально ходить. В 1939 году Готтлиб окончил факультет сельскохозяйственных наук в Калифорнийском технологическом институте. После начала войны он чувствовал, что не может из-за слабого здоровья отдать долг родине на фронте, и сильно переживал. Именно желание «послужить отечеству» и привело его в ЦРУ.

На фоне «оригиналов», которыми в первые годы своего существования прямо-таки кишело ЦРУ, Готтлиб все же сумел выделиться. Он перешел в буддизм и от мирской суеты уехал со второй женой и детьми в сельский дом без всяких удобств. Вместо душа на дворе висело ведро с ледяной водой. Семья Готтлиба содержала коз, делала сыр из козьего молока и продавала рождественские елки. Одновременно шеф «ядовитого отдела» ЦРУ увлекался народными танцами, чтобы преодолеть последствия болезни ног (он хромотал всю жизнь). Готтлиб заикался, но и этот недуг он победил огромной силой воли, получив диплом магистра по речевой терапии.

В ЦРУ Готтлиба называли «грязным трюкачом», причем это считалось комплиментом.

Именно Готтлиб слил проекты ВМС и ЦРУ в единый «Артишок», подтянув сюда и сухопутные силы. Американская армия проводила сходные эксперименты в своем гигантском арсенале в Эджвуде.

«Звездами» тамошних «грязных трюков» были все те же немецкие ученые, попавшие в США в рамках операции «Скрепка». Например, там «трудился» в поте лица своего член НСДАП с 1939 года, а позднее военный врач вермахта Ганс-Йоахим Трурнит. В 1943 года после Сталинграда его из-за туберкулеза комиссовали из армии, и он устроился в университет Гейдельберга. Там его возненавидели из-за склонности волочиться за чужими женами, и начальство «порекомендовало» Трурниту искать другую работу. В США немец выделялся готовностью постоянно выявлять «коммунистические заговоры». Это ценили.

Коллегой Трурнита был, например, еще один выходец из рейха Фридрих Хоффман, работавший при Гитлере над производством нервно-паралитических газов. Армия США привезла в Эджвуд тонны зарина и табуна, и Хоффман анализировал эти газы, а также готовил для американцев всю техническую документацию по их производству и

применению. Хоффман испытывал газы на мышах, кроликах и даже добровольцах.

С 1950 года под давлением ЦРУ арсенал сухопутных войск в Эджвуде перешел на психо-химические опыты, которые сочли более «современными», чем обычные отравляющие газы. Причем Готлиб предпочитал ЛСД, но сильно интересовался и растительными ядами. Хоффману он поручил искать по всему миру подходящие для этих целей растения. Для своих поездок по миру (от Японии до Австралии и Бразилии) Хоффман использовал «крышу» Делаверского университета. Денег в ЦРУ не жалели. В Южной Америке Готлиб основал для сбора местной флоры подставную фирму «Натуральные препараты Амазонии» (Amazon Natural Drug Co).

Помимо немцев сухопутные войска предоставили Готлибу и «подопытных кроликов». В начале 50-х годов более тысячи военнослужащих армии США получили различные дозы ЛСД, иногда и без их ведома^[357].

1952–1953 годы: новый век начинается?

Пока Готлиб творчески разрабатывал яды и экспериментировал с ЛСД, Америка готовилась к смене эпох. Уже два десятка лет в стране правила демократическая партия, и на предстоявших в ноябре 1952 года президентских выборах республиканцы были готовы дать демократам решительный бой. Главной темой кампании «слоны» решили сделать слабость «ослов» в борьбе против мирового коммунизма. Еще бы – Китай был «сдан» Москве. Победа в корейской войне, несмотря на большие потери американцев, никак не желала наступать, а весь госаппарат в Вашингтоне был засорен «красными» и «розовыми».

Братья Даллесы сделали ставку на героя войны генерала Эйзенхауэра, командовавшего в 1952 года войсками НАТО в Европе. Генерал считался ставленником либерального крыла республиканцев, к которому причислял себя и Аллен Даллес. В отличие от правых среди «слонов» либералы стояли за активную внешнюю политику против традиционного для республиканцев старой школы изоляционизма.

От имени изоляционистов вызов Эйзенхауэру бросил сенатор Роберт Тафт. В самый разгар избирательной кампании выяснилось, что Аллена Даллеса с Тафтом связывают странные «семейные» отношения. Младший сын Тафта решил жениться, и его избранницей стала Мэри Джейн Банкрофт – дочь любовницы Даллеса по героическим швейцарским будням Мэри Банкрофт. Последняя пребывала в прекрасных отношениях с женой Даллеса Кловер, а вот муж ее давно исчез с горизонта. Кловер предоставила для помолвки Тафта-младшего свой дом, а Даллесу пришлось выступить в странной и двусмысленной роли «отца» невесты^[358].

Даллесу пришлось маневрировать между Тафтом и Эйзенхауэром. К тому же формально в отличие от своего брата Фостера Аллен как замдиректора ЦРУ состоял на государственной службе в администрации демократа Трумэна. Конечно, Даллес от всей души втайне желал Эйзенхауэру победы, так как надеялся наконец-то занять пост директора ЦРУ.

Трумэн Аллена Даллеса терпеть не мог, справедливо подозревая того в политическом двурушничестве. Когда в отсутствие Беделла Смита Даллесу пару раз пришлось докладывать президенту ежедневную сводку событий в мире, хозяин Белого дома старался поставить «мастера шпионажа» в тупик

каверзными вопросами и просьбами. Например, однажды он попросил Даллеса принести ему карту мира, на которой были бы нанесены места работы всех агентов ЦРУ. Трумэну доставило истинное наслаждение смотреть, как Даллес мучительно пытается отвертеться от выполнения этого поручения.

Между тем Джон Фостер Даллес, как и в 1948 году, открыто встал на сторону республиканцев, позиционируя себя в привычной роли главного внешнеполитического эксперта партии. Он слетал к Эйзенхауэру в Париж и предложил ему вместо термина «сдерживание коммунизма» использовать слоган «освобождения поработанных коммунизмом народов». Генерал сразу понял, что такие лозунги означают мировую войну, и предпочитал говорить о «мирном» освобождении. Даллесу-старшему такая мягкотелость не понравилась, но Эйзенхауэр старался больше не прибегать к его советам, по крайней мере публично.

Однако в качестве уступки «ястребам» Эйзенхауэру пришлось согласиться на выдвижение кандидатом в вице-президенты Ричарда Никсона, сделавшего себе имя на травле Эджера Хисса и других «красных».

Даллес-младший не стал испытывать судьбу и во время разгара предвыборной гонки уехал в длительный отпуск в Европу.

Через неделю после того, когда он вернулся в США, Эйзенхауэр нанес сокрушительное поражение кандидату от демократической партии губернатору Иллинойса Эдлаю Стивенсону. За боевого генерала в охваченной военным психозом Америке проголосовало 34 миллиона избирателей (55 %), и он получил голоса 442 выборщиков. Считавшийся «голубем» Стивенсон имел в своем активе 27 миллионов голосов, но всего-навсего 8 выборщиков.

Интересно, что во время избирательной кампании ЦРУ формально в равной мере снабжало кандидатов секретной внешнеполитической информацией. Однако на самом деле Эйзенхауэр получал больше сведений – ведь он был генералом с допуском к совершенно секретной информации, в отличие от «гражданского» Стивенсона.

Советское правительство негативно восприняло победу Эйзенхауэра, что было неудивительно на фоне постоянной трескотни последнего об «освобождении поработанных народов». Американский журналист Джеймс Рестон после оглашения результатов выборов обратился в посольство СССР в Вашингтоне с письмом, в котором говорилось: «20 января (1953 года) новый президент США займет свой пост. Это событие вызвало выражение доброй воли со стороны правительств почти

всех крупных стран мира, кроме вашего».

Но прихода в Белый дом Эйзенхауэра побаивались и союзники США. «Несомненно, он (Сталин) так же, как и мы, опасается возникновения войны, – отмечал советник британского посольства в Москве Грей в своем сообщении 3 марта 1953 года. – Это, по его (Сталина) мнению, приобрело особую остроту в результате смены правительства США».

Аллен Даллес был готов немедленно переехать в кресло директора ЦРУ, но время шло, а Эйзенхауэр медлил. Уже и Джон Фостер стал госсекретарем, хотя британский премьер Черчилль просил Эйзенхауэра по старой дружбе не назначать его. Британский министр иностранных дел Энтони Иден вспомнил, что в 30-е годы Даллес-старший был ярким сторонником умиротворения Гитлера.

Что касается поста госсекретаря, то Эйзенхауэр первоначально видел в этом кресле Джона Макклоя, которого он знал по его работе в качестве Верховного комиссара США в ФРГ.

Но все же Джон Фостер стал шефом американской дипломатии (чтобы потрафить тафтовскому крылу республиканцев). Правда, для контроля новый президент назначил к нему в заместители своего друга и директора ЦРУ при Трумэне Беделла Смита, чья неприязнь в братьям Даллесам была известна. Смит оказался человеком честным и перед назначением зашел к Трумэну спросить, не возражает ли тот. Трумэн был расстроган до слез.

Эйзенхауэр долго медлил с назначением директора ЦРУ, хотя эта должность в то время не считалась особенно важной. Даллеса-младшего Беделл Смит охарактеризовал как опасного авантюриста и к тому же бездарного администратора. Эйзенхауэр заколебался. К тому же у Аллена Даллеса неожиданно появился конкурент в лице «Дикого Билла». Донован скучал в качестве юриста на Уолл-стрит и опять рвался в «игру». Аллен Даллес уже подумывал об уходе из ЦРУ на весьма прибыльный пост президента «Фонда Форда». Этот фонд уже и так активно был задействован ЦРУ в финансировании подрывных операций против социалистических стран.

Решение по поводу директора ЦРУ не было принято до инаугурации нового президента, и Аллену Даллесу пришлось на традиционном балу в честь свежее испеченного хозяина Белого дома отделяться от вопросов своими фирменными (хотя и очень старыми) анекдотами и обманчивой «добренькой» улыбкой. И все же 24 января 1953 года «свершилось» – было объявлено о назначении Алена Уэлша Даллеса первым гражданским директором ЦРУ.

Даллес немедленно объявил персоналу ЦРУ, что отныне на первое

место выходят подрывные операции против «главного врага», а разведка отступает на второй план.

Главным полем боя против «Советов» Даллесу виделся Берлин. Тамошняя резидентура ЦРУ должна была стать самой активной и в ближайшее время завербовать источники не только в группе советских войск в Германии, но и в представительстве КГБ в ГДР, размещавшемся в берлинском районе Карлсхорст. Оттуда свежее испеченные агенты должны были вернуться в СССР и начать подрывать его изнутри.

У Даллеса был и подходящий человек для реализации таких наполеоновских прожектов – Билл Харви.

Харви все никак не мог забыть историю с водившим его за нос Филби, поэтому в январе 1953 года он прибыл в Берлин как крестоносец, желавший освободить Гроб Господень.

Всем сотрудникам резидентуры Харви объявил, что период полудремы закончился и объект переходит на круглосуточный режим работы. Впервые были введены постоянные дежурства. Рядом с кабинетом нового шефа появилась специальная комнатка для дежурного с диваном и телефоном. На столе стояло две картотеки. В одной были имена и клички агентов, в другой – то же самое в отношении сотрудников самой резидентуры. Видимо, памятуя свой горький опыт, Харви приказал всем старшим оперативникам все время быть на телефонной связи.

Слегка обалдевшим от такого напора сотрудникам Харви на первом же совещании изложил свое кредо: «Русские – это бандиты, а мы – полицейские!»^[359] В конце инструктажа новый босс демонстративно вывалил на стол тяжелый пистолет с рукояткой из слоновой кости. Отныне, прорычал Харви, все должны носить оружие снятым с предохранителя.

При этом Харви ни слова не знал по-немецки и очень этим гордился. Немцев он величал не иначе как «проклятыми пожирателями кислой капусты». Если «аборигены» его не понимали, он просто говорил по-английски громче.

При этом от своих подчиненных Харви требовал многого. Как-то раз к нему пришел на прием один из сотрудников Пол Гарблер. Босс сердечно приветствовал его и предложил кофе и сигареты. Затем последовало два вопроса – умеет ли Гарблер говорить по-русски или по-немецки. Тот отрицательно завертел головой, и приветливость Харви мгновенно улетучилась: «Так какого черта вы здесь делаете? Катитесь ко всем чертям и не появляйтесь снова, пока не выучите язык!»^[360] При этом на столе у самого Харви театрально лежали раскрытые немецкие журналы – все

должны были думать, что шеф хотя бы умеет читать по-немецки.

Другой сотрудник долго ждал в приемной Харви и решил скоротать время чтением прессы в мужском туалете. Кто-то вошел в соседнюю кабинку, слышались характерные звуки, и тут же неожиданно раздался выстрел. Затем по полу в кабинку сотрудника проскользил чей-то пистолет, а вслед за ним потянулись толстые, как бананы, пальцы. Сотрудник вежливо подвинул оружие ногой обратно за перегородку и услышал благодарность. Это был Харви, и его вызванная бестолковой бравадой привычка носить пистолет снятым с предохранителя едва не стоила жизни шефу берлинской резидентуры ЦРУ.

Пока Даллес формировал свою «крестоносную рать» из людей типа Визнера и Харви, Сталин, как и ранее, в начале 1945 года (провал операции «Санрайз»), опять спутал ему все карты.

5 марта 1953 года весь мир узнал, что советский лидер скончался. На планете все ждали наступления новой эпохи возможного конца Холодной войны. Но это в планы США никак не входило, и ЦРУ готовилось к новым временам со старым арсеналом.

Список источников и литературы

- Американский экспансионизм. М.: Новейшее время, 1986.
- Антонов В.С. Расстрелянная разведка. М., 2012.
- Антонов В.С. Жизнь по легенде. М., 2013.
- Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации. М., 2015.
- Барри Т., Вуд Б., Проиш Д. Доллары и диктаторы. М., 1986.
- Бартц К. Трагедия абвера. М., 2010.
- Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки. М., 2014.
- Гелен Р. Служба. Серия: Секретные миссии. М., 1997.
- Гизевцус Г.Б. До горького конца. Записки заговорщика. М., 2002.
- Грайнер Х. Военные компании вермахта. Победы и поражения 1939–1943 гг. М., 2011.
- Грибков И.В., Жуков Д.А. Особый штаб «Россия». М., 2011.
- Дорба И.В. Свой среди чужих. М., 2012.
- История Латинской Америки 1918–1945. М., 1999.
- История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., 2004.
- Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 2013.
- Латинская Америка в международных отношениях XX век, Том 1–2. М., 1988.
- Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974.
- Окороков А.В. СССР в борьбе за мировое господство. М., 2009.
- Окулов А.В. В борьбе за белую Россию. М., 2013.
- Паршев А., Степаков В. Вторая Мировая: когда она началась и когда закончилась? М., 2009.
- Петрусенко В.В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985.
- Семенов К.К. Скорцени. Загадки «человека со шрамами». М., 2014.
- Тарасов Д. Жаркое лето полковника Абея. М., 1997.
- Тарасов К.С., Зубенко В.В. Тайная война США против Латинской Америки. М., 1987.
- Тарасов К.С. США и Латинская Америка. М., 1972.
- Феклисов А.С. За океаном и на острове. М., 1994.
- Феррари М. и М. Очерки итальянской политической жизни. М., 1961.
- Филби К. Моя тайная война. Воспоминания советского разведчика. М., 1989.
- Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. М., 2010.
- Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983.

Foreign Relations of the United States, different Volumes.
Aarons M., Loftus J. Operace Ratlines. Praha, 1994.
Adams J. Historical Dictionary of German Intelligence. Plymouth, 2009.
Agee Ph. Inside the Company: CIA Diary. New York, 1975.
Baker J.A. The Politics of Diplomacy. New York, 1995.
Barrett D. The CIA and Congress. The Untold Story from Truman to Kennedy. University Press of Kansas, 2005.
Blum W. Killing Hope: US military and CIA interventions since World War II. New Africa Books, 2004.
Brandt W. Erinnerungen. Frankfurt, 1989.
Breitman R. U.S. intelligence and the Nazis. Cambridge University Press, 2005.
Bulner V.T. The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994.
Bungert H. Das Nationalkomitee und der Westen: die Reaktion der Westalliierten auf das NKFD und die Freien deutschen Bewegungen 1943–1948. Stuttgart, 1997.
Busky D.F. Communism in history and theory: Asia, Africa, and the Americas. Praeger Publishers, 2002.
Chambers W. Witness. Regnery History, 2014.
Cave Brown A. The Last Hero. Wild Bill Donovan. First Vintage Books Edition, 1984.
Chan S.J., Williams A.J. Renegade states: the evolution of revolutionary foreign policy. Manchester University Press, 1994.
Clarridge D.R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997.
Corke S.-J. US Covert Operations and Cold War Strategy: Truman, Secret Warfare and the CIA 1945—53. New York, 2008.
Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013.
Crosswell D.K.R. The Life of General Walter Bedell Smith. University Press of Kentucky, 2012.
Curatola J. Bigger Bombs for a Brighter Tomorrow: The Strategic Air Command and American War Plans at the Dawn of the Atomic Age, 1945–1950. Mcfarland & Co Inc, 2015.
Gates R. From the Shadows. New York, 2006.
Goda N., Naftali T. U.S. Intelligence and the Nazis. Cambridge University Press, 2005.
Grose P. Allen Dulles. Spymaster. Andre Deutsch, 2006.
DeGregorio W.A. The complete book of US presidents. New York, 2005.

- Dunlop R. Donovan.* America's Master Spy. Skyhorse Publishing, 2014.
- Farquhar J.T.* A Need to Know – The Role of Air Force Reconnaissance in War Planning 1945–1953. Create Space Independent Publishing Platform, 2012.
- Ford K.* OSS and Yugoslav Resistance 1943–1945. Texas University Press, 1992.
- Geissler E.* Biologische Waffen: nicht in Hitlers Arsenalen: Biologische und Toxin-Kampfmittel in Deutschland 1915–1945. Münster, 1999.
- Haynes J.* Red Scare or Red Menace?: American Communism and Anti Communism in the Cold War Era. Ivan R Dee, 1995.
- Jones H.* «A New Kind of War». America's Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece. Oxford University Press, 1989.
- Kahn D.* Hitler's Spies. Da Capo Press, 1978.
- Kessler R.* Inside the CIA. New York, 1992.
- Koch E., Wech M.* Kryci nazev Artyšok. Praha, 2003.
- Lees L.M.* Keeping Tito Afloat: The United States, Yugoslavia, and the Cold War. Pennsylvania State University Press, 1997.
- Leshuk L.* US Intelligence Perceptions of Soviet Power 1921–1946. Portland, 2003.
- Lucas S.* Freedom's War: The US Crusade against Soviet Union 1945–1956. Manchester University Press, 1999.
- Lukeš I.* Československo nad propasti. Praha, 2014.
- Mauch C.* Schattenkrieg gegen Hitler. Stuttgart, 1999.
- Mistry K.* The United States, Italy and the Origins of Cold War: Waging Political Warfare 1945–1950. Cambridge University Press, 2014.
- Nutter J.J.* The CIA's Black Ops. Prometheus Books, 2000.
- Persico J.* Die späte Infiltration des OSS im Nazi-Deutschland 1945. Wien, 1980.
- Persico J.* Roosevelt's Secret War. New York, 2001.
- Petersen N.* From Hitler's Doorsteps. The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942–1945. Pennsylvania State University, 1996.
- Prados J.* President's secret Wars. Chicago, 1996.
- Prados J.* The Family Jewels: The CIA, Secrecy, and Presidential Power. University of Texas Press, 2013.
- Ranelaugh John.* The Agency. The Rise and Decline of the CIA. New York, 1987.
- Richelson J.* Spying on the Bomb. New York, 2006.
- Romerstein H., Breindel E.* The Venona Secrets: The Definitive Exposé of Soviet Espionage in America. Regnery History, 2014.
- Ross T.* American War Plans 1945–1950. Portland (Oregon), 1996.

Rossolinski G. Stepan Bandera: the Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist: Fascism, Genocide and Cult. Stuttgart, 2014.

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999.

Schoonover T.D. Hitler's Man in Havana. University Press of Kentucky, 2008.

Smith R.H. OSS: the secret history of America's first intelligence agency. The Lyons Press, 2005.

Theonaris A.G., Cox J.S. The Boss. J. Edgar Hoover and the Great American Inquisition. New York, 1988.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995.

Trento J. Tajne dejiny CIA. Praha, 2004.

Veeser C. A world safe for capitalism: dollar diplomacy and America's rise to global power. Columbia University Press, 2002.

Ventresca R. From Fascism to Democracy: Culture and Politics in the Italian Election of 1948 (Toronto Italian Studies). University of Toronto Press, 2004.

Wala M. (Hrsg). Gesellschaft und Diplomatie im transatlantischen Kontext. Stuttgart, 1999.

Wegener J. Die Organisation Gehlen und die USA: Deutsch-amerikanische Geheimdienstbeziehungen, 1945–1949. LIT, 2008.

Weiner T. Legacy of Ashes. New York, 2007.

Wilford H. The Mighty Wurlitzer: How the CIA Played America. 2008.

Wittner L. The American Intervention in Greece, 1943–1949: A Study in Counterrevolution (Columbia Contemporary American History Series). Columbia University Press, 1982.

Wolff K. Mit Wissen Hitlers. Inning am Ammersee, 2008.

Wyman M. DPS: Europe's Displaced Persons, 1945–1951. Cornell University Press, 1998.

Иллюстрации

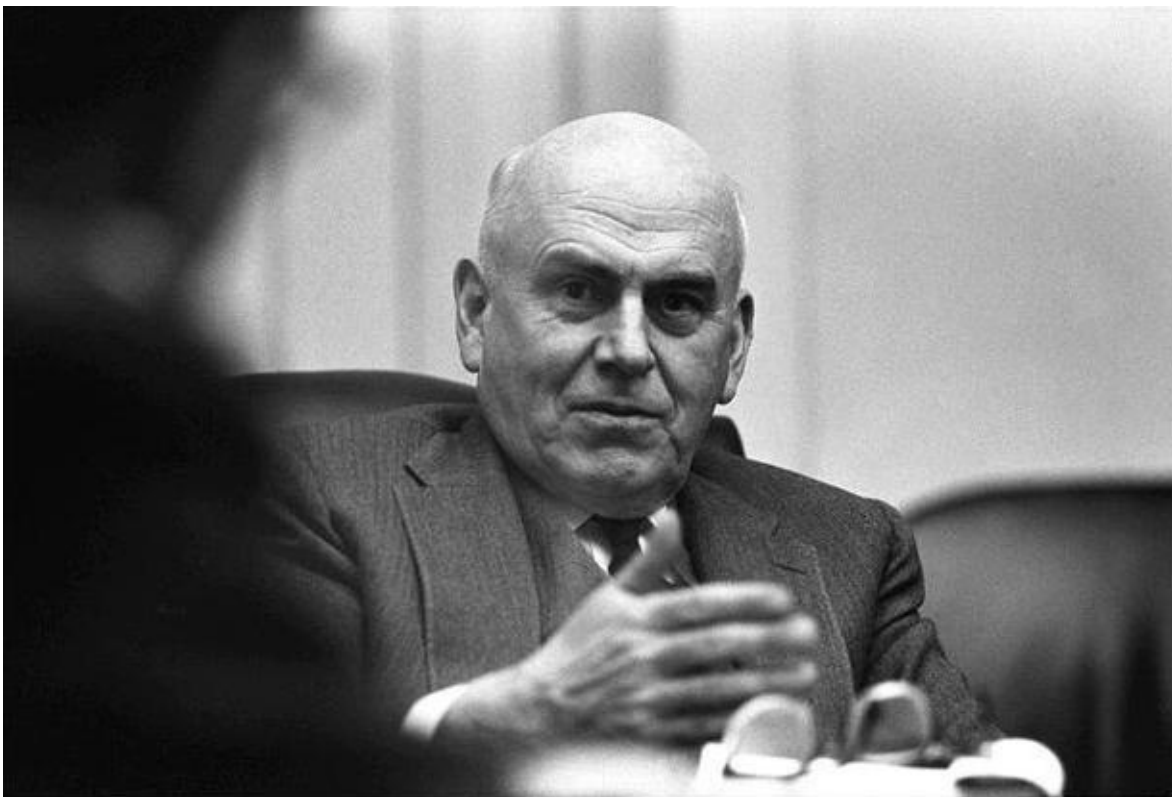
У. Черчилль произносит речь в Фултоне

Г. Трумэн подписывает «Акт о национальной безопасности»

Ричард Хелмс

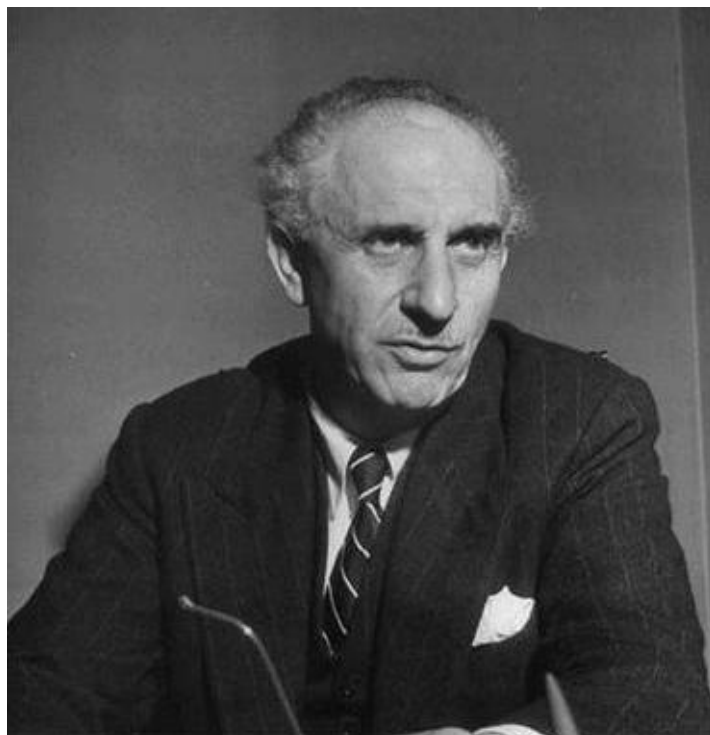
Джон Макклой

Джордж Кеннан

Джеймс Ван Флит

Георгиос Папандреу

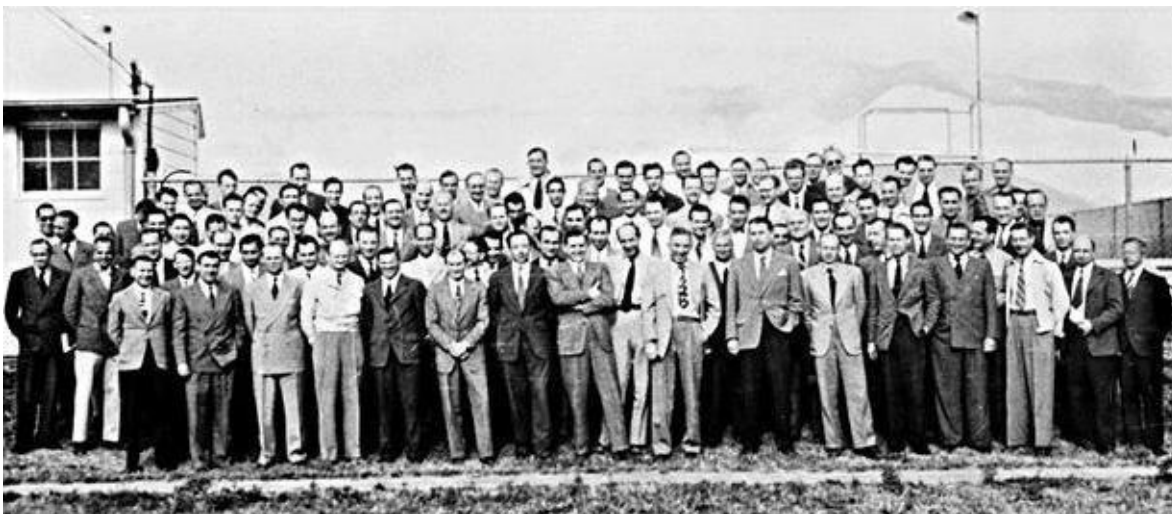

Бойцы ЭАМ (ЭЛАС)

Вернер фон Браун

Участники проекта «Скрепка» в Техасе

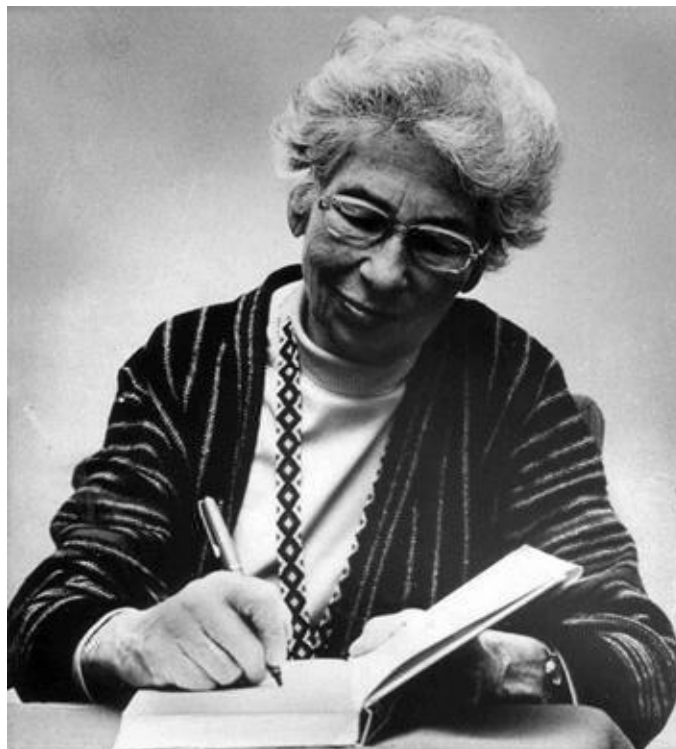
Эдвард Бенеш

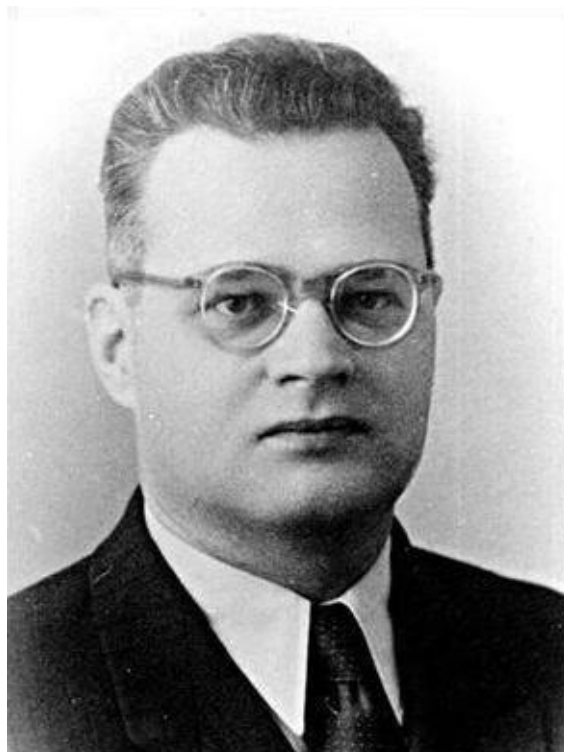
Прага. 1948 г.

Клаус Фукс

Рут Вернер

Л.Р. Квасников

Рудольф Абель

М. Коэн

Л. Коэн

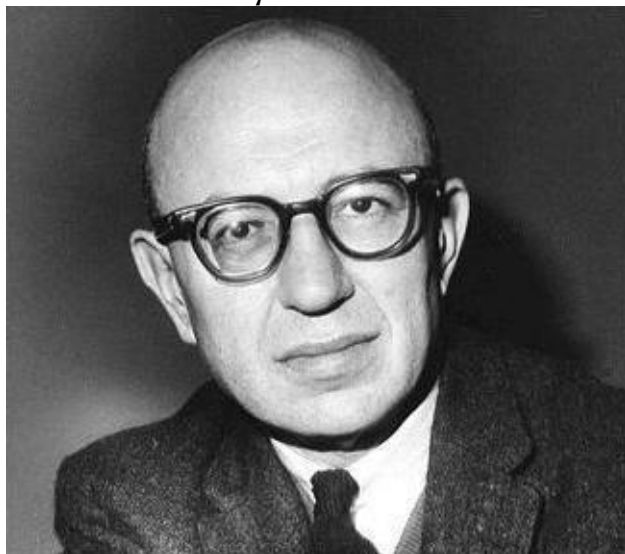

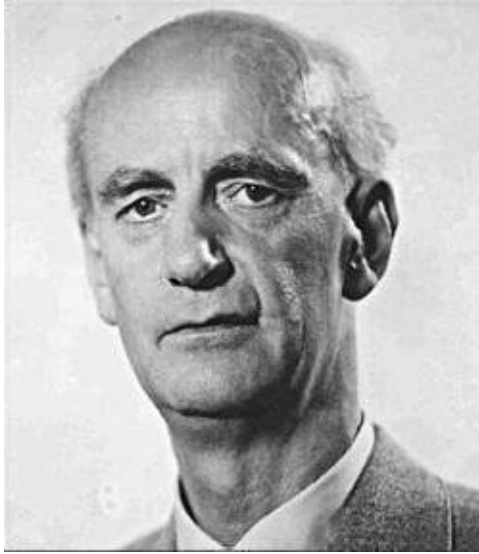
Супруги Розенберг

Уолтер Беделл Смит с помощником. 1950 г.

Говард Фаст

Вильгельм Фуртвенглер

Николас Набоков

Мелвин Ласки

Артур Кестлер

Ким Филби

Рейнхард Гелен в своем кабинете

Ганс Глобке

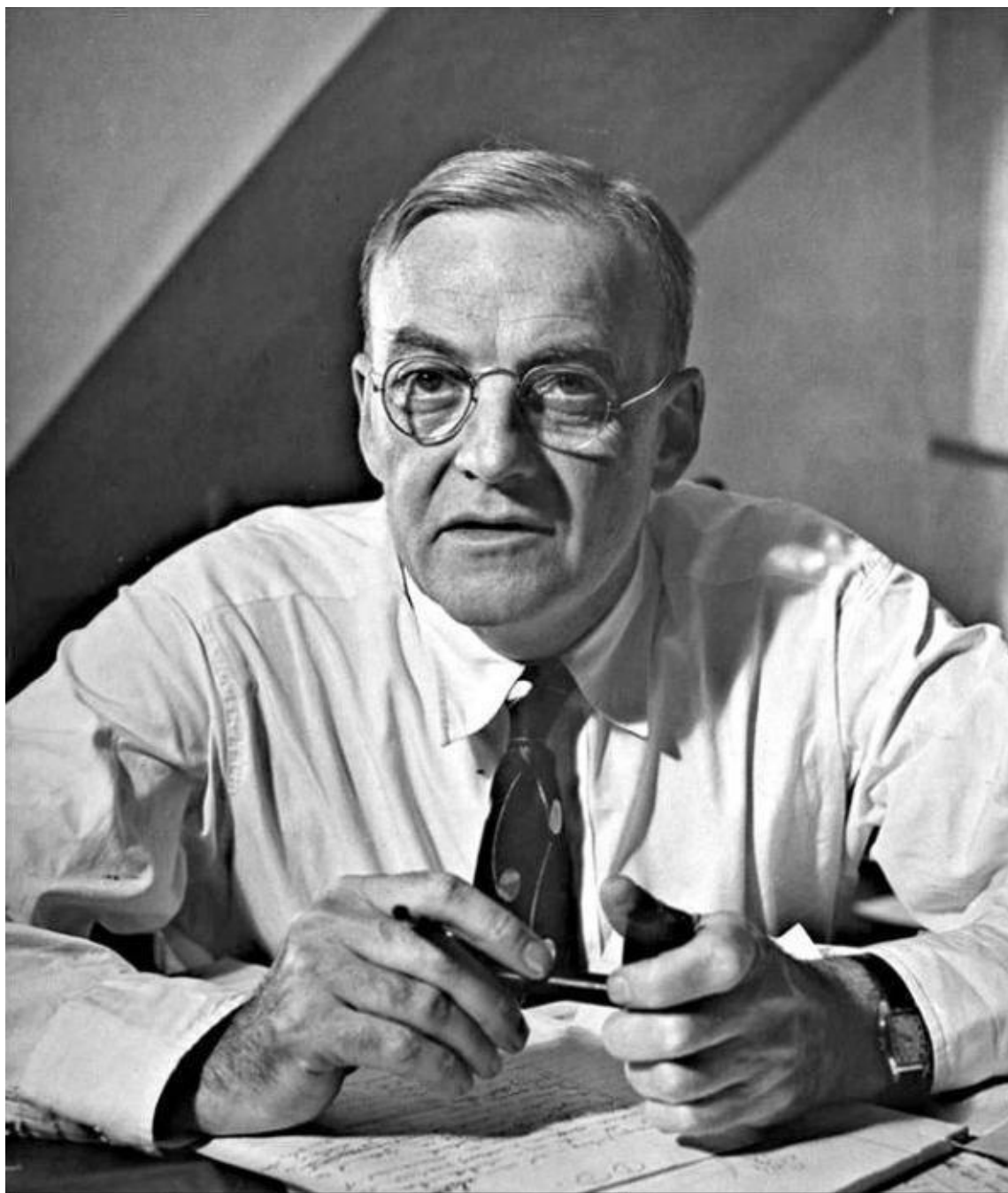

Курт Бломе

Сиро Исии

Джон Фостер Даллес

Роберт Тафт

Уильям Кинг Харви

---

notes

Примечания

1

Weiner T. Legacy of Ashes. New York, 2007. P. 13.

После расформирования УСС Даллес вернулся к своей юридической практике по обслуживанию крупных компаний в фирме «Сэлливан энд Кромвелл». Его партнером там был брат и будущий госсекретарь США Джон Фостер Даллес.

В 1947–1949 гг. Макклой был президентом Всемирного банка (МБРР). В 1953–1960 гг. был председателем правления банка «Чейз Манхэттен бэнк», в 1958–1965 гг. – председателем правления Фонда Форда. Характерно, что президент Джонсон назначил республиканца Макклоя в комиссию Уоррена, расследовавшую (а фактически заметавшую следы) убийство президента США Джона Кеннеди.

Хелмс позднее вспоминал, что с самого начала считал информацию Кольбе правдивой, а его самого – истинным героем немецкого Сопротивления.

<https://www.cia.gov/news-information/featured-story-archive/2012-featured-story-archive/cia-museum-artifacts-letter-from-helms.html>

Grose P. Allen Dulles. Spymaster. Andre Deutsch, 2006. P. 262.

Ranelagh J. The Agency. The Rise and Decline of the CIA. New York, 1987. P. 104.

Родился в 1892 году в Дейтоне, штат Огайо. Знал и Даллеса и Донована по тайному престижному студенческому братству «Дельта Каппа Эпсилон».

Weiner T. Legacy of Ashes. New York, 2007. P. 14.

Так как все радиограммы всех посольств США, естественно, шифровались, то телеграммы должны были быть максимально короткими, чтобы их не могли перехватить и расшифровать спецслужбы других стран.

Weiner T. Legacy of Ashes. New York, 2007. P. 19.

В 1963–1968 гг. Клиффорд был председателем экспертного совета по разведке при президенте США – President’s Foreign Intelligence Advisory Board, а в 1968 г. стал министром обороны США.

Thomas E. The Very Best Men. New York, 1995. P. 18.

Thomas E. The Very Best Men. New York, 1995. P. 20.

Thomas E. The Very Best Men. New York, 1995. P. 22.

Ibid. P. 23.

Jones H. «A New Kind of War». *America's Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece*. Oxford University Press, 1989. P. 13.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod1.pdf>

Jones H. «A New Kind of War». *America's Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece*. Oxford University Press, 1989. P. 14.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod1.pdf>

Jones H. «A New Kind of War». *America's Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece*. Oxford University Press, 1989. P. 15.

И американские наблюдатели и посол США в Афинах признавали, что прошедший 1 сентября 1946 года в Греции «референдум» о восстановлении монархии был сфальсифицирован.

Jones H. «A New Kind of War». *America's Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece*. Oxford University Press, 1989. P. 29.

<http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a284240.pdf>

Англичане хотели оставить в Салониках одну бригаду.

Weiner T. Legacy of Ashes. New York, 2007. P. 24.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod1.pdf>

<http://www.coldwar.ru/truman/doctrine.php>

Jones H. «A New Kind of War». *America's Global Strategy and the Truman Doctrine in Greece*. Oxford University Press, 1989. P. 93.

Ibid. P. 95.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod1.pdf>

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod1.pdf>

Джеймс ван Флит (1892–1992) во время Первой мировой войны был командиром батальона в составе экспедиционного корпуса США в Европе под командованием генерала Першинга. В межвоенный период он был старшим офицером курсов подготовки офицеров запаса при Флоридском университете. В годы Второй мировой войны ван Флит три года командовал 8-м пехотным полком, во время высадки в Нормандии принял участие в боях на «Омаха-бич». Продвижение ван Флита по службе долго задерживалось из-за того, что ему не давал хода генерал Джордж Маршалл, спутавший его с другим офицером, известным склонностью к алкоголизму.

<http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a284240.pdf>

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod2.pdf>

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/assessing-the-soviet-threat-the-early-cold-war-years/5563bod3.pdf>

<http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a284240.pdf>

Weiner T. Legacy of Ashes. New York, 2007. P. 19.

Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации. М., 2015. С. 6.

Там же. С. 15.

Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации. М., 2015. С. 6.

Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации. М., 2015. С. 184.

Арзамаскин Ю.Н. Тайны советской репатриации. М., 2015. С. 60.

Вернер фрайхерр фон Браун (1912–1977) – ведущий конструктор ракеты Фау-2 (официальное обозначение А4). Его отец был прусским дворянином и помещиком, а затем и министром продовольствия кайзеровской Германии. Мать также происходила из влиятельной прусской помещицкой семьи. Старший брат Вернера Сигизмунд служил в МИД нацистской Германии (позднее – в МИД ФРГ). Уже с детства Вернер интересовался астрономией, а в 13 лет запускал в берлинском парке Тиргартен самодельные ракеты. В 1932 году получил диплом инженера-механика Технического университета Берлина. Сразу же начал работать над ракетной программой, финансируемой Ведомством вооружений немецкой армии. В 1934 году «агрегат» фон Брауна взлетел на 2200 метров. В 1935–1937 годах вместе с командой авиационного конструктора Хенкеля разработал реактивный двигатель для самолета. В 1937 году – технический директор ракетного центра на острове Узедом (Пенемюнде). В 1942 году прототип ракеты фон Брауна взлетел на 80 километров, в 1945 году – на 200. Таким образом, именно Фау-2 впервые побывала в космосе (его нижняя граница – 100 км). В Пенемюнде работали более 1400 узников из концлагерей и 3000 насильственно угнанных в Германию граждан Польши и СССР. Фон Браун прекрасно знал о нечеловеческих условиях, в которых содержался его «персонал».

Вернер фон Браун был принят в НСДАП 1 мая 1937 года, с 1 мая 1940 года он стал также членом СС, где дослужился до штурмбаннфюрера (майора).

Wilford H. The Mighty Wurlitzer: How the CIA Played America. 2008.
P. 30.

Thomas E. The Very Best Men. New York, 1995. P. 35.

http://en.wikipedia.org/wiki/Operation_Bloodstone

Позднее Free Europe Committee.

Weiner T. Legacy of Ashes. New York, 2007. P. 28.

Ibid. P. 29.

Подробно историю создания органов США по подрывной войне против иностранных государств см. на сайте госдепартамента США www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve10/actionsstatement

Time Magazine, April 12, 1948.

Помимо ХДП американцы поддерживали социалистов-раскольников из «Социалистического единства» и национальный блок (правые либералы).

Mistry K. The United States, Italy and the Origins of Cold War: Waging Political Warfare 1945–1950. Cambridge University Press, 2014. P. 134.

CIA memorandum to the Forty Committee (National Security Council), presented to the Select Committee on Intelligence, United States House of Representatives (the Pike Committee) held in 1975.

Mistry K. The United States, Italy and the Origins of Cold War: Waging Political Warfare 1945–1950. Cambridge University Press, 2014. P. 127.

Феррари М. и М. Очерки итальянской политической жизни. М., 1961.
С. 184.

Луиджи Лонго, видный деятель компартии, организатор интернациональных бригад во время гражданской войны в Испании.

Феррари М. и М. Очерки итальянской политической жизни. М., 1961.
С. 183–184.

Феррари М. и М. Очерки итальянской политической жизни. М., 1961.
С. 193.

Национальный фронт возник весной 1945 года и объединял все антифашистские партии Чехословакии.

Lukeš I. Československo nad propasti. Praha, 2014. S. 193.

Obranné zpravodajství (OBZ) – военная разведка.

После прихода компартии к власти в феврале 1948 года Зенкл бежал на Запад и фактически до 1974 года возглавлял чехословацкую буржуазную эмиграцию, являясь председателем Совета свободной Чехословакии. Эта организация полностью финансировалась ЦРУ США.

Lukeš I. Československo nad propasti. Praha, 2014. S. 206.

Lukeš I. Československo nad propasti. Praha, 2014. S. 212.

Lukeš I. Československo nad propasti. Praha, 2014. S. 212.

Ibid. S. 221.

Бедржих Рейцин (настоящие имя и фамилия Фридрих Райнцингер) родился в 1911 году в городе Пржерове в еврейской семье. Он окончил реальную гимназию и немецкое торговое училище. С 1928 года – кадровый работник аппарата КПЧ. Неоднократно арестовывался за свою политическую деятельность. После оккупации Чехии вермахтом был арестован гестапо, но после вмешательства СССР отпущен и в 1940 году эмигрировал в Шанхай, но по пути остался в Советском Союзе. Мать Рейцина умерла в концлагере. С февраля 1942 года – боец чехословацкой воинской части полковника Л. Свободы, сформированной на территории СССР. Был ранен в бою у деревни Соколово под Харьковом. С апреля 1945 года был начальником военной контрразведки и занимался, прежде всего, поиском военных преступников и осведомителей гестапо.

Lukeš I. Československo nad propasti. Praha, 2014. S. 246.

Lucas S. Freedom's War: The US Crusade against Soviet Union 1945–1956. Manchester University Press, 1999. P. 63.

www.history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve10/actionsstatement

Там же.

Weiner T. Legacy of Ashes. New York, 2007. P. 28.

Thomas E. The Very Best Men. New York, 1995. P. 27.

В Ричмонде в годы Гражданской войны в США находилась столица рабовладельческой конфедерации южан.

Thomas E. The Very Best Men. New York, 1995. P. 33.

После образования ФРГ Хильгер стал неформальным представителем Аденауэра в Вашингтоне для решения особо «чувствительных» вопросов. В 1953 году он вернулся в ФРГ и стал работать в МИДе, опять-таки «специалистом по восточным вопросам». В 1957 году Хильгер получил от Аденауэра высшую награду ФРГ – «Большой крест за заслуги».

Thomas E. The Very Best Men. New York, 1995. P. 36.

С целью затруднения дешифровки противником все операции ЦРУ имели первые две буквы в названии (причем либо две согласные, либо две гласные, чтобы затруднить формирование целого слова), никак не связанные с самим наименованием. Реальное название операции было «Elope», т. е. «Побег».

Aarons M., Loftus J. Operace Ratlines. Praha, 1994. S. 180.

С 1946 года Бучко стал главой униатов в Германии, где в это же время обосновалось руководство Организации украинских националистов (ОУН) Бандеры.

Aarons M., Loftus J. Operace Ratlines. Praha, 1994. S. 182.

Ibid.

Aarons M., Loftus J. Operace Ratlines. Praha, 1994. S. 183.

Эдуард Штадлер (1886–1945), правоконсервативный немецкий политик и публицист. Основатель Антибольшевистской лиги в веймарской Германии. Хвалился, что организовал в январе 1919 года убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Входил в руководство националистической военной организации «Стальной шлем», которая в 1933 году влилась в СА. В мае 1933 года вступил в НСДАП. В 1945 году взят в плен советскими войсками и скончался в спецлагере НКВД.

В 2007 году по указу тогдашнего президента Ющенко было решено увековечить память Стецько на территории Украины.

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/S%20RELATED%20ARTICLES_0015.pdf

В 1948 году был переведен в Берлин, где занимался подрывной работой против Польши.

В разведке США у Лебеда была кличка «Олений рог» (Antler).

<https://tonyseed.wordpress.com/2014/08/30/the-true-story-of-mark-paslowsky-the-only-american-fighter-with-kiev-forces/#more—10042>

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/S%20RELATED%20ARTICLES_0015.pdf

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/F

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/F

Там же.

Так в тексте американской разведки. На самом деле речь идет об «Особой секции освободительной борьбы». Из совершенно дикого «перевода» украинских слов видно, что американцы не имели об украинском языке никакого понятия и записывали многие «термины» на слух.

В документах американской разведки группа Бандеры проходила как АЕСАVATINA-6 или просто САVATINA-6 (как отмечалось выше, первые две буквы часто были произвольными, рассчитанными на введение дешифровщиков противника в заблуждение).

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/F

В качестве курьера для Праги был выбран некий Мирослав Поланский, имевший легальные чехословацкие документы. Американская разведка скопировала их для использования другими курьерами.

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/F

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/1

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/F

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/F

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/1

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/S%20RELATED%20ARTICLES_0015.pdf

Так именовались не только белоэмигранты, а вообще вся антисоветская эмиграция.

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/C—10,%20DRAFT%20WORKING%20PAPER_0006.pdf

Там же.

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/C—10,%20DRAFT%20WORKING%20PAPER_0006.pdf

Ранее – «Androgen», «Aecarthage».

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/

http://galickij-jastreb.io.ua/s383162/m.v.matvievko_vtoraya_tayna_bandery

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/C—10,%20DRAFT%20WORKING%20PAPER_0006.pdf

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/S%20RELATED%20ARTICLES_0015.pdf

Там же.

<http://archive.larouhepac.com/node/29841>

Rossolinski G. Stepan Bandera: the Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist: Fascism, Genocide and Cult. Stuttgart, 2014. P. 334.

Ibid.

http://www.lib.ru/MEMUARY/FILBI/filbi.txt_with-big-pictures.html#29

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/C—10,%20DRAFT%20WORKING%20PAPER_0009.pdf

123

Там же.

Там же.

Всем известно, что основные «кадры» РОА черпала не от «беженцев», а из нацистских лагерей для советских военнопленных, причем многие шли к Власову, чтобы вырваться из плена и перебежать к своим.

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/C—10,%20DRAFT%20WORKING%20PAPER_0009.pdf

Трухин (заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта) добровольно сдался немцам в плен в Литве 27 июня 1941 года.

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/

cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/AESAURUS
AENOBLE VOL. 2_0014.pdf

Идею о создании РННА выдвинул проживавший в Берлине белоэмигрант, радиоинженер С.Н. Иванов – представитель «Всероссийской фашистской партии». Зимой 1941–1942 гг. была создана инициативная группа по формированию антисоветских частей из советских военнопленных, в состав которой вошли белоэмигранты: С.Н. Иванов, полковник К.Г. Кромиади, полковник И.К. Сахаров, И. Юнг, В.А. Ресслер, граф Г. Ламсдорф, граф С. Пален, А. Воронцов-Дашков, В. Соболевский и священник о. Гермоген (Кивачук). В марте 1942 года С.Н. Иванов встретился с командующим группы армий «Центр» фельдмаршалом Клюге и получил от него разрешение на формирование русских национальных частей из советских военнопленных и разрешение на набор личного состава из лагерей военнопленных, расположенных в тылу группы армий «Центр»: в Борисове, Смоленске, Рославле и Вязьме. Предложением заинтересовались и представители абвера, которые рассчитывали использовать личный состав формируемого подразделения не только для борьбы с партизанами в тылу немецких войск, но и для использования рот, взводов и мелких групп РННА за линией фронта, в тылу советских войск. Местом формирования был определен поселок Осинторф в 35 км к северу от Орши, здесь был развернут штаб подразделения. Ответственным за проведение акции и «особым руководителем» РННА был назначен С.Н. Иванов (псевдоним «Граукопф»). Личный состав РННА был обмундирован в советскую военную форму с погонями и бело-сине-красными кокардами, в качестве флага формирования использовался дореволюционный российский бело-сине-красный флаг. В марте 1942 года численность РННА насчитывала 150 человек, в мае – 400 человек. Советские военнопленные шли в РННА неохотно и стремились при малейшей возможности перебежать к партизанам. Только в период с 6 августа 1942 года до 15 августа 1942 года на сторону советских партизан перешли с оружием около 200 солдат и офицеров РННА.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 73.

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/

Этот канал состоял в следующем. «Cassola 10» должен был наметить места для тайников в Одессе и передать их координаты по радию в штаб-квартиру ЦРУ. Там хотели завербовать курьера (курьеров) из членов экипажей иностранных торговых судов, заходивших в Одессу. Именно эти курьеры и должны были забирать оставленную в тайниках информацию.

До 1941 года легенда отражала реальную жизнь агента со сдвигом на один год.

У «двадцать первого» была проблема – он пил. Как-то под Новый год он выпрыгнул пьяным со второго этажа. После этого ему отказали в трехдневном отпуске по случаю «русского» Рождества.

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/

Окулов А.В. В борьбе за белую Россию. М., 2013. С. 316.

Prados J. The Family Jewels: The CIA, Secrecy, and Presidential Power. University of Texas Press, 2013. P. 66.

Назван так по имени озвучившего его госсекретаря США Маршалла.
На самом деле был разработан Кеннаном.

Thomas E. The Very Best Men. New York, 1995. P. 40.

Ibid. P. 37–38.

Ibid. P. 37.

Thomas E. The Very Best Men. New York, 1995. P. 37.

В 1953 году после победы республиканца Эйзенхауэра на президентских выборах Даллес стал первым «гражданским» директором ЦРУ.

Grose P. Allen Dulles. Spymaster. Andre Deutsch, 2006. P. 283.

Grose P. Allen Dulles. Spymaster. Andre Deutsch, 2006. P. 286.

Первоначально США планировали сбросить атомные бомбы на Кельн и Берлин, но к моменту освобождения Берлина советскими войсками атомный заряд был еще не испытан.

<http://agesmystery.ru/node/3716>

Силард (1898–1964) в 1939 году обосновал возможность развития в уране самоподдерживающейся ядерной реакции при делении ядер урана. Он же одним из первых доказал, что в процессе деления ядер урана излучаются вторичные нейтроны.

В 1940 году академик Хлопин стал председателем Комитета по урановой проблеме при Президиуме АН СССР. В 1941–1942 гг. – в эвакуации в Казани руководил деятельностью Радиевого института.

Он был немного старше Холла (родился в 1924 году). Отсюда и псевдоним.

<http://www.rg.ru/2013/05/31/jackov-site.html>

https://en.wikipedia.org/wiki/Julius_and_Ethel_Rosenberg

Феклисов А.С. За океаном и на острове. М., 1994. С. 157.

Richelson J. Spying on the Bomb. New York, 2006. P. 69.

Ibid. P. 70.

161

Офис по атомной энергии в рамках управления заместителя начальника штаба ВВС по оперативным вопросам.

Richelson J. Spying on the Bomb. New York, 2006. P. 74.

Richelson J. Spying on the Bomb. New York, 2006. P. 76.

Ibid.

<http://www.lib.ru/POLITOLOG/yakowlewnn.txt>

Там же.

Richelson J. Spying on the Bomb. New York, 2006. P. 81.

Richelson J. Spying on the Bomb. New York, 2006. P. 83.

Richelson J. Spying on the Bomb. New York, 2006. P. 92.

Ibid. P. 93.

<http://www.lib.ru/POLITOLOG/yakowlewnn.txt>

<http://cizerot.livejournal.com/6041.html>

Ross T. American War Plans 1945–1950. Portland (Oregon), 1996. P. 80.

По состоянию на январь 1951 года в СССР жили 182 миллиона человек.

Феклисов А.С. За океаном и на острове. М., 1994. С. 161.

Дэвид Грингласс был приговорен к 15 годам тюремного заключения, но через 10 лет вышел на свободу.

http://nvo.ng.ru/spforces/2010—10-01/13_rosenberg.html

Там же.

http://www.e-reading.club/chapter.php/96959/103/Zdanovich_-_100_velikih_kazneii.html

<http://svr.gov.ru/history/ab.htm>

К тому же брат жены был троцкистом.

Настоящий Рудольф Иванович Абель (1900–1955) родился в Риге в семье трубочиста. Во время Гражданской войны служил на флоте. Освоил специальность радиста. В 1927 году Абель стал сотрудником ИНО ОГПУ, в 1927–1929 гг. работал радистом при полпредстве СССР в Пекине.

Тарасов Д. Жаркое лето полковника Абея. М., 1997. С. 97.

https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/fall00/ch8_Willy_Fisher.pdf

Тарасов Д. Жаркое лето полковника Абея. М., 1997. С. 97.

Там же.

Т. е. через Францию.

Цит. по *Тарасов Д.* Жаркое лето полковника Абея. М., 1997. С. 112.

<https://www.fbi.gov/about-us/history/famous-cases/hollow-nickel>

Хейханен женился на финке Ханне Куриikka в Финляндии. Жена знала его только как Мяки. Ханна приехала к мужу в Америку 20 февраля 1953 года.

191

Монета с изображением Джефферсона состояла на 75 % из меди и на 25 % – из никеля.

<https://www.fbi.gov/about-us/history/famous-cases/hollow-nickel>

Grose P. Allen Dulles. Spymaster. Andre Deutsch, 2006. P. 301.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 42.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 45.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 49.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 55.

<http://isrtm.ru/post/193>

Там же.

200

<http://isrtm.ru/post/193>

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 56.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 51.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 52.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol50no4/two-cia-prisoners-in-china—1952201373.html>

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 52–53.

Тофте родился в 1911 году в Дании и в возрасте 19 лет жил в Китае как представитель датской судоходной компании. Он научился говорить по-китайски, неплохо узнал страну, но после начала Второй мировой войны вернулся в Данию, где, по его собственным словам, оказывал некоторые услуги движению Сопротивления. Вступив в УСС, он занимался доставкой оружия партизанам Тито и содействием китайцам в борьбе против Японии.

<http://www.returnofkings.com/51069/the-covert-operations-of-hans-tofte-during-the-korean-war>

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 53.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 57.

Игра слов на английском языке. Landslide – на политическом сленге означает выиграть выборы с огромным перевесом.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 58.

Институт был закрыт американцами в 1972 году в рамках политики разрядки в отношениях с СССР.

Первоначальное название – Американский комитет за свободу народов СССР, англ. American Committee for Freedom for the peoples of the USSR, с мая 1951 года – Американский комитет по освобождению народов России, англ. American Committee for the Liberation of the peoples of Russia, с марта 1953 года – Американский комитет по освобождению от большевизма. В 1956–1964 годах действовал под названием Американский комитет по освобождению, после чего был переименован в Комитет Радио Свобода.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 61.

<http://www.nkj.ru/archive/articles/8114/>

Болтунов М.Е. «Золотое ухо» военной разведки. М., 2014. С. 240.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 61.

<http://rocketpolk44.narod.ru/stran/vozdv.htm>

Вурлитцер был американцем немецкого происхождения, сконструировавшим музыкальный орган для киносъемок. Этот орган, имитировавший любые звуки (грома, дождя, автомобильных сигналов и т. д.), и прозвали «вурлитцером».

Цит. по *Петрусенко В.В.* Белый дом и ЦРУ. М., 1985. С. 63.

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 12.

Родился в 1913 году в Лондоне. Был брокером на фондовом рынке, корреспондентом и главным редактором некоторых периодических изданий. Во время войны работал в УСС, затем был офицером связи между ЦРУ и аппаратом Верховного комиссара США в Германии.

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 20.

В 1950 году ее внесли в «черный список» Голливуда как сторонницу коммунистических взглядов.

Книга вышла в конце 1936 года. Имя писателя после критической статьи в «Правде» было запрещено в Советском Союзе вплоть до перестройки. Книгу в то время осудили Бертольт Брехт, Лион Фейхтвангер и Ромен Роллан.

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 28.

https://en.wikipedia.org/wiki/Melvin_J._Lasky

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 30.

На пост руководителя которого едва не ушел в начале 1953 года Аллен Даллес.

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 49.

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 52.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/95unclass/Warner.html>

<http://archive.jmp.ru/page/index/194906325.html>

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 69.

Намек на созданный в 1947 году «Коминформ» – Информационное бюро коммунистических и рабочих партий СССР, Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Албании, Югославии, Франции и Италии. В ЦРУ считали Коминформ мозговым центром коммунистической империи зла.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/95unclass/Warner.html>

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 70.

Кстати, оба плохо кончили. «Дикий Билл» умер в 1959 году, после того как, по его собственным словам, увидел из окна «русские войска», марширующие по Манхэттену. Кестлер вместе со своей третьей женой (которая была моложе его на 22 года) совершил самоубийство в 1983 году. На момент смерти он страдал от болезни Паркинсона и лейкемии.

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 61.

Британская организация, созданная для ведения как «черной», так и «белой» пропаганды в августе 1941 года. Формально подчинялась Форин Офис.

Джексон (1902–1964) окончил в 1924 году Принстонский университет, работал в частном бизнесе и журналистике. В 1943–1945 гг. – сотрудник УСС. В 1944–1945 гг. – заместитель начальника отдела психологической войны при штабе американских войск в Европе.

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 78.

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/95unclass/Warner.html>

<https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/95unclass/Warner.html>

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 97.

Ibid.

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 97.

Ibid. P. 114.

Фонд был зарегистрирован 20 января 1952 года как некоммерческая организация «частных граждан», заинтересованных «в сохранении культурного наследия свободного мира».

Saunders F.S. Who paid the piper? London, 1999. P. 123.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 63.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 64.

Trento J. Tajne dejiny CIA. Praha, 2004. S. 47.

«Ким» было всего лишь прозвище. Настоящее имя Филби – Гарольд.

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 69.

http://www.lib.ru/MEMUARY/FILBI/filbi.txt_with-big-pictures.html#25

http://www.lib.ru/MEMUARY/FILBI/filbi.txt_with-big-pictures.html#25

http://www.lib.ru/MEMUARY/FILBI/filbi.txt_with-big-pictures.html#25

Имеется в виду Ялтинская конференция СССР, США и Великобритании в феврале 1945 года.

Хисс готовил к Ялтинской конференции позицию США по Ближнему и Дальнему Востоку.

Гарри Гопкинс (1890–1946) – близкий соратник Рузвельта. В 1938–1940 гг. – министр торговли США. С июля 1941 года был личным представителем Рузвельта по связям с СССР, организовывая, в частности, поставки по ленд-лизу.

К.А. Уманский – в 1939–1943 гг. полпред, посол СССР в США.

http://demography.ru/xednay/demography/personalia/sdp/ch08_3.html

Чамберс (1901–1961) с 1925 года состоял в компартии США и утверждал, что с 1932 года работал на ГРУ (псевдним «Карл»). Порвав с «Советами» якобы под влиянием сталинского террора и советско-германского договора о ненападении, Чамберс в сентябре 1939 года встретился с помощником госсекретаря Берлом и сообщил ему имена 18 советских агентов в американском правительстве, в том числе и Хисса. Берл счел информацию Чамберса расплывчатой и неконкретной и в том же духе проинформировал Рузвельта. Президент также отмахнулся от Чамберса. Берл без всяких комментариев передал сведения Чамберса ФБР, но и там особо не заинтересовались. Люди Гувера допросили Чамберса лишь один раз – в мае 1942 года. Лишь после показаний Бентли ФБР вспомнило о Чамберсе и снова стало его допрашивать.

Уайт (1892–1948) после Перл-Харбора, в декабре 1941 года, был назначен помощником министра финансов Генри Моргентау и играл роль посредника между госдепартаментом и министерством по вопросам международных отношений. Уайт был главным представителем США на конференции в Бреттон-Вудсе в 1944 году и, по свидетельским показаниям, доминировал на конференции и навязал ей свое видение, несмотря на возражения представителя Британии Джона Мейнарда Кейнса. Позже Уайт стал директором и представителем США в МВФ.

<http://www.svoboda.org/content/transcript/1933346.html>

Гувер не прощал самовольных увольнений, и поэтому Харви был единственным, кто уволился без официальной формулировки «с отличием».

http://www.lib.ru/MEMUARY/FILBI/filbi.txt_with-big-pictures.html#25

Trento J. Tajne dejiny CIA. Praha, 2004. S. 81.

http://www.lib.ru/MEMUARY/FILBI/filbi.txt_with-big-pictures.html#25

271

http://www.lib.ru/MEMUARY/FILBI/filbi.txt_with-big-pictures.html#29

Линдсей (1916–2011) окончил в 1938 году Стэнфордский университет, во время войны работал в УСС. Считалось, что он специалист по Балканам, так как его забрасывали с парашютом на связь к словенским партизанам. Он был официальным представителем УСС при штабе Тито.

<http://www.serbianna.com/columns/savich/057.shtml>

http://www.lib.ru/MEMUARY/FILBI/filbi.txt_with-big-pictures.html#29

Trento J. Tajne dejiny CIA. Praha, 2004. S. 82.

http://www.lib.ru/MEMUARY/FILBI/filbi.txt_with-big-pictures.html#29

OSOD означало «Oh, Shit! Oh, Damn!» – «Ну и дерьмо, проклятье!»

Thomas E. The Very Best Man. New York, 1995. P. 70.

http://www.lib.ru/MEMUARY/FILBI/filbi.txt_with-big-pictures.html#29

Kahn D. Hitler's Spies. Da Capo Press, 1978. P. 431.

Kahn D. Hitler's Spies. Da Capo Press, 1978. P. 438–439.

http://www.k2x2.info/istorija/voennye_zagadki_tretego_reiha/p6.php

<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-43279313.html>

Там же.

Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013. S. 42.

Центр допросов 12-й армейской группы вооруженных сил США.

[http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/Volume%201 %20intro.pc](http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/Volume%201%20intro.pdf)

Отметим, что Зиберт не только взял под защиту Гелена, но и укрывал от выдачи СССР Бандеру.

Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013. S. 43.

Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013. S. 48.

Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013. S. 51.

Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013. S. 52.

[http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/Volume%201 %20intro.pc](http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/Volume%201%20intro.pdf)

[http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/Volume%201 %20intro.pc](http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/Volume%201%20intro.pdf)

Grose P. Allen Dulles. Spymaster. Andre Deutsch, 2006. P. 312.

Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013. S. 55.

Отвечал за операции ЦРУ в странах Центральной Европы.

[http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/Volume%201 %20intro.pc](http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/Volume%201%20intro.pdf)

Там же.

300

Там же.

Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013. S. 55.

[http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/Volume%201 %20intro.pc](http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/Volume%201%20intro.pdf)

303

<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-43176427.html>

304

<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-43176427.html>

Так Чехию именовал, в частности, Гитлер.

<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-43176427.html>

<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-43176427.html>

Ганс Шпейдель (1897–1984). С 1942 года воевал на восточном фронте, участвовал в битве на Курской дуге. С апреля 1944 года – начальник штаба группы армий В (западный фронт) под командованием Роммеля. Якобы пытался убедить Роммеля примкнуть к заговору против Гитлера. Еще в августе 1944 года сказал фельдмаршалу фон Клюге (преемнику Роммеля), что самое время объединиться с западными союзниками, чтобы «получить свободу рук на Востоке». 7 сентября 1944 года был арестован гестапо как лицо, знавшее о заговоре 20 июля, однако был оправдан судом чести вермахта. Находился под стражей до апреля 1945 года, бежал.

Герман Фертч (1895–1961). Во время Второй мировой войны с 1941 года воевал на Балканах. С марта по август 1944 года – командующий 21-й пехотной дивизии, затем – 10-го корпуса. Кавалер Рыцарского креста. С начала 1945 года – на западном фронте. 5 мая 1945 года сдался в плен американцам в Мюнхене. В 1947 году обвинялся в военных преступлениях (процесс немецких генералов на Балканах), но был оправдан.

Глобке (1898–1973), с ноября 1934 года – сотрудник МВД Германии. Участвовал в разработке антисемитских законов 1935 года. Например, именно по «комментариям» юриста Глобке нацистские суды судили не только за половые отношения арийцев с евреями, но и за «сходные с этим действия», например, «взаимный онанизм». В сентябре 1941 года Глобке сопровождал министра внутренних дел Фрика в его поездке в Словакию. По окончании визита словацкое марионеточное клерикально-фашистское правительство приняло решение депортировать всех евреев в нацистские лагеря уничтожения. По данным ЦРУ, Глобке был также замешан и в депортации евреев из Греции в лагеря уничтожения в Польше. Глобке подал прошение о вступлении в ряды НСДАП, но ему отказали из-за прежнего членства в католической партии Центра.

Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013. S. 152.

Бланк (1905–1972) в Веймарской республике был видным деятелем католического профсоюзного движения. При нацистах работал конструктором на заводах Юнкера в Дессау. В 1939–1945 гг. служил в танковых войсках. Войну закончил в звании старшего лейтенанта.

Critchfield J.H. Operace Pullach. Praha, 2013. S. 157.

<http://www.proza.ru/2009/04/29/996>

315

<http://amnesia.pavelbers.com/Stranizi%20istorii%20razvedki%204.htm>

Крихбаум (1896–1957) вступил в НСДАП в Дрездене еще в 1923 году. Во время Второй мировой войны в чине оберфюрера СС служил на руководящих постах в пограничной полиции, а в конце войны стал начальником тайной полевой полиции. После реорганизации РСХА стал заместителем шефа гестапо Мюллера. В 1948 году был принят в организацию Гелена. В задачу Крихбаума входило привлечение в организацию Гелена бывших сотрудников спецслужб Третьего рейха.

Для удобства Аденауэр избрал столицей ФРГ находившийся рядом с Рендорфом Бонн.

Goda N., Naftali T. U.S. Intelligence and the Nazis. Cambridge University Press, 2005. P. 383.

Айнзатцгруппа Д занималась ликвидацией евреев, коммунистов, подпольщиков и партизан на территории Молдавии, Крыма и Южной Украины.

В 1999 году с воинскими почестями перезахоронен на таллинском кладбище Метсакальмисту при финансовой поддержке правительства Эстонии и в присутствии министра обороны страны.

Prados J. President's secret Wars. Chicago, 1996. P. 37.

Prados J. President's secret Wars. Chicago, 1996. P. 40.

Американцы в межвоенный период так и не подняли уровень своих дипломатических отношений со странами Прибалтики на уровень посольств.

http://www.lituanus.org/1988/88_3_01.htm

Prados J. President's secret Wars. Chicago, 1996. P. 40.

Ibidem.

327

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/S

Биография Балодиса приводится на основании его собственных показаний в полиции ФРГ.

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/E

330

http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1705143/C

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 43.

Geissler E. Biologische Waffen: nicht in Hitlers Arsenalen: Biologische und Toxin-Kampfmittel in Deutschland 1915–1945. Münster, 1999. S. 341.

Geissler E. Biologische Waffen: nicht in Hitlers Arsenalen: Biologische und Toxin-Kampfmittel in Deutschland 1915–1945. Münster, 1999. S. 343.

Имперская врачебная палата – учреждение в гитлеровской Германии, в которое были обязаны входить все врачи. В противном случае они не имели права заниматься практикой.

Несмотря на название, родиной жука является не штат Колорадо, а северо-восток Мексики (штат Сонора). Свое название жук получил в 1859 году, после того, как опустошил картофельные поля в штате Колорадо. В 1876–1877 годах с грузами на пароходах жук «тайком» пересек Атлантический океан и впервые появился в Европе в окрестностях Лейпцига. К концу 1940-х годов насекомое достигло границ СССР. Первые очаги на территории Советского Союза были обнаружены в Львовской области в 1949 году. Затем в 1953 году жук появился одновременно в Калининградской, Волынской, Брестской и Гродненской областях.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 34.

Koch E., Wech M. Krycí název Artyšok. Praha, 2003. S. 35.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 36.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 47.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 47–48.

Koch E., Wech M. Krycí název Artyšok. Praha, 2003. S. 52.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 56.

Endicott S.L., Hagerman E. The United States and Biological Warfare. Indiana University Press, 1998. P. 44.

Ibid.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 59.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 70.

В России туляремия впервые официально зарегистрирована в 1926 году в низовьях Волги, у Астрахани.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 83–84.

Koch E., Wech M. Krycí název Artyšok. Praha, 2003. S. 102.

Позднее проект «Птица счастья» эволюционировал в операцию «Артишок», а позже – в проект МК-Ultra.

351

<http://forum.prisonplanet.com/index.php?topic=98240.0>

352

Там же.

353

Он же гипнотизер.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 110.

Шрайбер занимался разработкой программ по выживанию сбитых летчиков в различных районах земного шара.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S. 126.

Koch E., Wech M. Krycí nazev Artyšok. Praha, 2003. S.149

Grose P. Allen Dulles. Spymaster. Andre Deutsch, 2006. P. 331.

Trento J. Tajne dejiny CIA. Praha, 2004. S. 92.

Ibid. S. 94.